воспоминания о МАРКСЕ и ЭНГЕЛЬСЕ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

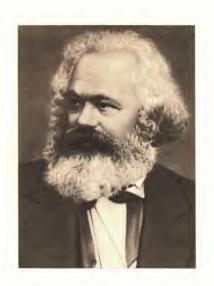
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

воспоминания о МАРКСЕ и ЭНГЕЛЬСЕ

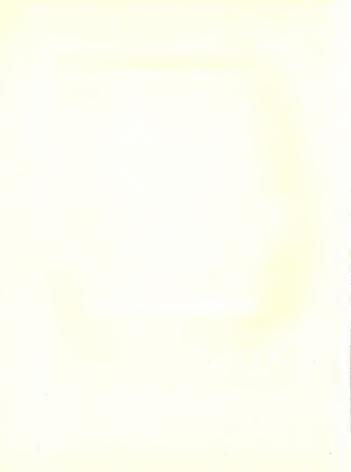
Иллюстрации Кародного художника РСФСР мауреата Сталинской премии Н. Н. ЖУКОВА

Граеюры на дереве по рисункам Н. Н. ЖУКОВА выполнены А. И. Калашниковым

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборинк входят воспоминания современииков о великих учителях и вождях пролетариата — Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе. Среди авторов этих воспоминаний — друзья и соратиники основоположников научного коммунияма, деятели международного рабочего движения, родные Маркса и другие лица, которые встречались с Марксом и Энгельсом, бессдовали с инии, учились у них.

В качестве введения жинге предпосланы статъм Ф. Энгельса «Карл Маркс», В. И. Ленина «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс», в которых содержится всесторониям оценка Маркса, Энгельса и марксияма, а также частъ работы И. В. Сталина «Беседа с первой американской рабочей делеганией», в которой показано дальнейшее озавитие мамоскама В. И. Лениным.

Воспоминаний о Марксе и Энгельсе имеется иемного и ие все они представляют одинаковую изучную цениосты. В ряде из них описываются условия, в которых жили и боролись Маркс и Энгельс, воспроизводатеся отдельные энизоды из их общественной деятельности и личной жизни, содержатся цениве штримуи, характерыующие их облик. Многие важиве биографические сведения о Марксе и Энгельсе стали известим лишь из воспоминаний людей, близко их знавших. Одиако сами по себе эти воспоминания, если варть их оторавного от произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и их переписки, не воссоздают во всей полиоте образы основоположинков марксивым. Ни в одном из воспомнаний современинков не содержится полной и всесторонней характеристики Маркса и Энгельса, отражающей все их величие и всемирио-историческое значение созданиюто ими учения. Все же собранимые в сборикие воспомнания в своей совокупности имя. Все

дают значительный материал для изучения жизни и деятельности Маркса и Энгельса, для характеристики великих учителей и вождей пролетариата.

Авторы воспоминаний рисуют Маркса и Энгельса как величайших ученых, отличавшихся изумительной широтой и глубиной своих познаний, исключительной работоспособностью и научной добросовестностью. В течение всей своей жизни Маркс и Энгельс развивали и совершенствовали созданное ими революционное учение, обогащая его на основе нового опыта революционной борьбы, новых достижений во всех областих науки. Наука для Маркса и Энгельса была путеводной звездой в революционной борьбе торужения простагрията в его борьбе за коммуниям.

Маркс и Энгельс предстают в воспоминаниях как великие революционеры, непреклонивые борцы за дело рабочего класса, руководители международикого револоционного и рабочего движения. Настойчиво и терпелаво обучали Маркс и Энгельс социалистов разиых страи, стремясь воспитать кадры пролетарских революционеров и оказать помощь формированию рабочих партий во всех странах. После смерти Маркса руководство международным социалистическим движением осуществала. Энгельс.

В воспомиваниях нашла отражение глубокая партийность, идейная непримиримость и беспощадность к врагам, свюйствемияя Марксу и Энгельсу и как ученым, и как политическим борцам. Наука о законах развития природы и общества создавалась и развивалась Марксом и Энгельсом в испримиримой борьбе против господствующей в капиталистическом обществе буржуальной идеологии. Они неустанию боролкост таже против различных медкобуржуалых, утопических течений, мешавших распространению марксизма в рабочем движении: в 40-х годах против привержещее Вейтлинга и Прудона и так называемых «истинных социалистов»; во время I Интернационала — против прудонизма, лассальянства, против мадзимстов, оппортувистических лидеров английских тред-юнновов и анартикстов-бакумистов.

После роспуска I Интернационала Маркс и Энгельс, внимательно следя за формированием пролетарских партий в разных странах, вели борьбу за чистоту революционной теории против чуждых пролетариату буржуазных и мелкобуржуваных влияний. Маркс и Энгельс изпосили беспощадные
удары оппортунивму, который обнаруживался внутри социалистических
партий как в его правом, так и в «левом» облачении. Из воспоминаний
видно, что не только в своих статьях и письмах, но и при личных встречах
с социалистами разных стран Маркс и Энгельс подчеркивали творуческий
характер своего учения, вели борьбу против сектантства и догмативма, про-

тив попыток превратить марксизм в сумму застывших формул, якобы пригодных во все времена и при всех обстоятельствах.

Авторы воспоминаний отмечают характерные для Маркса и Энгельса бодрость и жизиерадостность, их глубокую уверениюсть в торжестве того дела, которому они посвятили свою жизиь. Маркс и Энгельс были горячо преданы делу коммунияма, и инчто не могло свернуть их с избранного ими пути: ни гонения со стороны реакционимх правительств, ни клевета продажной печати, ин преднамеренное замалчивание их произведений, ни имжда и лишения, которые часто испытывали Маркс и его семья.

В воспоминаниях нашла ярксе отражение великая дружба Маркса и Энгельса, их постоянное творческое содружество и в науке, и в революционной борьбе. При жняни Маркса Энгельс оказывал всяческую помощь своему другу, был для него надежным советником и самым строгим критиком. После смерти Маркса Энгельс считал своим долгом завершение и надание незаконченных его другом работ и прежде всего наздание второго и третьего томов «Капитала». По словам В. И. Ленниа, «эти два тома «Капитала» труд двоих: Маркса и Энгельса». Имена двух величайших гениев человечества неоазроймо связания межку собой.

Маркс и Эшгельс предстают в воспоминаниях близко знавших их современников не только как геннальные мыслители и великие революцнонеры, но и как люди, воплотившие в себе самме прекрасные, самме благородные человеческие качества — кристальную иравственную чистоту, скромность, простоту и правдняеость, стальную выдержку характера, несокрушнымый оптимизм, покоящийся на глубоком понимании объективных законов исторического развития, непоколебимой уверенности в иенабежном наступлении новой эры в нетории человечества — эры коммунизма.

В первом разделе сборника помещены воспоминания учеников и соратников К. Маркса и Ф. Энгельса.

Сбориик открывается воспоминаниями формцузского социалиста Поля лафарга, мужа дочери Маркса Лауры. Поль Лафарг был одини нз деятелей I Интернационала, сперва противником марксизма — прудонистом, а потом горячим сторонинком Маркса и Энгельса. Вместе с Жюлем Гедом Лафарг основал Рабочую партию во Формции. В И. Ленни видел в Поле Лафарг сосповал Рабочую партию во Формции. В И. Ленни видел в Поле Лафарг «одного из самых талантанных и самых глубоких распростраинтелей дей парксизма». В течение миогих лет Лафарг встречался с Марксом и Энгельсом, наблюдал их деятельность кок ученых и революционеров, близко знал их лично. Ярко и живо написанные воспоминания Лафарга представляют поэтому большой интерес.

Богатый материал для характеристики Маркса и Энгельса содержится также в воспоминаниях Вильгельма Либкнехта. «Старый солдат революция», как звали его в германской социал-демократии, во время своей вмигрантской жизни часто бывал в доме Маркса, а поэже поддерживал с Марксом и Энгельсом постоянную связь путем переписки. Вместе с Августом Бебелем (отрывок из книги которого «Из моей жизни» также помещен в сборнике) Либкиехт сыграл большую роль в создании Социал-демократической партии Германии. Однако остаток «южнонемецкого прекраснодушия», в котором признается сам Либкиехт, сохранился у него на всю жизнь. При общей правильной линии в руководстве германской социал-демократией. Имбиехт обларуживал нередко склоиность всех примирять и сглаживать противоречия. Маркс и Энгельс, порою резко критиковавшие за это Либкиехта, предстают в его воспоминаниях как суровые, но справедлявые учителя и охрамодители.

К числу близики учеников и соратников Маркса и Энгельса принадемал и Фридрих Лесспер. Рабочий-портной, он еще в молодости принял участие в революционном движении, был членом Союза коммунистов, а позже активным деятелем I Интернационала, членом его Генерального Совета. На всех этапах боробы Маркса и Энгельса за пролетарекую партию Фридрих Лесспер неизменно оставался их преданным учеником и надежной опорой. Основоположники марксизма высоко ценили Лесспера, как настоящего передового пролетария, массовика, преданного члена партии, скромнейшего и бескорыстнейшего человека. Лесспер с неподдельной искренностью и живостью рассказывает в своих воспоминаниях, как хорошо знали Маркс и Энгельс положение рабочих, насколько ценили они встречи и беседы с ними, живо интересуясь мнением самих рабочих по важнейшим вопросам подостарского движения. Они не только учили добочих, по и чулиле у них.

Элеонора Марке-Эвелинг, младшая дочь Маркеа, как автор воспомннаний о Фридрике Энгельее, по ее собственным словам, имеет перед другими то преимущество, что она была взнакома с Энгельсом с тех пор, как появылась на свет. В ее воспоминаниях читатель найдет яркие страницы, рисующие великую дружбу Маркса и Энгельеа, их совместную работу и совместную боробу. После смертуи Маркса Энгелье стал для Элеоноры вторым отцом, относнвшимся к ней с трогательной теплотой и заботой. Энгелье был для Элеоноры Марке-Эвелинг также учителем и вождем того движения, ксторому ее отец посвятил свою жизных и которому она отдавала свои сильи. Активная деятельница английского и международного социалистического движения, Элеонора часто прибегала к советам и помощи Энгельса, который руководил ее работой партийного агитатора и организатора в рабочих кварталах Лонвона.

В сборинке публикуются воспоминания об Энгельсе старого чаргиста Джорджа Джулиана Гарни, знавшего Энгельса с 1843 г. и до самой его смерти, а также отрывок из письма немецкого поэта Георга Веерта к матери, в котором он прозорливо характеризует молодого Энгельса, как выдающегося мыслятеля и самоотвереженного борца за благо трудящикот.

Воспоминания иемецкого социалиста Фридрика Адольфа Зорге, как и одного из основателей германской социал-демократин — Августа Бебеля, носят отрывочный карактер, кота их обоих сиязывала с Марксом и Энгельсом многолетияя дружба и борьба под руководством основоположников марксимая за дело пролетарията.

Включенные в сборник два отрывка из писем русского революционера Г. А. Лопатина, близкого друга Маркса и его семьи, свидетельствуют о том, какую высокую оценку давали Маркс и Энгельс революционному движению в России и его выдающимся представителям, в особенности Н. Г. Черимшевскому. Маркс и Энгельс глубоко верили в творческие силы русского народа и предсказывали, что ему предстоит сыграть передовую, революционную роль в мировой истории.

Впервые публикуется в настоящем сборинке часть воспоминаний видиого деятеля I Интериационала Теодора Куно. По просьбе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Теодор Куно написал в 1932 г. по-дробные воспоминания о своей жизни. Он заботляво сохранил и прислал в Институт некоторые документы I Интернационала, а также материалы по истории рабочего движения в Америке, куда Куно вмигрировал в 1872 году. В сборинк включена та часть из воспоминаний Куно, которая относится непосредственно к Марксу и Энгельсу. Как делета Гаагского конгресса. Теодор Куно смог нарисовать живую картину борьбы Маркса и Энгельса и их стороминков против дезорганизаторской деятельности бакунистов в I Интернационале.

Второй раздел сборника состоит из воспоминаний родных Маркса — его жены Жении Маркс, младшей дочери Элеоноры и виука Эдгара Лонге.

В автобнографических заметках и в письмах Женин Маркс к друзьям содержится большой материал, характеризующий семейную жизнь Маркса и те тяжелые материальные условия, в которых он жил и рабогал. К сожалению, заметки Женин Маркс доведены лишь до марта 1865 года. Тепло и трогательно пишет о своем отце Элеонора Маркс, вспоминая свое детство и юность. Ес заметки содержат ценнейший материал для характеристики Маркса как человека.

Внук Маркса Эдгар Лонге, сын его старшей дочери Женни и французского содналиста Шарля Лонге, был активным деятелем рабочего движения, членом Французской коммунистической партии. В своих воспоминаниях автор, на основании переписки и семейного архива, рисует взаимоотношения в семее Маркса, его любовь к детям и внукам, а также описывает условия жизни и деятельности своего великого деда.

В третъем разделе сборника помещены воспоминания лиц, большинство которых не являлось единомышленниками основоположников марксизма. Будучи людьми другого мировоззрения, они, однако, не могли не видеть в Марксе и Онгельсе великих мислителей и революционеров. К числу таких авторов относятся русский литератор П. Анненков, который случайю присутствовал на заседании, где произсшел разрыв Маркса с Вейтлингом; русский историк и правовед М. Ковалевский, с котсрым Маркс подерживал дружеские отношения; немецкий мелкобуржуваный демократ 40-х годов Карл Шурц; деятель І Интернационала в Испании Ансельмо Лоренцо; выглайский социалист Эонест Белфсог Бакс.

В этом разделе сборника помещены также воспоминания Эдуарда Эвелинга, мужа Элеоноры Маркс. Эти воспоминания, рисующие Энгельса у себя дома, читаются с интересом, несмотря на их несколько поверхностный характер.

Воспоминания Франциски Кугельман, дочери друга Маркса Людвига Кугельмана, были написаны в 1928 году по просьбе Института марксизманеннямам при ЦК КПСС. В этих воспоминаниях содержатся ценные штрихи для характеристики Маркса, а также некоторые, остававшиеся до сих пор неизвестными, факты из его биографии. Так, Франциска Кугельман рассказывает, какую высокую оценку давал Маркс великим русским писателям М. Ю. Лермонгову и И. С. Тургеневу.

Значительное место в третьем разделе сборника занимают воспоминания деятелей русского революционного движения Н. А. Морозова, Н. С. Русанова, А. М. Водена, Ф. М. Кравчинской.

Русские социалисты, с которыми вначале приходилось встречаться Марксу и Энгельсу, принадлежали к народническому лагерю, и основоположникам марксизма приходилось терпеново, упорно, а порой и резко критиковать их идеалистическое мировоззрение, их иллюзии и ошибки. Воспоминания русских авторов свидетельствуют о глубоком интересе Маркса и Энгельса к России, к русскому народу, его языку и литературе, к революционной борьбе против царизма.

Когда и среди русских революционеров появилась группа марксистов,
Энгельс восторженно приветствовал этих первых сторонников научного
коммунизма в России. Он писал одиому из деятелей группы «Освобождение
груда» — Вере Звеулич: «...Я горжусь тем, что среди русской молодежи
существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие вкономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми
анархическими и исколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил
немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для
развития революционного движения в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс.
14 Дебранивые письма, 1953, стр. 387—388). Но ни Вера Засулач, часто потом запросто бывавшая у Энгельса, ин Плеханов, навещавший его во
время своего пребывания в Лондоне, не оставили воспоминаний о Фридрихе
Энгельсе.

Некоторый материал для характеристики отношения Энгельса к первым русским марксистам дают воспомивания участника социал-демократических кружков в России А. М. Водена. Рассказывая о своих беседах с Энгельсом в 1893 г., Воден вспоминает, как Энгельсо выражал надежду, что скоро в самой России появятся энергичные вожди пролетариата, и настойчиво подчеркивал исобходимость твороческого применения марксизма. Как раз в это время начинал свою революционную деятельность В. И. Ленин, которому не пришлось встретиться со старым Энгельсом. Ленин уже с первых шагов своей деятельности творческие развивал великое революциониес учение Маркса и Энгельса, применяя его к конкретной экономической и политической обстановке России, к условиям новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций.

Заключительный раздел сбориика составляют статьи и письма Энгельса о смерти Маркса, а также корреспоиденция из немецкой глаеты «Sozialdemokrat» о покоронах Энгельса». Сбориик заканчывается статьей представителя левого крыма германской содивал-демократии, впоследствии одного из основателей Коммунистической партин Германии Франца Меринга, написаниой в связи с десятой годовщиной со дня смерти Энгельса. Эта статья, проникнутая глубоним впечатлением от всемирно-исторического зредища первой русской революции, полна непокольбимой уверенности в неизбежной победе того великого дела, за которое боролись Маркс и Энгельс. Большинство входящих в настоящий сборник воспоминаний о Карле Марксе было опубликовано в 1940 г. в сборнике «Воспоминания о Марксе», выпущенном издательством «Молодая гвардия» под редакцией М. С. Зоркого. В настоящем сборнике публикуются также воспоминания о Фридрихе Энгельсе, часть которых в свое время была напечатана в русских и иностранных периодических изданиях, мало доступных сейчас широкому кругу читателей.

Рид воспоминаний печатается на русском языке впервые (Вильгелья Анбкнехт «Воспоминания об Энгельсе», Джордж Джудивн Гарни «Об Энгельсе», Георг Веерт «Из писмы к матери», Эдгар Лонге «Некоторые стороны семейной жизни Карла Маркса», Эрнест Белфорт Бакс «Встречи с Энгельсом»).

Некоторые воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, вошедшие в настоящий сборник, публикуются впервые по рукописям, хранящимся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Женин Маркс «Беглый очерк беспокойной жизни», Теодор Куно «Из воспоминаний», Франциска Кугельман «Несколько штрихов к характеристике великого Маркса», Ф. М. Кравчикская «Из воспоминаний».

Тексты воспоминаний даются в проверенных и исправленных переводах. Некоторые из воспоминаний печатаются в сокращенном виде. Необходниме примечания к тексту даны под строкой. В конце сборника помещены основные даты жизвии и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, а также указатель упоминаемых в тексте имен.

Сборник подготовлен А. Е. Коротеевой с участием И. П. Даниловой и А. Д. Иконниковой. Основные даты жнізни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса составлены Н. У. Белоусовой. Редактор Е. А. Степанова.

Институт марксизма-ленинивма при ЦК КИСС

Ф. Энгельс

КАРЛ МАРКС

еловек, впервые давший социализму, а тем самым и всему рабочему движению наших дией изучную основу — Карл Маркс — родился в 1818 г. в Трире. Сиачала он изучал право в Боние и Берлине, но вскоре целиком отдался нзучению истории и философии и уже готов был в 1842 г. стать доцентом философии, когда политическое движение, возникшее после смерти Фридриха-Вильгельма III, направило его жизиь по другому руслу. Вожди рейнской либеральной буржувани — гг. Кампгаузен, Гаиземан и др. основали в Кёльие при его участни «Rheinische Zeitung» 1, и Маркс, который произвел огромное впечатление своей критикой прений в рейнском провинциальном ландтаге, был приглашен осенью 1842 г. стать во главе газеты Комечно, «Rheinische Zeitung» выходила под цензурой, но цензура ие могла с ней справиться ? «Rheinische Zeitung» почти всегда добивалась печатания статей, которые были необходимы; смачала цензору подбрасмвали менее

¹ «Rheinitache Zeitung» («Рейнская газета») выходима в Кёльме с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года; редактором ее с 15 октября 1842 по 17 марта 1843 г. был Марке. Под его вляянием газета стала принимать все более определению революционию-демократическое направление. В газете был помещен ряд статей и корреспоиденций Маркса и Эмгельса Рес.

Первым цензором «Rheinische Zeitung» был полицейский советник Доллешалль, тот самый, который зачеркул одимжлая в «Копінеће Zeitung» («Къльской гарете») объявление о переводе Филалетом (будущим королем Иолелиюм Самоскием) «Боместенной комедин» Данте, сделав следующее замечание: «Из божественного мечего устраивать комедий». (Примечение Элиглосс.)

ценный материал для вычеркивания, покуда он не сдавался сам или не бывал вынужден пойти на уступки под угрозой, что газета завтра не выйдет. Будь еще лесяток газет, обладавших мужеством «Rheinische Zeitung», с издателями, которые не пожалели бы лишних нескольких сотен талеров на издержки набора, — и цензура в Германии стала бы невозможной уже в 1843 году. Но немецине собственники газет были мелочные, трусливые обыватели, и «Rheinische Zeitung» вела борьбу в одиночку. Она выводила из строя одного цензора за другим. Наконец, для нее была установлена двойная цензура, тах что после первой цензуры ее должен был еще раз и окончательно просматривать правительственный президент ¹. Но не помогло и это. В начале 1843 г. правительство заявило, что с этой газетой ничего нельзя поделать, и попросту запретило ее.

Маркс, женявшийся тем временем на сестре будущего реакционного министра фон Вестфалена, переселился в Париж и стал издавать там вместе с А. Руге «Deutsch-Französische Jahrbücher» ?, в котором он открых серню своих социалистических произведений работой «К критике гегелевской философии права». Загем им было издано вместе с Ф. Энгельсом «Святое семейство. Против Бруно Баузра и К°» — сатирическая критика одной из последних форм, которую принял тогдашний немецкий философский из последних форм, которую принял тогдашний немецкий философский изелемам».

Занятия политической экономией и историей великой французской ревоющии все же оставляли Марксу еще достаточно времени для того, чтобы при случае нападать на прусское правительство; последнее отомстило ему, добившись весной 1845 г. от министерства Гизо высылаки Маркса из Франции. Г-н Александр фон Гумбольдт, видимо, сыграл при этом роль посредника. Маркс переехал в Брюссель и опубликовал там в 1847 г. на французском языке «Нищету философию, критику на «Философию инщеты» Пруслома, а в 1848 г. «Речь о своболе торговали». В то же время ему удалось основать в Брюсселе Немецкое рабочее общество и приступить тем самым к практической агитации. Последияя приобрела для него еще большее значение после того, как он и его политические дузыв яступили в 1847 г. в сучение после того, как он и его политические дузыв яступили в 1847 г. в сучение после того, как он и его политические дузыв яступили в 1847 г. в сучение после того, как он и его политические дузыв яступили в 1847 г. в су

Правительственный превидент (регирунгс-президент) в Пруссии — представитель
центральной власти в округе. Ред.

^{* «}Deutsch-Französisch» Jahrbücher» («Flesequo-opaniqyscuni смегодинк») — журнал, марававшийся в Париже под реажиней К. Маркса в А. Руге. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем былм опубликования работы Маркса и Энгельса, знамснующие их окончательный переход к материализму и коммунаму Ред.

ществовавший уже миого лет тайный Союз коммунистов. Вся организация была теперь преобразована в корие; более или менее заговорщическое до того времени объединение превратилось в простую, лишь по необходимости тайную, организацию коммунистической пропаганды, в первую организацию именций социал-демократической партии. Союз существовал всюду, где только имелись немецкие рабочие общества; руководящие члены почти во всех таких обществах Англани, Бельгини, Франции и Швейцарни и в очень миютих обществах Англани, Бельгини, Франции и Швейцарни и в очень миютих обществах Термании были членами Союза, и участие Союза в нарождавшенся немецком рабочем движении были загачательно. Вместе с тем наш Союз первый подчеркнул международный характер рабочего движения в целом и доказал это из деле, — он насчитывал в числе своих членов вигличам, бельгийцев, венгров, поляков и других и устранвал, особению в Лондоме, международные рабочего сбояния.

Преобразование Союза произошло на двух конгрессах, созванимх в 1847 году. На втором из них было постановлено выработать и опубликовать основы партийной программы в форме манифеста, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу. Так возник «Манифест Коммунистической партии», который впервые появился в 1848 г., незадолго до февральской революции, а затем был переведен почти на все европейские языки.

Участие Маркса в «Deutsche-Brüsseler Zeitung» ¹, которая беспощадио разоблачала отечественное полицейское благополучие, дало повод прусскому правительству снова погребовать высклыки Маркса, однако безупствило. Но когда в результате февральской револоции начались народные волнения также и в Брюсселе и казалось, что Бельгия находится накануие переворота, бельтийское правительство без всяких церемоний арестовало Маркса и выслало его. Между тем временное правительство Франции через Флокона пригласило его вернуться в Париж, и ои воспользовался этим поиглашением.

В Париже он прежде всего выступил против задуманного жившими там иемцами авантюристского плана сформировать во Франции из немецких рабочих вооруженные легионы, чтобы с помощью их ввезти в Германню революцию и республику. С одной стороны, Германия должна была совершить

^{« «}Deutscho-Brüssed Zeitung» («Немецкая брюссельская газета»), основанияя немецкий политическими выигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по фераль-1848 года. С сентября 1847 г. Амарк с Эштелье стали постоянными сотрудниками газеты: под як влиянием газета превратилась в боевой орган коммунистической и демократической политамым. Рег.

свою революцию сама; с другой стороны, всякий формирующийся во Франции иностранный революционный легион ламартины временного правительства заранее предавали тому самому правительству, которое нужно было сверствуть, как это и поризошло в Бельгии и в Балеме.

После мартовской революции Маркс переехал в Кёльи и основал там «Neue Rheinische Zeitung» («Новую рейнскую газету»), просуществованшую с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г., - единственную газету, которая в тогдашием демократическом движении представляла точку зрения пролетаоната. Это проявилось котя бы уже в ее безоговорочной солидарности с парижскими повстанцами июня 1848 г., из-за чего от газеты отшатиулись почти все ее акционеры. Напрасно указывала «Kreuzzeitung» и и «Чимборасо ² наглости», с какой «Neue Rheinische Zeitung» производит нападки на все святое — от короля и имперского наместника до последнего жандарма, и все это в прусской крепости с восьмитысячным в то время гарнизоном; напрасно возмущались либеральные, ставшие вдруг реакционными, рейнские Филистеры; напрасно осадное положение в Кёльне осенью 1848 г. надолго приостановило газету; напрасно франкфуртское имперское министерство юстиции требовало от кёльнского прокурора судебных преследований одной статьи за другой, - газета на глазах у полиции преспокойно продолжала редактироваться и печататься, а ее распространение и слава росли вместе с резкостью ее нападок на правительство и на буржуваню. Когда в ноябре 1848 г. в Пруссии произошел государственный переворот. «Neue Rheinische Zeitung» в начале каждого номера призывала народ не платить налогов и отвечать насилием на насилие. Весной 1849 г. за это и еще за одиу из статей она была предана суду присяжных, но оба раза была оправдана. Наконец, когда майские восстания 1849 г. в Дрездене и Рейнской провянции были подавлены, и после концентоации и мобилизации значительных воеиных сил был начат прусский поход против баденско-пфальцского восстания, правительство сочло себя достаточно крепким, чтобы, применив насилие. уничтожить «Neue Rheinische Zeitung». Последний номер, отпечатанный красной краской, вышел 19 мая.

Маркс снова поехал в Париж, но уже через несколько недель после демоистрации 13 июня 1849 г. он был поставлен французским правительством

¹ Под названием «Kreuzzeitung» («Крестовая газета») была известна ежедневная регакционная монарлическая газета «Neue Preussische Zeitung» («Новая прусская газета»), выходенящая в Берлине с 1848 года В заголовке ее был изображен крест Ред.

^{*} Чимборого - одна из высочайших горных вершин Южной Америки. Ред.

KAPA MAPKC

5

перед выбором — либо перенести свое местожительство в Бретань, либо покнуть Францию. Он предпочел последнее и переселился в Лондон, где и живет до сих пор.

Попытку продолжать издание «Neue Rheinische Zeitung» в форме журнала-обозрения (в Гамбурге в 1850 г.) пришлось через некоторое время оставить ввиду все более усиливавшейся реакции. Тотчас же после государственного переворота во Франции в декабре 1851 г. Маркс опубликовал «18 брюмера Лун Бонапарта» (Бостои, 1852 г.; 2 е над. — Гамбург, 1869 г., незадолго до войны). В 1853 г. он написал «Разоблачения о кёльиском процессе коммунистов» (напечатано сначала в Базеле, позднее — в Бостоне, недавно скома — в Лейпциге).

После осуждения членов Союза коммунистов в Кельне Маркс отошел от политической агитации и посвятил себя, с одной стороны, изучению в течение десяти лет богатых сокровиць, которые имелись в библиотеке Британского музея в области политической экономии, с другой стороны, — сотрудничеству в «New-York Daily Tribune» і газете, которая до начала гражданской войны в Америке помещала не только подписанные им корреспоиденции, но и вышедшие из-под его пера многочисленные передовые стать и ополжении в Европе и Азин. Его режие статьи против лорда Пальмерстона, основаниме на обстоятельном изучении английских официальных документов, перепечатывались в Лондоне в виде памфлегов.

Первым плодом его многолетних занятий политической экономией было появившееся в 1859 г. сочинение «К критике политической экономией, первый выпуск (Берлин, над. Дункер). Это сочинение содержит в себе первое систематическое изложение марксовой теории стоимости, включая учение о деньгах. Во время итальянской войны Маркс боролся в издававшейся в Лондоне немецкой гавете «Volk» против бонапартивма, который тогда подкрашивался в лаберальный цвет и разыгрывал роль освободителя утнетенных национальностей, а также против тогдащией политики Пруссии, которая под прикрытием нейтралитета пыталась ловить рыбу в мутной воде. Пришлось при этом выступить и против г-на Карла Фогта, который тогда.

^{- «}New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская трибуна») — прогрессивная американская газета, в которой в 1851—1862 гг. было опубликовано большое число статей Маркса и Энгельса Ред.

² «Das Volk» («Народ») — газета немецких демократов в Лондоне, выходила при ближайшем участии Маркса с мая по август 1859 года. Ред.

² поспоминания о Малкое и Экгельсе

по поручению принца Наполеона (Плон-Плон), состоя на жалованье у Лун Наполеона, агитировал за нейтралитет и даже за сочуствие со стороны Германии. Осыпаниый Фогтом самой подлой, заведомо лжявой клеветой, Марке ответил книгой «Господии Фотт» (Лондои, 1860 г.), где он разоблачил Фотта и остальных господ из бонапартистской лжедемократической шайки и на основании как внешних, так и внутренних данимх уличил Фотта в том, что он был подкуплен декабрьской инперией. Ровно через десять лет это подтвердняось: в списке бонапартистских наймитов, найденном в 1870 г. в Тюлалърн и опубликованном сентябрьским правительством, под соответствующей буквой значилось: «Фотт — в августе 1859 г. ему передано ...4000 фознков».

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге появился «Капитал. Критика политической экономии. Том первый» — главиое произведение Маркса, излагающее основы его экономических и социалистических возэрений, а также основы его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий. Второе издание этого произведения, составившего эпоху, вышло в 1872 году. В настоящее время автор работает над отглемами второго тома.

Между тем рабочее движение в различных странах Европы вновь настолько окрепло, что у Маркса явилась возможность подумать об осушествлении своего заветного желания: основать охватывающее наиболее передовые страны Европы и Америки товарищество рабочих, которое. так сказать, во плоти представляло бы международный характер социаанстического движения как в глазах самих рабочих, так и в глазах буржуазии и правительств, на радость и укрепление пролетарната, на страх его возгам. Наоодное собрание, созванное 28 сентябоя 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс Холле, в знак сочувствия Польше, только что вновь подавленной Россией, дало повод выдвинуть это поедложение, поннятое с воодушевлением. Международное Товарищество Рабочих было основано: на собоании был выбраи временный Генеральный Совет. с местопребыванием в Лондоне, причем душой этого, так же как и всех последующих Генеральных Советов до Гаагского конгресса, был Маркс. Им были составлены почти все выпушенные Генеральным Советом Иитеонационала документы - от Учредительного Манифеста 1864 г. до Воззвания о гражданской войне во Франции в 1871 году. Обрисовать деятельность Маркса в Интериационале значило бы написать историю самого этого общества, которое к тому же еще живо в памяти европейских рабочих.

Падение Парижской Коммуны создало для Интернационала невозможное положение. Он был выдвинут на первый план европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же самое время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы, иначе как под угрозой верного поражения и подавления рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон выдвигались элементы, которые пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества для удовлетворения своего личного тшеславия или личного честолюбия, не понимая или не считаясь с истииным положением Интернационала. Надо было поинять героическое решение, и опять-таки именно Маркс принял и провел его на Гаагском конгрессе. Торжествениым постановлением Интернационал снял с себя всякую ответственность за действия бакунистов, являвшихся центром этих безрассудных и нечистоплотных элементов; затем, ввиду невозможности пон всеобщей реакции отвечать поставленным ему повышениым требованиям и поддерживать всю полноту своей деятельности ниаче, как ценой ояда жертв, от которых рабочее движение должно было бы истечь коовью. — Интернационал удалился на время со сцены, перенеся Генеральный Совет в Америку. Дальнейшие события показали, как правильно было это решение, и в то время и позднее не раз подвергавшееся осуждению. С одной стороны, был положен конец всяким попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи, с другой стороны, непоекоашавшаяся тесная связь между социалистическими рабочими партиями различных стран доказала, что пробужденное Интернационалом сознание общности интересов и содидариости продетариата всех стран может проложить себе дорогу даже и без оформленного интериационального товарищества, узы которого в данный момент превратились бы в оковы.

После Гаагского конгресса Маркс получил, наконец, спокойствие и досуг, чтобы снова приняться за свою теоретическую работу, и можно надеяться, что ему удастся в не очень продолжительном времени сдать в печать втооой том «Капитала».

Из многих важиых открытий, которыми Маркс вписал свое имя в историю науки, мы можем остановиться здесь только на двух.

Первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории. В основе всех прежних возврений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует икатъ 8 Ф. ЭНГЕЛЬС

в конечном счете в изменяющихся ндеях людей и что из всех исторических перемен важиейшими, определяющими всю историю, являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и каковы движущие причины политических перемен --- об этом не задумывались. Лишь в новейшей школе Французских, а отчасти и английских историков возникло убеждение, что движущей силой европейской истории, по крайией мере со времени средиих веков, была борьба развивающейся буржуазии против феодального дворянства за общественное и политическое господство. Маркс же доказал, что вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе речь шла всегда именно об общественном и политическом господстве тех или иных классов общества, о сохранении господства со стороны старых классов, о достижении госполства со стороны полиимающихся новых. Но вследствие чего возникают и существуют эти классы? Вследствие имеющихся всякий раз налипо материальных, чисто физически ощущаемых условий, при которых общество в каждую данную эпоху производит и обменивает необходимые соедства существования. Феодальное господство в средине века опиралось на хозяйство мелких самодовлеющих крестьянских общин, которые сами производили почти все необходимые предметы своего потребления, почти ие знали обмена и которым вониственное дворянство давало зашиту от виешних врагов и национальную или, по крайней мере, политическую связь; когла же возникли города, а вместе с ними обособлениая ремеслениая промышленность и торговый оборот, сиачала внутри страны, а затем и международный, тогда развилась городская буржуазия, которая еще в средине века завоевала себе в борьбе с дворянством место в феодальной системе в качестве также привилегированного сословия. Однако с открытием виеевропейских земель, с середины XV века, буржуваня приобрела гораздо более общирную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности; в важиейших отраслях ремесло было вытесиено мануфактурой, уже похожей на фабрику, а та, в свою очередь. — крупной промышленностью, которая стала возможна благодаря изобретениям прошлого столетия, в особенности благодаря изобретению паровой машины. Крупная же промышленность оказала обратное влияние на торговлю, вытеснив в отсталых странах старый ручной труд, а в более развитых странах создав современные новые средства сообщения: пароходы. железные дороги, электрический телеграф. Буржуазия, таким образом, все более и более сосредоточивала в своих руках общественные богатства и общественную силу, хотя долго еще лишена была полнтической власти, которая оставалась в руках дворянства и королевской власти, опнравшейся на дворяиство. Но на известиой ступени развития — во Франции со времени велнкой революции -- она завоевала также и политическую власть, став, в свою очередь, господствующим классом по отношению к пролетариату и мелкому крестьянству. С этой точки зрения, - конечио, при достаточном знакомстве с экономическим положением общества на соответствующем этапе (а этого совершенио иет у наших историков специалистов), — все исторические явления объясняются простейшим образом, и точно так же представления и идеи каждого данного исторического периода объясияются в высшей степени просто экономическими условиями жизии и обусловлениыми ими общественными и политическими отношениями этого периода. История впервые была поставлена на свою действительную основу: за таким очевидиым фактом, которого до сих пор, однако, не замечали, за тем фактом, что люди в первую очередь должиы есть, пить, иметь жилище, одеваться и что, следовательно, они должиы трудиться, прежде чем они могут бороться за господство, заииматься политикой, религией, философией и т. д., за этим очевидиым фактом были тепеов, наконец, признаны его исторические поава.

Для социалистического мировоззрения это новое поинмание истории было в высшей степени важно. Оно доказало, что вся история и поиыне идет путем антагонизма и борьбы классов, что всегда существовали господствующие и подчиненные, эксплуатирующие и эксплуатируемые классы и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что на всех предыдущих ступенях развития человечества производство было до того мало развито, что историческое развитие могло совершаться лишь в этой антагонистической форме, что исторический прогресс в общем и целом был предоставлен деятельности иезначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромиая масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированиых. Но это же понимание истории, естественно и разумио объясняющее существовавшее до сих пор классовое господство, которое иначе можно объяснить только злой волей людей, приводит также к убеждению, что вследствие колоссального развития в настоящее время производительных сил исчезает, по крайней мере в наиболее передовых странах, последнее основание для деления людей на господствующих и подчиненных, эксплуатирующих и эксплуатируемых; что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою историческую роль, что она не только не способиа более руководить обществом, но даже превратилась в тормоз для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы — особенио последний грандиозный крах — и угиетенное состояине промышленности во всех странах; что историческое руководство перешло теперь к пролетариату — к классу, который по всем условням своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранит всякое классовое господство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще: что общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с инми более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся поолетариат ими овладел и установил такой строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но н в распределении и управлении общественными богатствами и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянио возрастающих размерах.

Второе важное открытие Маркса состоит в окончательном выясиеиин отношения между капиталом и трудом, другими словами, в раскрытин того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом. С тех поо как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стонмости, неизбежно возник вопрос: как же это возможно совместить с тем, что иаемный рабочий получает не все произведенное его трудом колнчество стонмости, а должен часть ее отдавать капиталисту? Тщетно пытались и буржуазные экономисты и социалисты дать научно обосноваииый ответ на этот вопрос, пока, наконец, не выступил Маркс со своим решеннем. Это решенне заключается в следующем. Современный капиталистический способ производства предполагает существование двух общественных классов: с одной стороны, капиталистов, обладающих средствами производства и жизненными средствами, с другой — пролетаонев, аншенных и того и другого и обладающих аншь одним товаром для продажи: своей рабочей силой; а продавать свою рабочую силу оин выиуждены, чтобы получать необходимые жизненные средства. Но стонмость товара определяется количеством общественно-необходимого труда, овеществленного в его производстве, а стало быть, и воспроизводстве; следовательно, стонмость рабочей силы среднего человека в течение KAPA MAPKC 11

дня, месяца, года определяется количеством труда, овеществленного в массе жизненных средств, необходимых для поддержания этой рабочей снаы в течение дня, месяца, года. Предположим, что для производства жизненных средств рабочего на один день требуется щесть рабочих часов, нан — что одно и то же — заключающийся в инх труд представляет количество шестичасового труда; в таком случае стоимость рабочей силы в продолжение одного дня будет выражаться в сумме денег, также воплощающих в себе шесть рабочих часов. Предположим далее, что капиталист, предоставнишни занятие рабочему, платит ему эту сумму, т. е. полную стоимость его рабочей силы. Если бы, таким образом, рабочий трудился на капитаанста по шесть часов в день, то он целиком возмещал бы капиталисту понесенные тем издержки, т. е. шесть часов труда за шесть часов труда. В этом случае инчего, конечно, не досталось бы капиталисту; поэтому последний представляет дело совсем нначе: я. - говорит он. - купил силу этого рабочего не на шесть часов, а на целый день, и потому он заставляет рабочего трудиться, смотря по обстоятельствам, 8, 10, 12, 14 и больше часов, так что поодукт седьмого, восьмого и последующих часов является поодуктом неоплаченного труда и попадает прямо в карман капиталиста. Таким образом, на службе у капиталиста рабочий не только воспроизводит стоимость своей оплаченной капиталистом рабочей силы, но сверх того производит еще прибавочную стоимость, которая сперва присванвается капиталистом. а в дальненшем по определенным экономическим законам распределяется средн всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникает земельная рента, прибыль, накопление капитала. словом, все те богатства, которые потребляются или накопляются нетоудящимися классами. Тем самым было доказано, что обогащение у современных капиталистов не в меньшей степени, чем это было у рабовладельцев нан эксплуатировавших крепостной труд феодалов, происходит посредством понсвоення чужого неоплаченного труда и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь тем способом, каким этот неоплаченный труд присваивается. Но тем самым у имущих классов была выбита из-под ног последняя почва для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справеданность, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как гранднозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством.

На этих двух важных основаниях зиждется современный, научный социалиям. Во втором томе «Капитала» будут развиты дальше эти и другие, не менее важные научные открытия в области изучения капиталистической общественной системы, а вместе с тем будут подвергнуты коренному перевороту и те стороны полятической экономии, которые не были еще затронуты в первом томе. Пожелаем же, чтобы у Маркса оказалась возможность в непродолжительном времени сдать этот том в печать.

Написано Ф Энзельсом в июне 1877 г. Напечатано в влъманахе «Volhskalender» («Народный календор»), омищиция в Браунивейзе 1876 г. Печатоется по тексту альнанаха Персвод с немецкого

В. И. ЛЕНИН

КАРЛ МАРКС

аркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимнавию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Боине, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По вяглядам своим Маркс был еще тогда гегельящем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельящем» (Бруно Бауэр и др.), которые стремильсь делать из философии Гегеля атеистические и револоционные выводы.

По окончании университета Маркс переселься в Бони, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишкло кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отияло право читать лекции в Боние умолодого профессора Бруно Баувра, заставила Маркса отказалься от ученой карьеры. Развитие взглядов лепото гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать техологию и поворачивать к материальням, который вполые берет верх у него в 1841 г. («Сущность христнанства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить особобдительное действие» этих кинг — писал Элигельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами». В это время рейиские радикальные буржу, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основаль

в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 яяваря 1842 г.). Маркс и Брупо Баузр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс слеалася главным сражтором и переселился на Бониа в Кёлып. Революционно-демократическое направленне газеты при редакторстве Маркса становилось все определениее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть е 1 января 1843 г. Марксу приплось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же ие спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных инже (см. Литературу), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он уседам понинялся за се изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейциахе на Джении фон Всстфален подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к пруской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных вок, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы изальать за границей, вместе с Арнольдом Руге (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1846 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмарина-нец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодинк». Он прекратился из-за грудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощалиую критику всего существующего» и в частности «критку окружия», апеллярующий к массам и к пролегариату.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на иссколько дней Фридрих
Энгсарс, ставший с тех пор бликайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашией кипучей жизни револоцоцонных
групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым
Маркс решительно рассчитался в своей «Гищеге философии», 1847 г.) и
выработали, резко борясь с разлачиными учениями мелкобуржуваного социализма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма или
коммунняма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпозм, 1844—1848 гг.,
ниже: Литература. В 1845 г. Маркс по настоянно прусского правительства,
как опасиый революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкиули к тайному пропатандистскому обществу: «Сюзу коммунистов», понизал выдающеся участие из
скому обществу. «Сюзу коммунистов», понизал выдающеся участие из
скому обществу. «Сюзу коммунистов», понизал выдающеся участие из
скому обществу «Сюзу комунистов», понизал выдающеся
скому обществу «Сюзу комунистов», понизал выдающеся
скому обществу «Сюзу комунистов», понизал выдающеся
скому обществу «Сюзу как
скому обществу «Сюзу как
скому обществу «Сюзу как
скому обществу скому обществу скому обществу
скому обществу скому обществу
скому обществу скому обществу
скому обществу
скому общес

II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической Партии». В этом произведении с гениальной ясиостью и яркостью обрисовано новое миросозердание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизии, диалектика, как наиболее всесторониее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца иового, коммунистического общества.

Когла разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслаи из Бельгии. Он прнехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революция, в Германию, именно в Кёлым. Там выходила с 1 июия 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейиская Газета»: главным редактором ее был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революциюных событий 1848—1849 гг., как подтверждала ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех страи мира. Победившая контрреволюция сизалал отдала Маркса под суд (оправдая 9 феврала 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, была выслан и оттуда после демонстрации 13 июия 1849 г. и усхал в Лодон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизии, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только ие мог бы коичить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под тветом инщеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуваного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногла к огражению самых бешеных и диких личных напаркок («Нег г Оодь»). Стороиясь от эмигрантских кружковь Маркс в ряде исторических работ (см. Лигератури) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической вкономии. Эту науку Маркс в кономориюнизировал (см. инже учение Маркса) в своих сочинения «К контиве политической вкономии» (1859) и «Капитал» (т. 1. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1664 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором

^{1 — «}Госполин Фогт». Рел.

его первого «Обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объеднияя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности разанчные формы непролетарского, домарксистского соцнализма (Мадзини, Прудои, Бакунии, английский либеральный тред-юнномизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и действенно, революционно оценна Маркс («Гражданская война во Францин» 1871), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провед после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. І Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе нензмернмо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его вширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленияя работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Оп продолжалсвою переработку политической экономин и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), ио окончить «Капитал» не дала ему болезиь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе со своей женой, на кладбице Хайгейт в Лондоне. Из детей Маркса иссколько умерло в детском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочерн были замужем за социальстами Англии и Франции: Элеонора Эвелинг, Лаура Лафарг и Джении Лонгэ. Сын последией — член французской социалистической партии.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и геннальным заввершителем грех главиях идейных течений XIX века, принадлежащих грем наиболее передовым странам человчества: классической немецкой философии, классической английской политической вкономии и французского социализма в связи с французскими революциоиными учениями вообще. Признаваемая даже противинками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокут-

ности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главиого содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросоверцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложнансь взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фенербаха, усматривая и впоследствин его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его матернализма. Всемионо-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном оазоыве с идеализмом Гегеля и в поовозглашении матеонализма, котооый еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии н теологин, но н... протнв всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекулядин» в отанчие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве»), «Для Гегеля—писал Маркс—процесс мышления. который он превращает даже под именем иден в самостоятельный субъект, есть демнуог (творец, созндатель) действительного... У меня же, наоборот. ндеальное есть не что нное, как матернальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», І, послесловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Антн-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомнася с этим сочинением в оукописи — ... «Единство мира состоит не в его бытин, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия матеони. Нигле и инкогда не бывало и не может быть матеони без лвижения. движения без материи... Если поставить вопрос,... что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они - продукты человеческого мозга и что сам человек - продукт природы, развившийся в известной поноодной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в снау этого, что поодукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был ндеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говоонт об «оттисках»), более нан менее абстрактиыми, действительных вешей и пооцессов, а, наоборот, веши и развитие их были для Гегеля отражениями

какой-то иден, существовавшей где-то до возникновення мира». В своем сочинении «Людвиг Фейсобах», в котором Фо. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, поедварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844-1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом пониманни нстории, Энгельс пищет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопоос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразио тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или нначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое нное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанние. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религней, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой ндеализму и в лучшем случае «стыдливым пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики». См. по этому вопоосу, кооме названных сочинений Энгельса и Маокса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1868 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гексан и его поизнание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма. В особенности нало отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимостн» (Энгельс в «Анти-Люринге») = признание объективной закономеоности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «веши в себе» в «вешь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «стаоого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта) матернализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и бнологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электоической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидналектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они ссущность человека» понимали абстрактию, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) чвесх общественных отношений» и потому только «объясияли» мир. тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной повактической деятельности».

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретеннем классической немецкой философии. Всякую иную формулировку
принципа развития, зволюции, они считали односторонней, бедиой содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (передко со
скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы
с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе
задачу спасти» (от разгрома идеалызма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести се в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз иовейшее естествовнание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое(писано до открытия радия, влектронов, превращения элементов и т. п.1),
«накопляющее ежедиевию массу материала и доказывающее, что дела обстоят в понодае в последнем счете диалектически, а ие метабманчески».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, поиятия, находятся в беспрерывном измененин, то возинкают, то уничтожаются, - эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-инбудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одио дело признавать ее на словах, другое дело - применять ее в каждом отдельном случае н в каждой даиной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем н во всем видит она печать неизбежного падения, и инчто не может устоять перед нею, кооме непрерывного процесса возникиовения и уничтожения. бесконечного восхождення от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революциюнную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм чве нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философию остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в поинмании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должиа рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от исмания к познанию.

В наше время ндея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта ндея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всестороння, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; -развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; - «перерывы постепенности»: поевоащение количества в качество: — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело наи в поеделах данного явления или внутри данного общества; - взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, - таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна. которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой.)

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответствению этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественной сознания из общественного сознания из общественного сознания из общественного сознания из общественного топшение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его обществен.

ных условий жнаин и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловни к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих пооизводственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определениые формы общественного сознания. Способ производства матернальной жизии обусловливает социальный, полнтический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их созиание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого -- с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития пронэводительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха соцнальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. Пон рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать матернальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, реангиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с иим.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной вложе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными отношениямы»... «В общих чертах, азнатский, античный, феодальный и современный, буржуваный, способы производстве можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формация». (Ср. краткую формульровку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации груда серествании производства».)

З Воспоминания о Марксе и Зигельсе

Открытне материалистического поиимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений, устоаннаю два главных нелостатка поежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотнвы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степеин развития материального производства; во-2-х, прежине теорни не охватывали как раз действий мисс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменення этих условий. Домарксовская «соцнология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условням жизни и пронэводства различных классов общества, устраняя субъективнэм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая коони без неключения всех идей и всех различиых теиденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою исторню. но чем определяются мотивы людей и именио масс людей, чем вызываются столкновения поотиворечивых идей и стремлений, какова совокупиость всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия поонзводства матеональной жизии, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, -- на все это обратил винмание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как елиного, закономерного во всей своей громадной разносторонности и поотнворечивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремлення одних членов данного общества ндуг в разрез с стремленнями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также ввутри инх, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войи, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общензвестны. Марксиям дал руководящую инть, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабириние и хаосе, именю: теорию классовой борьбы. Только изуче-

ние совокупности стоемлений всех членов данного общества или гоуппы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником поотиворечивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех классов, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, - пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угиетающий и угиетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явиую борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуваное общество не уничтожило классовых поотиворечий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуавии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса буржуваню и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо. Минье. Тьер). которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневиой печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще наглядиее (хотя и в очень иногда односторонней, «мириой», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения кажлого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржувани, только продетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности: пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин - все они

борются с буржуваней для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как гердинх сословий. Они, следовательно, не революционны, а коисервативны. Даже более, оин реакционны: они стремятся повервуть назад колесо историн. Если оин революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в рады пролегариата, поскольку они зоцищают ие свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролегариата». В ряде исторических сочинений (см. Литературы) Марке дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и ниогда различных групп нли слоев внутри класса, посказывая воочню, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллострирует, какую сложицую сеть общественных отношений и переходимы ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равно-действующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всестороиним и детальным подтверждением и применением теорин Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Копечной целью моего сочиненя — говорит Маркс в предисловни к «Капиталу» — является открытие вкономического законо движения современного общества», т. с. капитальстического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникмовении, развитин и упадке — таково содержание вкономического учения Маркса. В капитальстическом обществе господствует производство товара. в анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

стоимость

Товар есть, во-1-х, вещь, удовастворяющая какой-лябо потребности человка; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезиость вещи дедает ее потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постояния

все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одиу к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между иими то, что они — продукты труда. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разиообразиме продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не коикретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а абстоактный человеческий тоул, человеческий тоуд вообще, Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей общественно-необходимого рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественио-необходимого труда или рабочим временем, общественио-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене одии к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплошенного в товарах. Маркс переходит к анализу формы стоимости и денег. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного

производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный карактер частных работ, общественную связы между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в сообенности важно отметить, тот обстрактива и кажущаяся имогда чисто делуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товариют обмена. Различные формы денег — простой товарный яквивалент или средство обдещения или средство обдещения или средство подажнущью деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

прибавочная стоимость

На известной ступени развития товарного производства деньги превоащаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар) -Д (деньгн) — T (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, A - T - A, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в капитал, как особое, исторически определениое, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товариого обращения, нбо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возинкнуть и из надбавки к цене, ибо взаимиые потери и вынгрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь илет именно о массовом, соеднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимостн», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом совдания стоимости. И такой товао существует. Это — оабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелен денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его

семьи). Купнв рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течеине следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт нан прибавочилю стонмость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машниы, орудня труда, сырой матернал н т. д.) - стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт - н переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается нензменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степеин эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравинвать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, напр., в нашем примере $\frac{6}{6}$ т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возинкиовения капитала является, во-1-х, иакопление нзвестной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровие развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от велких стесиений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удалиения рабочего для («абсолотияя прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего для («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозирую картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего для и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего для (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных страи мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллострирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стонмости, Маркс исследует три основиме исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупиую промышленность. Насколько глубоком вскрыты эдесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видио, между прочим, из того, что исследования русской так иазываемой «кустарной» промышлениюсти дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из назваиных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машиниой индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом раде «новых» страи (Россия, Япоиня и до.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ мистоментин капиштала, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личиме нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежией классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на средства производства плос переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая иа олном полюсе богатство, на доугом нишету, порождает и так называемую «резервиую рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы н дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплеинем капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к поииманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических стоянах сиачала в соедием каждые 10 лет, потом в более продолжительные н менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так иазываемое пеовоначальное иакопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгиание коестьян с земли, коажу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на лоугом владельна денег, капиталиста,

«Историческую тенденцию капиталистического накоплениня Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных

и самых бещеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая поконтся на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают аншь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса инщеты, угнетення, рабства, вырождення, экспауатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капитаанстического производства. Монополня капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капнталистической частной собственности. Экспроприаторов экспропринруют» («Капитал», I).

В высшей степенн важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общетвенного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономин общества, а всю эту экономию в совожупности. Исправляя указанную выше ошноку классиков, Маркс делит все обществение производство на два больших отдела: 1) производство средет производства и II) производство предметов потребления и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в пречиму размерах, так и пои капитала в целом, как при воспроизводстве в пречими размерах, так и пои

накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение понбавочной стоимости ко всему вложенному в поелприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преоблаланнем постоянного капитала нал переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предпонятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по нх стонмостям, а по ценам производства (нан производственным ценам). которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общензвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполие объясием Марксом на основе закона стоимостей, ибо сумма стоимостей, всех товаров совпладет с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложиым путем: вполие естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает болсе быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибаючиля стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то поиятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подобно аналивирует вту тенденцию и ряд прикрывающих ее нли противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростоящическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории подемелься

ной пенты. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограничениости площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталнстических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или диференциальную ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородни отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю. Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочиой стоимости», гле особого виимания заслуживает коитика Родбертуса) ошнбку Рикардо, будто диференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших вемель к худшим. Напротив, бывают н обратиме переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограничениостей и протнворечий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышлениости н народного хозяйства вообще предполагает полиую свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частиая собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополни продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, след., индивидуально более высокой иормой прибыли, не идут в вполие свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собствениик земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает абсолютную реиту. Диференциальная реита не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же может - напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржув, отмечает Маркс, выступали в истории неодиократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое однако отпугивает большинство буржувани, ибо саншком банзко «задевает» еще доугую, в наши дни особенио важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77-81. Ср. также

письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86-87. 1) - К истории повемельной реиты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянии своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в реиту продуктами или натурой (крестьянии на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в реиту денежиую (та же реита натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в реиту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в вемледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной реиты» следует отметить ряд глубоких (и особенио важиых для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об эволюции капитализма в земледелии. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязаниых оброком крестьян естественио развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих - совершенно подобио тому, как в феодальные времена важиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накоплять известное имущество н превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следов., рассадник капиталистических ареидаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III2, 332)... «Экспроприация и изгнание из деревин части сельского населения не только «освобождает» для промышлениого капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутрениий рынок» («Капитал», I2, 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армин для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к поевращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного набыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к ианинэшему уровню

 $^{^1}$ См. К. Маркс в Ф. Энтельс, Избранные письма, 1953, стр. 126—131, 132—133. Ред.

заработной платы, и он всегла стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», 12, 668). Частиая собственность крестьянииа на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветаиня, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьяи отличается от эксплуатации промышлениого пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьяи посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Фоанции»), «Паоцелла (мелкий участок земли) крестьянии представаяет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработиую плату» («18 брюмера»). Обычно крестьянии отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции»). В чем состоит «одиа из причии того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит инже, чем в стоанах с капиталистическим способом производства»? («Капитал», III2, 340.) В том, что крестьянии отдает обществу (т.е. классу капиталистов) даром часть прибавочного поодукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и до, сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ии в коем случае не результат производительности их труда». («Капитал», III2, 340.) Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибиет при капитализме. «Мелкая вемельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежио ведут всюду к ее обиншанию. Употоебление капитала на покупку веман отнимает этот капитал от употребления на культуру веман. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьяи, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но ие уничтожают ее: не надо также забывать, что эти кооперации дают миого важиточиым крестьянам и очень мало, почти инчего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного тоуда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухулшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелаьной (мелкой) собственности». Капитализм и в земледелии, как и в промышлениости, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как коицентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современиом, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического вемледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, след., развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы).

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видио, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно ий экономического закона движения современного общества. Обобществлеине труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равио в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, - вот главиая материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого поевоащения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дия, замена остатков, руни мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм

окончательно разрывает связь земледелня с промышленностью, но в то же воемя своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединення промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патрнархальной семьи капитализмом исизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем ие менее «крупная промышлениость, отводя решающую роль в общественноорганизованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как н форму древиеримскую наи древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из анц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса пооизводства, а не процесс производства для рабочего, зачумлениым источником гнбели и рабства, - при соответствующих условнях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал». І, конец 13-й главы). Фабричная система показывает иам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием н гимнастикой не только как одно из средств для увеличения обществениого производства, ио н как едииственное средство для производства всестороние развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит соцнализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации нензбежный продукт и неизбежиая форма буржуазной эпохи обществеиного развитня. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, ие «устранваясь в пределах нации», не будучи «националеи» («хотя совсем ие в том смысле, как понимает это буржуваня»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную

обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочне не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетарната» («Коммунистический Манифест»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «властн», стоящей якобы над обшеством и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильней» шего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство - органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является оруднем эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхожденин семьн, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, инсколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность - прямая и косвенная - чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт. — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге». — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспропрнация средств производства в пользу всего общества. будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой изаншним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированьем производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоцнаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место; в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и госудаоства»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необ-

ходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы масильствению экспропринровать мелких крестьян (все равию, с вознаграждением или нег), как это мы вынуждены будем сделать с крупными эемлевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственными путем, а посредствоми примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечию, будет достаточно средств, чтобы доказать крестья ини у все преимущества такого перехода, пренмущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясияемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выясинь еще в 1844-1845 гг. один на основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел поиять условий и оценить виачения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное винмание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и изданиая в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще ие собран, не сведен вместе, не изучеи и не разработан. Поэтому мы должиы ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаинями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедаиво считал его половинчатым, односторониим, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без нсключения классов данного общества, а, след., н учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другимн обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. ие в исподвижном состоянии, а в движеиии (законы которого вытекают из экономических условий существования

^{1 — «}Новое время». Ред.

⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом поиимании «эволюционистов», видящих лишь медленные нэменения, а диалектически: «20 лет равияются одному дню в великих исторических развитиях, - писал Маркс Энгельсу, - хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки») 1. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должиа учитывать эту объективно неизбежную диалектнку человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мириого», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения даиного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «коицентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенио важны в данном вопросе, одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций продетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий нитерес по отношению к их хозяниу, объединяет их одной общей идеей сопротивлеиня, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в труппы. и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального лвижения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядушей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маокса н Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (І, 136, «Переписка с Энгельсом») 2, отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «леморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетаонат - «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, пон-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Избранные письма, 1953, стр. 139. Ред.

^{*} См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 144, Ред.

вести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазней иметь буржуазную аристократию и буржуазный продостариат» (II, 290) 1; как исчезает у него «револоционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазиого развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «илыма чартистов» (1866; III, 305) 2; как английские вожди рабочих создаются по типу середники «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голюке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «инчего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433) 3; Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (и исходом) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всестороиней, дналектической истинию севолоционной точку зоения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущиость движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848—1849 гг. Маркс поддерживал крайиюю революционную демократию и никогда впоследствии ие боал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буожуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьяиством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом нтоговый анализ классового положення немецкой буржуазин в эпоху буржуазно-демократической революции. анализ, являющийся между прочни образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения. которая обращена назад:... «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганиая мировой бурей; ингде с энеогией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа»... («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.) 4. Около 20 лет

¹ См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, т. XXII, 1931, стр. 271, 360. Ред.

² См. К. Маркс н Ф. Энзельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 142, 145, 336. Ре;

³ См. К. Маркс в Ф. Энзельс. Сочинения, т. XXIV, стр 252, 529. Ред.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 56. Ред.

спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848-1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виланх и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы-«мирио» новые революцин. В каком духе требовал Маркс ведення этой работы, видио из следующей его оценки положения в Германин в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поллеожать поолетарскую революнию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108) 1. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремаял на развитие демократической энергин крестьянства. Лассаля он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму, «Подло», — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, - «в земледельческой стране нападать от именн поомышлениых рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217) 2. В пеонол 1864—1870 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции сверху, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в зашиту партикуляризма: Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленио возобновляла революционную борьбу с ним и на почве, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440-441) 3. В знаменитом обращении Интериационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же

¹ См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Избранные письма, 1953, стр. 86. Ред.

² См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232, 239. Ред.

³ См. там же, стр. 152, 154—155, 166, 199, 225—226, 232, 237—238, 461, 482, 488. Ред.

наступило (1871 г.). Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших иебо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других. было, с точки врения диалектического материализма Маркса, меньшим влом в общем ходе и исходе пролетарской борьбы, чем отказ от заиятой повиции, слача без боя: такая слача деморализовала бы продетариат, подрезала бы его способиость к борьбе. Вполие оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуавной легальности, Маркс в 1877—1878 г., после того как издаи был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революциониую фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией. не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424 ¹. Ср. также письма к Boore).

Неписено е мюле — ноябре 1914 г.
Впервые непечотано е 1915 г.
в Энциклопедическом словоре Гренет,
издение 7-е, том 28
Подписъ: В. И в » и и

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, 4 изд., т. 21, егр. 30—62.

 $^{^{1}}$ См K Маркс и \mathcal{D} . Энтельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 480—481, 488, 505—506, 513, 515. Pe_{A} .

В. И. ЛЕНИН ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Какой светильник разума погас, Какое сердце биться перестало! 1

7-го августа нового стиля (24 нюля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.), Энгельс был самым замечательным ученым и учитеаем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обонх друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того, чтобы понять, что сделал Фондонх Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движення. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованнями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией исизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата нэбавит человечество от гиетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих иаучных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития пронзводительных сил в современиом обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних обшественных классов над доугими. И это будет поодолжаться до тех поопока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы

¹ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова». Ред.

пролетарната требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всикая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но, когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантанных и бездарных, честных и бесчестных аюдей, которые, увлекаясь борьбою за политическую свободу, борьбой с самодержавнем царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржувани и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила. С доугой стороны, было много мечтателей, подчас геннальных, думавших, что нужно только убедить правителей н господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мио и всеобщее благополучие. Онн мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашине социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только язву, с ужасом смотрели они, как, с ростом промышленности, растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на беспрерывный рост пролетарната. Чем больше пролетарнев, тем больше их сила, как революционного класса, тем банже и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочни классом можно выразить так; они научили рабочни класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему вия и жизи» Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех нашки изданий, будить классовое самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизин и деятельности Фридрика Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 году в г. Бармене, в Рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназин, поступить в приказчики одного бременского торгового дома. Занятия купеческим делом не помешали Энгельсу работать над своюм научным и политическим

образованием. Еще гимиазистом возненавидел он самодержавие и произвол чиновинков. Занятия философией повели его дальше. В то время в немецкой философии господствовало учение Гегеля, и Энгельс сделался его последователем. Хотя сам Гегель был поклонинком самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — учение Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим влом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если один учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение инчтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржувани над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была идеалистической. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития 1, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизии, они увидели, что не развитие духа объясияет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегельянцам. Маркс и Энгельс были материалистами. Вэглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях - объясиение всех явлений общественной жизии, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках инчтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка,

³ Маркс и Энгельс не раз указываля, что они в своем умственном развитии многим обязаны величим немецким философии, — говорит Энгельс, «Бев немецкой философии, говорит Энгельс, — ме балло баз и научного социалияма». (Примечные Ленила)

оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современиом обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — продетарнат. С иим Энгельс повнакомился в Англии, в центре английской промышленности. Маичестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в тооговый дом, одним из пайшиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, - он ходил по гоязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положенин английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году кинга: «Положение рабочего класса в Англии». Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса, как автора «Положення рабочего класса в Аиглии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед н заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетарнат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вие сопиализма. С доугой стороны, сопиализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Этн мысли были изложены в кинге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Кинга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На кингу Энгельса стали всюду ссылаться как на лучшую картину положення современного продетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни повже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англин. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь

в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у иего завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов и фоанцузской жизии сделался тоже социалистом. Эдесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики». В этой кинге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Анганн» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с нх последователями. Эти господа проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетарнате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решнтельно восстали Маркс и Энгельс. Во нмя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцаиня, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вестн такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в продетарнате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-Французском Журнале» 1 Маркса н Ругэ «Критические очерки по политической экономин» 2, в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решна заняться политической экономией, той наукой. в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгеалс провел в Брюсселе и Париже, соединия изучные запятия с практическою деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгеалса и Маркса завязальсь отношения с тайным немецким «Союзом коммунистов», который поручил им наложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест коммунистической партин» Маркса и Энгеалса. Эта небольшая кинжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетарнат цивилизованного мира.

 $^{^1}$ Имеется в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»). $\rho_{\rm CJ}$.

^{*} См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 544—571. Ред.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европів, привела Маркса и Энгеласв на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты», издававшейся в Кельне. Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстанвали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолелы. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерящий за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, быль выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселнася и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайшиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х годах. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лондоне, что не мешало ни находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм. В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон, и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал». величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего - в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: — полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны ведичайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук) 1, «Происхождение семьи, собственности и государства» (перев. на русский яз., издано в С.-Петербурге, 3-е изд., 1895), «Людвиг Фейербах» (русский перевод с примеч. Г. Плеханова, Женева, 1892), статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский

¹ Это удивительно содержательная и поучительная княга. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма», 2-ое изд., Женева, 1892). (Примечание Лемина.)

язык в женевском «Соцналь-Демократе» №№ 1 н 2) 1, замечательные статьн о квартириом вопросе 2, наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России». перев. на русский язык В. И. Засулич, Женева, 1894) 3. Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома «Капитала». В 1885 г. он издал II-ой, в 1894 г. III-й том (IV-й том ои не успел обработать) 4. Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верио заметил, что изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудна своему геннальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное нмя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двонх: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношення которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда, - и, в общем, совершенно справедливо, - ставил себя повади Маркса. «При Марксе, — писал он одному старому приятелю. — я нграл вторую скрипку» 5. Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

После движения 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс в нагнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное общество рабочих» и в течение целого десятилетня руководил этим обществом. Живое участне в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного общества», соеднившего, по мысли Маркса, подлетаниев

^{1 «}Содиаль-Демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся в 1890 — 1892 годах за границей группой «Освобождение груда»; вышло всего четыре книги. Анни имеет в виду статью Энгелоса «Внешняя политика русского царизма» (см. К. Маркс и Ф. Энгелос. Сочимения, т. XVI, ч. II, стр. 3—40). Ред.

² Ф. Энзельс. «К жилищному вопросу» (см. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 1—81). Ред.

³ Ф. Энтельс. «Об общественных отношениях в России» (см. К. Маркс и Ф. Энтельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 39—50). Ред.

 $^{^4}$ Имеется в виду работа К. Маркса «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»). $\rho_{eg.}$

⁵ Из письма Энгельса И. Ф. Беккеру от 15 октября 1884 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 415). Ред.

всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного общества» объединяющая роль Маркса и Эшгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянио возрастало, потому что непрерывно росло и само движение. После смерти Маркса Эшгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К иему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительствениые преследования, быстро и непрерывно увежичивалась, и представитель отсталых стран, — напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все оии черпали из богатой сокровищинцы значий и опита старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сиошения с русскими революционерами. Оба они сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в иих чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угиетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в политическом отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отзвук. Наоборот, поползновение ради минмых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов - завоевания политической свободы - естественно являлось в их глазах полозоительным и даже поямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должио быть его собственным делом», — вот чему постоянио учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известиые политические права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западноевропейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавиая Россия всегда была оплотом всей евоопейской осакции. Необыкиовенио выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечио, только увеличило значение самодержавной России, как реакционной силм. Только свободная Россия, не иуждающаяся ни в угнетенни поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравлявании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные влементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Эападе горули желая водморения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучиего друга.

Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетарната!

Написано осенью 1895 г. Впераме напечатано в 1896 г. я сборнике «Роботник» № 1—2 Печатается по тексту Сочинений В. Н. Ленина, 4 изд., т. 2, стр. 5—13.

ИЗ БЕСЕДЫ И. В. СТАЛИНА С ПЕРВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ

9 cents 6 os 1927 1

1-й ВОПРОС. Какие новые принципы были практически прибавлены Лениным и компартией к марксизму? Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в «творческую революцию», тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?

ОТВЕТ. Я думаю, что никаких «новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма. Ленин был н остаётся самым верным н последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма.

Но Лении не был только лишь исполнителем учения Маркса — Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса н Энгельса. Что это змачит?

Это значит, что он развил дальше учение Маркса — Энгельса применнанально к иовым условиям развития, применительно к иовой фазе капиталязма, применительно к империализму. Это значит, что, развиная дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленни внёс в общую сокровищимцу марксизма иечто новое в сравнении с тем, что дано Марксии Эшгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, причём это новое, внесённое Лениным в сокровищищу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, даниых Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций.

Вот несколько вопросов, в области которых Лении дал нечто новое, развивая дальше учение Маркса.

Во-первых, вопрос о монополистическом капитализме, об империализме, как новой фазе капитализма.

Маркс и Энгельс дали в «Капитале» анализ основ капитализма. Но Маркс и Энгельс жили в период господства домонополистического капитализма, в период плавного эволюционирования капитализма и его «мирного» оаспостолнения на весь земной шао.

Эта старая фаза завершилась к коицу XIX и к началу XX столетня, когда Маркса и Энгельса не было уже в живых. Понятно, что Маркс и Энгельс могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой склой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капиталы в сособой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капиталы зомовия крайней и неравномерности развития сделала исизбежимым пернодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер вылияния.

Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что опраясь на основные положения «Капитал», дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его языв и условия его неизбежной гибели. На базе этого анализа вознижло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических стоанах.

Во-вторых, вопрос о диктатуре пролетариата.

Основную идею диктатуры пролетарната, как политического господства початариата и как метода свержения власти капитала путём насилия, дали Марке н Энгельс.

Новое у Ленина состоит в этой области в том, что:

 а) ои открыл Советскую власть, как лучшую государственную форму диктатуры пролетарната, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции;

- 6) он раскрых скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрении проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролегариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с висплуатируемыми массами непролетарских классов (крествявиства и пр.), являющимися руководимыми;
- в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой положе торской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемык), — в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоов).

В-третьих, вопрос о формах и способах успешного стронтельства социамизма в пернод диктатуры пролетариата, в период переходный от капитамизма к социализму, в стране, окружённой капиталистическими государстрами.

Маркс и Эшгельс рассматривали период диктатуры пролетариата, как период более или менее длительный, полный революционных схваток и гражданских войи, в продолжение которого пролетариат, находясь у власти, принимает меры вкономического, политического, культурного и организационного характера, необходимые для того, чтобы мяесто старого капиталистического общества создать новое социалистическое общество, общество без классов, общество без государства. Лении стоял целиком и полностью на почве этих основных положений Маркса и Энгьслас.

Новое у Ленина в этой области состоит в том, что:

- а) он обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окружениой импермалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств;
- 6) он наметна конкретные пути экономической политики («новая экономическая политика»), при помощи которых пролетариат, имея в руках экономические команданые высоты (промышленность, землю, транспорт, банки и т. п.), смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством («смычка нидустрии с крестъннским хозяйством») и ведёт, таким образом, ясё народное хозяйство (сциализму;
- в) он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролегарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестъянства в духе социалыма.

Б Воспоминания о Марксе и Энгельсе

В-четвёртых, вопрос о гегемонни пролетарната в революции, во всякой народной революции, как в революции против царизма, так и в революции против капитализма.

Маркс и Энгельс дали основные наброски иден гегемонии пролетариата. Новое у Ленина состоит здесь в том, что он развил дальше и разверирл эти наброски в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетарната трудящимися массами города и деревни не только в деле свержения цариама и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата.

Известно, что идея гегемонин пролетарната получила, благодаря Ленниу и его партин, мастерское применение в России. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что революция в России привела к власти пролетариата.

Раньше обычно дело происходило таким образом, что рабочие дрались во воемя революции на баронкадах, они проливали кровь, они свергали старое, а власть попадала в рукн буржуа, которые угнетали и эксплуатировали потом рабочих. Так было дело в Англии и во Франции. Так было дело в Германин. У нас, в России, дело приняло другой оборот. У нас рабочие представляли не только ударную силу революции. Будучи ударной силой революции, русский пролетариат старался вместе с тем быть гегемоном, политическим руководителем всех эксплуатируемых масс города и деревни, сплачивая нх вокруг себя, отрывая их от буржуазин, изолируя политически буржуазию. Будучи же гегемоном эксплуатируемых масс, русский пролетариат боролся за то, чтобы захватить власть в свои руки и использовать её в своих собственных интересах, против буржуазии, против капитализма. Этим. собственно, и объясняется, что каждое мощное выступление революции в России, как в октябре 1905 года, так и в феврале 1917 года, выдвигало на спену Советы рабочих депутатов, как зародыши нового аппарата власти, призванного подавлять буржуазию, - в противовес буржуазному парламенту, как старому аппарату власти, призванному подавлять пролетариат.

Дважды пыталась у нас буржуазия восстановить буржуазный парламент положить конец Советам: в сентябре 1917 года, во время Предпарламента, до взятия власти большевиками, и в январе 1918 года, во время Учредительного собрания, после взятия власти пролетариатом, и каждый раз терпела поражение. Почему? Потому, что буржуазия была уже наолирована политически, миллнонные массы трудящикся считали пролетарнат единственным вождём революцин, а Советы были уже проверены и испытаны массами, как своя рабочая власть, променять которую на муржуваный параламент было бы для, пролетарната самоубийством. Не удивительно поэтому, что буржуваный парламентаризм не привился у нас. Вот почему революция привела в Россин к власти пролетаюната.

Таковы результаты проведення в жизнь леиниской системы гегемонни поолетаоната в оеволюшии.

В-пятых, вопрос национально-колоннальный.

Маркс и Энгельс, анализируя в своё время события в Ирландин, в Иидин, в Китае, в странах Центральной Европив, в Польше, в Венгрии, дали основные, отправные иден по национально-колоннальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался иа этих идеях.

Новое у Ленина в этой области состоит в том, что:

- а) он собрал воедино эти нден в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху импернализма;
- связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении импернализма;
- в) объявна национально-колоннальный вопрос составиой частью общего вопроса о международной пролетарской революции.

Наконец, вопрос о партин пролетариата.

Маркс и Энгельс дали основные наброски о партин, как передовом отряде пролетарната, без которой (без партин) пролетарнат ие может добиться своего освобождения ин в смысле взятия власти, ин в смысле переустройства капиталистического общества.

- Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к иовым условиям борьбы пролетариата в период империализма, показав, что:
- а) партия есть высшая форма классовой организации пролетарната в сравиении с другими формами организации пролетариата (професовы, кооперация, государственная организация), работу которых призвана она обобщать и направлять;
- б) диктатура пролетарната может быть осуществлена лишь через партню, как её направляющую силу;
- в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одла партия, партия коммунистов, которая ие делит и не должна делить руководство с другими партиями;

 г) без железной дисциплины в партин не могут быть осуществлены задам, диктатуры пролетаривата по подавлению эксплуататоров и перестройке класссвого общества в общество социалистическое.

Вот в основном то новое, что дал Ленин в своих трудах, конкретизируя и развивая дальше учение Маркса применительно к новым условиям борьбы подлетарията в период империализия

Поэтому и говорят у иас, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Из этого видно, что ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ин — тем более — противопоставлять марксизму.

«Провял» № 210, 15 сентября 1927 з.

Печатоется по тексту Сочинений Н. В. Сталина, т. 10, стр. 92—99,

воспоминания о МАРКСЕ и ЭНГЕЛЬСЕ

I

ПОЛЬ ЛАФАРГ. ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

ПОЛЬ ЛАФАРГ. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МАРКСЕ

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР. ДО И ПОСЛЕ 1848 ГОДА

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР. ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧЕГО О КАРЛЕ МАРКСЕ

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР. ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧЕГО О ФРИДРИХЕ ЭНГЕЛЬСЕ

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

ДЖОРДЖ ДЖУЛИАН ГАРНИ. ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

георг веерт, из письма к матери

. ☆

ФРИДРИХ АДОЛЬФ ЗОРГЕ. ВСТРЕЧА С МАРКСОМ

 Φ РИДРИХ АДОЛБФ ЗОРГЕ. О МАРКСЕ

Г. А. ЛОПАТИН. ИЗ ПИСЬМА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВУ

Г. А. ЛОПАТИН. ИЗ ПИСЬМА М. Н. ОШАНИНОЙ

ТЕОДОР КУНО. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

АВГУСТ БЕБЕЛЬ. ПОЕЗДКИ В ЛОНДОН

Поль Лафарг ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

Он человек был, человек во всем Ему подобных мие уже не встретить. (Шекспяр. «Гамает».)

1

Первый раз увидал. я Карла Маркса в феврале 1865 года. Холле был основан I Интернационал. В феврале 1865 года в Сент-Маргине
Холле был основан I Интернационал. В феврале 1865 года в приехал из
Парижа в Лондон, чтобы сообщить Марксу сведения об успехал, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толен — ныне сенатор буржуазной республики — для мие рекомендательное письмо.

Мие было тогда 24 года; всю свою жизять я не забуду того впечатаения, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда прихварывал и работал над первым томом «Капитала», который вышел только два года спустя, в 1867 году. Он опасался, что ему не придется довести до конца свою работу, и с удоводьствием принямал молодых людей. Он говорона. «Я должен подготовлять людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду».

Карл Маркс — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновремению и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем, что его невозможно понять, не рассматривая одновременно и как ученого и как социалистического борца.

Маркс держался взгляда, что ин при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, и в то же время считал, что ученый, если он не хочет сам синятьть свой уровень, инкогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете нли в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную п политическую болобу своих современников.

«Наука совсем не эгоистическое удовольствие, — говорил Маркс, — и те счастлявцы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для человечества» было одинм из его любимых выражений.

К коммунистическим убеждениям Маркс пряшел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния капиталистических интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам.

Но если Маркс без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он только с опредеменным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него блуждало в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь релью: способствовать горжеству дела рабочего класса, историческая задача которого, как только этот класс возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом, — создать коммуниям.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился. «Я граждании мира, — говорил он, — и действую там, где нахожусъ. И действительно, во всех странах, куда забрасывали его событяя и политические преследования, — во Франции, Бельгии, Англии, — он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитаров, а как ученый предстал он впервые предо миой в той рабочей комнате на Мейтанед-парк-род, куда со всех сторон цвилизованного мира стекались партийные товарищи для того, чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это историческая комната, и надо се знать, есля кочешь понять интиминую сторону дуковной жизни Маркса.

Она помещалась во втором этаже, и широкое окно, через которое а комнату попадала масса света, выходило в парк. У стеи, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посераи комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине; тут же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографки его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридрика Энгельса.

Маркс очень много курил.

 «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним, — как-то сказал он мне.

Но в еще большем количестве истреблял он спички; он так часто забывал о своей трубке или о сигаре и ему так часто приходилось их зажигать, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, верпее, в беспорядок, свои кинги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, собственно говоря, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал кингу или теградь, которые ему были нужны. Даже во время беседы он часто останваливался, чтобы показать в кинге приведенную цитату или цифру. Он был одно целое со своей рабочей комнатой, находящиеся в ней кинги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководствовался внешней симметрией: книги различных форматов и брошноры стояли тесно друг подле друга; он расставлал книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они — мои рабы, — говорил он, — и должны служить мне, как и хочу». Он не обращода винмания на их формат, переплет, красоту бумати или печати; он загнбал углы, покрывал поля отметками каравдашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом он не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, повволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тегради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепять их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных ст, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языкст,

Гейне и Гёте, которых Маркс в разговоре часто цитировал, он ямал наизусть. Он постоянно читал повтов, выбирая их из всей европейской лигературы. Ежегодио перечитывал ои Эсяла в греческом оригивале; его и
Шекспира он любил как двух величайших драматических гениев, которых
породило человечеств. Шекспира, которого он особенно любил, он изучал
спецнально. Он внал его самых незначительных персонажей. В семье
Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга.
Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 года Маркс аздумал усовершенствоваться в английском языке, из котором он еще раньше
умсл читать, он стал собирать и приводить в систему все своебразные шекспировские выражения; он винмательно изучал и часть полемических произведений Уильяма Коббета, которого он очень высоко ценил. Данте и Бёрис
были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие,
когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского
повта Бёрнса.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназивачалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты в т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в том и состоял его отлых.

Маркс был такой же неутомимый труженик, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комиате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу.

По временам Маркс ложился на диван и читал романы, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим лобителем романов. Маркс любил преимуществению романы XVIII столетия и особению Филдинга; из поздиейших писателей ему больше всего иравились Поль де Кок, Чарлз Левер, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Пурнтане» («Old Mortality») он считал образдовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приклоченнями и помористическим элементом.

Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в «Дон Кикоте» он видел эпос вымиравшего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмещки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать исследование о его крупнейшем произведении «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Луи-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного озавития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе».

Маркс обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение руского языка и, несмогря на трудность этого языка, овладел им через какие-инбудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозанков, из которых особенно ценна Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать официальные документы, опубликование которых в силу содержащихся в них ужасных разоблачений правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними ¹.

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще замечательное средство для умственного отдыха — математика, к которой он питал сосбое пристрастие. Алтебра служила ему даже нравственным утешением: он

¹ Марке глубоко изучал историю аграрных отношений в России, положение рабочих и крестьян, а также внешнюю политику дарской России. Ред.

прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизин. Во время последией болезии жены он не мог продолжать обычных научных занятий; и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-инбудь успоконтося, только погружаясь в математику. В это время — время душевиых страданий — он написал работу по исчисленню бесконечию малых велачин, которая, по отзывам читавших се специалистов, имеет большое научное значение. В высшей математике он изодил дивалектическое движение в его наболее логичной и в то же время простейшей форме. Ом считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой.

Собственняя библиотека Маркса, которую он тщательно собирал за долгое время своей исследовательской работы, в течение всей своей жизни, и которая содержала более тысячи томов, была для него исдостаточна, и он в течение миогих лет был усердины посетителем Британского музея, книгохранилище которого он ценил очень высоко.

Даже противники Маркса вынуждены были признать его обширные и глубокие познания ие только по его специальности — политической экономни, ио также и по истории, философии и по литературе всех страи.

Хотя спать Маркс ложился всегда очень поэдио, ио между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже иа иогах, пил черный кофе, читая газеты, и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хэмпстед-Хис¹, если позволяла погода; днем час или два он спал иа своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи.

Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ией он часто забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он спускался, наконец, в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комиату.

Ел он очень мало и прямо-таки страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя в пищу острые и соление кушанья ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга.

Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для Маркса высшим наслаждением. Мие приходилось часто слы-

¹ См. настоящий сборник, стр. 112. Ред.

шать, как он повторял слова Гегеля, своего учителя философии в годы юности: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышениев веся чудее неба».

Органиям Маркса должен был быть очень крепкни, чтобы выносить такой необычный образ жизин и такую изиуряющую умственную работу. И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиниее, чем следует, по сравнению с иотами, как это часто встречается у евреев. Есла бы мо-лодости он много занимался гимнастикой, то стал бы очень сильным человеком. Единственное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба; цельмии часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ин малейшей усталости. Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промекутки времени, чтобы записать то, что он обдумаль во время ходьбы. Он очень любил беседовать расхаживая и лишь время от временн останавливался, когда беседа бывала особенно оживленной или равтовор становных серовезным.

В продолжение многих дет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хэмпстед-Хис; во время этих прогулок по дугам получил я от него свое экономическое воспитание. Может быть, даже сам того не замечая, он издагал мие, шаг за шагом, содержание всего первого тома «Капитала», по мере того как он его тогда писал.

Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, я потерял эти драгоценные заметки. После Парижской Коммуны мон бумаги в Париже и в Бордо подверглись со стороны полицин полному разграблению.

Больше всего жалею я об утрате заметок, которые я сделал в тот вечер, когда Маркс нэложил мне свою геннальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто завеса разорвалась перед монми глазами: в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости влясния развития общества и ндей к их общим материальным причинам. Я был этим прямотаки ошеломлен, и впечатление это сохранилось у меня в течение долгих лет.

Точно такое же действие произвело это на мадридских социалистов ¹, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом, и, безусловно, одну из величайших теорий вообще, до каких только доходил когда-либо человеческий ум.

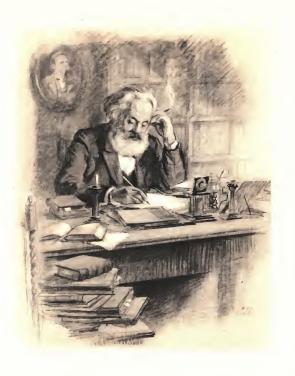
Моат Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области нстории и естествознания, а также философских теорий, и он превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Маркса можно было спрашивать когда угодио н о чем угодно, и неизменио получался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в тавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления.

Несомиению, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какос-либо другое на его сочинений не покавывает всего ведичия его гення н его знаний. Он был гораздо выше своих пооязведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал. Но мие при этом представлялась возможность наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у иего легко н в то же время трудно: легко, потому что для любой темы немедлению же появлялась перед его духовным взором вся полнота относящихся к ией фактов и соображений; но как раз вследствие этой полноты исчерпывающее изложение его идей было тоудным делом и требовало продолжительного времени...

Маркс постнгал суть вещи. Он видел ие только поверхиость, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделя, каждую из этих частей и прослеживал исторню ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и иаблюдал действие последией на первую и обратно. Он возвращался опять к возинкновенню объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последиий проделывал, и доходил, наконец, до самок отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постояниом движении мир.

⁴ После поражения Парижской Коммуны Лафарг эмигрировал из Франции в Испанию, где вел по поручению Маркса и Генерального Совета 1 Интернационала борьбу против анархистов-бакунистов. Ред.

И Маркс хотел нзобразить всю жизиь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкуров жалуются: как трудно точно передать
то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, только воспринятое нии впечатление. Их литературная работа—
детская игра по сравненно с работой Маркса. Требовалась необъчайная
снла мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось
не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел
сказать.

Никогда он не был доволен своей работой, всегда он впоследствин делал в ней наменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мыссль.

Маркс соямещал в себе оба качества, необходимые для геннального мислателя. Он мастерски разлагал предмет на его составние части и затем восстанавливал его со всеми его деталими и различными формами разлития и открывал внутрениюю их зависимость. Его доказательства не были абстракциями, как утверждалы вкономисть, исспособиме мислить; его метод был не метод геометрии, которая, черпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершению отрешается от реальной почвы. В «Капитале» мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самие легике оттекни и малейшие различия.

Маркс начинает с утверждения очевидного факта, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, заключается в огромной массе товаров; товар - нечто конкретное, не какаяннбудь математическая абстракция -- есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического богатства. Маркс берется за этот товар: он перевертывает его во все стороны, выворачивает даже наизнанку н раскрывает одну за другой его тайны, о существовании которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые. однако, многочислениее и глубже, чем все таниства католической оелигии. Всесторонне исследовав вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к производству товаров и к историческим условиям развития их производства. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из инх переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого

⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

Маркса, и, тем ие менее, все это почерпнуто им лишь на действительности, все это представляет действительную диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовествостью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой иа самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудиости это ни представляло; даже ради второстепениого факта он спешна в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт. Оппоненты инкогда не были в состоянии изобличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой контики.

Следуя этой привычке обращаться испосредствению к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у иего одного. Подобимх цитат в «Капитале» так много, что можно было бы, пожалуй, заподозрить, не приводил ли он их намерению, чтобы поквастать своей начитаниюстыю. Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую мысль или выразил се наиболее определению, как бы невначителе или малоизвестен ин был этот писатель.

Антературная совесть Маркса была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только инкогда не ссылался на факт, в котором не был вполие уверен, но даже не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучна основательно. Он не публиковал инчего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднокративыми переда-ками соответствующей формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, не доработаниой до конца. Показывать свои ружсински, пока в них не закончено все до последней запятой. было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что однажды он сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит и и кокончениями.

Вряд ли читатель его произведений представляет себе все трудности, которые вытекам из его метода исследования Так, чтобы написать в «Капитале» около дваддати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синик, книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в инх Эти доклады он считал важиейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистического способа производства и был такого высокого мнения о лодях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим надиям Европпы члайти таких же компетентных, беспристрастимых и решительных людей, как английские фабричиые инспектора». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловни к «Капителу».

И этот обидьный фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые миогие члены обеих палат парламента, получавшие эти книги, употребляли только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу странци, пробитых пулей, силу удара оружия. Другие члены парламента продавали Синие книги на вес, и это было самое разумиое, что они могли сделать: это-то и дало возможность Марксу дешево купить их у букиниста, к которому он заходил время от времени просматривать книги и старые документы. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для изуки Синие книги и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не зиал, что еще до 1845 года Энгельс почерпнул из Синих книг миого документов, которые он использовал в своей книге о положении рабочего класса в Англии 1.

Z

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда ои откладывал в сторону книги и тетради, кам по воскрессиями вечером в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого человека и полобить его. В эти моменты ои бывал самым приятным собсесдником остроумным, полымы момра, умешины смеяться от всей души. Всякий раз, когда кто-инбудь вставлял в разговор острое словцо или ловко парирующий ответ, черкые глава Маркса под нависшими густыми бровями искрились от всеслости и насмешлявой вроими.

Маркс был иежиым, кротким, сиисходительным отцом. «Дети должны воспитывать своих родителей», бывало говорил ои. Не было и теин отцовской власти в его отношении к дочерям, которые были иесобыкновенно к исму привязаны. Он инкогда ничего им ие приказывал; если же хотел чегонибудь от инку, ои их просла как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было иежелательно. И, тем не менее, редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ими, как с товарищем. Они называли его ме отец, а

³ См. К. Маркс в Ф. Энзельс, Сочинения, 2 изд., т. 2, етр. 231—517. Ред.

«Мавр», — так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за чериме, как смоль, волосы и бороду. А члены Союза коммунистов веще до 1848 года величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и 30 лет...

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последине и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые ои сам для инх сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят.

По воскрессивля дочери не позволяли ему работать: ои на весо день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предприямало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую таверну выпить имбирного пива и закусить хлебом с сыром. Когда дочери были еще маленькими, Марке, чтобы укоротить длинияй путь, рассказывал чудсеные волшебные сказаки, тякувшиеся без кочца, — сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была бесподобия поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила поисшеские стихотворения своего мужа, во никому их не показывала. Родитела Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их миению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашией Германии относились еще с пренебрежением.

Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересио было бы посмотреть, как тот, кого навывали «рыщарем классовой борьбы», разработал бы этот трагичный и вместе величественный эпизод из истории борьбы классов древнего мира. У Маркса было миожество планов, которые остались неосуществлениями. Он намеревался, между прочим, маписать логику и историю философии, — последияя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные планы — одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове

¹ Союв коммунистов — первая коммунистическая организация пролетариата, созданная Марксом и Энгельсом и существовавшая с 1847 до 1852 года. Ред.

Жена Маркса в течение всей его жизии была ему другом в самом настоящем и полном смысле этого слова. Оба виали друг друга еще с детства и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать семь лет, пока они, в 1843 году, обвенчались и с тех пор не разлучались уже ии разу. Жена Маркса скончалась. немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут ндеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Пролетариев в будничной рабочей одежде она приглашала садиться в ее доме за ее стол с такой любезностью и предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостепринмство н радушие, и я уверен — ни один из них даже ие заподовона, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечиостью в обращении, поонсходит по женской динни из рода геопогов Аогайлских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда, даже в дин самой жестокой нужды, не раскаивалась в том, что сделала.

У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидио без всякого усилия с ее стороиы, сами собой выливавшиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального
ума. Получить от жены Маркса письмо было праздинком. Иогани Филипп
Беккер опубликовал часть ее писем. Неумолимый сатирик Гейне побаивался
иронин Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены.
Во время пребывания четы Маркс в Париже ои был их постояниям гостем.
Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от иего в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям. Она же
переписывала его оркописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раиием возрасте во время неватол, которые пришлось испытать семье после революции 1848 года, когда они эмигрировами в Лоидои и поселинсь там
в двух маленьких комнатах на Дин-стрит, около Сохо-сквера. Из детей я
знал только трех дочерей. Когда в 1865 году я познакомился с Марксом,
младшая (Длеонора) была чудным ребенком, с замашками мальчика. Маркс
уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие
дочери представляли собой удивительный образчик совершенных противоположностей во всех откошениях. Старшая [впоследствин жена Лоиге.]

подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая — средияя (впоследствии жена Лафарга) — походила им мать: это была румяная блондиика с пышиыми кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилось заходящее солице.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно причислить еще одного члена, игравшего в нем немаловажную роль — Леихен Демут. Родом на крестъвиской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к Жении Маркс в качестве прислуги задолго до ее замужества. Ленхен ие оставила Жении Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Маркса, что совершенио забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех нх поездках и разделяла с ними их изгнание.

Это был поистине добрый гений дома; она умела найтись в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережлявости и ловкости семья инкогда не испытывала острой изужды, по крайний мере, в самом необходимом. Ленхен все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платъя и шила их вместе с женой Маркса. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновоеменно и хозяйкой и мажоодомом.

Дети любили ее, как мать, и в их главах она пользовалась родительским авторитетом, потому, комечно, что отмосилась к ими с чисто материнской привязаниостью. Жении Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала.

Привяванность Ленкен к семье Маркса была слепая: что бы кто из инх ин сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечиным расположением семьи, она относилась по-материиски, с чувством покровительственной нежиости. Она как бы усыповила всех их всю семью. Ленкен пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перецесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодие годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоя, членом их семьн; дочерн Маркса навывали его своим вторым отцом, он был alter едо ¹ Маркса; долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут навсегда связаны. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот ндеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делильсь друг с другом самыми задушень.

^{1 —} вторым «я». Ред.

нымн мыслямн и чувствами, принимали участие в одном и том же революционном движенни и до тех пор работали совместио, пока могли быть вместе.

Оии бы всю жизнь, вероятно, проработалн так вдвоем, еслн бы события не разлучили их почти на целых 20 лет. После поражения революцин 1848 года Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Марке должен был остаться в Лондоне.

Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: они почти ежедневно переписывальсь по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собствениями научивмин изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешим выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселянся в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дии, чтобы они не видельсь, чтобы один из доучей не навестил доугого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговори о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкретляя свои силы табаком, друзья просинивали вместе всю иочь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошла со для их последнего свядання.

Миением Эшгальса Маркс дорожил больше, чем миением кого бы то из было: Энгальс был как раз тем человеком, которого Маркс считал способням быть его сотрудником. Для того чтобы убедить в чем-инбудь Энгальса, чтобы заставить его признать какую-инбудь свою идею, Маркс не жалел инжаких трудов. Мие, например, привелось видеть, как он перечитывал, авпов целье тома, чтобы отыскать факты, которые заставили би Энгельса переменить миение по какому-то — теперь не припомню, какому имению — второстепенной важности вопросу из истории политической и религиозной войны альбигойцев і. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением было позадником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мной все иравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер.

¹ Альбизойские войны велкеь с 1209 по 1229 г. феодалами Северной Франции совестно с папой против «сретиков» Южной Франции, получивших назвязие альбитойцев по назвязино южнофранцузского города Альби. Движение альбитойцев было своеобразной формой оппозиции гороман и мелкого рещарства против католической церкви и феодального горударства. Ред.

Маркс приходил в восторг от необыкновенной разностороиности научных познаний Энгельса. Каждая мелочь, касавшаяся друга, беспокоила его.

 Я постоянно дрожу, — говорил мне Маркс, — при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим.

Маркс был хорошим другом так же, как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких — жене, дочерях, Ленхен и Энгельсе — он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

2

Маркс начал свою общественную деятельность одини из вождей радильной буржуазии, но кат только его оппозиция стала более резкой, он оказался покинутым, а когда он стал коммунистом, прежине согозники объявили его своим врагом. Его травили, изгвали из Германии, позорили его и клеветали на него, и, наконец, против него личио и против его трудов составился заговор молчания. Абсолютно игнорировали его «Восемпадцатое брюмера» ¹, работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 года он один сумел поинять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 года. Ни одиа буржуазная газета не упоминула об этом произведении, несмотря на то, что оно было написано на злобу дия.

Равиым образом замолчали и «Нищету философии» — ответ на «Философию инщегы» ², так же как и «К критике политической экономии» ³. Однако I Интернационал и первый том «Капитала» разбили этот заговор молуания, продолжавшийся почти 15 лет.

Игнорировать Маркса далее стало невозможно. Интернационал рос, и слава его дел наполнила весь мир. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером.

 $^{^1}$ «Восемнадиятое брюмера Луи Бонапарта» Маркс пясал с декабря 1851 по март 1852 года. Работа была опубликована в мае 1852 года. Ред.

 $^{^{2}}$ «Философия нищеты»— кинга французского мелкобуржуваного публициста Прудона, критике которой посвящена «Нищета философии» Маркса, написанияя и изданная в 1847 году. Рег.

в — книга Маркса, изданная в 1859 году. Ред.

В Германин была основана социал-демократическая партия, выросшая в силу, за которой Бисмарк ухаживал прежде чем решился обрушить на нее репрессин. Лассальянец Швейцер напечатал ряд статей, которые знакомили рабочую публику с содержанием «Капитала». По предложению И. Ф. Беккера, конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой «Капитал» рекомендуется винманию социалистов всех стран как «библия рабочего класса» !.

После восстания 18 марта 1871 года, в котором хотели видеть дело рук Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирию известным.

Маркс был теперь признан крупнейшим теоретнком научного соцнализма и организатором первого интернационального движения рабочих. «Капитал» стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и рабочие газеты пропагандировали его научиме теорин, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки выдержки из «Капитала» распространялись в форме прокламаций для того, чтобы побудить оабочум к стойкости и доказать им споаведливость их тоебований.

«Капитал» был переведен почти на все европейские языки. И каждый раз, когда в Европе нлн Америке противники теории Маркса делали попытку провергнуть его положения, марксисты находили ответ, который затыкал им рот. «Капитал» теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, а именно — «библике добочего класса».

Однако горячее участие, которое принимал Маркс в Интернационале и рабочем движении вообще, отникало время у его научной деятельности, а смерть жены и старшей дочери, Женни Лонге, отозвалась на этой деятельности прямо роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взанмной любви. Маркс любовался и гордился красотой жены. Она своим кротким, мягким нравом облегчала ему жизнь революционного социалиста, беспокойную и неизбежно связанную с лишениями.

Эти лишения спели в могкау Женин Марке; они же сократили жизнь се мужа. За время ее долгой мучительной болезии бессонные ночи, душевные волиения, недостаток движения и чистого воздуха утомили Маркса и правственно и физически. Он вскоре схватил воспаление легких, которое чуть было не сведо его в могнау.

 $^{^1}$ Эта резолюция была принята Брюссельским конгрессом I Интериационала в сентябре 1868 года. ho_{ex} .

Жена Маркса как жила, так и умерла, верная своим убеждениям коммунистки и матерналистки. Скончалась она 2 декабря 1881 года. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она сказала мужу: «Карл. силы мои сломлены».

Это были ее последние, виятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на Хайгетском кладбище в отделении для «отверженных» (в неосвящениой земле). Следуя правилам, которых она держалась всю жизи и которые разделял и Маркс, о дне ее погребения не объявляля; только немногие самые близкие друзья проводили умершую на место ее последнего успокоения. Перед тем, как разойтись, Энгельс, старинный друг Карла и Женни, произнес над могилой речь...

Со дня смерти жены жизнь Маркса была рядом физических и нравственных страданий, которые он переносил с твердостью и которые еще обострильсь, когда год спустя внезапио умерла его старшая дочь Женин Лонге. Он был сломден и уже не поповныдя.

Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 года, на шестьдесят шестом году жизин.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»), т. 1, 1890—1891 гг. Перевод с немецкого

Поль Лафарг ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

Я познакомнася с Энгельсом в 1867 году, в год выхода в свет первого тома «Капитала».

 Теперь, когда ты стал женихом моей дочери, — сказал мне Маркс, я должен представить тебя Энгельсу. — И мы поехалн в Манчестер.

Энгельс жил со своей женой и ее племянницей, которой тогда было лет шестъ нли семь, в небольшом домике на окранне города. В нескольких шагах от дома начиналось уже открытое поле.

После поражения революции на континенте Энгельс, подобно Марксу, эмигрировал в Лондон, где он, как и Маркс, намеревался посвятить себя всецело полнтической деятельности и научным занятиям. Но Маркс и Энгельс остались без всяних средств к существованию. Нужда поэтому заставила Энгельса последовать приглашению своего отца и вернуться в Манчестер, где ему пришлось занять то же место в конторе, которое он занимал в 1843 году. Маркс в это время писал еженедельные корреспонденции для raseты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская трибуна») и с трудом мог удовлетворять самые насущиые потребности своей семьи.

С этого времени до 1870 года Энгельс вел как бы двойную жизнь: в течение шести дией недели с 10 до 4 часов дня он выполиял свои обязаиности коммерческого служащего, состоявшне главным образом в веденин на разных языках иностранной корреспонденции Фирмы, а также в посещении торговой биожи. Для поиема своих знакомых из коммерческого мира он имел специальную квартиру в центре города, а в маленький домик в предместье города имели доступ только его политические и научные друзья. Среди них был химик Шорлеммер, а также Самюэл Мур, который впоследствии перевел пеовый том «Капитала» на английский язык. Жена Энгельса, нолаидка по происхождению, была горячей патриоткой и все воемя поддерживала связи со своими соотечественниками, которых в Манчестере было тогда очень много; она постоянно была в курсе всей их заговорщической деятельности. Немало феннев 1 находило убежище в доме Энгельса, а один из их руководителей, который предпринял попытку освободить перевозимых к месту казии феннев, только благодаря жене Энгельса смог ускользичть от полиции. Энгельс, нитеоесовавшийся движением фениев, собоал ояд документов по истории английского господства в Ирландии; часть этих материалов, несомненио, обработана им и должна находиться среди оставшихся после него бумаг 2.

По вечерам, освободнвшись от делового рабства, Энгельс возвращался в свой домик и снова становился свободным человеком. Он принимал участие не только в деловой жизни промышленинков Манчестера, но и в их развлеченнях: посещал их собрания, банкеты, занимался их спортом. Будучи прекрасным наездинком, он имел собственную лошадь для охоты на ласиц. Он не упускал случая принять участие в такой охоте, когда, согласно старому феодальному обычаю, высшее и средиее дворянство приглашало окрестивк ивеадинков на травлю лисиц. Энгельс был в числе первых в яростной скачке за зверем, и рвы, изгороди и прочие препятствия были ему инпочем. Маркс по этому поводу сказал мие однажды:

— Я все боюсь услышать когда-нибудь, что с ним произошло несчастье...

¹ Фении — ирландские мелкобуржуваные революционеры 50—70-х годов XIX в., боровшнеся ва национальную незавненмость Ирландии, Ред.

⁹ Незаконченная рукопись Энгельса «История Ирдандии» и часть подготовительных материалов к ней опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. Х. 1948, стр. 59—263, Ред.

Не знаю, были ли его буржувание знакомые осведомлены об его другой жизни, — англичане ведь исобыкиовению сдержании и проявляют так маю локобопиства по отношению к тому, что их непосредствению не касается. Во всяком случае они решительно ничего не знали о высоких умственных качествах человека, с которым находились в ежедиевию общении, потому что Энгольс весьма скупо обкаруживал пред инии свои познания. Человек, которого Маркс считал одини из образованиейших людей в Европе, был для них лишь веселым собеседником, поинмающим толк в хороших винах

Энгельс всегда алобил общество молодежи и неизменио был гостеприниным хозяниом. Сколько лондонских социалистов, сколько проезжавших через Англяю товарищей, сколько эмигрантов всех страи собиралось по воскресным диям за его братским столом! Все они покидали его дом, очарованные этими вечерами, которые он оживаля своим остроумием, своей увлекательной живостью, своей неугомонной веселостью.

Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизии их иастолько тесно переплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизиь. И тем не менее каждый из них представлял собой ярко выраженную особую нидивидуальность; они отличались друг от друга не только по высшиему облику, но и по характеру, по темпераменту, по манере мыслить и чувствовать.

Маркс и Энгельс впервые встретились в последиях числах воября 1842 года при посещении Энгельсом редакции «Rheinische Zeitung». Когда Маркс, после того как цензура удушила «Rheinische Zeitung», женялся и переехал во Францию, Энгельс провел с ини в ситтябре 1844 года несколько дией и Париже. Переписка из начальсь, как сообідает Энгельс в своей биографии Маркса, с совместиой работы в «Deutsch-Französische Jahrbücher», и с той поры начинается их совместиая деятельность, закончившаяся лишь со смертью Маркса. В начале 1845 года министерство Гизо по настоянию прусского правительства выслало Маркса из Франции и он переехал в Брюссель. Вскоре и Энгельс приехал туда. И когда революция 1848 года снова приввала к жизни «Rheinische Zeitung» і, Энгельс вошел вместе с Марксом призвала к жизни «Rheinische Zeitung» і, Энгельс вошел вместе с Марксом

¹ Имеется в виду «Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета»), выходявшая в Кёльне в 1848—1849 годах. Главным редактором газеты был К. Марке. Ред.

в редакцию и замещал его в руководстве газетой, когда Маркс бывал в отъезде.

Однако Энгалсь не пользовался таким же авторитетом, как Маркс, в глазах своих товарнщей по редакции — молодых людей, сплошь талантливых, революциюнно настроенных, мужественных, — несмотря на свое духовное превосходство над ними. Маркс рассказывал мне, что, вернувшись как-то из поездки в Вену, он застал в редакции раскол и распри, с которыми Энгалс никак не мог справиться. Отношения были очень обострены. Чтобы снова восстановить мир в редакции, Марксу пришлось пустить в ход всю свою дипломатию.

У Маркса был врожденный дар руководить людьин. Влиянию его подвергался всякий, кто соприкасался с инм. Энгельс один из первых признал вто. Часто говорил он мне, что Маркс с самой ранней молодости импонировал всем ясностью и решительностью своего характера. Он был подлинный вождь, к которому все относились с полиым довернем даже в делах, выходивших за пределы его компетенции.

Вот характеривій в этом отношенни факт. Вольф, которому посвящем первый том «Капитала», тяжело заболел в Маичестере, где он жил. Врачи признали его положение безнадежими. Но Энгельс и друзьи его не поверили этому жестокому приговору и заявили в один голос, что следует по телеграфу выявать Маркса и выслушать его мнение.

Энгельс н Маркс привыкли работать совместно. Энгельс, сам в высшей степени добросовестный в научной работе, тем не менее не раз выходил из себя от скрупулезностн Маркса, не желавшего напечатать ни одной фразы, которой он не мог бы доказать десятью различными способами.

После поражения революции 1848 года друзья вынуждены были расстаться. Один нз них отправаль мысленю жить друг с другой сстался в Лондоне. Однако они не переставаль мысленю жить друг с другом: ежедиеню или почти ежедиевно, в продолжение двадцати лет, делились они в письмах своими впечатлениями и мыслями по поводу политических событий, а также итогами своих научных занятий. Эта переписка сохранилась до сих пор.

Как только Энгельсу удалось сброснть с себя ярмо коммерции, он покинул Манчестер и поспешил в Лоидон. Там он поселился на Ридментспарк-род, в десяти минутах кодьбы от Мейтленд-парк-род, где жил Маркс Ежедиевно, около часу дия, он отправлялся к Марксу, и, если погода благоприятствовала и у Маркса было настроение, они отправлялись вместе на луга Хэмистеда. Если гулять почему-либо было нельзя, они час-другой беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь взад и вперед, один — по одной диагонали, другой — по другой.

Я вспоминаю один их спор об альбигойцах, который длился несколько дней. Маркс изучал в это время роль еврейских и христианских финанситов в период средневковыя . В промежутках между свиданиями они, каждый в отдельности, обдуммвали спорный вопрос, чтобы прийти к общему миснию. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них столь важиого значения, как этот их обмен мисний, — так высоко ставили они доруг друга.

- Маркс не переставал восторгаться универсальными познаниями Энгельса, удивительной гибкостью его ума, благодаря которой он так легко переходил от одного предмета к другому, а Энгельс, со своей стороны, восхищался могучей силой анализа и синтеза у Маркса.
- Коисчио, сказал мие однажды Энгельс, рако или поздио меканизм капиталистического способа производства был бы понят и объясиеи, были бы открыты и выяснемы законы его развития. Однако на это потребовалось бы много времени и работа была бы сделана несовершенно, по кусочкам. Один лишь Маркс способеи был проследить все экономические категории в их диалектическом развитии, связать моменты их развития с обуслованвающими их причинами и воздвигнуть целостное теоретическое здание экономической науки, отдельные части которого взаимно друг друга подкрепляют и обуслованявают.

Маркса и Энгельса сближала не только совместная умственная работа, но и взаимная нежная приязванность: каждый из них всегда думал о том, чем бы порадовать друга, каждый из них гордикас другим. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя, который сообщал ему о том, что его посетил Энгельс и что он познакомился таким образом с обавтельнейцим человком, какого ему когда-либо приходилась встречать

Хотед бы я видеть чедовека, — воскликиул Маркс, прерывая чтение письма, — который не нашел бы Фреда столь же милым, сколь и образованиям!

У них все было общим: и деньги, и знания. Когда Марксу было предложено писать корреспоиденции для «New-York Daily Tribune». он еще не вполне владел английским языком, поэтому Энгельс переводил его статьи

Работав над «Капиталом». Марке критически изучал произведения чета даже малоизвестных, авторов книг и памфлетов по вокномическим вопросам, включая ароизведения вкономистов древности и средневековы. Ред.

и даже писал их, когда это было нужно. Когда же Энгельс работал над своим «Анти-Дюрингом», Марке прервал свои занятия, чтобы написать для этой кинги экономическую часть, которой Энгельс, по его собственному признанию, частичию воспользовался ¹.

Энгельс распространял свою дружбу на всю семью Маркса. Дочери Маркса были и его детьми, и они, в свою очередь, называли Энгельса своим втоюм отцом. Доужба эта пододлжалась и после смести Маркса,

Одии лишь Энгельс был в состоянии разобраться в руксписих Маркса и издать оставлениее им литературное иаследство. Энгельс отложил в сторону свою общую философию наук, над которой он работал свыше десятка лет и для которой подготовил обзор всех изук и их иовейших успехов ², чтобы всецело посвятить себя издании двух последних томов «Капитада».

Энгельс любил научную работу. Его интересовали все области знавия. Посе поражения революции в 1849 году он сел на парусное судно, чтобы перебраться из Генуи в Англию, так как путешествие из Швейцарии через Францию кавалось ему ие совсем безопасиым. Он воспользовался этим случаем, чтобы приобрести иекоторые познания в области мореплавания. На этом судне он вел диевник, в котором отмечал изменения в положении солица, на правлении вегра, состоянии моря и т. д. Этот дневник должен находиться среди его бумаг, ибо подвижной, неистовый Энгельс отличался аккуратностью старой девы: он сохранил все и все записывал старательнейшим образом.

Первыми увлечениями Энгельса были филология и военное искусство; он всегда оставался им верен и постоянно был в курсе успехов этих наук. Самме, казалось бы, незначительные детали представлялись для него ценимми. Помию, как он, воспользовавшись визитом своего друга Меса, приехавшего из Испании, читал с имм вслух сборник испанских стихов, чтобы взять урок произношения.

 $E_{\rm FO}$ знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо невероятио.

Когда я после падения Коммуны встретился с членами испанского Haпионального совета Интернационала, они сказали мие, что меня как секое-

¹ Маркс иаписал для «Аити-Дюринга» X главу раздела «Политическая экономия». При первой публикации работы в газете «Vorwärts» («Вперся») Энгельсу пришлось месколько сократить эту главу. Но при третьем издании «Аити-Дюринга» в 1894 г. Энгельс пополики ее по рукописи Маркса. Ред.

² Незаконченная рукопись Энгельса «Диалектика природы» была впервые опубликовани Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1925 г. на немецком и русском языках. Ред.

таря Геперального Совета для Испанин замещает некий Анжель, который пишет на чистейшем кастильском наречии. Этот Анжель был не кто иной, как Энгельс — только фамилию его опи произвосили по-испански. Когда же я отправился в Лиссабон, секретарь Национального совета Португалин Франшна сообщил мне, что он получает письма от Энгельса на безупречном португальском языке, — удивительное мастерство, в особенности если принить во виимание сходство и меляне различия этих двух языков между собой и итальниским языком, которым Энгельс также владел в совершенстве.

У Энгельса было своего рода кокетством писать каждому, с кем он находился в переписке, на его родном языке: Лаврову он писал по-русски, французам — по-французски, полякам — по-польски и т. д. Он наслаждался литературой на местных диалектах и спешил приобрести народные издания Бинялии, написанные на миланском наречин, сразу же после их выхода.

На взморье в Рамсгете владелец одного балагана, окруженный толпой мелкого лондонского люда, показывал бородатого карлика в мундире бразильского генерала. Энгелье заговорил с ним сначала на португальском, затем на испанском языке — никакого ответа. Наконец, «генерал» сам обронил какое-то словечко.

 Да этот бразилец оказывается в действительности нрландцем! воскликиул Энгельс и обратился к нему на его родном наречин. Бедняга, услыхав родную речь, заплакал от радости.

«Энгельс занкается на двадцати языках», сказал один из эмнгрантов Коммуны, шутя по поводу свойства Энгельса слегка занкаться в моменты волнения.

Не было ни одной области знания, которая не интересовала бы Энгельса. В последние годы своей жизин он начал читать труды по акушерству, потому что жившая у него г-жа Фрейбергер готовилась в это время к медицинскому экзамену.

Маркс упрекал его в том, что он разбрасывается, кватаясь за множество предметов ради собственного удовольствия, «не думая о том, чтобы работать для человечества». Однако Энгельс, в свою очередь, упрекал его, говоря:

 Я с удовольствием сжег бы русские надания о положении сельского хозяйства, которые вот уже несколько лет не дают тебе закончить «Капитал»!

Маркс как раз в это время стал изучать русский язык. Один из его петербургских друзей — Данисльсон — прислал ему многочисленные, объемистые стати-гические неследования о согознии слаьского ходяйства. Русское

⁷ Воспоминания о Марков и Энгельсе

правительство запретило публиковать эти материалы, так как они вскрывали ужасающее положение русской деревии $^1.$

Алобознательность Энгельса удовлетворялась вполне лишь тогда, когда ои овладевал нзучаемым предметом до мельчайших его деталей. Когда имеешь хоть иекоторое представление о размерах и бескоиечиом разнообразии его познаний и принимаешь при этом во винмание его деятельную жизны, то невольно удивляешься тому, как Энгельс, который ничуть не был похож на кабинетного ученого, мог накопить такое количество знаний. Столь же точная, как и всеобъемлющая память сочеталась у него с необычайной быстротой в работе и не менее удивительной легкостью воспрытия.

Работал он быстро и легко. В его двух больших светлых рабочих комнатах, стены которых были заставлены книжными шкафами, не валялось на полу ни одного клочка бумаги, а книги, за исключением какого-инбудь десятка, лежавшего из письмениюм столе, стояли все из своих местах. Помещение это походило скорее на приемную, нежели на дабочий кабинет ученого.

Столь же внимательно относился он к своей внешности: бодрый, подтанутый, он всегда выглядел так, точио готов был явиться на смотр как в те времена, когда он служна в качестве вольноопределяющегося в прусской армин. Я не яваю инкого, кто бы так подолуг носил один и те же костомы, причем они никогда не теряли своего фасона н выглядели, как новые. Если по отношению к самому себе он был экономимы и позволял себе толькотакие расходы, которые считал безусловно необходимыми, то по отношению к партни и партийным товарищам, обращавшимся к нему-в нужде, он проявлял безграничную щедрость.

Энгельс жил в Манчестере, когда был основан I Интернационал. Энгельс поддерживал его деньгами и сотрудинчал в газете, основанной Генеральным Советом Интернационала. Когда вспыхнула франко-прусская война и Энгельс переехал в Лондон ², ои отдался работе в Интернационале с тем пылом, какой он проявлял во всем, за что бы ни брался.

¹ По всей вероятности Лафарг имеет в виду многотомиме «Труды податной коминскии», манечатанные для нужд служебного пользования в ограниченном количестве въземиларов Записи Маркса, сасамным и основе изучения «Трудов податной комиски» (первая половина рукописей), вошла в «Архив Маркса в Энгельса», т. XIII, 1955. Ред.

² - в сентябре 1870 года. Ред.

Война привлекла винмание Энгельса прежде всего как военного тактика. Изо дия в девъ следил он за сражающимися армиями и не раз, как это видно по его статъям в «Pall Mall Gazette» 1, предсказывал мероприятия германского генерального штаба. За два дия до Седана Энгельс предсказал окружение наполеоновской эрмия 1. За эти предсказания, которые, впрочем, обратили на себя большое винмание и английской прессы, старшая дочь Маркса, Жении, дала ему прозвище «Генера». После инспровержения Империи у Энгельса было только одно желание и одна надежда — триумф Французской республики. У Энгельса и Маркса и было отечества. Оба они быль по выоажению Макса, годжаланами всего миоа.

Напечатано в журмале «Die Neue Ze t» («Новое время»), т. 2, 1904—1905 зг. Перевод с немецкого

 $^{^1}$ «The Pall Mall Cazette» — английская газета, издавалась в Лондове с 1865 года. Статья Энгельса о франко-прусской войне печатались в газете с июля 1870 по март 1871 г. (см. К. Марке и Φ . Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 11—90, 101—242, 246—277). Ред.

⁸ В битве при Седане 1 сентября 1870 г. французская армия вместе с Наполеоном III была окружена и 2 сентября капитулировала. Рсд.

Вильгельм Либкнехт

из воспоминаний о марксе

отни раз ко мие обращались с просьбами написать что-инбудь о Марксе и о моих личных отиошениях к нему; я всегда отклоиал эти просьбы. Отклоиял я их из чувства глубокого уважения к памяти Маркса. Было ли у меня для этого достаточно способностей и времени? А в таком труде, где речь идет о Марксе, неряшливость и небрежность были бы окообительным неуважениям к его памяти.

Но мне не без оснований возражали, что и бегло набросанный очерк вовсе не должен быть непременно выражением небрежности и нерящиливости. Мне говорили, что я могу сказать по поводу Маркса и о Марксе много такого, что нензвестно някому другому. А ведь все, что десает образ Маркса более близким для рабочих, имеет огромную ценность. Рассказывать ли то, что мне нявестно, в несовершенном виде или совсем не рассказывать? Из друх зол следует выбирать меньшее. В конце концов я и сам пришел к такому заключенно...

Маркс как ученый, редактор «Rheinische Zeitung» («Рейиской газеты»), один из основателей «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французского емегодника»), творец «Коммунистического Манифеста», редактор «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейиской газеты»), создатель «Капитала» — этот Маркс я, комечно, оказалася бы дерэким глупцом. В короткие минуты, оторванные и утаенные мной от неизбежной повседиевной работы, я этого сделать не мог. Такая работа требует научных исследований, а откуда же ваял бы я нужное для этого время?

Итак, Маркса-ученого и Маркса-политика я в этом очерке не коснусь. Образ этого Маркса ясен каждому; я попытаюсь обрисовать Маркса-человека таким, каким я его знал.

1

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАРКСОМ

Моя дружба с двумя старшими дочерьми Маркса, бывшими в то время в возрасте б и 7 лет, началась спустя иссколько дией после того, как я летом 1850 года из Швейцарии, точнее из одной тюрьмы «свободной» Швейцарии, приехал с проходимы свидетельством в кармане через Францию з Лондои. Я встретил семью Маркса на летнем празднике Коммунистического просветительного рабочего общества ¹ — не помию, где имению, в Гринвиче или в Хэмптои-корте — в окрестностях Лондона.

«Отец Маркс», которого я увидел впервые, тотчас же подверг меня строгому экзамену, пристально посмотрел мие в глаза и довольно подробно освидетельствовал мног голову.

Впрочем, экзамен сошел благополучно, я выдержал взгляд этого человека с головой льва и иссиия-чериой львиной гривой.

Эказыен превратился в оживлениую веселую беселу, и вскоре мы очутились в самом центре ликующей праздинчиой толпы — Маркс был при этом одним из самых оживлениях, — где я тотчас же позивхомился с женой Маркса, с Ленхен, верной их помощинцей с юных лет, и с детьми.

¹ Речь идет о Просветительном обществе немецких рабочих, основанном в Лопдоне в 1840 году. В 1847—1850 гг. а также в 60—70-х годах XIX в. омо находилось дод осщающим замянием Маркса. Рез.

С того дня я стал у Маркса своим человеком и бывал в его семье каждый день. Они жили тогда на Дин-стрит, одной из боковых улиц Оксфорастрит, а я устроился по соседству, на Чёрч-стрит.

2

ПЕРВАЯ БЕСЕДА

Первая моя продолжительная беседа с Марксом состоялась на следующий день после нашей встречи на загородном празднике Коммунистического просветительного рабочего общества. Там, конечно, не было возможности серьезно разговаривать, и Маркс пригласил меня на следующий день в помещение Общества, куда должен был прийти и Энгель.

Я явился несколько ранее условленного часа; Маркса еще не было; я встретил нескольких старых знакомых и увлекся оживленной беседой с инми, когда Маркс, хлопнув меня по плечу, дружески со мной поздоровался и сказал, что Энгельс в «приемной», где нам будет спокойнее.

Я не знал, что такое «прнемная», и мне почуднлось, что сейчас именио и начнется «главный» экзамен; однако я доверчню последовал за Марксом. Маркс, который произвел на меня такое же симпатичное впечатление, как и накануне, обладал способностью внушать доверие. Подхватив меня под руку, он повел меня в «приемную», где Эшгельс, уже запасшийся кружкой темного пява, встретил меня весельмим шуткам.

Мигом мы заказали Эми, проворной кельнерше, «матерьил» для выпажни, а также для едм — у нас, эмигрантов, желудочный вопрос играл важную роль, — мигом появнасьс пино, и мы уселись — я по одну сторозу стола, а Маркс и Энгельс протнв меня. Массивный стол из красного дерева, блестащие оловянные кружки, пенящееся пино, предвкушение настоящего английского ростбифа с гаринром, длиниые глиняние трубки, так и манившие закрупть, — все это создало такую уютную обстановку, что я невольно вспомина картинку из английских иллюстраций к Диккенсу. Но экзамен все-таки предстоял! Ну, что ж, как-инбудь выкарабкаюсь! Разговор оживлялся все больше...

До моей встречи с Энгельсом в Женеве, за год до этого, мне ни с ним, ни с Марксом не приходилось общаться лично. Из трудов Маркса я читал только его статъв в паряжком «Jahrbücher» и «Нишету филосо-

¹ Имеется в виду «Deutsch-Französische Jahrbücher». Ред.

фин», а из сочинений Эпгельса — «Положение рабочего класса в Антлин»; «Коммунистический Манифест» я, будучи коммунистом с 1846 года, достал лишь незадолго до моей встречи с Энгельсом, после кампании за имперскую конституцию!, хотя я, конечию, слышал о нем и равыше и знал его содержание. «Neue Rheinische Zeitung» мие удавалось видеть лишь изредка; в течение 11 месяцев ее существования я находился либо за границей, либо в тюрьме, либо в хаотических условиях бурной жизни повстанца.

Оба мои экзаминатора подозревали меня в мелкобуржуазном «демократизме» и «южногерманской сентиментальности». Многне на монх суждений о людях и вещах подверглясь очень резкой критике... Но в общем экзамен сошел довольно благополучно, и разговор постепенно перешел на другие темы.

Вскоре у нас зашла речь об естествознании, и Маркс издевался над победопосной реакцией в Европе, которая воображает, что революция задушена, и не догадывается, что сетсетвознание подготоваляет новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место станет нензмернию более революционная стла——электрическая нскра.

Тут Маркс с необычайым воодушевленнем рассказал мне, что несколько дией назад на Риджент-стрит была выставлена модель электрической машины, везущей железнодорожный поезд:

 Теперь задача разрешена, и последствия этого факта не поддаются учету. Необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой.

Когда Маркс говорна об этом достижении науки и механики, все его мировозэрение, особению так называемое выне материалистическое понимание истории, выступило с такой ясностью, что немногие сомнения, еще остававшиеся у меня, нечезам, как сиег под аучами весениего содица.

В тот вечер я не попал домой — мы говорили, смелансь и пили до позднего утра, и солице стояло уже высоко на небе, когда я улегся в постель. Но долго я не пролежал, я инкак не мог уснуть. Голова была слишком полята всем тем, что я слышал; неугомонный рой мыслей выгнал меня опять на улицу.

¹ Революционные бои в Юто-Западной Германии весной и летом 1849 г., проходившие под флагом борьбы за общегерманскую (так называемую имперскую) конституцию. Ред.

Я поспешил на Риджент-стрит, чтобы посмотреть модель этого современного троянского коня, которого буржуваное общество в самоубийственном ослеплении, ликуя, как некогда троянцы и троянки, вводило в свой Илкои и который исс ему с собой верную гибель. Essetai haemar — День придет, и погибиет священия Троя!

Густая толпа народа указала мие витрину, в которой выставлена была модель. Я протискался вперед, и действительно — за стеклом проворно бегал электрический локомотив с вагогамим...

Это было в 1850 году, в начале июля.

3

МАРКС—УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Мавр, будучи старше нас всего на 5—6 лет, чувствовал за собой по отношению к нам, «молодым», все преимущества зрелого возраста и пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитаниюсти и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какомунибудь «студентику» щекотливый вопрос, он тут же на нем доказывал всю инчтожность наших ушиверситетов и нашего академического образования.

Но он и воспитывал, воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле, и в более узком и в более широком, что он был моим учнтелем. И это относилось ко всем областям. О политической экономин я уж не говорю — в папском дворие не говорят о папе. О его лекциях по полнтической экономин в Союзе коммунистов я скажу инже. Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и ои оадовался, как оебенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля нли Эсхила. в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрад меня однажды за то, что я не знаю... испанского языка! Мигом извлек он из груды книг «Дон Кихота» и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и повтому дело пошло довольно гладко под превосходиым руководством Мавоа и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался н спотыкался. И как терпелив был он в преподаванин — он, обычно такой бурно-нетеопеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку.

Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему чтонибудь из «Дон Кихота» или другой испанской книги до тех пор, пока мон знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматнку Гримм он зная во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичании и француз — с про-изиошением, правда, дело обстояло немножко куже. Его статън для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской трибуны») написаны на классическом английском языке, его «Ніщета философии», направлениям против прудоновской «Философии нищеты», — на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, висс в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понима, существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский язык, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не удалось осуществить. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорощая память, — а Маркс обладал редкой памятью, инкогда инчего не упускавшей, — тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже негрудно.

В 1850 и 1851 годах Маркс прочел курс лекций по политической экономии. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он, по нашему настоянию, согласился, наконец, выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже развил в основимх чертах свою систему, как она изложена в «Капитале».

В переполненном зале Коммунистического просветительного рабочего обества, помещавшегося в те времена еще на Унндмилл-стрит.— в том же зале, где полтора года тому назад был принят «Коммунистический Манифест». — Маркс обиаружил замечательный талант популяризатора. Маркс был ярым противником вульгаризации, то есть фальсификации, опошления и выхолацивания науки; но инкто не обладал в большей степени, чем он, способностью жию выражать свою мысль. Ясность языка — результат ясного мымления, а ксная мысль негабежно обусловлявает ястури форму.

Маркс преподавал методически; он произносил фразу возможно короче и затем разъясиял ее более или менее пространию, старательно избетая всех непонятних рабочим выражений. Затем он предлагал слуштательм задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно испоразумение.

Когда я однажды высказал удивление по поводу этого искусства, мие сказали, что Маркс читал лекции еще в Немецком рабочем обществе в Брюсселе ¹. Во всяком случае он обладал всеми даниыми превосходного преподавателя.

Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы, — между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц «Капитала».

Чреввычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В Коммунистическое просветительное общество проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, Общество сузилось и приняло несколько сектантский характер, — старые сторонинки Вейтлинга и Кабе сиова подняли голову, и Маркс отстранился от этого Общества.

Пуризм Маркса в вопросах языка и стиля доходил иной раз до педантичности. Мой верхичессиский дильнет, который от меня — или от которого я — упорио ис хотел отвязаться, стоил мие бесчислейных выговоров. Я отмечаю эту мелочь только потому, что она показывает, до какой степени Маркс чувствовал себя учителем по отношению к мам, «молодежи».

Это проявлялось, коисчио, и в другом виде. Ои был очень требователеи. Когда он замечал какой-инбудь пробел в знаниях, он бурио настанвал на его восполиении, для чего давал все нужные советы.

Оставаясь с иами насдине, ои устранвал настоящие экзамены, и эти визамены были не шуткой. Марчсу нельзя было втереть очки. Если же ои замечал, что все его усилня бесплодины, то и дружбе приходил конец. Мы почитали за честь быть под его «муштрой». Никогда мои свидания с иим не проходили без того, чтобы я не выкучнася чему-инбудь...

³ Намецкое рабочее общество в Брюсселе бъло основано Марксом в Энгельсом в августе 1847 г. с целью политического просвещения рабочих и пропаганды масй научного коммунизма. Лекцин, прочитанияме Марксом в этом Обществе, бълм опубликовани в апреле 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung» под навванием «Наемный труд и капиталь» Ред.

В те времена лишь интожное меньшинство даже внутри рабочего класса доросло до соцнализма, а среди самих социалистов социалисты в духе изучной теории Маркса, в духе «Коммунистического Манифеста», были в свою очередь меньшинством. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась для политической жизни, застряла в тумане сентиментально-демократических пожеланий и фраз, столь характерных для революционного движения 1848 года с его прологом и впилогом. Одобрение толпы, популлярность были для Маркса доказательством, что человек попал на ложный путь, и любимой его поговоркой были гордые слова Данте: «Segui il tuo сого, е lascia dir le gentil» («Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!»).

Как часто цитировал ои этот стих, которым заканчинается и его предисловие к «Капиталу»! Никто не может быть равнодушен к ударам, пинкам. укусам комаров и клопов, и как часто Маркс, на своем пути встречавший нападки со всех сторои, терзаемый заботой о хлебе насущном, не понимаемый массой трудящихся, для освободительной борьбы которых он в ночной типи оттачивал оружне, и не только не понимаемый, но подчас даже грубо отталкиваемый этой самой массой, которая бежала за пустыми фразерами, лицемерными предателями или даже просто за явными врагами, — как часто он в уединении своего бедиого, истинию пролетарского кабинета подбадривал себя словами великого флорентица, черпая в иих свежие силы!

И он не дал сбить себя со своего пути. В противоположность принцу из «Тысячи и одной иочи», потерявшему победу и иаграду за нее только потому, что он стал трусливо оглядываться, испугавшись шума и призраков вокруг себя, — Маркс шел вперед, устремив взор к сияющей впереди цели...

Он иенавидел популярность, и погоия за популярностью повергала его прямо в ярость. К красиобаям он испытывал омераение — и горе тому, кто в его присутствии отделывался фразами. Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым браниым словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он порывал навсегда. «Надо мыслить логически и ясио выражать свою мысль», внушал он иам, «молодым», при каждом удобном случае и заставлял нас учиться.

К тому времени бъла построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил цельне дии, Маркс гиал и иас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личиом примере и даже в одном лишь зрелище втой постоянной, могучей работы великого ума. В то время, как остальные эмигранты изо дия в день сочиняли планты мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: «Завтра начиется!»— мы, «серияя баида», «баидиты», «подонки человечества», сидела в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие для бухтших боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это ие мешало нам идти в музей; тведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, не так, как дома,— если у кого вообще существовал дом или домашиный очаг.

Маркс был строгны учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял. действительно ли мы учились.

Я долгое время занимался историей англяйских тред-ноинонов. Каждый день он меня спрашивал, много ли я успел, и в конце концов он только тогаа оставна меня в покое, когда я прочел довольно дливную лекцию перед большим кругом слушателей. Он был на этой лекции. Появал мне ие пришлось от него услышать, но оп меня и не раскритинковал; а так как явланты не было в его обычае и он большей частью хвалил только из сострадания, то я скоро утешняся. Когда же он вступил со мной в спор по поводу одного моего положения, я приняла это за косвениую похвалу.

Маркс как учитель обладал редким качеством: ои умел быть строгим, не обескураживая.

 И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к самокритике, не допускал, чтобы мы удовлетворяльсь уже достигнутым. Идиллическую соверцательность он жестоко хлестал бичом своей наслешки.

4

СТИЛЬ МАРКСА

Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона «стиль — это человек», то имению к Марксу. Стиль Маркса — это Маркс. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом добытме, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в споих книгах показать себа таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, неспособный к притворству и к позе, он всегда был самим собой как в своих произведениях, так н в своей жизии. Правда, при такой миогосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре в стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс — творец «Капитала», Маркс — автор «Восемнаддатого брюмера» и Маркс — создатель «Господина Оргта» — три различных Маркса, и все-таки при всем различных то один Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство — единство большой личности, которая разно проявляет себя в разных областях и все же ввегда остается одной и той же.

Конечно, стиль «Капитала» труден, но разве легок излагаемый в нем предмет? Стиль — не только человек, он и материал, он должен приспособляться к предмету исследования. There is no royal road to science — в науке нет широкой столбовой дороги, тут каждый должен напригаться и тянуться сам, даже когда его ведет наилучший проводиик. Жаловаться на трудный, с грудом усваниваемый или даже тяжеловесный стиль «Капитала» — значит только признать собственную леность и неспособность к мышдению.

Можно ли сказать, что «Восемнадцатое брюмера» непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятна коппье, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в само сердце? Слова «Восемнадцатого брюмера» — стрелы и копъв, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в «Восемнадцатом брюмера», в котором соединились истодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гиев Данте. Здесь стиль становится stills, то есть тем, чем он был в руках римлян — острым стальным клинком, которой пишет и колет. Стиль — кинжал, без поомаха подолжающий польмо в сеодите.

А в «Господние Фогте» этот ликующий юмор, эта напоминающая Шекспира радость от того, что найден Фальстаф ¹ и в его лице — неисчерпаемый запас для целого арсенала насмешек!

Стиль Маркса — это именно сам Маркс. Его упрекали за то, что он патался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценна ясность и точность выражения. Гёте, Аессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых он читал почти ежедиевно, он считал своими учителями в области слова.

В отношении чистоты и правильности языка он был добросовестен до щенетильности. Помию, как он отчитал меня однажды, в первое время моего пребывания в Лондоне, за то, что я в одной из своих статей написал

^{1 —} персонаж в пьесах Шекспира «Король Генонх IV» и «Виндзорские кумушки». Ред.

«stattgehabte Versammlung». Я попробовал было сослаться на общеупотребительность этого выражения, но тут Марке разразился: «Жалкие немецкие гнимазии, в которых нельзя начушться немецкому языку, жалкые немецкые университеты» и т. д. Я защищался, как мог, приводил в пример классиков, но никогда более не говорил «stattgehabte» или «stattgefundene» Ercignisse, да и еще кое-кого отучка от этого...

Маркс был строгим пуристом; иередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он не терпел злоупотребления иностраниыми словами, и если он всс-таки часто их употреблял — там, где предмет этого и ие требовал, — то это следует отнести за счет его долгого пребывания за границей, главным образом в Англии... Но какое огромное количество оригинальных, подлиние исмецких выражений и словобразований находим мы у Маркса, который, несмотря на то, что две трети жизни провел за границей, имеет огромные заслуги перед немецким языком и принадлежит к крупнойшим мастерам и тводовам немецкой прозы!

5

МАРКС КАК ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Маркс относился к политике, как к науке. Трактирных политиканов и трактирное политиканство он смертельно ненавидел.

И действительно, можно ли представить себе что-дибо более бессимкленное? История есть продукт всех действующих в людях и в природе сил и человеческого мышления, человеческих страстей, человеческих потребностей. Политика же, как теория, есть познание этих миллионов и миллиардов «ткущих на станке времени» факторов, а как практика — обусловлениее этим познанием действие. Политика есть, таким образом, наужа и притом прикладиял.

Маркс приходил в ярость, когда говорил о пустомелях, которые несколькими шаблонивыми фразами объясияют все явления и, принимая свои более или менее путаные желания и представления за факты, вершат судьбы мира за ресторанивыми столиками, в редакциях газет или на митнигах и в парламеитах. К счастью, никто не обращает на них виммания. Среди таких пустомелей оказывались иногда и очень знаменитые, прославленные «великие мужи».

И тут Маркс не только критиковал, но и являл в своем лице высокий пример: в своих работах о иовейшем развитии Франции и наполеоновском государственном перевороте, а также в своих корреспоиденциях в «New-York Daily Tribune» ои дал классические образцы произведений по политической истории.

Приведу сравнение, которое невольно приходит мне в голову. Государственный переворот Бонапарта, о котором Маркс говорит в своем произведении «Восемнацадатое брюмера», послужил также темой для одного прославленного произведения Виктора Гюго, величайшего из французских романтиков и художников слова. Но какой контраст между двумя этими призведениями и двума авторами! Там—гиперболическая фраза и фразерская гипербола, здесь—методически подобранные факты, человек науки, хладиокровно их взвешивающий, и политик—тневный, но в гневе своем не теряющий рассудительности.

Там — поверхиостиан, пере-ливчатая пена, вспышки патегической риторики, причудливые карикатуры. Здесь каждое слово — метко пущенная стрела, каждая Фрава — тяжелое, подкрепленное фактами обвинение, обнаженная правда, непреоборимая в своей наготе, — не иегодование, а лишь констатирование, разоблачение того, что есть из самом деле. «Napoléon le Petit-(«Наполеон Малый») Виктора Гюго выдержал одно за другим десять изданий и ныме забыт. «Восемнаящатое брюмера» Маркса с восхищением будут читать и чеоеа тисячи лет.

Как я уже говорил в другом месте, Маркс мог стать тем, кем оп был, токо в Англии. В такой вковомически отсталой стране, какой еще была Германия до середниы этого столегия, Маркс ие моп прийти к своей критике буржуазной политической экономии и постичь капиталистический процесс производства, — точно так же как в экономически отсталой Германии не могли существовать политические учреждения экономические развитой Англии. Маркс зависел от своей среды и от условий, в которых он жил, не меньше всякого другого человека; без этой среды и этих условий он ис стал бы тем, кем он был. Это он сам доказала лучше, чем кто бы то им был.

Наблюдать такой ум. следить за тем, как ои испытывает на себе действие окружающих условий и все глубже и глубже проникает в сущность общества, — уже само по себе величайшее духовиое наслаждение; и я ие перестаю благодарить счастлявый случай, приведший меня, молодого, неопытного, любознательного іонца, к Марксу, под его вляние и руководство.

При миогосторонности, — я сказал бы даже — всесторонности этого умиверсального ума, то есть ума, охватывающего всю вселенияю, проникающего во все детали, ничем не пренебрегающего и ничего не считающего несуществениям или невиачительным, — конечио, и его руководство также должно было быть многостронним. Маркс был одиям из первых, кто понял все значение исследований Дарвина. Еще до 1859 года, года выхода в свет «Происхождения видов», бъвшего по странкому совпадению также и годом опубликования» сК критике политической экономии», Маркс оценил огромное значение Дарвина, который вдали от шума и сутолоки большого города, в своем тихом ммении, подготовлял такую же революцию, какую сам Маркс готовил в многошумном центре мира, — с той только разницей, что там рычаг был приложен к другой точке.

Особению в области естествовнания, включая физику и химию, и в области истории Маркс следил за каждым новым явлением, отмечал каждый новый успех. Имена Молешотта, Либика, Гексли, популяриме лееции которого мы добросовестно посещали, повторялись в нашем кругу так же часто, как нимена Рикаро, Адама Смита, Мак-Куллоха, а также шотландских и италянских вкономистов. Когда Дарвии, сделав выводы из своих исследований, представил их на суд обществениости, мы цельмии месяцами ие говорили и но чем другом, как о Дарвине и револоционной силе его открытий.

Там, где требовалось признать чужие заслуги, Марке был самым великодушимы и справедливым человеком. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тудеславиым. Но зато фавлшивое величие, поддельную славу, которой щеголяют бездариость и пошлость, он ненавидел смертельно, как велякую фальцы и ложь.

Среди известных мне людей — великих, малых и средних — Маркс был одним из немногих, совершенно лишениых всякого тщеславия. Ои был для этого слишком велик и слишком силен, да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться. Кроме тех случаев, когда этому преизгствовали соображения обществениюто или политического порядка, он всегда высказывал свои мысли и чувства полностью, не считаясь ни с чем. Когда же обстоятельства требовали сдержанности, он проявлял такую, чуть ли не детскую неловкость, что часто забавляла этим своих доуже.

Маркс был исключительно правдивым человеком, это была воплощенная правда. Стоило взглянуть на него, чтобы тотчас же понять, с кем имеешь дело. В «цивилизованном» обществе с его перманентным военным положением не всегда, конечно, можно говорить правду — это значило бы отдаться в руки врага нли обречь себя на изгнание из общественной жизни. Но есля не всегда можно говорить правду, то отсора еще не следует, что нужно лгать. Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, но это не значит, что я должеи или обязаи говорить то, чего я не чувствую и не думаю. Первое — это блаторазумись, второе — лицемерие. Маркс инкогда

не лицемерил. Ои был просто исспособен на это, так же, как исспособно на это исвиниое дитя. «Мое большое дитя», часто называла его жена, а лучше ее инито ие знал и не понимал Маркса, даже Энгельс. И действительно, бывая в «обществе», в котором придавалось значение внешним манерам и приходилось себя сдерживать, иаш Мавр в самом деле становился большим ребенком и мог смущаться и красисть.

Актерствующие люди были ему глубоко противиы. Я вспоминаю, как ои, смеясь, рассказывал нам о своей первой встрече с Луи Бланом. Это было еще на Дии-стрит, в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая, приемиая, служила гостиной и рабочим набинетом, а вторая — для всего остального. Луи Блан представиася Леихеи, проводившей его в первую комиату, между тем как во второй Маркс спешно переодевался: соединявшая обе комнаты дверь осталась приоткрытой, и через шель Маркс мог наблюдать забавичю сценку. «Великий» историк и политик был очень маленького роста, не выше восьмилетиего мальчишки, но пои этом оказался невероятным шеголем. Оглядевшись в пролетарской гостиной, он нашел в одном углу крайне примитивное веркало, перед которым тотчас же расположился, стал в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост, - он носил такие высокие каблуки, каких мие в жизии не приходилось видеть, - с удовольствием рассматривал себя в зеркале, прихоращиваясь, как влюбленный мартовский кот, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Жена Маркса, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, едва удерживалась от смеха. Переодевшись. Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем приходе, и фатоватый трибуи, отступив от зеркала, приветствовал входящего изящиым поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать, и вскоре «маленький Луи». — как называли его парижские рабочие, чтобы отличать его от Луи Бонапарта, — стал вести себя настолько естественио, насколько вообще был на это способен...

6

МАРКС ЗА РАБОТОЙ

«Гений — это прилежание», сказал кто-то; если это и не совсем так, то во всяком случае в значительной степени верио.

Не может быть гения без исключительной энергии и исключительной работоспособности. Так называемый гений, которому чуждо и то и другое. —

В Воспоминания о Марксе и Энгельсе

это лишь краснвый мыльный пузырь нан вексель на будущие блага гас-нибудь на луне. Но там, где нальщо выходящая из ряда вои энергия и работоспособность, там и гений. Я знал миогил людей, которые сами считали себя гениями и слыли таковыми в своей среде, но которые не обладали работоспособностью, и на деле онн оказывальное лишь бездельниками, одаренными красноречием и талантом создавать рекламу. Все действительно крупные люди, которых мие довелось узнать, были очень примежим и усердию трудились. Это в полной мере относится и к Марксу. Он работал необычайно много, и так как дием, в особенности в первое время его вмигрантской жизии, ему часто мешали, то он стал работать по ночам Когда ми поздию вечером возвращальное с какого-инбудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал работать почти всю ночь напролег, ложась спать только утром. Его жена не раз серьезно упрекала его за это, но он, смеждь, отвечал, что это вполом соответствует его натуре.

Несмотря на свой чрезвичайно сильный организм. Маркс уже в конце пятидесятых годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Приплось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое запрещение работать по ночам и было предписано much exercise, то есть как можно больше движения, прогулья пешком и верхом. В те времена мы с Марксом много бродили по окрестностям Лондона, пренмущественно в холмистой северной части. Вскоре Маркс стал поправляться; его организм был действительно как бы создан для большого напряжения.

Но едва он почувствовал себя выздоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступна кризис, принудявший его к разумному образу жизни, — однако опять лишь до тех пор, пока это повелительно требовалось его состояннем. Кризисы все усиливались, развивалась болельн печени, появились злокачественные нарывы, — и постепенно железный организы надломился.

Я убежден — и таково же мненне лечивших его под конец врачей — что, если бы Маркс мог решиться вести нормальную жизив, то есть жизив, отвечающую требованиям его организма или, скажем, соответствующую гребованиям гигнены, он жил бы еще и поныне. Лишь в последние годы, когда было уже слишком поздио, он отказался от работы по ночам. Зато тем больше он сталь даботать дием.

Он работал постоянно, работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогумни он брал с собой свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки. И его работа никогда не бывала поверхностной. Можно работать по-разному. Он работал всегда интенсивно, всегда с величайшей основательностью. Его дочь Элеонора подарила мие одну историческую таблицу, которую он набросал для себя, чтобы воспользоваться ею для какого-то второстепенного примечания. Правда, второстепенных вещей для Маркса не существовало, и эта таблица, составленная им лично для себя, выполнена с такой тщательностью, точно она предназначалась для печати.

Маркс работал с выдержкой, часто приводившей меня в изумление. Он не знал усталости. И даже тогда, когда его организм неизбежно должен был бы наддомиться, он не выказывал признаков слабости.

Если судить о ценности человека по сделанной им работе, — как стонмость вещей определяется количеством вложенного в них труда, — то даже с этой точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие средн гвгантов мысли могут оавияться с ним.

Чем же буржуваное общество возместнло это невероятное количество труда?

Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — н как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низ-кооплачиваемый поденцик в Германии получает за сорок лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде «гонорар» за величайшее научное творение нашего века.

Наука не имеет рыночной стоимости, и можно ли требовать от буржуваного общества, чтобы оно за свой собственный смертный приговор заплатило приличиую цену?..

7

В ДОМЕ НА ДИН-СТРИТ

С лета 1850 года вплоть до 1862 года, когда я возвратился в Германию, я бывал у Маркса почти ежедневно, и целые годы подряд проводил там время с раннего утра до позднего вечера, так что я, наконец, сделался как бы членом его семьн.

Дом Маркса — до его переселения на Мейтленд-парк-род — был скромный одиоэтажный домик на уединениой Дин-стрит, куда слеталось и откуда вылетало великое множество всяких странствующих и перелетных птиц; здесь были маленькие вверьки, попадалась и крупная дичь.

Кроме того, дом этот был постоянно центральным пунктом н для товарищей, осевших в Лондоне, с которыми, впрочем, всегда выходила какая-инбудь замника. В Лондоне было очень трудно прочно обосноваться, и большую часть эмигрантов голод гнал в провницию или в Америку, само собой разумеется, только в том случае, если бедиага-изгианния не совершал более короткого странствования и не обретал оседлость или, по крайней мере, более или менее продолжительное успокоение на одиом из лондонских кладбиш.

Что касается меня, то я выдержал искус, и, если не считать верных Аесснера и Лохиера, которме не имель возможности так часто посещать Маркса, как я, я был единственным из всей нашей лоидоиской «общины», который мог в теченне всего этого времени, с одини только коротким перерывом, быть своим человеком в доме Мавра. При таких условнях я мог узнать и увидеть много такого, что ускользиуло го взоров других.

8

ЭМИГРАНТСКИЕ ИНТРИГИ

Мон друзья и товарнщи долондонского пернода моей жизин часто изделянсь надо мной по поводу моей привизавиности к Марксу. Еще совсем недавно я нашел письмо, относящееся к этой впоке моей жизин. Это письмо от Бауара, одного из способнейших баденских волонтеров 1, который несколько лет тому назад умер в Мидуоки (США), где он был редактором основанию им радикально-демократической газеты. После кратковременного пребывания в Лондоне он, подобно большинству других эмигрантов, обладавших достаточимми средствами, уехал в Соединенные Штаты, где скоро заналь соответствовавшее его дарованням место в прессе.

Это было как раз самое тяжелое время для эмигрантской колонии в милодом, но и хотел меня иепремению перетацить к себе. Он уже послал мне иесколько пригласительных писем, где обещал мне наверияка сольдное редакторское содержание. В то время, когда я не имел и сухой корки хлеба, чтобы заморить червячка, обещанные мие 50 долларов в неделю были весьма соблазиительной приманкой. Но я был против этого: я не хотел удаляться с поля битвы дальше, чем это было необходимо, а кто едет за океаи, тот в 999 случаях из тысячи потерян для Европы; это было мие известно.

 $^{^1}$ Имеется в виду участинк баденско-пфальцского восстания 1849 г. Карл Фридрих Бауво. Ред.

Наконец, Бауэр пустна в ход последнее средство: он попробовал воздействовать на мое самолюбие. В письме, которое еще и теперь хранится в монх бумагах, он мие пишет:

«"Итак, здесь ты — свободный человек: ты самостоятельно можешь проявнть свон способности. А там? Там ты — мячик, ослик, которого заставляют перевюсить тяжести и над которым за глаза насмехаются. Как у вас обстоят дела? Наверху царит ваш всезнающий, всемудрый далай-лама — Маркс. За ням далеко, далеко — пустота. Потом — Энгельсі; далее опять далеко, далеко на огромном пространстве — пустота. Затем — Вольф. И опять бескопечная пустота. И только после ник, может быть, найдется местечко этому «семтиментальному ослу» Либинекту...»

Ну, конечно, я ответна, что нячего не имею протня того, чтобы быть ниже людей, более достойных, чем я, и что я лучше чувствую себя в обществе людей, от которых я могу чему-тибудь научиться и на которых мне приходится смотреть снизу вверх, чем наоборот, как это бывает в обществе его, Бауэра, «велянки мужей»

Я остался в Лондоне и продолжал учиться.

Таково было мненне, которое эмнгрантские политиканы в то время составнял себе о Марксе и обо всех нас. Мы держали себя до такой степени обособлению, что это подогревало их фантазию, и оии сочи-ияли разиообразные мифы и легенды, иа которые мы, впрочем, ие обращдали решительно инжаюто винмания.

9

ВСТРЕЧИ В ДОМЕ МАРКСА

Жена Маркса нмела на меня почтн такое же влияние, как сам Маркс. Мне едва минуло три года, когда умерла моя мать, и я получил несколько суровое воспитание; зато здесь я встретнл прекрасную, благородную и умиую женщину, которая ко мие, одникому, заброшенному на берега Темзы волонтеру, отнеслась, как мать и сестра. Знакомство с этой семьей спасло меня от полной гибели во время моих печальных скитаний — в этом я глубоко убежден...

У меня не хватнло бы ин временн, ин места, если бы я захотел хотя бы даже в самых беглых чертах наобразить всех тех, с кем мне приходилось встречаться в доме Маркса и вего обществе. Кроме иемецких и всяких других эмигрантов, от которых нас не отделяли принципивальные разногласия,

там бывали: вожди английского рабочего движения — Джордж Джулиан Гарии, этот спартанец по духу, Эриест Джонс, красиоречивый трибун и пламенный журналист, — два последник крупных представителя чартизма; !
Фрост, который за руководство чартистским восстанием был приговореи
к пожизненной ссылке, но в 50-х годах был помилован и вериулся в Англию
(это был замечательнейший человек из типа людей «партин физической
силы» ?); Роберт Оуви, этот седой приверженец социализма, несомнению, самый весобъемлющий, промицательный и практичный из весх предшественников научного социализма. Мы были на собрании, когда праздновалось восьмидесятилетие со дия его рождения, и я имел счастье довольно часто встречаться с ним у иего на дому...

Вскоре после меня прибыл в Лондои парижский рабочий, который возбудил очень живой нитерес ие только во французской колонин, но и у всех эмигрантов; занитересовались им, само собой разумеется, и наши «тени», то есть международная полиция. Это был Бартелеми, об удивительно ловком и смелом побеге которого из парижкокой тюрьмы мы уже знала из газет. Несколько выше среднего роста, крепкий, мускулистый, с черными, как смоль, выощимися волосями, сверкающими черивыми глазами, весь — олищетворение рецимости, это был чудесный образчим южнорранцузского типа.

Ореол астенд окружал его высоко подиятую голову. Он был приговореи к галерам и имел нестираемое клеймо на плече. Семивацаятьлетным мальчишкой он во время восстания Бланки — Барбеса в 1839 году в убил полицейского агента и был за это сослан на галеры. Февральская революция 1848 года принесла с собой аминетию — он возвратился в Париж, принимал участве во всех движениях и манифестациях пролетариата, участвовал в иннъской битве в. Его арестовали на одной из последних баррикад; к счастью, в перваме дни его чикто ие узила — иначе он, ивперно, был бы расстреляи в порядке «сокращениого судопроизводства», как многне другие. Но, когда он предстал перед военным судом, первая ярость уже прошла и он был присужден к есухой гильогине», то есть к пожизнениюй ссылае в Кайениу. Пре

 $^{^1}$ $\mathit{Чартивм}$ — первое массовое, политически оформленное, революционное движение рабочего класса в Англии (30—40-е годы XIX века). $\mathit{Pe_A}$.

² Так именовалось левое, революционное направление в чартизме, признававшее насильственные формы борьбы, в противоположность «партии моральной силы», которая стремналез удержать движение в ракиха мириой аткации. Ред.

⁸ Речь ндет о восстанин тайного революционного бланкистского Общества времен года в Париже в мае 1839 года. Ред.

⁴ Июньское восстание парижского пролетарната в 1848 году. Ред.

цесс по каким-то причинам затянулся — одинм словом, в июне 1850 года Бартелеми сидел еще в тюроме, и непосредствению перед отправлением в страну, где недурию растет перец, но моут люди, ему удалось бежать:

Разумеется, он бежал в Лондон. Здесь он вступил в близкие сиошения с нами и довольно часто бывал у Маркса...

Я часто с имм фехтовал (разумеется, это слово следует понимать здесь буквально). Французы устроили себе на Ратбонской площади, на Оксфорастрит, «оружейный зал», где можно было управияться в фехтовании саб-лями и шпагами и в стрельбе из пистолетов. Там бывал иногда и Маркс и добросовестно состязался с французами. Чего ему недоставало в искусстве, оп старался возместить стремительностью. И если ему попадался недостаточно хладиокровный противник, ему удавалось иногда сбить его с позники.

Как известио, саблю французы употребляют не только для ударов, но и для толчков, и это сначала приводит немцев в смущение; но к этому скоро привыкаешь. Бартелеми был хорошим фектовальщиком; ои упраживлася также и в стрельбе из пистолета и сделался превосходным стрелком. Но скоро он попал в общество Виллика и стал ярым врагом Маркса.

Спор с фракцией Виллиха разгорался, и однажды вечером Виллих вызвал Маркса на драль. Маркс достойным образом отиесся к этой милой затее, от которой пахло прусским фельдфебелем, но молодой Конрад Шрами, горячая голова, со своей стороны оскорбил Виллиха, так что тот, по студеическому обычаю, которого он придерживался, должен был послать ему вымол.

Дуваь должна была состояться в Бельгии, на берегу моря и испременио ил пистолетах. Шрамм до этого никогда не держал в руке пистолета; Виллих на расстоянии двадцати шагов попадал в червонного туза. Секундантом его был Бартелеми. Мы побаивались за нашего держого рыцаря Шрамма.

Вот прошел уже день, когда должна была состояться дуэль, — мы считым минуты. К вечеру следующего дин открывается дверь в квартиру Маркса — его самого не было дома, дома были только жена Маркса и Ленхен, — входит Бартелеми. На исполненный страха вопрос: «Ну, какие известия?» он, иняко клаияясь, гробовым голосом отвечает: «Пуля — в голову!» После этого — снова инякий поклок, поворот, и от удаляется. Можно себе

¹ В 1850 г. в Союзе коммунистов произошел раскол. Виллих вместе с Шаппером возглавил «левую», авантюристическую группу, которая была исключена из Союза коммунистов. Ред.

представить ужас Женни Маркс, едва не упавшей в обморок. Через час она сообщила нам эту печальную весть. Естественно, мы были уверены, что с Шраммом вес коччено.

На следующий день, как раз тогда, когда мы печально о нем разговаривали, дверь открывается и в комнату входит, с повязкой на голове, но весело смеясь, минмоумерший. Он рассказывает, что получил легкую контузию, которая его отлушила. Когда он пришел в себя, то был один с секундантом и врачом на морском берегу. Виллих и Бартелеми уехал на Остенде пароходом, на который едва успели попасть. Шрамм уехал со следующим пароходом.

10

МАРКС И ДЕТИ

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами нграть со своным детьми, как ребенок, — его притягивали к себе, как магнит, и чужне дети, встречавшвеся на его пути, в особенности беспомощиме и несчастиме. Сотин раз, посещая с нами квартиры бедияков, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пенни или поллении.

К инщим ои относился недоверчиво, так как в Лоидоне инщенство превратилось в настоящее ремесло и, вдобавок, в ремесло с золотым диом, хотя оно и приносит только медяки. Поэтому инщим и инщенкам, которым он в первое время никогда не отказывал в подавнии, если только у него чтонибудь было при себе, недолго удавалось его обманывать. О тех, которые
пытались обложить его данью посредством искусного демонстрирования
минмых болезией и нужды, ои говорил с негодованием, считая эксплуатацию
человеческого сострадания особенной инзостью и гораблением бедиоты. Но
если у инщего или нищенки сидел на руках плачущий ребенок, то тут уж
дело Маркса было бесповоротно проиграво, как бы ясно ни было написано
на лице инщего все его плутовство.

Мужа, бъющего свою жену, — а в Лондоне в те времена wifebeating ¹ было очень распространено, — он с наслаждением дал бы избить до полусмерти. Из-за своего порывистого характера он в таких случаях часто ставил нас в иеловкое положение.

^{1 —} битье жен. Ред.

Однажды вечером мы ехали с иим на империале оминбуса по Хэмпстедоод. На одной из остановок, около пивной, мы заметнаи какую-то суматоку. отчаниный женский голос вопил: «murderl murderl» («убивают! убивают!»). Маркс с быстротой молнии соскочил с оминбуса, я за инм. Я котел его удержать. — с таким же успехом я мог бы попытаться поймать рукой летящую пулю. Мигом очутились мы в самой гуще народа: людские волиы сомкнулись позади нас. «Что случилось?» Это мы узнали очень скоро. Какая-то пьяная женщина повздорила со своим мужем, который хотел отвести ее домой, а она упиралась и вопила как одержимая. Для нашего вмешательства ие было ин малейшего повода, — это мы видели. Но видели это также и поспорившие супруги, тут же заключившие мир и двинувшиеся против нас, между тем как толпа вокруг нас смыкалась все теснее и уже стала с угрожающим видом наступать на «damned foreigners» («проклятых иностранцев»). Женщина особенио яростио наскакивала на Маркса и явио покушалась на его великолепную черную бороду. Я старался унять бурю, но тщетно. Если бы на поле битвы во-воемя не подоспели два дюжих коистебля, нам пришлось бы дорого заплатить за нашу филантропическую попытку вмешательства. Мы были рады, что выбрались целыми из толпы и снова уселись в оминбус, который и доставил нас домой. Впоследствии Маркс бывал уже несколько осторожиее при подобиых происшествиях...

Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы понять всю задушевиость этого героя изуки. В свободные минуты или на прогулках он бегал с инми, играл в самые шумные вессыме игры — словом, сам становился ребенком. На Хэмпстедских холмах мы играли иногда в «кавалерию». Маркс сажал себе на плечи одну дочку, я брал другую, и начинались скачки вперегонки. Иной раз устраивались даже кавалерийские битвы: девочки резвились совсем по-мальчишески и даже не плакали, когда им слегка попадало.

Женияхен, старшая из двух девочек — вылитый портрет отца: те же черные глаза, тот же лоб, — иногда приходила в пророческий пафос: на иее, как иа пифию, синсходил «дух», глаза ее начивалы блестеть и пылать, и начиналась декламация, часто самая удивительная и фантастическая. Как-то раз, на обратном пути с Хэмпстедских холмов, на иее нашло такое масторение: она начала декламировать о жизни на звездах; импровизация вылилась в стихи. Жена Маркса, уже потерявшая исскольких детей, была очень истревожена и обеспокоена этим обстоятельством; ей казалось признажом недоровожена и обеспокоена этим обстоятельством; ей казалось признажом недоровож такое раниее развитие ребенка; Мавр успокоил ее, а я указал ей на «пифию», которая, уже пробудьявшись от своего пророческого сиа, с весельм смехом приглала вокруг, — она была воплощениями здоровьем...

Оба сына, которые были у Маркса, умерли: один, роднвшийся в Лондоне, умер очень рано, другой, родняшийся в Брюсселе, — после очень долгого хронического недомогания...

Смерть второго сына страшно потрясла Маркса.

Я еще и теперь помию печальные неделя болезин без надежды на выздоровление. Мальчик, прозванный «Мушем» 1 (его настоящее ния, данное
в память дяди, было Эдгар), был очень одаренным, но, к сожалению, с самого рождения болезненным ребенком; бедное дитя, с чудесными глазами и
миогообещающей головой, которая казалась слишком тяжелой для слабого тела!

Находись бедный Муш под неусыпным, заботанвым надзором где-нибудь на берегу моря или в лесу, он, быть может, и выжил бы; но скитальческая жизвы, вечные переезды с места на место, инщенское существование в Лондоне не могли помочь нежному растеньицу в его борьбе за жизнь, не помогли и нежная родительская любовь и материнские заботы. Муш умер...

Никогда я не забуду этой сцены: мать, с немым рыданьем склоннышаяся над мертвым ребенком; стящая тут же н всклипывающая Ленхен, страшно возбужденный Маркс, реако отказывающийся от всякого утешения; обе девочки, тихо плачущие и прижимающиеся к матери... Мать, погруженная в скорбь, так судорожно обхватила своих девочек, как будто хотела слить их с собой, защитить их от смерти, отиявшей у нее сыновей.

Через два дня было погребенне. Поехалн я, Лесснер, Пфендер, Лохнер, Конрад Шрамм и Красный Вольф 2 ; я ехал с Марксом, — он сидел молча, уроння голову на руки...

Повдиее на свет появилась Тусси, маленькое веселое созданьице кронь с молоком, — круглое, как шар. Сначала ее вознан в детской коляске, потом таскали на руках, скоро она начала бегать на своих коротинх ножках. Ей было 6 лет, когда я вериулся в Германию; к этому времени моей старшей дочерн было уже 12 лет, и она уже два года подряд принимала участие в наших воскресных прогулках на Хэмпстедские холмы.

Для Маркса общество детей было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался. Когда собственные его дети выросли, их место заняли внуки. Женнихен, вышедшая замуж в начале семидесятых годов за эмигранта Коммуны Лонге, оживила дом Маркса своими сыновьями — страшивыми проказ-

^{1 «}Mouche» — «муха». Ред.

прозвище Фердинанда Вольфа. Ред.

никами. В особенности старший — Жан, или Джонии, был любимцем дедушки. Джонин мог делать с инм все, что хотел, и отлично знал это. Однажды, когда я гостил в Лондоне, Джонии, которого родители прислам из Парижа, — что случалось по исскольку раз в год, — пришла в голову остроумная идея превратить Мавра в оминбус, на козам которого, то есть на плечи Маркса, он и взобрался; Энгельс и я были произведены в лошадей. Когда мы как следует впряглись, началась дикая скачка, — я хотел сказать: началась езда в маленьком садике позади коттеджа Маркса на Мейтельнапарк-род. Возможно, впрочем, что это происходило и у Энгельса, близ Риджентс-парка; лондоиские коттеджи так похожи друг из друга, что их очень легко перепутать, а садини тем боле. Несколько кваратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондоиского «черного снега», то есть хлопьями копоти, что невозможно отличить, где иачинается гравий и кои-чается трава, — вот что таксе олидоиский «сад».

Джонни принялся нас погонять, понукая международивым немецкофранцузско-английскими выкриками: «Со оп! Plus vite! Hurrah!» ¹ Мавр скакал так, что пот градом катился по его лицу, а когда Энгелье наи я пытались перейти на более медленный аллор, на нас тотчас же со свистом опускался бич немилосердного кучера: «You naughty horse! En avant!» ² Так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбился! на сил. Тогда мы вступили с Джонии в переговоры, и было заключено перемирие...

11

AEHXEH

С первых же дней возникиювения семьи Маркса Ленхен, по выражению одной из дочерей, сделалась душой дома. Чего только она не делала! И все делала с редостью. При этом она всегда была бодра, всегда готова всем помочь, всегда ульибалась. Впрочем, нет! Она умела и сердиться, а к врагам Мавра она питала страстную ненависть.

Когда жена Маркса заболевала или плохо себя чувствовала, Леихен заменяла матъ, да и вообще она была для детей второй матерыю. И она обладала волей — сильной, твердой волей. Все делалось так, как она считала нужным.

^{1 — «}Вперед! Быстрее! Ура!» Ред.

^{2 — «}Эй, ленивая лошады! Вперед!» Ред.

Аснхен была в доме Маркса своего рода диктатором; выражвясь точнее, Ленхен была диктатором, а жена Маркса — повелительницей. И Маркс подчинялся этой диктатусь, как ягиенок.

Говорят, что в главах своего слуги инкто не бывает великим человеком. Для Ленхен Маркс уж, конечно, не был великим. Она пожертвовала бы собой ради него сотии раз, отдала бы свою живиь за него, его жену и каждого из детей, если бы это было нужно и возможно, — и она действительно отдала им свою живнь, — но импонировать ей Маркс не мог. Она знала его со есеми его причудами и слабостями и могла обернуть его вокруг пальца. Когда он бывал сильво раздражен и метал громы и молини, так тито другие предпочитали быть подальше от него, Ленкен прямо входила в логовище льва и, если он рычал, так убедительно отчитывала его, что лев становился смирнее ятнения.

12

ПРОГУЛКИ С МАРКСОМ

Наши прогулки в Хэмпстед-Хис! Проживи я еще тысячу лет, — я их не забуду.

«Аута» Хэмпстеда, расположенные за Примроз-Хилл и, подобно последнему, известные всем не-лондондым по пиквикским героям Диккенса, все еще представляют собой в большей своей части пуствур» незастроенную, поросшую дроком и рощиндами холмистую местность с миниаторными горами и долинами, где каждый может бродить совершенно своблю, не опасаясь, что страж священной собственности остановит и оштрафует его за «trespassing», то есть за недозволенное вторжение в чужие владения. Еще и сейчас Хэмпстед-Хис — излобленное вторжение в чужие владения. Еще и сейчас Кэмпстед-Хис — излобленное лондонцами место для пикников; в хорошую погоду по воскресеньям он весь кишит народом — мужчинами и женщинами, причем последине с особенным удовольствием испытывают терпение и без того весьма терпелявых верховых осликов и лошадей. Но сорок лет тому назад Хэмпстед-Хис был еще гораздо обшириее и гораздо естественнее и свособразнее, еме сейчас.

Провести воскресенье в Хъмистед-Хис было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже само путешествие туда было правдинком. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята. От Ядин-стрит, где жим Ларкс, — в нескольких шагах от Чёрчстрит, где поселился я, — было туда добрых полтора часа ходьбы, и обычно мы уже около одиннадцати часов утра пускались в путь. Иной раз, правда, мы выходили поэже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и уложить корзину — на это всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина! Она стоит или, вериее, висит перед монм «духовным взором» настолько живо, она представляется мие такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в послединй раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизин, а когда у мелочк здоровый желудок и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи (о крупных деньтах в то время вообще речи не было), тогда вопросы питания играют весьма значительную роль. Добрейшая Ленкен отлично это знала, и для нас, часто недоедавших и поэтому постоянно голодных гостей, в ее добром сердце всегда было достаточно сочувствия. Главным блодом в воскресенье в Хамистед-Хис было священный градицией огромный кусок жареной телятины. Ручная корзина, необычных для Лондона размеров, которую Ленхен привезла с собой из Трира, служила хранилящем этого святая святых, своего рода скинией. Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты. Хлеб и сыр покупались в Хэмистед-Хис, где, как в берлинских кафе, можно достать посуду, горячую воду и молоко, а также креветок, свлат и устриц, смотря по надобности и по средствам.

Півю можно было получить всегда, нсключая то короткое время, когда общество аристократов-ханжей, нагромоздивших в своих домах и клубах всевозможные спиртуозы, какне только существуют на свете, и сделавших себе из каждого дия праздник, пыталось путем запрещения продажи пива по воскресным диям направить «чернь» на путь добродетели и вравственности.

Но лондонский народ не поинмает шуток, когда покушаются на его желудок. Сотнями тысяч направнася он в первое воскресенье после внесения соответствующего билля (законопроекта) в Гайд-парк и посылал там по адресу благочестных аристократов и аристократок, совершавших свои протулки в экипажах и верхом, такое громовое насмешланое «Go to church!» («Марш в церковы!»), что добродетельным господам и дамам сделалось совем страшию. В следующее воскресенье четверть миллиона превратилась в полмиллиона, а «Go to church!» зазвучало гораздо сильнее и серьезнее. На третье воскресенье распоряжение было отменено.

Этой «революцин» под лозунгом «Со to churchl» мы, вынгранты, помгаан по мере сил, а Маркс, который в таких случаях чересчур волновался, чуть было не угодил в рукн полисмена и не был отправлен в участок; к счастью, нашн горячие речи о пользе пина повлияли благодетельным образом и на храборог стража закона.

Итак, как я уже сказал, триумф лицемерия продолжался недолго, и, нсключая это короткое междуцарствие, мы, шагая во время наших воскресных прогулок по совершению лишенной тени дороге, ведущей к Хэмпстед-Хис, могли утешать себя приятными мыслями о прохладительном напитку.

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В аввигарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие нестории, то занимаясь гимпастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были там еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто на друзей. Затем следовали гламные снам: Иаркс с женой в каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного винмания. Шествие замымкала Ленхен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзину. Если общество было многочислениее, оно распределялось между различимым частями походной колонны. Поизтно само собой, что походный порядок мог изменяться в зависимости от настооенця и обстоятельств.

Придя в Хэмпстед-Хис, мы прежде всего выбирали себе место стоянки, причем по возможности учитывались условия чайного и пивного снабжения.

Но, подкрепнящись питьем и едой, все участинии прогудии выбирали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но в эту идиалню необходимо было внести и некоторое разпообразне: и вот устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие виды спорта. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спельми каштанами. «Посмотрим, кто больше всех собьет»,— крикнул, кто-то. С криками «ура» все принялансь за работу. Мавр пришел в настоящую ярость, но, к сожалению, он не был специалистом по сбиванию каштанов. Однако он был неутомим, как и мы все. И только тогда, когда под исступленные крики грумуфа был сбит последини каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше иедели не мог двинуть правой рукой. Со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим «treat» (удовольствием) было общее катание на осликах. Сколько тут было смех и а накования (Какие забавные сценки! Как веселнася Маркс! Ои забавлял и себя и нас — нас вдвойне: во-первых, своим более чем примитивным умением ездить верхом, а во-вторых, тем фанатизмом, с каким он утверждал свою виргуозность в этом некусстве. Виртуозность в этом некусстве. Виртуозность в этом некусстве. Виртуозность в этом некусстве. Виртуозность остояла в том, что он, еще будучи студентом, взял несколько уроков верховой езды, — Энгьса, увернет, что он и епошел дальше третьего урока, — и что во время своих поездок в Маччестер, раз в семь лет, он вывежал на почтениом Росинанте¹, по всей вероитности правнуке той смирениейшей кобылы, которую балженной памяти Гърща ² подарна, доброму Геллерту. Теллерту.

По дороге домой на Хомпстед-Хис бывало всегда очень весело, хотя уже миновавшее удовольствие обычно будит в нас менее радостное чувство, чем удовольствие, которое еще только предстоит. Против меланхолин, для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, мы были застрахованы нашим ненсчерпаемым юмором. Для иас не существовало нудных эмигрантских забот — тому, кто принимался жаловаться, тотчас же иастойчиво иапоминали об общественных обязаи-

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшиеся за депь дети составляли арьергард вместе с Ленхен, которая теперь, когда корзных уже была пуста и сама она шла налегке, могла заняться пин. Обыкновению мы затягивали какую-инбудь песию. Политические песин пели редко, а чаще всего пели народные, премущественной чувствительные песин, и — это сущая правда — «патрнотические» песин об «отечестве», как например: «О Страсбург, Страсбург, Дивный город!», — эту песию особению любили. Или же дети пели нам негритинские песин и плясали при этом, если только их иоги успевали к тому времени мениюжко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской иужде. Заго много бессаовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою исключительную память. Он декламировал длиниме отрывки и «Божественной комедин», которую знал наизусть почти целиком. Читал он также сцевы из Шекспира, причем его жена, превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его...

^{1 —} конь Дон Кихота из одноименного романа Сервантеса, Ред.

² — прусский король Фридрих II. Ред.

Когда мы в коице пятидесятых годов поселились в севериой части Лондона, в Кентиш-Тауи и Хаверсток-Хилл, то излюблениым местом наших прогулок стали дуга и ходмы между Хэмпстедом и Хайгетом. Тут мы собирали цветы, определяли растения, что городским детям доставляет особенное удовольствие, - холодиое, вечно бушующее каменное море большого города пробуждает в иих иастоящую страсть к велеии и природе. Какая это была радость, когда мы в наших странствиях наткиулись на маленький, затененный деревьями пруд, где я впервые показал детям живые «дикие» незабудки. Еще больше было радости, когда однажды на роскошном темновеленом бархатиом лугу, на который мы проникли после предварительной тщательной разведки местиости, иазло всем запретам, мы иашли среди других весениих цветов на зашищениюм от ветоа месте гнацинты... Увидев их. я сиачала не поверил своим глазам — меня учили когда-то в школе, что эти цветы растут на воле только в южиых странах: у Женевского озера, в Италии, в Греции; севериее расти они, мол, не могут. Здесь я имел осязательное доказательство противного и неожиданное свидетельство в пользу утверждения англичаи. что в Англии климат для растительного мира итальянский. Никакого сомиения - это были самые обыкновенные, светлоголубые гиацииты; только цветы были мельче и ие так обильно покрывали стебель, как садовые гиацииты; но запах был тот же, только иемиого остоее.

И с этого благоухающего дуга мы глядели вниз на мир, на великий, безбрежный мировой город, который на необозримое пространство расстилался под нами, окутанный безобразно-серыми тучами.

13

НЕСКОЛЬКО НЕПРИЯТНЫХ МИНУТ

Кто не ввает тяжелых минут Рабле— тех минут, в которые должен быть оплачеи счет трактирищика или должим произойти еще более неприятные вещи? Кто не переживал таких минут? У меня их было немало. Перед вкаяменом, перед первой речью, в первый раз перед воротами тюрьмы, когая сторожа предложили мие сдать им помочи и гластук, чтобы я, как мие с беспощадной откровенностью ответили из ваданими мною недоуменный вопрос, — ие избежал военного суда посредством самоубийства, — все это, как и многое другое, было неприятию. Но по сравнению с теми минутами,

о которых я собираюсь рассказать, эти переживания были, пожалуй, даже приятными. Это не продолжалось и четверти часа, не больше десяти минут или, быть может, только пять. Я времени не заметил. Мне было некогда этим заняться, а если бы и нашлаось на это время, у меня не было часов. Эмигрант и часы! Знаю только, что омне это показалось вечностью.

Дело происходило в Лондоне 18 ноября 1852 года. Лорд Веллингтон,
«железный герцот» и «победитель в ста сражениях», у которого английский
народ впоследствии поубавил гордости и спеси, мере; 18 ноября должны
были состояться «национальные похороны» этого «национального героя»;
в церкви св. Павла должно было происходить его погребение рядом с друтими «национальными героми»; все должно было сопровождаться по «национальному» обычаю пышной церемонией. Начиная с самого дня его
смерти, вся Англия, особенно Лондон, говорила об этой церемонин,
которая по своему блеску и великолепию должна была превзойти все
предшествовавшне, ибо и человек, в честь которого она устраивалась,
был, по мнению англичан, выше всех прежних героев... И вот этот день
наступил.

Вся Англия находилась в движении, весь Лондон был на ногах. Сотни том прибыли в Лондон из провинции, тысячи — из-эа границы... Не забудьте миюломиллонного населения самого Лондона!

Я питаю отвращение к подобного рода зрелищам, и на этот раз предпочел бы, подобно большинству своих товарищей, сидеть дома или отправиться в Джемс-парк. Но две приятельницы заставили меня изменить это непреклонное решение.

Да, мы былн большими друзьями: я н обе девочки — черпоглазая, с черными локонами Жении Маркс — вылитый портрет своего отца, Мавра, — и нэящная белокурая Лаура с плутовскими глазками, удивительно похожая на свою благооодную мать.

Обе девочки, с первого же дня знакомства сильно ко мне привязавшиеся, завладевали мной всякий раз, как видели меня; им я в сильной степени обизан сохранением во время мей изгнаниической жизин в Лондоне той способности к юмору, которая скрашивала всю мою жизин. Как часто, когда на душе было особенно скверно, бежал я к моим маленьким приятельницам и бродил с инми по улицам и паркам! Черные мысли скоро рассенвались, доброе настроение снова несло с собой радость и силы для борьбы.

Обычно я должен был рассказывать — через несколько дней после знакомства я уже был признанным рассказчиком, которого всегда встречали

⁹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

с ликованнем. К счастью, я знал миого сказок, а когда мой запас истощался, я должен был сам сочинять сказки...

— Будьте только осторожией с детьми! Не ходите только в самый водоворот, — сказала мне на прощание жена Маркса, когда я с нетерпеливо прыгающими девочками направлялся на веллиитоновское шествие. А винзу, при выходе, торопливо догоиявшая нас Ленхен сказала мне еще раз:

— Только осторожно, милый Лайбрери! ¹ (загадочное прозвище, даиное мне детьми).

Я составил свой собственный план. Денег, чтобы заплатить за место у окна или на трибуне, у нас не было. Погребальное шествне направалялось по набережной вдоль Темзы. Нужно было пройти по одной на уляц, идущих с севера к набережной и иссколько обрывисто спускавшихся к осеке.

Справа н слева — по девочке, которых я вел за руку, в кармане — закуска. Я направляюсь к выбранному мной месту, вблизн от старых городских ворот, отделяющих Ситн от Вестминстера. С раннего утра улицы были необычайно оживлены, кишели народом, но так как процессия должив была пройти по отдаленнейшим кварталам огромного города, миллионы людей распределились по всем этим улицам, и мы без толкотни добрались до выбраниюто пункта.

Ои оказался очень удобным. Я остановился на лестинце, а обеих девочек поставил ступенькой выше; они крепко прижались ко мне, и каждую из них я держал за руку.

Чу! Движение человеческого моря; далекий растущий шум, подобный сдавлениому гулу океана, ближе и ближе. Дети в восторге. Никакой тесноты, все мон опасения и заботы рассевлись.

Долго, долго тянется сверкающая золотом процессия. Все новые и иовие группы проходят мимо нас, пока не скрывается последний общитый золотом всадник.

И вдруг внезапный толчок — стремнтельное движение вперед скопившей позади массы людей. Каждый спешит за процессией. Я противлюсь изо всех сил, стараюсь защитить детей так, чтобы поток прошел мимо, не задевая их. Напраско! Стихийного напора масс не сдержать никакой человеческой силой, так же, как утлой ладые ие справиться с ледоходом после суровой зимы. Я должен был уступить в крепко-накрепко прижал к себе

^{1 «}Library» — «библиотека». Ред.

детей, старалясь вместе с тем выбраться на самой гущи. Казалось, мие это уже удалось, я облегченно вздохнул, как вдруг справа на нас хлынула новая мощная волна людей, нас прижали к набережной, и тысячи, согни тысяч людей, собравшихся в этой уличной артерии, устремились вслед за процессией, чтобы еще раз полобоваться зрелищем. Я пытался поднять детей к себе на плечи, ио вокруг меия была слишком сильная давка. Я судорожию сжимаю руки девочек — водоворот иас уносит, и вдруг я чувствую, как между миою и детъми врезвывается какая-то сила; я схватываю каждую из них рукой за локоть, ио сила, появившаяся между мной и девочками, как клии, пробивается все дальше и дальше, отрывая от меня девочек, и я должен их оставить — всякое сопротивление бесцельно, — в противиом случае я им сломал бы или вывихнул руки. Это была ужасная минута.

Что делать? Предо мной темнели большие ворота, с их тремя проходами: средиим — для вкипажей и лошадей и боковыми — для пешеходов. Как вода заполияет пространство между быками моста, так толла запрудила все три прохода. Но я должен был пробиться. Если дети не были задавлены, — а громкие крики отчаяния и ужаса вокруг меня указывали мие и в всю опасиость положения, — тогда, быть может, я их изйду по ту сторону, гле запруда кончалась. Быть может! Я бешено работал грудыю и локтями. Но в такой толпе одниочка похож на соломинку, которая носится в водовороте. Я бородся, не переставая; двадцать раз казалось мие, что я уже в проходе, но снова и снова меня отбрасывали в сторону. Наконец, отчаянию сжатый со веся сторон и получив толчок садил, я очутнася по ту сторону ворог и вырвался из этой ужасной, невероятной толчеи. Я бросаюсь во все стороны и нщу девочек — их нет ингде! Сердце сжимается от ужаса; вдруг маз завинких детских голоса.

— Лайбоеои!

Я решил, что мне это грезится. Но вот онн, наконей, предо мной, целы и непредимы, эти две девочки с улыбками на устах. Я целовал их и сжимал в своих объятиях.

На мгновенне я лишился способности говорить. А они рассказывали: людская волна, которая оторвала их от меня, пронесла их иевредимыми сквозь ворота и отброснла в сторону, под защиту тех самых стен, которые по ту сторону явилесь причиной этого страшивого скопления. Там они заняли место у выступа стены, помня мои старые указания, сделаниме им во время прежинх прогулок: в случае, если они меня потеряют, не двигаться с места или отойти на самое недалекое расстояние. С триумфом возвратились мы домой. Жена Маркса, Мавр и Ленкеи встретили нас с ликованием; все они сильно беспоковлись: они слышали, что толкотия была невероятная и что миого людей было задавлено и ранено. Дети не имели ии малейшего понятия об опасности, которая им грозила; они полиы были радостимх впечатлевий. А я тоже не говорил в этот вечер о том, какие отчаянные минуть мие пришлось пережить.

В том месте, где от меня оторвали детей, много женщии лишилось жизни. Эти сквериме минуты еще так живы в моей памяти, как будто я их только вчера пережил...

14

МАРКС И ШАХМАТЫ

Маркс был великоленным игроком в шашки. Он стал таким искусным в этой игре, что было трудио выиграть у иего партию. Очень охотно играл он также в шахматы, хотя здесь он и не обнаруживал особых успехов. Усердием, а иногда буриым и неожиданным нападением он старался возместить недоставлащее искусствоя.

В начале пятидесятых годов в нашей компании изгланинков играли в шахматы очень миого. Времени у нас было много больше, чем хотелось бы, и мы под руководством Красного Вольфа, который в Париже вращался среди лучших шахматистов и кой-чему у них научился, усердио упражиялись в этой «игое мулеспов».

Временами происходили очевь бурные состявляни. Кто проигрывал делался центром остроумных насмещек; уже во время игры обыкновенно было очень весело, а часто и очень шумно. Когда Маркс попадал в затруднительное положение, ои сердился, а проиграв партию, приходил в ярость. В мода-лодивит-заус ¹, на Олд-Комптон-стоит, где некоторые из нас жили.

¹ Мода-лоджинт-сирс— квазрыенное здание с отдельными комнатками для жильдов, общей кухней, общей гостникой и общей комнатой для чтения и курения. В то время в Лоцодов было основано исклолько таких учреждений; была здания, приспособлениве для семей; квящдая семья имела исклолько комнат; кроме вышеуказанных общих помещений, была также умнальнами комната. В этих заведениях, которыми управлял специальный ком юм, царила исключительная чистота. Еще и теперь в Лондоне процветают различные мода-лоджинат-заусы. (Примение. Juбклетата)

иедолого время, платя З шиллинга б пенсов в неделю, нас постоянно окружали англичане, с напряженным винмаинем следившие за нашей нгрой (в Англин в шахматы много нграют н в рабочих кругах) и забавлявшиеся тем веселым шумом, который ее сопровождал, — ведь два иемца больше шумят, чем шесть дюжих англичам.

Однажды Маркс с триумфом возвестил, что открым мовый ход, которым ои всех нас побьет. Вызов был принят. Действительно, ои побил по очереди всех нас, но постепению на поражениях мы выучились победе, и вот мие удалось дать Марксу мат. Было уже очень поздио, и ои, элой, потребовал реванша на следующее утро в споси квартире,

Ровно в 11 — для Лондона это очень рано — я был на месте. Маркса еще не было в комнате, но скоро он появился. Жены Маркса не было видно, а физиономия Ленхен не выказывала особенной приветливости. Прежде чем я успел спросить, не случилось ли что-либо, вошел Мавр, протянул мие руку н сейчас же притащил шахматы.

Началась битва. Маркс за ночь обдумал некоторые поправки к своему ходу, и поиадобилось иемного времени, чтобы я очутился в совершению безвыходиом положении. Я проиграл. Маркс торжествовал, ои сразу пришел в хорошее настроение, велел принести пару бутербродов и чего-инбудь выпить. Началась новая битва — на этот раз выиграл я. И так мы сражались с переменным успехом и переменным мастроением.

Жена Маркса ин разу не показывалась, и из детей также инкто не заходил, бой не прекращался, усиливаясь и ослабевая, до тех пор, пока я уже около полуночи не дал Марксу два мата подряд. Он настойчиво пытался продолжать игру, но Ленхеи категорически заявила: «Хватит»...

15

НУЖДА И ЛИШЕНИЯ

О Марксе иевероятию миого лгали; говорили, между прочим, и о том, что он будто бы живет весело н шумно, тогда как масса рядовых эмигрантов вокруг иего голодает и гибиет. Я ие считаю себя вправе входить здесь в дальнейшие подробности, но могу сказать одио: те моменты острого безденежья, упоминание о которых мы находим в отдельных записях жены Маркса, не были единичимии случаями, всегда возможимим, особенно когда люди живут на чужбиче без всякой опоры. Самая зала эмигрантская нужда годами пресдаюваль Маркса и его семью. Немного вийдется эмигрантов.

претерпевших больше лишений, чем Маркс с семьей. Даже и впоследствии, когда его зарабогки увеличились и стали более регуляризми, семья Маркса ие была избавлена от заботы о хлебе насущном. Годами, — и это были годы, когда худшее время уже осталось позади, — единственной вериой статьей дохода был один фунт стерлингом (20 марож), который Маркс еженедельно получал за свои статьи в «New-York Daily Tribune»...

16

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ МАРКСА

(Письмо Тусси¹)

«О пребывании Мавра в Мустафе (Алжир) я могу сообщить только, что погода стояла там отвратительная, что Мавр нашел там очень знающего и милого врача и что в отеле все были к нему винмательны и любечим.

Осень и зниу 1881/82 года Мавр провел с Жении в Аржантёе, близ Парижа. Там мы съехались и провели вместе несколько недель. Затем он уехал на юг Францин и в Алжир, но вериулся оттуда в очень плохом состоянии. Осень и зниу 1882 года он прожил в Вентиюре (на острове Уайт), откуда возвратился после смерти Жении, 12 января 1883 года.

Тепсрь о Кардобаде ⁸. Впервые мы посетнал его в 1874 году. Мавра направнан туда на-за болевни печени и бессонницы. В следующем, 1875 году он поехал туда одии, — первая его поездка в Кардобад чрезвычайно ему помогла, — а в 1876 году я опять поехала вместе с ним, так как он гопорил, что в прошлом году мое отсутствие было слишком тяжело для него. В Кардобаде он проделал лечебный курс с величайшей добросовестностью и аккуратно выполнял все, что ему было предписано. Мы приобрели там массу друзей. Мавр был очаровательным спутником. Всегда хорошо настроенный, он был готов радоваться всему — и красивому виду и стакану пива. Благодаря своим всеобъемлющим историческим знаниям он каждую местность, которую мы посещали, умел сделать еще более живой и реальной в прошлом, чем она даже была в настоящем.

² — немецкое название чешского города Карлови-Вари. Ред.

 $^{^1}$ Либкнехт приводит выдержки из адресованного ему письма младшей дочери Маркса — Элеоноры. $\rho_{e Z}$

О пребыванин Мавра в Карлсбаде, кажется, уже кое-что писали. Я, между прочим, слыхала о какой-то большой статье, не помню в какой газете.

В 1874 году мы виделись с вами в Лейпците. Тогда мы заехали на обратном пути в Бинген, который Мавр хотел мне показать, так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерыю. Кроме того, мы побывали во время этих двух поездок в Дрездене, Берлине, Праге, Гамбуоге и Нюонбеоге.

В 1877 году Мавр снова собирался в Карлсбад. Однако нас предупредили, что германское и австрийское правительства намереваются его выслать. Так как путешествие должно было быто слишком продолжительным и дорогим, чтобы можно было рисковать высылкой, то он уже больше в Карлсбад не поехал — к большому ущербу для своего здоровья, потому что после лечения в Карлсбаде он всегда чувствовал себя как бы возродившимся.

В Берлин мы поехали главивым образом для того, чтобы повидаться с веривым другом моего отца, с моим дорогим дядей Эдгаром фон Вестфаленом. Мы пробыли там всего несколько дней. К великому удовольствию Мавра, мы поэже узнали, что в отель, где мы остановились, на третий день нагрянула польциям — ровно через час после нашего отвезда.»

* *

«Осенью 1881 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько болька, что лишь нэредка вставала с постели, Мавр скватил ляжелое воспаление легких, принявшее такой скверный оборот потому, что он всегда запускал свои болезин. Врач (наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могля быть вместе в доной комнате.

Наша добрав старая Ленхен (ты знаешь, кем она была для нас) и я прератились в сиделок. Врач говорил, что своими заботами мы спасли Мавра-Как бы там ни било, я знаю только, что ни Ленхен, ни я ни разу не легли спать в течение трех недель. День и ночь мы были на ногах, а когда мы уж слишком уставали, мы ложимсь поочередно на часок.

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, — это были любящая девушка и влюблённый юноша, вступающие вместе в жнань, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом.

Мавр поправлялся и если еще не окреп вполне, то во всяком случае набирался сил.

. Затем, 2 декабря (1881 г.) умерла мамочка. Последние ее слова, странно, что они были сказаны по-английски, — были обращены к ее «Карду».

Когда приехал наш дорогой «Генерал» (Энгельс), он сказал, — и это меня тогда почти ожесточнло против него:

Мавр тоже умер.

Это действительно так и было.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами — он ведь до конца был борцом, — но он был сломлен. Обще состояние его здоровья все ухудшалось будь он в гонстичиее, он просто махнул бы на все рукой. Но для него существовало нечто, что было выше всего, — это была его предавность делу. Он пвитался завершить свой великий тору и поэтому согласился поекато еще раз отдожнуть.

Весною 1882 года он отправился в Париж и Аржантёй, где я с ним вертилась. Мы провели с Женни и ее детьми несколько счастливых дней. Затем Мавро отправился на юг Франции и, наконец, в Алжию.

Во все время пребывания в Алжире, Ницце и Каннах его преследовала плохая погода. Из Алжира он писал мие длинные письма. Миогне из инх я потеряла, так как по его просьбе я пересылала их Женин, а она далеко ке все вернула мие обратио.

Когда Мавр возвратнася, наконец, домой, он был очень плох, н мы начали опасаться самого худшего. Осень и зиму он по совету врача провел в Вснтноре, на осторев Уайт. Эдесь в должна упомянуть, что в то время я уехала, по желанию Мавра, со старшим сыном Женни Жаном (Джонни) на три месяца в Италию. В начале 1883 года я поехала к Мавру, взяя с собой Джонии, которого он любил больше всех своих внучат. Я должна была веричться, так как меня ждали мои уроки.

Но вот обрушился последний стращный удар; известие о смерти Женни. Женни, старшая и самая дюбимая дочь Мавра, умерла внезапно (11 января). Мя получали письма от Мавра — они сейчас передо мной, — в которых он писал, что здоровье Женни улучшается и что нам (Ленхен и мне) опасаться нечего. Телеграмму с нявестием о смерти мы получила через час после письма, в котором Мавр писал это. Я тотчас же поехала в Вентнор. Мие приходилось в жизии, переживать иемало горьких минут, но викогда мие ие было так тажело, как тогда. Я чувствовала, что везу моему отцу смертный приговор. Во время этого длинного мучительного путешествия в ломала себе голову илд тем, как мине сообщить ему это известие. Но мне не пришлось ничего сказать, меия выдало выражение моего лица. — Мавр сразу сказал: «Наша Женияхен умерла!» и тут же велел мне ехать в Париж, к детям. Я хотела остатьгоя с ини, но ои не терпел инкаких возражений. Едва пробыв в Вентиоре полчаса, я сиова пустилась в безрадостный путь в Лондон, чтобы оттуда тотчас же ехать в Париж. Я сделала то, чего хотел Мавр ради детей.

Не буду говорить о своем обратном путешествии; я с ужасом вспоминаю это воемя— какие душевные муки! какая пытка! Но довольно об этом.

Теперь еще несколько слов о мамочке. Она умирала в течение долгих месяцев и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак. И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор, который тебе достаточно знаком, не покидал ее ин на минуту. С детским нетерпением справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германии (1881 г.), н как она ликовала по поводу иаших побед! До самой смерти она была бодра и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шуткал, смеялась — смеялась над вами и изд рачом, изд нашими опасениями. Почти до последнего момента она была в полиом сознании, и, когда больше уже не могла говорить, ее последние слова были обращены к «Карду», — оча пожималал нам руки и пыталась удмобаться.

Что касается Мавра, то ты знаешь, что он, перейдя из спальни в свой кабинет в Мейтленд-парке, опустнася в свое кресло и мирио заснул.

Это кресло стояло у «Генерала» до самой его смерти, теперь оно у меня.

Когда будешь писать о Мавре, не забудь о Ленхен (что ты не забудешь о мамочке, я знаю); Ленхен была до известной степени той осью, вокруг которой вращалось все в доме. Наш лучший и самый верный друг. Так что не забудь о Ленхен, когда будешь писать о Мавре!»

. . .

«Теперь сообщу тебе, согласно твоей просъбе, некоторые подробности о пребывании Мавра на юге. Мы, то есть он и я, были в изчале 1882 года у Женни в Аржантёс. Март и апрель Мавр провел в Алжире, а май

в Монте-Карло, Ницце и Каннах. Конец нюля и весь нюль он спова жил у Женин, где в то время была и Леихеи. Из Аржантёя Мавр поехал с Лаурой в Швейцарию, Веве и т. д. В конце сентября или изчале октября он возвратился в Англию и тотчас же уехал в Вентиор, где мы с Джонин его навестнял.

Вот еще несколько данимх в ответ на твон вопросы. Наш маленький Эдгар (Муш) родился, кажется, в 1847 годи и умер в апреле 1855 года. 5 ноября 1849 года родился «маленький Фокс» (Фоксик), Генрих, и умер приблизительно в возрасте двух лет¹. Сестренка Франциска, родившаяся в 1851 году, умерла еще маленцем, месяцев одиналадият» ².

* * *

«Перехожу к твоему вопросу о нашей доброй Леихеи, нли «Ними», как мы в последнее время ее называли, потому что так прозвал ее, не знаю почему. Джонии Лонге, когда был еще совсем маленьким. Маленькой девочкой, 8-9 лет, Леихеи попала к моей бабушке фои Вестфален и росла вместе с Мавром, мамочкой и Эдгаром фон Вестфаленом. К старикам Вестфаленам Ленхеи навсегда сохранила нежную привязанность. Маво их тоже очень любил. Он не уставал рассказывать нам о старом бароне фои Вестфалене, о его удивительном знании Шекспира и Гомера. Тот мог декламировать целые песии Гомера, от первого до последиего слова, и большииство драм Шекспира он тоже зиал наизусть по-английски и по-немецки. Отец Мавра — Мавр чрезвычайио высоко ценил своего отца — был, напоотнв, настоящим «фоанцузом» XVIII столетия. Ои зиал наизусть Вольтера и Руссо, как старик Вестфалеи Гомера и Шекспира. Своей удивительной миогограниостью Мавр был бесспорно в значительной мере обязан этим «наследственным» ваняиням.

Вериемся, однако, к Ленхен. Поселилась ли она с моими роднтелями до их переезда в Париж нан после (а переехали они туда вскоре после своей вадьбы), я сказать ие могу. Знаю только, что бабушка прислала ее молодой девушкой к моей матери «как дучщее нв всего, что она могла ей послать, —

 $^{^1}$ Он был назван Фоксом по имени героя «порохового заговора» Гвидо Фокса. (Примечание Либкнехта.) Умер 19 ноября 1850 года. Ред.

^{*} Франциска родилась 28 марта 1851 г., а умерла 14 апреля 1852 года. Ред.

верную, дорогую Ленкеи». И вериая, дорогая Ленкен осталась у моих родителей, а позднее приехала и ее младшая сестра, Мариаина. Ее ты едва ли помнищь, это было уже после тебя...»

17

МОГИЛА МАРКСА

Ее следовало бы скорее иззвать фамильным склепом семьи Маркс. Она иаходится на Хайгетском кладбище, в северной частн Лондона, на холме, откуда виден весь огромный город...

Мы, социал-демократы, не признаем святых, и могилы как святыми для иса не существует; ио миллионы людей с благодариостью и благоговением помият о человеке, который покоится в кладбищенской земле на севере Лондона. И через тысячи лет, когда варварство и ограниченность, восстающие иные протию освободительных стремлений рабочего класса, станут почти исвероятной сказкой прошлого, свободные, благодарные люди будут стоять у этой могилы с иепокрытой головой и будут говорить своим детям: «Эдесь покоится Карл Маркс».

Здесь покоятся Карл Маркс и его семья. Простая мраморная плита, увитая плющом, лежит в изголовье могилы, обложенной мрамором. На плите начестано:

JENNY VON WESTPHALEN
THE BELOVED WIFE OF
KARL MARX
BORN 12. FEBRUARY 1814,
DIED 2. DECEMBER 1881.

AND KARL MARX BORN MAY 5. 1818, DIED MARCH 14. 1883.

AND HARRY LONGUET THEIR GRANDSON BORN JULY 4, 1878, DIED MARCH 20, 1883.

AND HELENE DEMUTH BORN JANUARY 1. 1823; DIED NOVEMBER 4. 1890.

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СУПРУГА КАРЛА МАРКСА РОДИЛАСЬ 12 ФЕВРАЛЯ 1814 г., УМЕРЛА 2 ДЕКАБРЯ 1881 г.

И КАРА МАРКС
РОДИАСЯ 3 МАЯ 1818 г., УМЕР 14 МАРТА 1883 г.
И ГАРРИ ЛОНГЕ
ИХ ВНУК
РОДИАСЯ 4 ИЮЛЯ 1838 г., УМЕР 20 МАРТА 1883 г.
И ЕДЕНА ДЕМУТ
РОДИЛАСЬ 1 ЯНВАРЯ 1823 г., УМЕРАЗ 4 НОЯБРЯ 1890 г.

В семейной могиле похоронены не все умершие члены семыи. Трое умерших в Лондоне детей погребены на других лондонских кладбищах: одна из них, Эдгар (Муш), наверное, а двое остальних, по всей вероятности, на кладбище Уайтфилд Чепел на Тотнем-корт-род. Женни Маркс, любимая дочь Маркса, покоится в Аржантее, близ Парижа, где смерть вырвала ее из коута ее цветушей семьи.

Но если и не для всех умерших детей и внуков нашлось место в семейном склепе, то нашлось оно для одного человека, который был членом семьи, хотя и не был связан с ней кровными узами, — для «верной Ленхен», Ленхен Демут.

То, что она будет похоронена в семейной могиле, решила еще жена Маркса, а за нею и сам Маркс. И Энгельс, в своей верности не уступавший Ленхен, вместе с оставшимися в живых детьми исполнил этот долг, что он сделал бы и по собственному своему побуждению.

Как дети Маркса относились к Ленхен, как нежно они были к ней привязаны, с каким благоговением чтут се память, показывает приведенное письмо младшей дочери Маркса.

Посетив в последний раз Лондон, я возвращался домой через Париж. В Дравее, где жили Лафарг и его жена Лаура Маркс, я погрузился вместе с Лаурой в старые лондонские воспоминания и заговорил о своем намере-

нии написать эти воспоминания. Тогда и она сказала мне, точно так же, как это сделала Туссн в своем вышеприведениом письме и позднее устно: «Смотри же. не забудь Денжев».

Нет, я не забыл Ленхен и нікогда ее не забуду. Она ведь целых сорок лет была міне другом, а во время вмігрантиской жнанн в Ломдоне была ниой раз и мони «провиденнем». Как часто она ссужала меня неколоживи пенни, когда у меня в карманах свистел ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто, — потому что, когда там наступал пост, тогда у Ленхен инчем исьвая было пожнвиться. И как часто, когда монх портновских способостей уже не хватало, она нскусно реставрировала на несколько недель какую-инбудь необходимую часть туалета, заменить которую міне было нечем по динайсковым причинам.

Когда я увидел Ленхен в первый раз, ей было 27 лет. Красавицей она, правда, не была, но со своей высокой, стройной фигурой и приятивым чертами лица она была очень привлекательна. В поклоиниках у нее иедостатка ие было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию. И хотя она ие связала себя инкаким обетом, для ее предаиного сердца было ясно само собой, что она должна остаться с Мавром, с его женой и детьми.

И она осталась, — а годы юности промчались. Она осталась, перенося с инми нужду и лишения, горе и радость. Покой наступил только тогда, когда смерть скосила людей, с судьбой которых она связала свою собственную. У Энгельса она нашла покой, у него же и скончалась, забывая о себе до последней минуты. Ныне она поконтся в семейной могиле.

* *

Друг Моттелер, «Красный почтмейстер», живущий теперь в Хэмпстеде, иедалеко от Хайгета, описывает могилу Маркса следующим образом:

«Могила Маркса обложена белым мрамором, из того же камия сделана и маленькая плита, на которой черными буквами начертаны нмена и даты. Дери, привезенины мной в свое время из Швейцарии, плющ и несколько кустиков роз, по большей части заросших травой, служат скромиым украшением могилы. Два раза в недело я обыкновенно прохожу мимо Хайгета, там, где покоится Маркс. Если могила уж очень сильно зарастает, я выпальнаю траву. Иной раз кое-что и засыхает, сосбенно если лето такое жаркое. Как два последиих года ба этом году, когда на континенте было столько

дождей, в Англии стояла засуха, какой инкто ие упоминт, и даже в парках грава совершению засохла). Даже с помощью Лессиера я не был в состояини защитить могилу от соляща, и поэтому мы в конще концов были вынуждены, — разумеется, с согласия Эвеличгов, которые из-за чрезвычайной дальности расстояния приезжают лишь изредка, — поручить могилу попечеиию кладбищенского сторожа».

18

ПО СТАРЫМ МЕСТАМ

В мае этого года ¹ я был в Англии; исполнив свои агтнаторские обязанмости, я, прежде чем вернуться обратно в Германию, решил предпринять поездку по различным частям Лондона; мне хотелось побывать во всех тех местах, где некогда жили мы, нагианники, и особению хотелось разыскать те квартиры, в которых обитала семыя Маркса.

Было 8 июля, когда мы (я, Элеонора Маркс-Энелниг не е муж) прибыли в Сидием, чтобы отсюда уже железной дорогой, дрожками и оминбусом изправиться на угол Тотнем-корт-род, вблизи Сохо-сквера. Мы методически приступили к работе — к «раскопкам» Лондона политических изгнанияков, живших там с конца сороковых годов до пятидесятых и шестидесятых годов включительного догожности и шестидесятых годов включительного.

Итак, мы находнансь на улице Тотием-корт, в самом банзком расстоянии от Сохо-сквера и Лестер-сквера, где собирались группами немецкие и французские нагианиики, соединенные общим чувством одиночества.

Сиачала мы направились в Сохо-сквер; инчто не няменилось: те же дама, та же копоть на домах, иногда даже те же самые немен ин авывесках... Как будто сом: юность встала предо мною; 40—45 лет исчезан, как туман-иое облако, гонимое ветром; я — двадцатипятилетний нягианник — нду по скверу, по знакомым поперечным улицам, направляюсь к Олд-Комптоистрит, где еще стоит старый модл-лоджинг-хаус, в котором много-много лет тому назад так вессло жилось.

Не прошмыгиул лн здесь Красный Вольф? Не стонт ли там Коирад Шрамм? Всё, всё так, как будто бы только вчера я был здесь. Уднвительно:

^{1 — 1896} года. Ред.

в Лоидоне — в этом океане домов — есть улицы и кварталы, которых не тронули клокочущие волиы всеразрушающего времени...

Дальше, дальше1. Здесь Дии-стрит, где жил Маркс. Мы еще не сворачивали. Сиачала на Чёрч-стрит. Ничто не изменилось — вот церковь, вот непременный кабачок против церкви, тоже не изменилося... Вот трехэтажими серовато-чериме дома с двумя окнами по фасаду; они тоже не изменились. Вот № 14. в котором я яки восемь сят. — не изменилося и он.

Назад... Теперь заверием за угол: это Маклефидд-стрит. Но где же № 6? Здесь должен был стоять дом... Напрасно мы ищем дом, в котором обитал Эптельс в начале своей изгнавнической жизни до тех пор, пока он ие был послам старым отцом в Манчестер по торговым делам: новая улица поглотила этот дом...

Дальше! Теперь к Дии-стрит, на поиски дома, в котором жил долгое время Маркс со своей семьей. Я уже прежде искал его как-то, но не мог точно установить, где он; Энгельс потом сказал мие, что номера домов были изменены. Там каждый дом похож на соседний, как две капли воды, а времени для более тидательных поисков во время прежних моих поссщений Лондона у меня никогла не хватало. Ленхеи, с которой я незадолго до ес смерти говорил об этом, тоже не могла с точностью указать дом. А Тусси, которой был всего год, когда последовало переселение из Дии-стрит в Кентин: Таму, озаумеется, тоже не могла вспомить.

Нужио было при поисках придерживаться определенного метода. Улица изменилась очень мало. Среди домов на правой стороне стояло несколько зданий, с внешней стороны совершению похожих друг на друга. -между иими и колебался наш выбор. Едииственно прочный признак, который у меня был, - это театр, расположенный напротив. Этот театр, в то время частный, был с тех пор перестроен. Теперь он гораздо больше и шиле, и мне иеизвестно было, в какую стороиу ои был увеличен — вправо или влево. Таким образом, единственио прочная позиция, которой я обладал. была несколько сдвинута. Наконец, я добился того, что выбирать осталось только между двумя домами. Оглядеть их снаружи было недостаточно — я должен был проникиуть внутрь. Двери одного из домов были открыты, я вошел; лестиица показалась мне знакомой; вся постройка, насколько я мог ее видеть с порога, также соответствовала моим воспоминаиням. Но большинство лондоиских домов построено как бы по фабричному способу; они очень шаблониы и лишены всякой индивидуальности и своеобразия. Я поднялся на первый этаж и не мог ориентироваться — все казалось мие чуждым.

Между тем дочь Маркса с мужем пронаводилн дальнейшие наблюдення на улице. Я сообшил им соминтельный результат своих исследований.

Итак, в сосединй дом! На нем стоит № 28. Не обмакивает ли меня моя память? Тот же номер стоял, кажется, и на доме Маркса. Да! Я вдруг сразу вспомика, что в иачале своего пребывания в Лондоне я запомниль этот номер при помощи простого приема: я отметил его себе, как удвоенный номер моего собственного дома. Эштельс, вероятию, ошибся, сказав, будто номера изменены. Или, быть может, он высказал только предположение? Мы позвонили. Молодая жеищина открыла нам входную дверь. Мы спросили ее, помнит ли она имена прежних квартирантов и владельна дома.

- Да, ио только за последине девять лет.
- Позволите ли вы войти и осмотреть дом?

— Конечно!

И она сама проводила меня наверх.

Аестинца была та же. Вся постройка тоже. И чем дальше я шел, тем более знакомым становилось мие все кругом. Лестинца в заднюю комнату все подходило!

К сожалению, комиаты второго этажа, в котором жил Маркс, были заперты. Но, поскольку я мог видеть, все подходило самым точным образом; постепенно сомнения исчезали — и у меня появилась уверенность: вдесь жил Маркс!

Когда я спустнася, я крикнул:

— Нашел! Здесь! Да, здесь!

Это — тот дом, где я бывал тысячи и тысячи раз, где Маркс, намученный, издерганияй нуждой изгианинческой жизии и неиавистью врагов, которые не останавлявальсь ни перед, какой клеветой, писал. «Восемваддатое брюмера», «Господина Фогта», свои статьи в «New-York Daily Tribune» и где ои подготовил исполинскую предварительную работу для «Капитала»...

Мы можем уже покинуть дом на Дин-стрит; я напомню только, что Маркс, прибыв в коице 1849 года в Лоидон, посельнася сиачала в Камберувал. Здесь ему пришлось пережить месколько исприятностей: был объявлен несостоятельным владелец дома, и, согласно английскому закону, кредиторы удержами в качестве залога обстановку жильцов. В мае 1850 года, приблизительно ко времени мосто приезда в Лоидом, семья Маркса, после короткого пребявания в одном семейном отеле на Лостерскере, переерала в дом на Дин-стрит; здесь они прожила около семи лет.

вплоть до своего переселення в Кеитиш-Таун; последний находился в северной части Лондона, тогда еще носнвшей несколько деревенский характер.

Нам нечего было больше делать иа Дин-стрит, и мы возвратились на угол Тотнем-корт-род. Там мы сели в омнибус, идущий по направлению к Кентиш-Тачи.

Но Тотием-корт-род нэменилась очень мало; характер улицы был тот же что и раньше; часто встречались те же самме лавки и торговые дома; стоящая по левой стороне капелла осталась неизменной; только клад-бище было теперь закрыто. На этом кладбище был погребен бедный Муш и, как мие кажется, двое других детей Маркса, умерших в раннем возоасте.

Мы приближались к Кентиш-Тауну... Вот как будто бы знакомая таверна. И верио — это старый «Ред-Кэп» («Красная шапочка»). Мы слезал с оминбуса и уже пешком повернули за угол, из улицу Молден-род. Я чувствую себя здесь, как дома; но еще минута, и опять новые улицы, которых не было, когда я покидал Лондон. Где раньше было поле, там теперь высятся дома. Неожиданно Тусси поднимает руку и указывает на относительно большой для лондоиского предместья дом. «Вот он!» — восклищает она.

Действительно, это он — дом. или вериее, коттедж, на улице Графтеи-теререс; здесь жил Маркс. Вот маленький балкон, с которого жена Маркса, выздоравьивавшая после тяжелой оспы, перекликалась со своими тремя дочурками, которые во время болезии матери жили у меня; скачала, ослабевшая, она могла лишь шептать, но как зато сияло е лицо, когда я приводил к балкону детей! На коттедже был в то время иомер 9¹, теперь это номер 46. Недальско оттуда — номер 41 по Метленд-парк-род. В этом доме умер Карл Маркс, сюда он пересельностя 1872 или 1873 году — старая квартира оказалась слишком большой, ибо в семье уже не было двух старших дочерей, вышедших к тому времени замуж 2.

¹ Тусси утверждает, что дом этот, с самого начала или по крайней мере тогда, когда они в него въекали, был номер 1, но я думаю, что она ошибается. Во всяком случае это скоро выженитея. (Примечение Либичета.)

² На улице Графтен-геррес, 9, Маркс жил с октября 1856 по апрель 1864 года. С апреля 1864 по март 1875 г. он жил на улице Мейтленд-парк-род. Модена Виллас, 1. В доме 41 на Мейтленд-парк-род Маркс жил с марта 1875 г. до самой смерти. Ред.

¹⁰ Воспоминания о Марксе и Энгольсе

Молча направились мм на Хэмпстедские холмы. Здесь многое изменилось, но все-таки прежний характер местиости еще не совсем нечез. Мы отыскали старые места. После утомительной поездки нужно было подкрепиться. Мы зашли позавтракать в знакомую тавериу «Джек Строу». Сколько раз мы бывали эдесь в те годы! Вот в этой самой комнате, в которой мы теперь сидим, и десятки раз сидел вместе с Марксом, г-жой Маркс, детьми, Ленхен и другими.

Давно это было...

На кничи: W. Liebhnecht. «Karl Marx zum Gedachiniss (В Либкнезт. «Паняти Карла Маркса»). Нюрпберг, 1896 Перевод с немецкого

Bильгельм Либкнехт ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

Оридриха Энгельса был светлый и ясный ум, свободный от всякой романтической и сентиментальной окраски. Энгельс рассматривал людей и вещи не сквозь розовые или темные очки, он глядел на них светлыми и ясными глазами, взор его никогда не останавливался на поверхности, а всегда проинкал до самой глубины. Этот светлый, ясный взор, это «ясновидение» в истиниом, здоровом смысле слова, эта прозорливость, которой мать-природа наделяет липы немногих, были весьма свой-ственны Энгельсу. Это мне бросилось в глаза уже при нашей первой встречс.

Встреча вта произошла поздним летом 1849 года на берегу голубого Жевского озера, где мы после кража кампании за имперскую коиституцию основали несколько эмигрантских колоний...

До этого мне пришлось лично познакомиться со множеством всяких «великих мужей» — вроде Руге, Гейнцена, Юлиуса Фрёбеля, Струве и размых других «вождей» баденской и саксонской «революций». Но чем ближе

я с ними знакомился, тем больше меркнул в моих глазах их ореол, тем мельче казались они мне.

Чем туманиее атмосфера, тем большими представляются в ней вещи и люди. Но Фридрих Энгельс обладал таким свойством, что перед его ясими взором туман рассенвался, и люди и вещи выглядели именио такими, каковы они были в действительности. Эта острота взгляда и ей соответствующая и из нее проитествлющая ревяюсть суждения вначале были мне не совсем по душе и даже несколько коробили меня. Правда, и у меня сложилось не лучшее впечатление о «героях» кампании за имперскую конституцию, чем у Энгельса. Но мне вначале казалось, что он недооценивает это движение, на которое все-таки было затрачено много ценных сил и самоотверженного воодушевления.

Впрочем, остаток «южнонемецкого прекраснодушня», которое, — хоть я и ие уроженец южной Германии, — было мие тогда еще присуще и от которого я избавлися аншь поэже, в Англии, не помещал нам сходиться, хоть и не всегда сразу, на общем мнении о людях и вещах. И я вскоре убедился, что Энгельс, чью книгу о положении рабочего класса в Англии я уже давно змал и чъм богатые и общирные познания изумили меня при личном общении, всегда имел твердые и определенные основания для своих суждений,

Я смотрел на него снизу вверх: он уже совершил большие дела и был на пять лет старше меня, а в этом возрасте пять лет — целое столетие.

Мие сразу же бросилось в глаза, что Энгельс— прекрасимій знаток военного дела. Из бесед с ими я узиал, что статъи в «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газете») о революционной войне в Венгрии, которые всеми приписывались кому-либо из крупных командиров венгерской армии, потому что содержание их немаженно подтагреждалось, были на самом деле написаны Энгельсом. При этом, как он мне сам со смехом рассказывал, у него не болло абсолютию никакого другого материала, кроме того, которым располагали и все остальные газеты и который почти исключительно исходил от австрийского правительства. А оно врало немилосердно. Оно всегда одерживало победы» в Венгрии — совсем как теперы испанское правительство на Кубе ¹. И вот тут-то Энгельсу пошел впрок его талант ясновидца. Он не обращал внимания на фразы. У него в голове уже быми реитеновокие дучи, которые, как известно, не обладают свойством предоменитеновские дучи, которые, как известно, не обладают свойством предоментеновские дучи, которые, как известно, не обладают свойством предом

¹ Речь идет о безуспешных попытках испанского правительства подавить общенародносстание, вспыхнувшее в 1895 г. на о-ве Куба, который был в то время колонией Испании. Реч.

дення и инкогда не дают искаженного изображения. С их помощью он проходна мимо несущественных для установления истины моментов, не позволял ввести себя в заблуждение никакими дымовыми завесами, не верил никаким фантастическим картинам и останавливался взглядом лишь на прочной основе — на фактах. Как бы громко ни трубили австрийские мюнхгаувены, они все же не могли скрыть некоторых фактов — названий местностей, где поонсходнан столкновення и где находнансь войска к началу и к исходу сражения, времени боев, передвижений войск и т. д. И из этих мелких костей и косточек наш Фондонх с его светлым, ясным взором составлял. полобно Кювье, действительную каотниу событий. Пользуясь хорошей каотой театра военных действий, он умел с математической точностью заключить из дат и названий местностей, что «победоносные» австоницы все далее продвигаются назад, а «побежденные» венгры «отступают» вперед: н все это до такой степени точно совпадало с действительностью, что на следующий день после того, как австрийская армия на бумаге в решительной битве победила и разгромила венгров, она была изгнана из Венгрии в состоянин полного разложения...

Впрочем, Энгельс был как бы создан военным: ясный взгляд, уменье быстро орнентироваться и взвесить даже мельчайшие обстоятельства, быстрота решений и невозмутимое хладнокровие. Позже он написал ряд превосходных военных произведений и завоевал, — разумеется, инкогнито, — признание со стороны профессиональных военных первого ранга, которые и понятия не имели, что анонимный автор брошюр носит одно из наиболее «подозрительных» бунтарских имен...

В Лондоне мы шутляво называли его «Генералом». Если бы при его жизни еще раз произошла революция, то у нас был бы в лице Энгельса свой Карио — организатор армий и побед, военный мыслитель.

О кампанин за имперскую конституцию Энгельс сам вскоре написал в журнале «Neue Rheinische Zeitung» ¹, который редактировался в Лондоне и просуществовал, правда, недолго. Заимствую из этой статън следующее:

После того как Маркс и Энгельс, побывав в Карлсруэ, получили представление о революционном правительстве Брентано, они отправились

¹ «Исие Rheinische Zeitung, Politisch-öhonomische Reuue» («Новая реймская тазет». Политико-окономическое обозрение») — ежемскичный журнал; издавался Марксом и Энгельсом с января по октябрь 1850 г.; печатался в Гамбурге. В этом журнале была опубликована работа Энгельса «Германская нампания за имперскую конституцию» (см. К. Маркс и О. Энгельс, Сочинеция, т. VII., стр. 399—489). Ред.

в Пфальц, чтобы познакомиться с тамошими движением и временным правительством. Встретив в Шпейере Виллиха, возглавлявшего добровольческий отряд, онн вместе с ним поехали в Кайзерслаутери, где застали временное правительство во главе с Д'Эстером.

И здесь дело складывалось таким образом, что ие могло быть и речи об официальном участии коммунистов в движении, которое тут, как и в Бадене, иосило ярг. выраженный мелкобуржуазный характер. Пробыв исколько дией в Кайзерслаутерие, оба друга направились в Бинген. Но по дороге они были задержаны гессенскими войсками и вместе с еще несколькими друзьями арестованы по подозрению в том, что они участники восстания, и отправлены сперва в Дармштадт, а потом во Франкфурт-на-Майне, где они былы, наконец, освобождены.

Вскоре после втого Маркс, по порученню Центрального комитета демократов, уехал в Париж, гле ожидались сероватис события, чтобы там представлять немецкую револоционную партию перед французскими социальными демократами. Энгельс же опять направился в Пфальц, в Кайзерслаутери, чтобы выждать развития событий и, в случае необходимости, принять участие в динжении в качестве солдата.

В журнале «Neue Rheinische Zeitung» Энгельс с великолепным юмором изобоажает хаоактео, который поиняло народное движение в Пфальце.

«Кто хоть однажды видел Пфальц, — пишет он, — тот поймет, что в этой стране, богатой и благословенной вином, движение должно было принять в высшей степени вессаміх зарактер. Наконец-то массление сбросило с своей шен тяжеловесных педантичных старобаварских любителей пива и на их место назначило в качестве чиновников веселых ценителей пфальцского вина. Наконец-то оно освободилось от глубокомысленной бавварской полн-цейщины, которая так восхитительно высменвалась в «Fliegende Blätter» і, вообще весьма бездаримх, и которая тяготила вольнолюбивых пфальцских жителей больше, чем чис-либо другое. Первым революционным актом пфальцского народа было восстановление свободы трактиров: весь Пфальц превратился в большой трактиро, и количество спиртных напитков, уничтоженное в продолжение этих шести недель «во имя пфальцского народа», превосходит всякие вычисления. Хотя в Пфальце активное участие в движенин далеко не было таким широким, как в Бадене, хотя здесь было много реакционных округов, но все население было сдинодушио в этом увлечения

 $^{^1}$ «Fliegende Blätter» («Летучие листки») — исмецкий буржувазиый сатирический журнал. $ho e_{d}$.

вином, и даже самый реакционный филистер и крестьянии были охвачены этим общим весельем...

Весь внешний вид пфальдского движения мосил веселый, беззаботный и непринуждениый характер. В то время как в Бадене каждый виовь мазиаченый подпорчик линейных войск нали авородного ополчения затагивался в тяжелую военную форму и парадировал с серебряными вполетами, которые в день сражения прятались в карман, — пфальдские жители вели себя более разумию. Как только сильная жара первых иновьеких дней дала себя почувствовать, исчезли все суконные сюртуки, жилеты и галстуки, уступив место легким блузам. Вместе со старой бюрократией жители Пфальца освободились, казалось, от всей старой ислодимости и стесиениюсти, стали одеваться совершению испринуждению, считаясь только с удобствами и временем года, и вместе с различиями во дежде моментально исчезли всякие другие бытовые отличия. Все классы общества собирались в одиих и тех же публичных помещениях, и социалистический мечтатель мог бы усмотреть в этом испринуждениюм общения заров всеобщего братства.

Таким же характером отличалось и времению правительство Пфальца. Оно состояло почти исключительно из добродушимх любителей вина, которые были более всего удивлены тем, что они должив представлять времениюе правительство своего любимого Вакхом отечества. И тем не менее нельзя отрицать, что эти смеющися правитель вели себа лучше и делали сравиттельно больше, чем их баденские соседи... Они обладали, по крайней мере, доброй волей и, — иссмотри на свою любовь к вину, — более трезвым рассудком, чем филистерски-серьезные господа из Карасруры... э !

Одии из главимх упреков, которые можно было сделать пфальцскому правительству, заключается в том, что, чувствуя собственное бессилие, оно позволило себе слишком заразиться всеобщей беззаботностью и вместо того, чтобы внергично пустить в ход, правда, ограимчениме средства обороны страим, предпочло полагаться на внешине случайности. Как далеко заходила ята беспечность, показывает тот факт, что правительство совершению не интересовалось расположением прусских войск на границе и что инкто вообще не знал, что там делается. Правительство в Кайзерслаутерие получало только две газеты — «Frankfurter Journal» («Франкфуртский журнал») и «Karlsruher Zeitung» («Карлсрузскую газету»), и однажды господа из правительства была всемы з гравительных, когда Энглель доставли, им боле

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, стр. 438, Ред.

точные сведения о стягивании и расположении прусских войск на границе, сведения, которые сам он почерпнул из старого номера «Kölnische Zeitung» («Кёльнской газеты»)...

Много раз делались попытки уговорить молодого Энгельса занять руководящий пост в движении. Сам он пишет об этом следующее:

«Само собою понятю, что и мне предлагались в большом количестве гражданские и военные должности, которые я не замедлил бы принять, если бы дело шло о пролетарском движении. Но при данной обстановке я отклоинл все эти предложения. Единственно, на что я согласился, это — написать нексолько агитационных статей для небольшой газетия, широко распространявшейся временным правительством в Пфальце. Я знал, что дело это инчем не кончится, но принял, наконец, это поручение по настоятельной прособь д ДЭстера и многих часнов правительства, чтобы доказата этим, по крайней мере, мою добрую волю. Так как я, разумеется, не стеснялся в выражениях, то уже вторая статья встретнаа возражения, как слишком «возбуждающая»; я не счел нужным тратить лишних слов на разговори, взял статью обратно, разорвал ее в присутствии Д'Эстера, и на том дело кончилось» ¹.

Военная организация пфальцского движения особенно страдала от недостатка оружия и короших офицеров. Из-за границы инчего нельзя было получить, так же как и на восставиего Бадена. Ничего не делалось и для того, чтобы нмеющееся в стране оружне передать в надежные руки. Ковали косы, но даже это примитивное вооружение не попадало в руки повстанцев, в то время как гражданские ополчения, состоявшие из одних филистеров, прятали свои хорошие ружья.

Энгельс рисует офицерский корпус, за немногими нсключениями, как нестояций и неспособний. К этим исключениям относились— Техов, тот самый, который, будучи прусским поручиком, во время штурма берлинского цейхгауза вместе со своим товарищем передал цейхгауз народу, был приговорен к пятнадцати годам крепости и бежал из Магдебурга, а также Виллих, который со своим небольшим добровольческим отрядом вел наблюдение за крепостями Ландау и Гермерстейм, а затем руководил осадой этих крепостей.

Резкая критика со стороны Энгельса и его беспощадный сарказм были, естествению, очень не по душе этим филистерам от революции. Как-то раз они даже арестовали его, но через 24 часа времениое правительство вынуждено было, смущение извиняясь, выпустить его на свободу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 442. Ред.

Попытка обстоятельного описания последовавших затем боев завела бы нас слишком далеко. Наступление прусских и имперских войск в количестве около 30 тысяч человек против 5—6 тысяч плохо руководимых и плохо обученных революционных солдат вынудило вскоре пфальцскую армию отойти за Рейн, в Баден, и там объеднинться с баденцами. Но и здесь 60 тысяч пруссаков и баварцев противостояли 13 тысячам повстанцев, подчиненных к тому же правительству, в котором главные посты были заняты предателями нли слабохавляетсямым лодамия.

Энгельс участвовал в трех сражениях и в решающей битве на Мурге, и все, видевшие его под огнем, долгое время спустя рассказывали о его хладнокровии и превоении ко всякой опасности.

Об участни коммунистов , тогдашних носителей социалистических идей, в боях за конституцию Энгельс пишет:

«Более или менее просвещенным жертвам баденского восстания повсюду — в прессе, в демократических союзах — воздвигались памятники как в стихах, так и в прозе. Но никто не сказал ни слова о сотнях и тысячах рабочих, которые выдержали бои и пали на поле сражения, которые заживо гниют в раштаттских казематах или теперь за границей, одни среди эмигрантов, терпят связанные с изгнанием величайшие лишения. Эксплуатация рабочих слишком стародавняя и привычная вещь, чтобы наши официальные «демократы» могли видеть в рабочих что-нибудь нное, чем подвижный, подлежащий использованию и взрывчатый сырой материал, — настоящее пушечное мясо. Наши демокоаты слишком невежественны и пооникнуты буожуазным духом, чтобы понять революционное положение пролетариата и будущее рабочего класса. Поэтому им ненавистны также те истинно-пролетарские характеры, которые слишком горды для того, чтобы льстить им. слишком умны, чтобы дать себя использовать, но тем не менее выступают с оружием в руках каждый раз, когда дело идет о сокрушении существующей власти, и во всяком революционном движении непосредственно представляют партию пролетариата. Но если так называемые демократы не склонны оценивать по достоинству таких рабочих, то долг пролетарской партии воздать им по заслугам. И к дучшим из этих рабочих принадлежал Иосиф Молль из Кёльна.

¹ Речь идет о членах Союза коммунистов, Ред.

Молль был по профессии часовщик. Много лет тому назад он покинул Германию и принимал участие во всех революционных, открытых и тайных, обществах во Франции, Бельгии и Англии. Он содействовал основанию Просветительного немецкого рабочего общества в Лондоне в 1840 году. После февральской революции он вернулся в Германию и вскоре вместе со свонм другом Шаппером стал во главе Рабочего союза в Кёльне 1. Эмнгрнровав в Лондон после кёльнских уличных беспорядков 1848 года, он вскоре вернулся под чужой фамилией в Германию, агитировал в различных округах и понинмал на себя миссии, пугавшие всех доугих своей опасностью. В Кайзерслаутерне я опять встретил его. И здесь он принял на себя такие поручения в Пруссию, которые в случае их обнаружения подвели бы его прямо под расстрел. Возвратившись после выполнения своей второй миссии, он благополучно пробрадся через все неприятельские армин до Раштатта, где немедленно вступна в безансонскую рабочую роту нашего отряда. Спустя три дня он был убит. Я потерял в нем старого друга, а партия одного на своих самых неутомимых, бесстрашных и надежных бойцов.

Партия пролетариата была довольно сильно представлена в баденскопфальцской армени, особенно в добровольческих отрядах, например, в нашем эмигрантском легнове н т. д.; она может смело бросить вызов другим партиям, предлагая ны бросить хотя бы малейший упрек кому-либо из ее членов. Самые решительные коммунисты были и самыми смельми солдатами» 2.

Естественно, что 90-тысячное прусско-имперское войско одержало победу над 15 тысячами солдат революционной армин, но победу самую бесславную. Оно справилось с горсткой повстанцев, только нарушня нейтралитет Вюртемберга и обеспечив себе возможность обходного движения. Угром 12 июля солдаты добровольческого отряда Виллика, и среди них Энгельс, подошли к швейцарской границе и, разрядив ружья, последними из баденско-пфальцской армин перешли на территорию Швейцарии.

Энгельс пишет об исходе кампании:

«С политической точки эрения кампания за имперскую конституцию была заранее обречена на неудачу. Также была она обречена на неудачу с с военной точки эрения. Единственный шанс ее успеха лежал вне Германин, а именно в победе республиканцев в Париже 13 июля, — а движення

² К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, т. VII, стр. 476. Ред.

 $^{^1}$ Кёльнский рабочий союв был основан в апреле 1848 г. и существовал до июня 1849 г., в октябре 1848 г. председателем Союза был избран Маркс. Ред.

13 ноия потерпело поражение 1. После этого кампания могла представлять голько более или менее кровавый фарс, не более того. Глупость и предательство доконали ее окончательно. За исключением немногих лиц, военачальники были предателн или неспособные, невежественные и трусливые карьеристы, а те немногие, которые являлись неключением, оставлялись повсюду без подагряжи оставлялись повсюду без подагряжи оставлялись на без подагряжи оставлялись повсюду без подагряжи оставлялись на без подагряжи оставлялись на без подагряжи оставлялись на предатильного и к начальникам, и к солдатам... Вся «революция» превратилась в настоящую комедню, и единственным утешением при этом было то, что вшестеро более сильный противник имел сеце вшестеро меньше мужества.

3

Итак, комедня была все же не столь уж смешна; и как раз то, что восстанне было в силу обстоятельств явио обречено на крах, придает сму трагический ореол. Но не провал 13 нюня 1849 года в конечном счете решил судьбу кампавин за выперскую конституцию; кстати сказать, сама имперская конституция для девяти десятых участников этой кампанин не имела никакого значения или даже служила объектом насмешек. Мы, волонтеры, так же как и солдаты, пели:

> За республику погибиуть Наш великий, славный жребий, Духом избранная цель!

Если слова этой нашей «Марсельезы» и были нескладны, то с тем большим рвением мы их распевали...

Само 13 нюня было уже заранее обречено на жалкий крах. Как все немецкое революциюнное движение в целом, так и 13 нюня было пожаром, для которого уже не хватило основного гориочего материала. Но если в Париже этот гориочий матернал был уничтожен в пламени огромного пожара, то в Германин он большей частью истлел потихоньку. Этим огромным пожаром

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 488-489. Ред.

 $^{^1}$ 13 июня 1849 г. в Париже произошло неудачное выступление французских мелкобуржуваных республиканцев против буржуваной контрреволюции. $ho_{e.f.}$

была июньская битва 1848 года. Там навсегда размежевались буржуазия и пролетариат, там мираж гармонии классовых интересов был рассеяи кровавой развязкой, и буржуазия, которая, подоби окнязьям и прочим властителям былых времен, стала интериациональной гораздо разыше, чем рабочие, превратилась с этого момента в реакционную силу, покаялась в своих «греках молодости», отбросив прежине идеалы и революционные средства борьбы и предоставиви и то и другое продстарявату...

После июньской битвы исчезла последияя возможность совместного революционного действия буржувани и рабочих. Французские радикалы, которые 13 июня 1849 года хотели удалить со сцены «избранника 10 декабря» 1, а в его лице угрозу восстановления империи, строили свои расчеты без рабочих. Когда дошло до дел, пролетариат не выступил. За двенаццать месяцев до втого буржуваня дебекровила его, а от такого кровопускания исьъвя оправиться в течение одного года...

У германской кампании за имперскую конституцию, как и у французского 13 июня, не было предпосылок для победы.

Но я саншком уж много говорю о тех временах. Извинением мне служит моя тема. Этот зпизод из жизии Энгельса сравнительно мало известен. И так как демократи и демократы-ереволоционеры» часто упрекам Энгельса, как и Маркса, в том, что они — люди мысли, а не действия, я счел целесообразиым показать всю смехотворность этого «упрека», напоминв о деятельности Энгельса в надоляном восстании 1649 года.

Да и вообще, что означает это противопоставление ммсли и действия, теории и практики? Разве «Манифест Коммунистической партии» — не действие? Разве «Капитал» — не действие? Разве научная работа Энгельса и Маркса не была насквоэь действенной?

4

После краткого совместного пребывания в Швейцарии я встретил Энгельса в следующем году в Лоидоне, куда он первоначально направился. С тех пор я постоянио поддерживал с ими связь.

Правда, ои еще в 1850 году уехал из Лоидона, тде я жил, в Маичестер, в контору своего отца, который, как и некоторые другие рейиские фабриканты, имел филиал в Англин. Одиако Энгельс часто извещал нас в Лоидоне

¹ Речь идет о Луи Бонапарте, избранном 10 декабря 1848 г. президентом, а позднее, в 1852 г., провозгласившем себя императором Франции под именем Наполеона III. Ред.

н нередко жил там подолгу; н почтн ежедневно он писал Марксу, который регулярно сообщал содержание этих писем, если они не были строго личными, иам, то есть наиболее доверенным участникам менявшегося в своем составе «кружка Маркса».

Конечно, я не был так близок с Энгельсом, как с Марксом, в доме которого бывал почти ежедневно в течение двенадцати лет подряд и считался как бы членом его семьн. После смерти Маркса я сощелся с Энгельсом ближе.

Теперь перед Энгельсом встала двойная задача — заменить Маркса н выполнить его завещание.

Энгельс, который до тех пор, по его собственному выражению, нграл вторую скрипку, доказал теперь, что ои может быть н первой скрипкой.

Энергия Энгельса, большую часть которой он в течение двух десятилетий выпужден был тратить на контору, теперь целиком была отдана выполнению этой его двойкой задачи. Энгельс завершил, насколько это было возможню, работу над «Капиталом», развил поразительную творческую деятельность в научной области и, благодаря своей необычайной работоспособности, находил еще время для обширной международной переписки. А письма Энгельса зачастую были научными статьями, политико-экономическим откольством.

Энгельс помогал всюду, где в нем нуждались, всегда побуждая всех к действию. Советуя, требуя, предупреждая, он, оставаясь почти до последних дней активным борцом, участвовал в битвах великого международного рабочего движения. Это движение осуществляло тот самый лозунг, который Энгельс вместе со своим другом Марксом еще в начале 1848 года, почуяв слежий ветер офевольской революции, боосил дойочии:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Пролетарни действительно соедниились. И никакая сила в мире не сможет преградить дорогу объединенному мировому пролетариату.

5

28 ноября 1890 года мы в Лондоне праздновалн 70-летие Энгельса. Он был бодр, полон юмора и воинственен, как во времена своей жизнерадостной, горячей юности. А когда, почти три года спустя, в зале «Конкордия», он обратился к берлинским рабочим ¹ со словами:

¹ Энгельс произнес речь на социал-демократическом собрания в Берлине 22 сентября 1893 года (см. К. Маркс в Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 372—373). Ред.

— Товарнщи, я убежден, что вы и впредь будете выполнять свой долг! — то среди тъсач людей, с воодушевлением его слушавших, с благодарностью и любовью глядевших на него, ие было ви одного, который ие спрашивал бы себя удивлению:

— Неужели этому юноше стукиуло семьдесят три года?

С тех пор не прошло и двух лет, как — 6 августа 1895 года, — вериувшись с большого праздника профессиональных союзов в Бремене, я нашел на своем столе в редакцин газеты «Vorwärts» («Вперед») горестиую телеграмму:

«Генерал тихо скончался вчера в 10.30 вечера. С полудня без сознания. Просъба сообщить Солдату и Знигеру».

Под «Солдатом» подразумевался я.

Уже с весны мы, то есть три человека в Германин 1 , знали, что у «Генераза ненэлечимая болезнь — рак горла. И хотя удар не был виезапным, все же он был ужасным и беспощадимы.

Итак, не стало титана мысли, который заложил вместе с Марксом основы научного соцнализма и учил пролетарнат тактике соцнализма; который уже в двадцать четыре года дал нам классическую работу «Положение рабочего класса в Англин»; соавтор «Манифеста Коммунистической партин»; второе «ж» Карла Маркса, которому он помогал организовать Междунаролие Товарищество Рабочих; автор «Анти-Дюринга», этой критстально-ясиой, понятной каждому мыслящему человеку научной энциклопедии; автор «Происхождения семы» и миогих других работ, сочинений, статей; друг, советчик, вожда и борец — итак, его ие стало.

Но дух его живет всюду, где живут и борются сознательные рабочие.

Hanevatana в журнале «Illustrierter Neus Welt-Kalender für das Jahr 1897» («Иллюстрираванный повый календарь мира ва 1897 10д») Перевад с немецкага На русском языке публикуется апераме

^{1 —} В. Анбкнект, А. Бебель н П. Зингер, Ред.

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР ДО И ПОСЛЕ 1848 ГОДА (На воспоминаний староло комминиста)

1

урные 1848—1849 годы я пережнл уже как коммунист, как страстный борец за обобществление средств производства, за братское сотрудинчество всего человечества.

Когда я, молодой портной-подмастерье, впервые в 1846 году услышал в Гамбурге комиринстическую речь и после этого прочитал «Гарантни гармонни и свободы» Вейтлянга, я думал, что коммунивыя восторжествует черев несколько лет. Когда, однако, в 1847 году я услышал Карла Маркса, когда я прочел и поиял «Манифест Коммунистической партии», мне стало ясио, что витунавам и добрая воля одниочек недостаточны, чтобы привести к преобразованию человеческого общества... Утратив некоторую долю восторженности и фантазин, я зато обред целеустремленность и сознательность. В Гамбурге, в мастерской, где я работал, я подружнася с несколькими товарищами по работе, которым приходилось уже работать в Швейцарин, Париже и Лондоне. Там они познакомились с коммунистическими идеями...

В Гамбурге существовало в те времена Просветительное рабочее общество, являвшееся сборным пунктом всех передових рабочих. Они собиральсь там каждый вечер, чтобы почитать газету, поспорить, нзучать иностранные языки. Разложенные там иа столах газеты в большинстве случаев были оппозиционного направления; споры вращались главиым образом вокруг коммунистических вопросов, а песни, которые распевала певческая секция, были песиями свободы.

Гамбургское Просветнтельное рабочее общество было тогда средоточнем революционной мысли — правда, в духе середины сороковых годов, что означало стремление к ецинству и свободе Германии, к республаке и братству народов, к свободомыслию, к раниему христианству, к коммуннаму словом, все нден перепутывались там и сливались в весьма неясные и неопределенные илеалы...

Человеком, которому принадлежит будущее, в Просветительном рабочем обществе считали Вильгельма Вейтлинга. В нашем кругу он был кумиром.

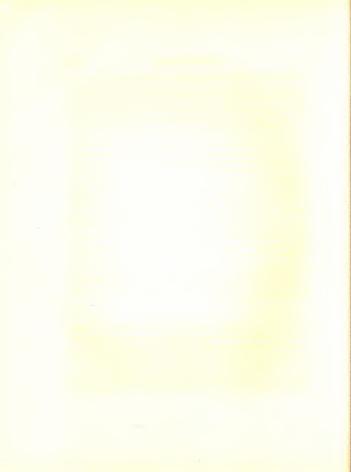
В Просветительное рабочее общество товарищи ввели меня в ноябре 1846 года; вскоре я был принят в число его членов. Я стал усердию посещать собрания и диспуты.

Один из товарищей дал мие почитать «Гарантии гармонии и свободы» Вейтлиига. Эту кингу в то время много читали в рабочих кругах. Она переходила из рук в руки, так как лишь немногие имели возможность ее приобрести. Я перечитал ее трижды. Впервые мие в голову пришла мысль, что на свете все могло бы быть нивче...

Тот период, когда споры в гамбургском Просветительном рабочем обществе и книга Вейтлянга «Гарантин» революционизировали мои возарения и значительно расширили мой кругозор, был решающим для моего политического развития.

Когда 1 апреля 1847 года, вместо того чтобы отправиться в веймарскую казарму, я сел на пароход, который должен был доставить меня в Англию, мие казалось, что я оставляю на континенте свое прошлое, чтобы в Англии начать иовую жизнь — жизнь, которую я решил посвятить борьбе за освобожление человечества.

* *

Мие дали рекомендации в лондонское Просветительное рабочее общето, в котором мие был оказан дружеский прием. Просветительное рабочее общество в Лондоне было основано 7 февраля 1840 года. Его основателями были Карл Шаппер, Генрих Бауэр и Иосиф Молль. Они приехали в Лондон в конце 1839 года, после того как их за участие в бланкистских выступлениях выслали из Франции.

Шаппер был коммунистом больше по чувству, чем по сознанию... Генрих Быур был по профессии сапожник. Маленький ростом, оп обладал большим остроумием, хитроство и решимостью. Часовщик Иосиф Молль, уроженец Кёльна, среднего роста, крепко сложенияй, отличался умом, геропямом и неустрашимостью. Он не знал страха, когда дело шло о том, чтобы служить интересам пролетариата. Когда в 1849 году вспыхиуло баденское восстание, он поспешна на фроит... Вражеская пуля положила конец его героической жизни. В «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экопомическое обозрение») 1850 года Энгельс писал: «Я потерял в нем старого друга, а партия — одного из своих самых неутомимых, бесстоащимых и надежних бойков».

Наряду с этими людьми живейшее участие в собраниях Просветительного рабочего общества принимали маляр Карл Пфендер и портиой Георг Эккариус.

Через несколько дней мне удалось вайти работу; я пачал регулярно посещать Общество и стал его членом. Я был принят и в Союз справедливых, который тогда как раз преобразовался в Союз коммунистов. Влияние Вейтлинга в Лондоне заметно уменьшалось, зато выступили на первый план имена Маркса и Энгельса.

4

До тех пор я их обоих еще не знал. Мне было только известно, что Маркс и Энгельс находились в Брюсселе, где руководили «Deutsche-Brüsseler Zeitung» («Немецкой брюссельской газетой»). Я и не подозревал тогда, что эти два человека откройот новую эру в истории социалыма.

Через несколько месяцев после моего приезда, то есть летом 1847 года, состоялся первый конгресс Союза коммунистов, на который приехали Энгельс и Вильгельм Вольф. На этом конгрессе, на котором реорганизовали Союз, Маркс не присутствовал. «Все, что в нем (Союзе) еще оставалось из старых мистических названий, сохранившихся от заговорщических

¹¹ Волюминания о Марксе и Энгельсе

времен, было уничтожено», — говорна Энгельс. Союз стал называться Союзом коммунистов.

Астом 1847 года Этьенн Кабе, вламенитый автор «Путешествия в Икарию», выпустил воззвание к французским коммунистам, в котором говорилось: «Так как здесь (во Франция) правительство, духовенство, буржуазия и даже революционные республиканцы преследуют, чернят нас, возводят на нас клевету, так как они пытаются даже прекратить наше существование, чтобы умитоwить нас физически и морально, то дайте нам возможиость покинуть Францию, пустите нас в Икарию, чтобы основать там коммунистическую колонно!» Кабе высказывал надежду, что найдется двадцать-гранцать тысяч коммунистов, которые осуществят этот план.

Это воззвание попало и в лондонское Просветительное рабочее общество. Прибливительно в сентибре 1847 года Кабе сам приехал в Лондон, чтобы склонить нас к своей идее. Дискуссия по его плаву длилась целую неделю. В результате Союз высказался против каких бы то ни было фантавий. Мы ответили, что Кабе идет по неправильному пути, что мы уважаем личиость граждавина Кабе, но боремся против его плана эмиграции. Каждый борец за правду и справедливость должен считать своим долгом оставаться на своем посту, просвещать народ, поднимать упавшее мужество, положить основу вновому общественному порядку, чтобы смело противостоять негодям. Если честные люди, если борцы за лучшее будущее уйдут и очистят невеждам и мошениикам поле битвы, то Европа должиа будет потябичть н погимет.

Таковы основные мотивы, заставившие нас считать предложение Кабе гибельным и обратиться с призывом к коммунистам всех страв: «Братья, останемся на страже здесь, в старой Европе; будем действовать здесь н бороться, нбо только здесь найдем мы те элементы, которые нужны для создания общественной собственности, и последияя будет создана прежде всего здесь».

Вот наш ответ Кабе... Он показывает, что мыслящие коммунисты, которые в то время уже испытывали на себе решающее влияние Маркса и Энгельса, осуждали всякие утопические попытик. Кабе покниту. Амера.

Вскоре, в конце ноября 1847 года, состоялся второй конгресс Союза коммунистов, на котором присутствовал и Карл Маркс. Он приехал из Брюсселя, а Энгельс из Парика, чтобы защищать на конгрессе Союза принципы научного коммунизма. Конгресс продолжался десять дией.

В заседаниях принимали участие только делегаты, в числе которых я не состоял. Но мы анали, о чем шла речь, и с величайшим интересом

ждали результатов прений. Вскоре мы узнали, что конгресс единогласно высказался за изложенные Марксом и Энгельсом принципы и поручил им выработать манифест. Когда затем, в начале 1848 года, из Брюсселя прибыла рукопись «Коммунистического Манифеста», я также должен был принять скромное участие в опубликовании этого, составившего эпоху документа, — я отнес рукопись в типографию, откуда доставлял оттиски для корректуры Карлу Шапперу.

Тогда я впервые увидел Маркса и Энгельса. Никогда я не забуду впечатления, которое произвели на меня оба эти человека.

Маркс был тогда еще молодым человеком, лет 28—30. Он был среднего роста, широкоплеч, крепко сложеи, вчергичеи, с высоким благородиым лбом, густыми иссиня-черными волосами и проинциательным ввглядом. Рот его уже тогда обладал тем саркастическим выражением, которого так боялысь его противинки. Маркс был рожден народным вождем. Его речь была краткой, связиой, пеумолимо логичной; он никогда не говорил лишних слов; квиждая фраза — мысль, каждая фраза — необходимое звено в цени доводов. В Марксе ие было инчего от мечтателя. Чем больше я сознавал разницу между коммунизмом вейтлинговского периода и коммунизмом «Коммунистического Манифсста», тем яснее становилось для меия, что Маркс представала зрельй возраст социалистической мысли.

Фридрих Энгельс, духовный брат Маркса, иапоминал скорее германский тип. Стройный, гибиий блоидии, со светлыми усами, ои больше походил на молодого, энергичного гвардейского лейтенанта, чем на ученого. Энгельс, который всегда подчеркивал значение своего бессмертного друга, сам бесконечно много сделал для создания и распространения научного коммунизма. Энгельс принадлежал к числу тех людей, которых нужно ближе узнать, чтобы уважать и любить их.

В Просветительном рабочем обществе в Лондоне нас в то время окватило некоторое волиение. Мы твердо верили, что скоро должна «завариться каша», и совершению не подозревали, какая нужна была еще воспитательная и организационная работа, чтобы сделать пролетариат способным опрокнуть буржуваный мир.

«Коммунистический Манифест» вышел из печати в феврале 1848 года. Мо получили его одновременно с известием о начале февральской революции в Париже. Я ие в состоянии изобразить то огромное впечатление, которое произвело иа нас это известие. Мы были в состоянии восторга и воодушевления. Нами владело одио чувство, одна мысль: пожертвовать всем за освобождение изглюениества!

Лоидоиский Центральный комитет Союза коммунистов тотчас же передал свои полномочия руководящему коллективу в Брюсселе, который, в свою очередь, передал их Марксу и Энгельсу и уполномочил их организовать новый Центральный комитет в Париже.

Непосредственно после этого решения Маркс был арестован в Брюсселе. Его принудили выехать во Францию, куда он как раз и намеревался отправиться.

3

События в Париже оказали сильное влияние и на английский рабочий класс. Чартистское движение, которое с середины тридцатых годов владело умами английских пролетариев, получило новый толчок благодаря февральской революции. Уже начало этой революции лондонские рабочие приветствовали большой демонстрацией. Члены Союза коммунистов приняля в ней участие, да и вообще они всеми средствами поддерживали чартистское движение.

Самый популярный и дельный вождь чартистов, Эрнест Джонс, посещал иногда наше Общество, где я имел случай узнать этого отважитог антитатора. Джомс был небольшого роста, но крепко сложен. Он вполне владел немецким языком и был одним из немиогих чартистских вождей, которые в то же время понимали и проповедовали сошивальям.

13 марта в Лондоне состоялся митмит, на котором выступил. Джонс. Он призывал народ не бояться жалких буржузаных законинков, не бояться ни полиции, ни солдат, ин торгашей, записавшихся в агенты спецнальной полиции и удиравших при виде нескольких уличных мальчищек. Долой министерство, роспуск парламента, хартия — и никаких уступок!

В начале апреля в Лондоне собрался чартистский коивент (представительное собрание), которому предстояло энергичнее, чем до сих пор, предъявить парламенту петицию о введении из года в год требуемой рабочими политической свободы. 10 апреля петиция должиа была быть передана, но уже не так, как прежде, через нескольких уполномочениях, а самими рабочими массами. Этим хотели дать понять парламенту, что пролегариат готов добиваться удовлетворения своих требований в случае необходимости и силой.

Утром 10 апреля Лондон представлял собой своеобразное эрелище. Все предприятия и магазины были закрыты. Лондонские буржуа с оружием в руках поддерживали «порядок». Среди этих вояк находился и Наполеоп Малый, впоследствии император Франции.

Члены Союза коммунистов решили принять участие в демонстрации. Мы запаслись всякого рода оружием. Я живо помию то комичное впечатление, которое произвел на меня Георг Эккариус, вооружившийся большими, остро отгоченными портиовскими ножинцами, которыми он намеревался отражать нападение полицейских.

Рабочие собрались, чтобы начать шествие к парламенту. Однако мы вругу знали, что Фергюс О'Коннор, глава этой демонстрации, не советует впредпринимать массовое шествие, так как правительство намерено встретить нас оружием... Многие последовали совету О'Коннора, другие же устремились вперед, что привело к кровавым столкновениям между чартистами и полишей.

Так как вследствие тактики О'Коннора единодушие среди демонстрантов пошатнулось, то на успех рассчитывать уже не приходилось... Горько разочарованиме, покинули мы площадь, куда час назад пришли, полные надежд.

Почти одновременно с этими событиями началась революция и в Германии; мменно она-то и повергла нас в особенное волиение. Вечера в Просветительном рабочем обществе становились все оживлениее, все жарче. Мы все готовы были устремиться в Германию, к месту боя. Но у большинства из нас не было средств, чтобы немедленно осуществить это намерение. Лишь в июле 1848 года я скопил достаточно денег для поездки в Германию.

Во время этих приготовлений застала нас печальная весть о страшном поражения инивского восстания рабочих в Париже. Трудно выразить словами, как подействовало на нас это известие. Я еще прекрасно помню, как я раз двадцать прочитал статью Маркса об этих событиях в «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газете»), так как эта статья лучше всего выражала наши чувства ¹.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, т. VI, стр. 198-201. Ред.

Аетом 1848 года я прибыл в Кёлын. Этот город обладал для меня сосбой притягательной силой, потому что там жили люди, которые работали для революцин: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Вильгельм Вольф, Фердинанд Фрейлиграт, Карл Шаппер, Иосиф Молль. Они находились в то время в Кблыне, где нажавлась знаменитая «Neue Rheinisch Zeitung».

Прежде всего я принялся искать работу, чтобы иметь возможность остаться в Кёльне. Под своим настоящим именем я этого сделать, разумеется, не мог, так как меня считали дезертиром. Один из моих гамбургских друзей добыл мие документы на имя Карстенса; под этим именем меня и до сих пор еще знают в Кёльне и его окрестиостях. Так как приметы прибливительно совпадали, то полиция не чинила мие никаких препятствий.

Получин работу, я вступил в Рабочий союз, которым руководили д-р Готшальк, лейтенвит Аннеке, Шаппер, Молль, Нотьюпг, Д'Эстер. Кроме того, в Кёльне существовало еще Демократическое общество і, где я познакомнася с Вильгельмом Вольфом, который часто читал лекцин по текущей политике. Слушать его было нетинным наслаждением. Его здоровая, остроунилая манера двавть политические обзоры приводила всек в воскищение. Он умело группировал события и преподносил их в сатирическом или серьевном тоне, смотря по характеру темы. Иной раз заходил в Общество и Фрейлиграт, с которым я позме близко подружняся.

В сентибре 1848 года Молль организовал собрание под открытым небом, чтобы заявить протест протне разоружения национальной гвардии, объявления осадного положения и закрытия «Neue Rheinische Zeitung» Маркса. После этого собрания начали было стронть баррикады; до боя, однако, дело не дошло.

В ноябре 1848 года состоялось собрание Демократического общества, на котором Маркс сообщил о казии демократа Роберта Блюма, расстралянного в Вене по приговору военио-полевого суда. В зале тотчас же воцарилась типина. Маркс ввошел на трибуну и прочел телеграмму о смерти Блюма. Мы сперва окаменели то возмущения. Затем в зале разразилась настоящая буря. Мне казалось, что теперь весь немецкий нярод, как один

¹ Демократическое общество в Кёльне было основано весной 1848 года. Общество состояло из мелкобуряжуваных демократов, ремесленинков и рабочих. Маркс, Энгельс и их сторонники вступили в него, чтобы оказывать вълияще на членов втого общества и в первую очередь на пролетарские влементы. Ред.

человек, должен восстать, чтобы завершить революцию. Но я и все мы ошиблись. Все сложилось совершению иначе: бургомистры целовали руки тиранам, повелевавшим убивать благороднейших сынов народа.

* * *

Усиление реакции сказалось прежде всего в преследовании оппозициобит прессы, в частности «Neue Rheinische Zeitung» Маркса, непоколебимо к
бесстранию защищавшей дло свободьи и права. 7 февраля 1849 года осточался первый процесс редакторов «Neue Rheinische Zeitung». На следующий
день состоялся второй процесс, и, наконец, 18 мая 1849 года газета была
кончательно закрыта. Последний номер мапечатан был красной краской.

На этих процессах Маркс не защищался, а обвинял министерство. Маркса, главного редактора газеты, и Энгельса обвиняли в том, что напечатанной в «Neue Rheinische Zeitung» статьей было нанесено оскорбление чисполнявшим свои служебные обязанности старшему прокурору и жандармам». В зале суда не оставалось ни одного свободного места. После речей обер-прокурора и адвокатов слово взял Маркс. Он говорил около часа; спокойно, положительно и энергично звучали его выводы, которые все вростиее обрушивались на обер-прокурора и в его лице на весь старый порядок, гнусную прусскую бюрократию, старую армию, старый суд, старых, родившихся при самодержавни, воспитанных при нем и поседевших у него на службе судей. «Первая обязанность печати, — заявил Маркс, — осстоит теперь в том, чтобы подорвать все основы существующего политического сторя».

Маркса через несколько месяцев выслали из Пруссии. Энгельс отправился в Баден, в то время как оставшиеся в Кельне товарици распространным свою агитационную работу на деревню, так как тогда мы уже понимали значение агитации среди крестьян. (Когда в 1893 году я присутствовал на Кёльнском съезде социал-демократической партии, несколько крестьян пригласнли меня в Ворринген, близ Кёльна. Они поминли меня еще по 1848 и 1849 годам.)

Свободное время посвящалось изготовлению патронов, пересылавшихся затем в Баден. Патроны делали, конечно, тайком. Красный Беккер ¹ доставлял пули и порох, и каждый делал все, что мог, чтобы помочь революции.

прозвище Германа Беккера. Ред.

Контрреволюция вскоре победила по всему фронту. Но борьба не была закончена. Союз коммунистов, руководимый Марксом, спова ожил и поставил себе целью тайно организовать партию пролегариата. Так как в Лондоне в Союз коммунистов проникли всякого рода подозрительные элементы, то, по предложению Маркса (находившегося тогда в Лондоне), Центральный комитет посонесем был в Кёльн.

Моей задачей было оживить местную организацию Союза коммунистов в городе Майнце и склонить рабочих к нашим целям. Внешие наша пропаганда прорявлялась лишь в распространении листовок. Мы были настолько хорошо организованы, что в течение одного часа могли наводнить листовками весь Майнц. Полиции ни разу не удалось захватить «виновнух»

В октябре 1850 года франифургские товарищи поручили мие реорганизовать Союз в Нюриберге; это мие удалось. К сожалению, наша агитация продолжалась педолго. Полицейский чиновник был героем дия. Реакция не останавливалась ни перед какими средствами, если они казались подходящими для того, чтобы подавить движение за свободу.

В нюне 1851 года арестовали в Майние и меня.

* *

Переступив впервые порог тюремной камеры, я не подозревал, что пребывание мое в тюрьме продлится годы. Молодой и жизнерадостный, я сознавал лишь то, что поступил так, как должен был поступить, будучи пролетарием.

Мие предъявлено было три обвинения: во-первых, меня обвиняль в распространении произведений, подстрекающих к «государственной измене»; во-вторых, в том, что я проживал под чужим именем; третье обвинение, самое тижкое, состояло в том, что я причастен был к Союзу коммунистов. Оно гласило:

«Обвинение против Фридриха Лесснера, 27 лет, портиого-подмастерья, родившегося в Бланкенхайне в Великом герцогстве Саксен-Веймарском и жительствовавшего в последиее время в Майще. Личная жизнь обвиняемого Фридриха Лесспера, связи, которые он поддерживал в Лондоне с лета 1847 года до весны 1848 года, его пребывание в Кёльпе в 1848, 1849 и 1850 году, связь его с вождями Союза коммунистов, которую он поддер-

живал все это время, и, накоиец, деятельность его как председателя Социалистического рабочего союза в Майнце подробио разобраны в обвинительном акте, составленном против обвиняемых Рёзера и его товарищей. Во время его прошлогодиего ареста (18 июня 1851 г.) найдена была принадлежавшая ему целая коммунистическая библиотека, содержавшая средн других книг устав лондоиского Просветительного рабочего общества, «Манифест Коммунистической партии» 1848 года, устав Просветительного рабочего общества в Кёльие, Висбадене и Майице, «Требования коммунистической партии», «Красный катехизис», воззвание «К демократам всех наций», «Завдравное слово» Бланки и листовку «Немпы и прусские подданные»... Согласио вышесказаниому, Фридрих Лессиер обвиняется в том. что он, вместе с несколькими лицами, составна заговор, целью которого было свергиуть государственный строй и восстановить граждан против королевской власти и друг против друга в целях гражданской войны --- преступление, предусмотренное ст. ст. 84, 89 и 91 рейнского и § 61, № 2 и § 63 поусского уголовных кодексов.

Кёльн. 28 сентябоя 1852 г.

Генеральный прокурор Николовиус».

Этот обвинительный акт мие предъявили лишь после пятнадцати месяцев предварительного заключения...

Большую часть этого тяжелого времени я провел в одиночном заключенин. Помню пересылку из майицской в кёльнскую тюрьму; путешествие, которое я должен был совершить пешком, продолжалось девять дней. Меня по большей части переправляли из города в город в обществе двадцати-триддати преступников. На каждом из этих этапов меня на ночь, как особо опасного преступника, запирали в одиночку. Во время всего перехода меня держали в кандалах. Усердиые жаидармы так крепко заковывали меня, что из рук моих сочилась кровь. Если я протестовал против такого зверского обращения, меня били.

4 октября 1652 года я предстал перед кёлыкскім судом прикяжных. Обвиняемыми, кроме меня, были: Нотъюнг, Бюргерс, Рёзер, д-р Даниельс, д-р Беккер, д-р Абраам Якоби, д-р Клейи, Отто, Рейф и Эрхардт. Суд продолжался свыше пяти недель. Я не хочу вдаваться эдесь в деталн этого суда — они подробно переданы Карлом Марксом в «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов» ¹.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинення, т. VIII, стр. 503-558. Ред.

Приговор явиася для меня тяжелым ударом. Итак, я должен был отбыть три года крепости... Я, однако, вскоре успокондся и даже радовался тому, что прошел срок предварительного заключения: я, по крайней мере, знал теперь, сколько мне еще осталось сидеть...

Чем ближе подходил день освобождення, тем я становился нетерпеливее. Во время моего заточения произошла смена монарха в Саксен-Веймаре, а с ией дана быда обычная амистия. Это было для меня счастьем...

Четыре с половнной года тюрьмы казались мне жутким сиом. 27 яиваря 1856 года я был освобожден.

«Освобожден»! Как будто Германия в те времена не представляла собой одной гигантской тюрьмы! Это впечатление овладело мною сразу же, когда я, посетив в Бреславле !, Эфрурте и Фрейбурге своих родствениямов и товарищей по заключению, приехал в Веймар. Здесь я попытался заняться агитацией, но люди были все настолько запуганы, что отшатывались от одного дящи слова «коммунням».

Сам я не имел отечества. Власти, к которым я обращался за паспортом, не хотели признавать меня, «опороченного» коммуниста, уроженцем их страны. Лишь после длительной беготин и настояний мие удалось получить кос-какие документы и выскать через Гамбург в Лондов.

6

В мае 1856 года я прибыл в Лондов. Вскоре я посетил Фрейлиграта, после чего я отправняля к Карлу Марксу, который в виде «компенсация» за мою коифискованную библиотеку преподнес мие все свои изданиме до того времени работы.

Кроме того, я разыскал своих старых друзей времен 1848 года — Карла Пфендера, Георга Эккариуса и других. У инх я познакомился также и с немецкими эмигрантами, которых много было в то время в Лондоие, в частности с Видъгельмом Либкнектом.

Найдя работу, я вновь стал посещать Коммунистическое просветном в пример в просветь по пример в пот момент было не из блестящих. После разгрома револидионного движения 1848 года многие члены ушли из Общества, а оставшнеся постепенно погрязли в мещанства. От коммунистических возарений в Обществе не осталось и следа. Общество прустналось и стало почти совсем по серцу либеральства.

Вроцлаве. Ред.

Я болезиению переживал это состояние Коммунистического просветительного рабочего общества. Я пытался найти там друзей. Когда мие это удалось, мы начали работу, и мало-помалу стало восстанавливаться прежнее положение. Вильтельм Либкнехт снова стал посещать Общество, а также и Маркс, прочитавший ряд лекций по политической экономии, конечио, совершению безвозмездио, так как Маркс за всю свою жизиь не приядя от рабочих ин гроша. Число часнов Общества оссло...

В то время в Лондоне наметилось движение «свободоммслащик». Во главе его стоял Чарлз Брэдло — человек, вышедший из народа, очень способный оратор н антиатор. Он читал публичиме лекции, которые сперав направлены были не только против религии и церкви, но и против эксплуатации и утичетения. Я и моя жена присоединильсь к этому авижению Г-жа Маркс с детьми тоже посещала воскресные лекции Брэдло; приходил несколько раз и Маркс. Посещая в то время семью Маркса, я слышал, как г-жа Маркс хвалила Брэдло и многого ожидала от него для пролетар-ского движения. Маркс же, посменваясь, говорил, что, по его мнению, Брэдло ран она по задко продастка буржуазани».

Слова Маркса оправдались вполие. Едва Брэдло завоевал себе коскакую популяриость в Англии, он стал предателем. Избранный в парламент, он покорию пошел за буркуваней, позорил соцнализм и клеветал на него. Он хотел впоследствин пробраться и в Международное Товарищество Рабочих, но наткиулся на сопротивление Маркса, который умел держать на расстоянии такого рода карьеристов...

С 1859 года в Лондоне начала выходить еженедельная газета «Негшапп» («Арминий»), основателем и руководителем которой был Гонрид Кинкель. Газета была выдержана в мещанском духе. Мы решили в противовес этому органу основать свою газету и просили Маркса и Эмгельса сотрудничать в ней. Первый номер изашей газеты «Volk» («Народ») появился 7 мая 1859 года. Мие поручена была экспедиция. Всего вышло 16 номеров, в которых Маркс и Энгельс поместили ряд статей.

1860—1864 годы я употребил на то, чтобы пополнить свои знания. Я какратно посещал лекции, которые читали в Лондонском университете профессора Гексии, Гиндаль и Гофман по физилологии, геологии и химии. Лекции этих выдающихся ученых вообще охотно посещались немецкими рабочими. Человском, побудившим нас к этому, был опять-таки Маркс, сам никой раз посецваний эти лекции.

* * *

В 1864 году было отправдновано возрождение, хотя и в новой форме, старого, исчезнувшего Союза коммунистов: было основано Международное Товарищество Рабочих. Рабочие снова начали, более чем когда-либо, проявлять нитерес к социализму. Теперь созрели плоды нашей предшествуюшей деятельностны.

После Коммуны для Интернационала наступнан тяжелые времена. Английская пресса, заинмавшая господствующее положение в общественном мнении, клеветала на нас и обливала нас грязью. Дело зашло так далеко, что мы не могли достать в Лондоне никакого помещения для наших собраний. Когда 18 марта 1872 года мы хотели торжественно отметить первую годовщину Коммуны, то сиятое нами помещение оказалось запертым. Это побуднаю меня снять отдельный дом для васеданий Генерального Совета. Английская пресса, о которой на континенте в большинстве случаев существует очень благоприятное миение, в сущности не лучше и не хуже, чем, например, немецкая пресса. За последние годы это особенио стало ясно. Так, английские газеты скрывают или искажают благоприятные сообщения, исходящие от германских социал-демократов. Зато они прославляют џаря, Бисмарка и Криспи. И английская буржуазия не лучше иемецкой, ио, может быть, она более хитрая и более ловкая; она не препятствует рабочему движению, но всеми находящнмися в ее распоряжении средствами старается развратить его.

После 1870 года борьба извие против Интериационала становилась все сильнее, большая часть правительств стала принимать репрессивные меры против его приверженцев, во Францин даже был издаи особый закон против исто приверженцества, и в авглийских тред-юнионах начались происки против ик, в тому присосединились еще витрити Миханла Бакунина витри организации. Положение Маркса в это время было не из завидных. Он был перегружен работой для Интернационала. Все опубликованые манифесты, обращения и прочие письменные документы исходят от Маркса. К этому надо прибавить исключительно обшириую корреспоиленцию и большие холотъм, связанные с эмигрировавшями в Лождон коммуарами. Все эти обязаниости Маркс выполяля без всякого материального вознаграждения и при этоме му приходилось еще вести тяжелую борьбу за существование. Расходы на домашие хозяйство становились все значительнее, особению после Коммуны. В то время у Маркса постоянию можно было встретить несколько французских эмигрантов, порых госторых гостено было встретить несколько французских эмигрантов, оторых гостено было встретить несколько французских эмигрантов, которых госте

принимо принимали и угощали. Г-же Маркс приходилось тогда особению трудно. Очень часто приходила она к моей жене и ко мне посоветоваться или обсудить с изми тот или другой семейный вопрос. Но все это не могло удержать ее от живого и искрениего участия в пролетарском движении.

Решительная битва с Бакуниным должиа была произойти на Гаагском конгрессе. Бакунии обещал приехать туда. Это побудило Маркса также поехать в Гаагу н положить конец спору с Бакуниным. Гаагский конгресс Интериационала — единственный конгресс, на котором Маркс лично присутствовал. Обычно он оставался в Лондоне и предоставлял другим являться на конгрессы. В Гаагу он решил поехать только для того, чтобы раз навсегда покончить с бакунинскими интригами. Фридрих Энгельс также приехал в Гаагу, и г-жа Маркс и ее дети воспользовались случаем поехать туда.

Коигресс состоялся в начале сентября 1872 года. Присутствовали 65 делегатов, из них от Германин: Берихард Беккер, Куио, Гуго Фридлеиер, д-р Кугельман, Геппер, Риттиигхаузен, Шумахер (из Золингена), Генрих Шёй и Йосио Ляштен.

Михаил. Бакунин не сдержал своего слова: он не явился на конгресс. Зато присутствовали его креатуры, игравшие, однако, жалкую роль. Конгресс должен был решить главиым образом два вопроса: 1) перенесение местопребывания Генерального Совета и 2) исключение Бакунина из Интернационала. По первому вопросу выступал Фридрих Энгельс, который предложил перемести местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк. Это предложение было принято. Исключение Бакунина произошло на закрытом заседании. Даже противники Маркса осудили интриги Бакунина и голосовали за его исключениех.

Во время пребывания Маркса в Гааге журналисты всех культурных стран буквально осаждали его. Все хотели его відеть и услышать его миение о стремдениях и пераях Интериационала...

Гаагский конгресс 1872 года был последним событнем в жизии старого Интернационала. Отдельные федерации постепенно сходили на иет, чтобы уступить место более значительным национальным организациям.

Интернационал выполнил большую часть своей задачи: экономически и философски социализм был обоснован главой Интернационала Карлом Марксом, Интернационал же был первой организацией, которая распространила это учение во всех направлениях культурного мира. Эдесь опо находило себе признавие то быстрее, то медлениее, в зависимости от имеющихся там экономических и духовных условий. Сам Маркс не ожидал большего от Интернационала.

7

Я часто посещал Маркса. Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Тут прежде всего блистала жена Маркса—высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, мила, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, будто находишься у собственной матери или сестры. Она всей аушой сочувствовала делу рабочего движения и каждый, даже самый невначительный успех в борьбе с буржуваней приносил ей величайшую радость и удовлетворение.

Маркс придавал огромное значение встречам и беседам с рабочими. При этом он искал общества тех, кто был с ним искренен и не обременал его лестью. Он считал очень важным для себя слышать мненне рабочих о движенин. Он в любое время тотов был обсуждать с ними важнейшне политические и экономические вопросы, причем он быстро определял, в достаточной ли степени они понимают эти вопросы, и, чем лучше они их понимали, тем больше он этому радовался.

Во времена Интернационала он не пропускал ни одного заседання Генерального Совета, а после заседаний мы, то есть Маркс и большинство членов Совета, обычно оптравляльное в какую-инбудь таверну, чтобы там за стаканом пива поговорить на свободе. По дороге домой Маркс зачастую говорил о нормальном рабочем дне вообще и о восьмичасовом в частности. Маркс часто повторял:

Мы добиваемся восьмичасового рабочего дня, но сами-то мы частенько работаем в сутки вдвое больше...

Да, Маркс работал, к сожалению, слишком много. Сколько сил и времени стоил ему один лишь Интернационал! Посторонний человек себе и представить не может. А наряду с этим Марксу приходилось работать, чтобы жить, приходилось проводить много часов в Британском музе, чтобы собирать материал для своих экономических и нсторических оабот.

Возвращаясь на музея к себе домой на Мейтленд-парк-род, Хаверсток-Хилл, в северной части Лондона, он зачастую заходил ко мие (я жил недалеко от музел), чтобы переговорить о том или ниом вопросе, касающемся Интернационала. Придя домой, он закусывал, немного отдыхал и затем снова принимался за работу, которыя часто продолжалась до поздней ночи, а то и до самого утра; краткий отдых нередко прерывался посещением партийных товарищей.

Маркс, как и все истинно великие люди, совершению лишен был всякого самомнения. Как я уже говорил, он всегда стремнася усльшать мненне простого рабочего о рабочем движении. Так, он часто после обеда заходил ко мне, звал меня с собой на прогулку, чтобы поговорить со мной на самые разнообразные темы. Я, конечно, предоставлял ему полную возможность говорить, так как для меня было истинным наслаждением следить за ходом его мысли. Я бывал совершенно поглощен этими бесседами и очень неохотно одесставляся с Маоксом.

Вообще он был прекрасным собеседником, который притягивал и очаровывал всякого, кто с ним общался. Его юмор был ненстощим, его смех заразителен. Если нашим товарищам удавалось добиться где бы то ин было победы, то радости его и ликованию не было предела, причем он заражал ими всех окружающих.

Все три дочери Маркса с ранней юности проявляли большой интерес к современному рабочему движению, которое постоянию составляло основную тему равтоворов в семье Маркса. Отношения между Марксом и его дочерьми были самыми сердечными и самыми непринужденными. Девочки относились к отцу скорее как к брату или другу, так как Маркс не признавал внешних атрибутов отцовского авторитета. В серьезных случаях он был советчиком для своих детей, вообще же, если только позволяло время, товарищем их игр.

Маркс вообще чрезвычайно любил детей. Когда Марксу в городе нечего было делать и он, гуляя, направлялся на Хэмпстедские холмы, можно было нередко видеть автора «Капитала», который возился с кучей уличных оебятышек.

Смерть в 1883 году его старшей дочери, унаследовавшей все превосходные качества своей матери, нанесла Марксу удар в тяжкое для него время. Едва за год до того, 2 декабря 1881 года, он потерял свою жену, подругу всей его жизии. Это были удары, от которых он уже не мог оправиться.

Маркс в то время уже сильно кашлял. Слыша, как он кашляет, казалось, что он — шнрокоплечий, стальной — вот-вот сломается на куски. Этот кашель тем более его донимал, что весь его организм был давно уже подоряви постоянным песечтомлением. Еще в середине 70-х годов врач запретна ему курить. Маркс бых страстным курильщиком, и ему казалось, что, бросив курить он принес этим необыкновенную жертву. Когда я впервые после этого запрета посетил его, он гордо и радостно заявил мие, что не курит уже в течение стольких-то дией и курить не будет, пока врач ему этого не разрешит. И каждый раз, когда я заходил к нему после этого, он всегда сообщал, что вот уже столько-то времени он не курит и что за все время он даже ин разу и не думал курить. Ему самому казалось невероятным, что он смог этого добиться. Тем более обрадовался он, когда через некоторое время врач разрешил ему курить по одной ситаре в дейнил ему курить по одной ситаре в дейни.

. . .

15 марта 1883 года я получил от Энгельса страшную весть о смертн Маркса. Эта весть меня глубоко потрясла. Те, кто блияко общался с Марксом, знали особенно хорошо, как много потеряло с его смертно рабочее движение. Оно потеряло человека, обладавшего не только большим умом н всеобъемлющими знаниями, но и последовательным, железным характером. О том, какую массу познаний он унес с собой в могтау, свидетельствуют оставленные им работы, хотя они не содержат и десягой доли того, что он имел в виду написать. О его героическом характере говорит вед его жуявы, полная борьбы и сампотожетвования!

Маркс был твердо убежден, что рабочне массы рано или поэдно поймут его и почерпнут из его учения силы, чтобы свергнуть буржуазное общество и с ясным созданием работать над созданием нового общества.

Впервые напечатано в журнале «Deutsche Worte («Немеухов слово»), 1898 г.

Перевод с немецкого

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧЕГО О КАРЛЕ МАРКСЕ

о времени смерти нашего великого вождя многое было написано о ием, его жизни и его деятельности как приверженцами, так и поотивниками.

Но почти всегда авторы этих произведений не были «bona fide» 1 рабочими, как выразилась бы известиая группа тред-гонионистов в «свободной» Англии, а принадлежали в большинстве случаев по своему происхождению и социальному положению к так называемому средиему классу.

Поэтому не будет неуместно, если я, рабочий, плебейский рыцарь нглы, воспользуюсь годовщиной смерти нашего бессмертного вождя, чтобы поделяться с момин более молодыми товарищами некоторыми воспоминаниями из многолетиего личного общения с Карлом Марксом, воспоминаниями, которые отчасти передадут впестателение, произведениюе Марксом на меня и на других, а отчасти дополнят новыми фактами его биографию.

^{1 — «}действительными». Ред.

¹² Воспоминания с Марисс в Энгельсо

В 1848 году, после варыва революции, в Кёльне начала выходить «Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета»), издававшаяся Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом при участии ряда членов Союза коммунистов, а также решительных демократов. В то время я также отправился из Лоидона в Кёльн и делал все, что от меня зависело, чтобы поддержать наших товарищей в их пропаганде.

Во всех мастерских, где мие приходилось работать, я раздавал «Neue Rheinische Zeitung» и нередко в рабочее время читал из нее вслух статьи, воспринимавшиеся в большинстве случаев с воодушевлением. В мае 1849 года, после того как прусское правительство возбудило несколько процессов противе «Neue Rheinische Zeitung», выход газеты был насильственно прекращен и Маркс выслан из Кёльна. Та же судьба постигла вскоре и меия. В 1851 году я был арестован в Майнце. После более чем двухлетнего предварительного заключения я был приговорен во время пресловутого кёльнского процесса коммунистов еще к трем годам крепости, которые и отсидел в Граздещен и Зильберберге (на гранцее Сильевии).

Во время следствия Маркс, находясь в Лондоне, прилагал величайшие усилия, чтобы спасти нас, но все старания его н его друзей не увенчались успехом из-за клятвопреступлений полицейского комиссара Штибера и других «спасителей государства», из-за классовых предрассудков присяжных и, как я, к сожалению, должен добавить, из-за глупия проделок некоторых лодей, за действия которых нам приходилось нести ответственность.

В то время существовало уже изрядное количество так называемых людей действия, ультра-револодионеров, дал которых ничто не было достаточно радикально и которые воображали, что при помоще путчей и других такого же рода выступлений можно в любой момент произвести революцию. Но на девять десятых эти люди были только героями фравы, они не дали ничего хорошего движению, и наиболее шумные и дростные крикуны среди них, готовые на словах скватить всякого эксплуататора в шиворот, сами сделались впоследствии всемы залостивным эксплуататорами...

По выходе из крепости в 1856 году я снова вернулся в Лондон.

В 1850 году Маркс со своими товарищами вышел из Коммунистического просветительного рабочего общества, потому что там получили перевес «делатели революция» с Виллихом во главе. Теперь, после исключения из Общества Кникеля, который в свое время также играл роль «делателя революция», я убедил Маркса опять посещать Общество и делать там доклады по политическим и экономическим вопросам. Либкнехт и другие партийные товарищи также вернулись туда. Весной 1859 года начала выходить рабочая газета «Volk» («Народ»); облас оздана в противовее основанной Кинкелем газете «Негтвала» («Арминий»), распространявшей во время итальянской войны лозунги Бонапарта. Приглашенный сотрудинчать, Маркс написал для нее несколько весьма интересных статей о повиции Пруссии и собрал, кором того, среди своих друзей фонд для ее поддержки. В том же году появился первый выпуск «К критике политической экономи», а в 1860 году Маркс опубликовал свою кинку «Господии Фотт», в которой публичио разоблачил бонапартистские происки этого господина, а также его «патронов и сообщинков». Эта кинга, к написанию которой Маркса вымудила распространяящаята. Фогтом и его друзымии бесстыдная клевета, содержит в себе очень много материалов по истории эмиграции 1848 года, точно так же, как и чрезвычайно ценные описания дипломатических интрит европейских кабинетов.

Наконец, в 1864 году был учрежден Интернационал, а так как я принима активиое участие в его основании и сделасля членом Генерального Совета, то я содзу же вступил в еще более близике отношения с Марксом...

Как радовался Маркс каждому успеху иаших товарищей на выборах в Германии, каждой выигранной стачке и как радовался бы он, если бы дожил до грандиозных майских демонстраций! Нападки врагов только смешили его, и было приятно слышать, когда он говорил о них с такой иронией и саркавмом. Вызывала удивление беспечность, которую он проявлял о отношению к своим собствениям произведениям, после того как они выполнили свое мавичение. Когда речь заходила о ранее написаниях им статьях, он обычно говорил мне: «Если тъ хочещь иметь полностью все мон сочинения, то иди к Лассало, он их все собрал. У меня же от больщинства их не осталось ни одного экземпляра». Истинность последнего подтверждается тем, что он часто просил меня одолжить ему на время то плил другое из его произведений, имевшикся у меня.

Многие сочинения Маркса оставались в течение десятилетий совершению неизвестными широким массам и до сих пор еще недостаточно оценены 1, особению те, которые он написал до и во время революции 1848 года а также в продолжение нескольких лет после нее и которые распространялись в то время лишь с величайшими затруднениями... Тому, кто с ранних пор работал вместе с Марксом и Энгельсом, смешно, когда он слышит, что основание Всеобщего германского рабочего сюза положило начало современном транению. Основа относится к началу

¹ Лесснер пишет свои воспоминания в 1893 году. Ред.

60-х годов, ко времени, когда Маркс, Энгальс и другие уже в продолжение двадцати лет усилению вели пропаганду и упорию боролись. Конечно, я говорю вто не как прогивник Лассаля, которого я сам лично знал в 1848, 1849 и 1850 годова, значительную силу которого я всегда всема вмеско ценил, и я охотио призвые большое влияние его антизации, продвинувшей движение так далеко вперед. В последний раз я видел Лассаля в октабре и поябре 1852 года во время кёльнского процесса коммунистов, на котором он присутствовал в качестве зрителя. Во время исоднократных посещений Лассалем Лондона я ие встречал его там. В Просветительное рабочее общество он не приходил, у Маркса же я его не заставвал.

В начале октября 1868 года Маркс с большой радостью сообщил мие, что первый том «Капиталь» переведен на русский язык и уже печатается в Петербурге. Он придавал огромное заначение тогдашиему движению в России и с большим уважением говорил как о людях, которые приносят там такие большие жертвы ради нзучения и распространения теоретических сочинений, так н о попимании ими современиях идей. Когда готовый экземпляр «Капитала» на русском языке дошел, наконец, до иего из Петербурга 1, то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семы и для его друзей в настоящее торжство.

После каждого поражения рабочих в их борьбе с классом эксплуататоров Маркс с горячим воодушевлением брал дело побежденных под свою защиту и блестяще защищал утиетенных против обычных поношений со стороны победителей. Так было после иноивского восстания 1848 года в Париже, так было после поражения гревалоции 1848 года и то же самое было после падения Коммуны в 1871 году, когда реакционеры всего мира и даже значительная часть несознатальных рабочих с крайним озлоблением обрушились на защитников дела Коммуны. Маркс первым и тотчае же встал на сторону потерпевших поражение и преследуемых боршов Коммуны. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Гражданская война во Франция» показывает, с какой силой и внергией взялся он за вто дело. Поистине, настоящие друзья познаются в несчастье!.

Каждая революция наряду с массой честных борцов выносит на поверхность известное количество недостойных элементов, всякого рода авытюристов, которые так или нначе надеются извлечь для себя выгоду. Такие

 $^{^1}$ Первый том «Капитала» на русском языке, вышедший в свет в марте 1872 г., был получен Марксом в апреле этого года. ρ_{ed} .

люди встречались и среди эмигрантов Коммуны, а так как им не всегда удавалось хорошо устроиться, то они пользовались каждым удобным случаем, чтобы завести ссору. Этому способствовало отсутствие единства в рузарах самих коммунаров. Бланкисты, прудонисты, автономисты, анархисты и всевозможные другие «исты» поминутно ссорились между собой. То же самое развигрывалось и на заседаниях Генерального Совета. Часто бывали весьма бурные заседания, и Марксу лишь с величайшим трудом удавалось вразумить этих людишек. Терпение, которое он при этом обычио проявлядь не поддается никакому описанию. Но иногда и он теряя хладнокровие при виде заблуждений и безумных планов обманувшихся в своих ожиданиях коммунаров.

Самыми нетерпеливыми и труднее всего поддающимися убеждению были в то время бланкисты. Они воображали, что революция в их руках и выносили смеотные понговоры наповае и налево.

Сначала это было только смешно. Но споры между французами привлекли к участню в них делегатов других страи. Сюда присоединнись посеянные Бакуннным интриги. Заседания в Хай Холборне, где в то время собирался Генеральный Совет, были самыми беспокойными и утомительными, какие только можно себе вообразить. Хаос языков, громадная разница в темпераментак, различие взглядов—справиться со всем этим представляло колоссальную трудность. Пусть бы хоть раз посмотрели те, кто упрекал Маркса в нетерпимости, как он умел постигать мысли других лодей и доказымать им неправильность их выводов и заклочений.

С известной точки зрения, каждый политический борец должен быть, несомненно, нетерпимым, и, по моему мнению, надо поставить в большую заслугу Марксу го, что он сделал все возможное, чтобы держать на почтительном расстоянин от Интернационала все карьеристские и двусмыслениме элементы. Особенно в первое время сюда еся всякий сброд, вроде попа атенстов Брядло, и надо благодарить, главным образом, Маркса за то, что всем этим людям дали понять, что Международное Товарищество Рабочих не является пристанищем для религиозных и всяких других сект.

Большое удовлетворение доставило Марксу то, что обе старшие дочери его, Жении и Ларуа, вышли замуж за способных единомышленинков. Женин вышла за Шарля Лонге, а Лаура за Поля Лафарга. До брака младшей дочери Элеоноры с Эдуардом Эвелингом ин славкой жене Маркса, ни самому Марксу не пришлось дочить. С каким участием сладили бы опи за пропагандистской деятельностью своих детей в пользу освобождения.

рабочего класса, с какой радостью приветствовали бы огромные успехи современного рабочего движения за последние десять лет!..

Все согласны с тем, что Карл Маркс, к сожалению, умер слишком рано. Все блияко стоявшие к нему опасались уже давно за его здоровье, так как там, где дело шло о его изучной работе и об интересах рабочего движення, Маркс никогда ие щадил себя. Никто из его друзей и даже викто из членов семьи не мог оказать на иего в этом отношении ни ма-лейшего влияния...

Немалым удовлетворением является для нас то, что старейший и лучший друг Карла Маркса, Фридрих Энгельс, физически вдоровый и бодрый духом, продолжает изходиться среди нас. Благодаря ему партия получит еще многое из оставленного Марксом литературного наследства.

Таким образом, Маркс и после своей смерти все еще дает нам новые знания, новые мысли, его учение распростравияется все шире среди боргощегося пролетарната; рабочее движение находится всюзу под влиявием
этого учения. Маркс не только бросил в массы могучне слова: «Пролетарии всех стран, соедиияйтесь!» — своим учением он создал основу, на которой может происходить на происходить их объединеные.

Интериационал, душой которого был Карл Маркс, возродняся снова, еще более могущетвенный и полимій сил, чем старый, и знамя, вокруг которого сплачиваются рабочие батальоны международного пролегарского движения, есть знамя, которое подиял Маркс в 1848 году и, идя во главе борющегося пролетарната, исс в течение всей своей жизни. Под этим знамени положатоская аомия шествует изнее впесел. от победы к побезы кольственным постам том в постам знамени положатоская аомия шествует изнее впесел. от победы к побезы

Впераме напечатано в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»), в. 1, 1892—1893 пр. Персоод с немеционо

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР

О ФРИДРИХЕ ЭНГЕЛЬСЕ

а будет мие дозволено, прежде чем я закрою свои глаза навеки, поделяться воспоминаниями о своем долголетием знакомстве и дружбе с великим борцом Фридрихом Энгельсом. Хотя о нем после его смерти писалось и говорилось иемало, я все же считаю себя вправе рассказать о своих отношениях с Энгельсом, завязавшихся еще в 1847 году.

Правда, вряд ан удастся сделать это так обстоительно, как мне бы хотелось. Прошло полстолетия с тех пор, как я познакомился с Энгельсом, н мне приходится ясе восстанавливать по памяти. Мой преклонный возраст является помехой; рука моя уже не так уверенно владеет пером. как я бы хотел. Поэтому я надеюсь, что читатель простит мне недостатки моего рассказа.

Мое первое знакомство с Фридрихом Энгельсом, как и с Карлом Марксом, приходится на знаменательные дни конца 1847 года в Лондоне.

Это было в Коммунистическом просветительном рабочем обществе, единственном Обществе той поры, которое существует до настоящего времени и по сей день служит современиму рабочему движению 1. Наше вна-комство состоялось во время того памятного конгресса, на котором были заложены основы современного международного рабочего движения. Марке, Энгелас, В. Вольф привежаль вместе с бельгийским товарищем Тедеко в Аондон, чтобы здесь договориться о принципах и о тактике новой организации. Как теперь известно всему миру, на этом коммунистическом конгрессе Маркеу и Энгеласу было поручено выпработать коммунистическом конгрессе Маркеу и Энгеласу было поручено выпработать коммунистическим манифест.

К тому времени я уже самшал и о Марксе и об Энгельсе, так как читал «Deutsche-Brüsseler Zeitung» («Немецкую брюссельскую газету»), которая издавлалсь в 1847—1848 годах. Кинга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», первое нздание которой вышло в 1845 году, продавлалсь в Коммунистическом просветительном рабочем обществе в Лоидоне. Это была первая книга, которую я приобрел и откуда я впервые почерпну представление о рабочем движении. Другая книга, по которой я тогда учился, была книга в Потантинг «Гарантин гармонии и свободы».

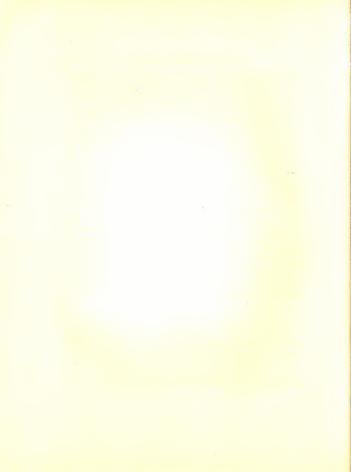
Приезд Маркса, Энгельса, В. Вольфа н других в Лондон произвел огромное впечатление как на членов Коммунистического просветительного рабочего общества, так и на членов Союза коммунистов. С этим конгрессом связывальсь большие надежды, и эти ивдежды не только не были обмануты, но в действительности были далеко превзойдены. Нагладным подтверждением тому служит появление «Коммунистического Манифеста», который был великим результатом этого исторического конгресса.

Энгельс по своему внешнему виду очень отличался от Карла Маркса. Энгельс был высок и строен, его движения быстры и уверенны, его речь лаконична и решительна; он держался очень прямо, что придавало ему сходство с военным. Это был очень жизнерадостиый человек. Каждая его шутка была меткой. У всякого, кто с ним общался, тотчас же создавалось впечатление, что перед ним исобыжновенно одаренный человек.

В общении с чужими людьми Энгельс был сдержан. Эта сдержанность стала еще заметней в более поздние годы. Нужно было хорошо знать

¹ К концу XIX века вто Общество превратилось в простой клуб. Ред.

Энгельса, чтобы правильно суднть о нем; точно так же как и он должен был хорошо научнть человека прежде чем оказать ему доверне.

С Энгельсом нельзя было лицемерить. Он немедленно обнаруживал, рассказывают ли ему небылицу или сообщают чистую правду без всяких прикрас. Энгельс был хорошим знатоком людей, хотя и он не избежал ошибок в отдельных случаях...

Портрет Энгельса был бы неполным, если бы я не привел зассь слов его старого английского друга Джорджа Джулиана Гарин, редактора чартистской газеты «Northern Star», который знал Энгельса с 1843 года. Гарин пнеал после смерти Энгельса о том, как Энгельс, в 1843 году приехав на Бредфорда в Лидс, разыскал Гарин в редакции «Northern Star». Гарин увидел высокого, статного молодого человека с юношеским, почти мальчишеским лицом. Его английский язык уже в то время был, несмотря на немецкое происхождение и образование Энгельса, безупречым. Энгельс сказал Гарин, что он является постоянным читателем «Northern Star» и с чрезвычайным интересом следит за чартистским движением. Так началась их доужба, длившаяся 52 года.

По словам Гарии, Энгельс, обремененный множеством работ, всегда находил время, чтобы вспомнить о своих друзьях, подать им совет или помочь, когда это было нужно. Его необъятные знания и его влияние инкогда не делали его высокомерным; напротив, в возрасте 75 лет он был так же скромен и так же готов был признать значение работы других, как тогда, когда ему было 22 года. Он был нообычайно гостепринмен, любил посмеяться, и смех его был заразителен. Он умел быть душой дружеской бессамь. Близко встречаясь с приверженцами Оуэна, с чартистами, тред-оннюнистами и социалистами. Энгельс мастерски создавад такую обстановку, в которой каждый из них чувствовал себя легко и приятно.

2

Мое более близкое знакомство с Энгельсом и Марксом состоялось в Кёльне, куда я переехал из Лондона в конце нюня 1848 года. В Кёльне я познакомился с членами редакции «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газеты»), знавшими меня под моим тогдашими именем «Фридрих Кар-

¹ «The Northern Stat» («Северная звезда») — чартистская газета; основана в 1837 г., выходима до 1852 года. С сентября 1845 до марта 1847 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс. Ред.

стенс». Энгельсу было известно, что я портной, и он наименовал меня своим «придворным портным». Однако моя работа для него сводилась к почнике и приведению в порядок его гардероба. Ни Маркс, ни Энгельс не тратились на одежду: их денежные дела в ту пору были отнюдь не блестящи.

Я был тогда еще очень молод, да н ие в моем характере выдвигаться на первый план. Поэтому мы встречались чаще всего на народных собраниях или других заседаниях, где приветствовали друг друга как боевые товариши.

Хотя мы встречались в Кёльне в течение непродолжительного времени, и уже тогда сумел очень высоко оценить этих двух замечательных людей и ожидал от иих очень многого в блучшем.

«Коммунистический Манифест» не оставил ни малейших сомиений относительно того, с какой глубниой Марке и Энгельс постигли современное общество; благодаря популярному стилю и глубоко научному содержанню классовые противоречия становились поиятиыми любому простому рабочему. Но в «Neue Rheinische Zeitung» Марке и Энгельс наглядно докаваль, что они воогужены не только кваниями, но и непоеклонной волей.

Черио-белая реакция ¹ скоро обнаружила, с какими иесравиениями противинками опа столкнулась в их лице, и лезла на кожи вон, чтобы покончить с «Neue Rheinische Zeitung». Когда это не удалось, она прибегла кеще более наглым насильственизым мерам, чтобы уничтожить газету. Были затеяны два процесса: первый — 7 февраля, второл.—8 февраля, впаправленый против Рейнского окружиого комитета демократов. Я с величайциям интересом присутствовал на обоих судебных заседаниях. Было наслаждением видеть и слышать, с каким огромным превосходством в глубокими знаниями сражались Марке и Вигельс против черно-белой реакции. Даже противники не могли скрыть своего восхищения этими двумя лодьми!

После насильственного уничтожения «Neue Rheinische Zeitung» и противозаконной высылки Карла Маркса члены редакции рассеялись в разные стороны. Маркс пересял в Париж, Энгельс же отправился в Пральц, гле только что вспыкиуло движение за имперскую конституцию. Деятельность Энгельса в Пральце отражена в его статье о кампания за имперскую конституцию, напечатанной в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новяя рейнская тазета. Политико-экономическое обозрение»), которую Карл Маркс редактировал в 1850 году.

¹ Имеется в виду прусская контрреволюция: черный и белый — цвета государственного флага Прусска. Ред.

После поражения революции в Бадене Энгельс со многими другими участинками восстания выпужден был бежать в Швейцарию. Но он недолго пробыл там и вскоре отправился в Лондон, где уже находился Маркс и много доугих эмигоантов из Геомании.

В Лондоне для Энгельса, как и для Маркса с его семьей, началнсь очень тяжелые времена, так как оба они оказались без всяких средств к существованию. Элеонора Маркс описала эту суровую пору жизни Маркса и Энгельса.

К этому времени относится деятельное участие Маркса, Энгельса, Либкиехта, Вильгельма Вольфа н других в Коммунистическом просветительном обществе, в котором в то время было немало политических эмигрантов разных направлений. Их оценки политических событий недавнего прощлого, их взгляды на будущее были столь различны, а в эмигрантской жизни было столько неприятного, что ничего удивительного не было в том, что вскоре возникли трения.

После восстановлення организации Союза коммунистов, в чем главную рось сыграли Марке, Энгельс и их товарищи, обнаружились острые расхождения, главным образом по вопросу о тактике рабочей партии, между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Виллихом, Шаппером и их группой — с другой. Эти расхождения привели к разрыву. Причины этого разрыва ясно и открыто указаны Карлом Марксом в его «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов».

K этому времени относится также издание уже упомянутого журнала «Neue Rheinische Zeitung, Politisch-ökonomische Revue», выходившего под редакцией Карла Маркса; в этом журнале помещена работа Энгельса о баденском восстании и его же «Крестьянская война в Геомании».

Насколько я помию, в 1850 году Энгельс вынужден был покинуть Лондон и перебраться в Манчестер, где он поступил на службу на хлопчатобумажную фабрику, совладельцем которой был его отец. Лишь в 1870 году он смог покинуть Манчестер, чтобы посвятить все свое время занятиям наукой и совместной работе с Карлом Марксом.

В Манчестере Энгельс встречался чаще всего с Вильгельмом Вольфом, Самюзалом Муром и Карлом Шорлеммером. Время от времени он приезжал в Лондон, чтобы видеться с Марксом, или же Маркс ездил в Манчестер; все же это случалось не часто, встречи эти были непродолжительными, но тем оживленией была переписка. Энгельс и Маркс сотрудничали в немецкой еженедельной газете «Volk» («Народ»), которую мы основали в Лондоне в 1859 году в противовес газете Кинкела.

В 1859 году я написал Энгельсу письмо, в котором просил его, между прочим, прислать мие свою фотографию. Я получил ее вместе с замечательным письмом, которое я здесь охотно привел бы; но несмотря на долгие поиски, мие не удалось его разыскать.

Осенью 1870 года Энгельс со своей женой переехал в Лондон и поселился неподалеку от Маркса в своей знаменитой квартире поблизости от Понмооз-Хилл. где он поожил почти до самой смоти.

Вспыхнула франко-прусская война (1870 г.), которая поглотила все вимамние и почти все время Энгельса. Его статьи о войне в «Pall Mall Gazette», благодаря которым он подучна прозвище «Генерал», свядетельствовали об его военных познаниях. Он не раз предсказывал поражения французской армин. Еще готда, когда германские войска копщентрировались протни французской северной армин, Энгельс предсказал на страницах «Pall Mall Gazette», что если Мак-Магону не удастся прорваться со своей армией в Бельгию, железное кольцо германских корпусов сожместя вокруг него и вынудит его к капитуляции в Седанской ложбине. Так оно и случилось две недели спустя.

После поражения Парижской Коммуны в 1871 году положение в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих стало очень острым и трудным, в особенности для Маркса и Энгельса; на их долю выпало еще больше работы, чем прежде, так как в Лондон прибыло много членов Интерлационала — эмигрантов Коммуны.

Из них следует особо упомянуть венгерского товаринда Лео Франкеля. Он был членом правительства Коммуны, и ему удалось пробраться через расположение прусских частей под видом торговид спичками. Франкель был одним из немногих, кто имел совершенно ясное представление о цели и путях рабочего движения. После аминстии Франкельс снова вернулся в Париж, где возобновых свою объечную пропагандистскую деятельность. Он умер несколько лет тому назад в Париже. Я потерял в нем личного друга, а партия — одного из лучших товарищей. Да не будет забыто имя его!

Эмигранты Коммуны, которые принадлежали к различным направленням, вели борьбу между собой и сваливали друг на друга вину за поражение. Обманутые надежды, а также загруднительное положение, в котором почти все они находились, способствовали постоянным трениям между ними. Подлые нападки капиталистической прессы; дарившее всюду непонимание Коммуны и ее значения: печальной памяти травля со стороны анархистов — все это, казалось, соедниилось вместе, чтобы уничтожить Интернационал.

Перенесенне Генерального Совета в Нью-Йорк в соответствин с решением Гаагского конгресса предоставило Марксу больше времени для его занатий экономическими вопросами. Он мог целиком посвятить себя своему великому произведению — «Капиталу». На Эшгельса легла вся тяжесть работы по Интернационалу. Переводы «Коммунистического Манифеста» и других произведений, поступавшие к нему для просмотра и редакции, равно как и целый ряд статей, в которых он освещал текущие вопросы, не говоря уже о брошнорах на актуальные темы,— все это отнимало большую часть его времени. Если, нескотря на это, Энгельс все же оставил нам так много научных работ, то это свидетельствует лишь о том, каким трудолюбием и какой работоспособностью отличался наш старый друг...

В 1878 году Энгельса постиг тяжелый удар: умерла его жена, ирландка, которая принимала горячес участие в феннанском движенин. У Энгельса не было детей, и потеря жены была для него большим горем...

Затем настали печальные времена в семье Маркса: болезнь Маркса, болезнь его жены и дочери, смерть и той и другой.

В марте 1883 года пришло, правда, уже не неожиданное, но от этого не менее прискорбное известие о смерти Маркса.

«Лондон, 15 марта 1883 г.

Энгельс писал мие: Дорогой Лессиер!

Наш старый Маркс вчера в 3 часа тихо уснул навеки. Непосредственная причина смертн — вероятно, внутреннее кровонзлияние.

ная причина смерти — вероятно, внутреннее кровоналияние.
Похороны состоятся в субботу в 12 часов. Тусси просит тебя присутствовать на них.

Очень спешу.

Твой Ф. Энгельс».

После смертн Маркса Ленхен Демут, которая со временн замужества г-жи Маркс делила с семьей Маркса все радости и горести, взяла в свои руки домашнее хозяйство Энгельса. Она умерла 4 ноября 1890 года. Эта потеря была для Энгельса очень чувствительной. К счастью, вскоре после этого г-жа Луиза Каутская, ныне г-жа Фрейбергер, решилась переехать из Вены в Лондон, чтобы принять на себя заботы о домашних делах Энгельса. Энгельс до самой смерти имел в ее лице хорошую помощинцу...

Кто не знает, какое активное участне принимал Энгельс в движенин новых тред-нонионов! Как он энергично поддерживал борьбу за 8-часовой рабочий день, хотя он сам зачастую работал по 16 часов в сутки, до поздней ночи! Как он активно участвовал во всех первомайских праздниках и, невзирая на свой возраст, взбирался на платформы, которые служили трибуной для ораторов! И кто из друзей Энгельса забудет первомайские вечерники, которые следовали обычно за этими собраниями!.

Я был членом Коммунистического просветительного общества, был членом Социал-демократической федерации и Социалистической лиги, принимал участие в основании Независимой рабочей партии . Энгельс всегда рад бывал видеть меня у себя, так как я мог рассказать ему о настроении в этих различных организациях.

Тем, кто общался с Энгельсом, было давно известно, что он вомногих пунктах не был согласен с тактикой Социал-демократической федерации. Если бы Энгельс жил до сих пор, он еще меньше одобрил бы ее теперешнию тактику.

Бодрость и неутомимость Энгсавса не покидали его до самой смерти. Общенявестно, каким блестящим знатоком языков он был. Он владел в совершенстве десятью языками. Ему было больше семидесяти лет, когда он начал изучать еще норвежский язык, чтобы читать в подлининке Ибсена и Келланда.

Энтельс, как и Маркс, редко выступал на публичных собраниях. Последнее публичное выступление Энгельса состоялось в 1893 году. Он выступла на Цюрихском конгрессе, в Вене и в Берлине ². Прием, оказанный ему в Цюрихском конгрессе, в Вене и в Берлине ². Прием, оказанный ему в Цюрихском контрессе, в Вене и в Берлине ². Прием, оказанный ему в Цюрихс, стихийные громовые овации, которыми его встречали, очень его растрогали, как он мне часто потом расскавываль. Его поездка в Австрию, Германию и Швейцарию была триумфальным шествием наших идей, и Энгельс часто сожалел, что Марксу не довелось этого учиваеть.

До конца своих дней Энгельс сохранял свойствениую ему выдержку и решнтельность. Во всех своих действиях он был прост и откровенен.

¹ Содиал.екмократическая фелерация была основана в Лоядоне в 1884 году. Вскоре передовые ее члены, боровшнеся протны оппортурнестического и сектаитского руководства, откололись, образовав Содиалистическую лиць. Однако она приняла аввранстений характер, и сторонники Эпгальса покинули ее. Невависимая рабочая партия была создавы в 1893 году. Ред.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 368—373. Ред.

О чем бы его ни спросили, он всегда давал краткий и убедительный ответ. Энгельс всегда открыто высказывал свое мнеиие, приятно или неприятно это было его собеседнику.

Энгельс прямо выражал свое недовольство, когда в партии обнаруживымостье или иные явления, с которыми он не был согласен. Шатания и компромиссы ему были не по душе.

Энгельс принимал у себя множество людей. Его очень охотно посещали как партийные товарищи, так и посторонние. Когда в конце 80-х годов редакция «Sozialdemokrat» («Социал-демократа») перебралась из Цюриха в Лондон, число посетителей еще более выросло. Энгельс оставался неизмению гостепринимым

После смерти Маркса я стал чаще бывать у Энгельса; его доверие ко мне было так же велико, как то, которое дарил мне Маркс. В те дни, когда у Энгельса толінялось особенню миого посетителей, я заходил к нему реже. Но в таких случаях Энгельс немедленно меня спрашивал, почему я так редко показываюсь.

4

Астом 1895 года Энгельс поехал в последний раз лечиться в Истбори, но вериулся оттуда в конце июля без удушения здоровья. Об этом мие сообщила в письме Тусси, которая была очень встревожена. Я решна в течение искоторого времени не беспокоить Энгельса своим посещением. Я боялся потревожить его своим присутствием, так как Энгельс и без того легко возбуждался. Вот почему мие не довелось больше увидеть живым нашего великого друга Энгельса после его возвращения в Лондом.

5 августа вечером Бернштейн сообщил мне, что, если я хочу увидеть еще раз в живых нашего друга Энгельса, я должен поторопиться, так как он очень плох. Но я не представлял себе, что смерть уже так близка, и решил известить его пораньше утром 6 августа.

Каков же был мой ужас, когда с первой же почтой я получил сообщечито Луизы Фрейбергер, что наш друг умер 5 августа, между 11 и 12 часами ночи!

Не могу передать словами, какое впечатление на меня пронзвела эта ужасная, потрясающая весть...

Я немедленно отправился на квартиру Энгельса и увидел его мертвым в постели точно так же, как 15 марта 1883 года я увидел мертвым нашего друга Карла Маркса. П'єспожа Луиза Фрейбергер, которая меня проводила в комнату Энгельсва, была так подавлена, что лишь с большим трудом могла рассказать мне о последних часах жизин Энгельса.

Последней волей Энгельса было, чтобы прах его опустили в открытом море.

Эта воля Энгельса была выполиена 27 августа Элеонорой Маркс, доктором Э. Эвелингом, Э. Бериштейном и миюю. Мы отправились в Истбори, излюблению место летиего отдыха Энгельса. Там им наилил лодяу с двумя гребцами и отвезли уриу с прахом нашего незабвенного друга примерно на расстояние в две английские мили от берега. Невозможно передать сло-вями те чувства, котором вызвала во мие эта поедажа.

. . .

Маркса и Энгельса уже давно нет среди живых, но их дело живет. Миллионы рабочих всех стран, ряды которых множатся с каждым днем, вот доказательство того, что принципы и тактика Маркса и Энгельса поняты и признаны. Это доставляет мне величайшее удовлетворение, и вместе с миллионами положтаюней я воскланаю:

«Близкое будущее принадлежит социалистическому движению!»

Лондон, июнь 1902 г.

Hancustano o mponose «Die Hötte»

Перевод с намецион

Элеонора Маркс-Эвелинг ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

28 ноября 1890 года Фридриху Энгельсу исполнится семьдесят По этому поводу меня попросили написать для читателей «Sozialdemo-kratische Monatsschrift» («Социал-демократического ежемессячника») краткую статью об общепонзнаниюм главе нашей партии.

Из всех разнообразных качеств, которые требуются для выполнення столь ответственной задачи, я могу претендовать лишь на одно: я знакома с Энгельсом с тех пор, как появилась на свет. Но остается открытым вопрос, дает ли длительное и тесное общение с человеком возможность более правдиво его изобразить. Ведь из всех людей труднее всего нарисовать самого себя.

Для того чтобы написать бнографию Маркса и Энгельса, — а жизнь иорочество этих двух людей так переплелись, что разделить их невозможно, — нужно было бы написать не только историю развития социализма

13 Воспоминания о Марксе и Энгельсе

«от утопин к науке», но также и историю всего рабочего движения на протяжении чуть ди не полустолетия, потому что эти два человека инкогда не были только идейними вождями, только теоретиками, философами, стоящими в стороне от повседиевной работы и жизни. Они всегда были бордами и в боробе неизменно стояди на передовых повыциях—
они были и солдатами револющии и руководителями ее генерального

Подробности жизни Энгельса в настоящее время настольно известны, что достаточно, пожалуй, их только вкратце напомнить. Его дитературные и научные труды столь популярны, что какая бы то ни было попытка аналяза их с моей стороны была бы просто нескромностью; можно ограничиться лишь хронодогическим обзором этих работ.

Но я хочу попытаться расскавать коротко об Энгельсе как человеке, о том, как ои живет и работает. Думаю, что этим доставлю радость многим... Я лично считаю, что изучение такой жизни, как жизнь Энгельса, может только помочь нам в борьбе и вдохновить нас, более молодых, идущих по его пути.

. . .

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 года в Бармене, в Рейнской провинции. Отец его был фабрикантом. Не надо забывать, что Рейнская провинция тогда в экономическом отношении далеко опередила остальную Германию.

Энгельс происходил из весьма почтенной семьи. Пожалуй, никогда еще в подобной семье не рождался сын, чей жизненный путь шел бы до такой степени вразрез с ее общим лухом. Фридрих должен был в этой семье казаться «тадким утенком». Возможно, что родные до сих пор еще не поинмают, что «утенок» этот оказался «лебедем». Всякому, кто слышал рассказы Энгельса о родительском доме, одно ясно, — что жизнерадостность свою он унаследовал от матери.

Энгельс прошел обычную школу; некоторое время он обучался в эльберфельдской гимназии. Вначале у Энгельса было иммерение окончить и университет, но этот план не был осуществлен. Эа год до сдачи вквамена на аттестат врелости он поступил в торговый дом в Бармене, потом в течение года служил вольбоопоелеляющимся в Беольпера.

В 1842 году Энгельс был послан в Англию, в Манчестер, для работы в конторе предприятия, в котором отец его был компаньоном. Он пробыл там два года. Значение этих двух лет пребывания в классической стране капиталняма, в центре крупной промышленностн, едва ли можно переоценить.

Характерно для этого человека, что в го время, когда он собирал материалы для своей кинги «Положение рабочего класса в Англии», он также принимал деятельное участие в чартистком движении и был постоянины согрудником чартистской газеты «Notthern Staf» («Северная звезда») и газеты Роберта Оувна «New Moral World» 1.

Возвращаясь в 1844 году в Германию, Энгельс по дороге заехал в Париж, где встретнися с человеком, с которым уже состоял в переписке и которому суждено было стать его другом на всю жизиь, — с Карлом Маоксом.

Первым пладом этой истречи было совместное издание «Святого семейства» и начало труда, который впоследствии был закончен в Брюсселе и о судьбе которото Марке рассказал нам в своей кните «К критике политической экономии», а Энгельс — в «Людвиге Фейербахе». В предисловии к названиюй выше кните Марке писат: «Рукопись" — в объеме друх толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее изпечатание невозможным. Мы тем охотиес предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — выяснение дела самим себе — была достинутат»

В этом же году Энгельс написал спое «Положение рабочего класса в Англии» — кингу, которой уже больше 40 лет и которая до сих пор так актуальна, что, когда несколько лет тому назад появился се английский перевод ⁴, английские рабочие думали, что она только что написана! В это же время Энгельском бым написан ряд очерков, статей и т. д.

Из Парижа Энгельс вернулся в Бармен, но лишь на короткое воемя.

В 1845 году Энгельс вслед за Марксом переехал в Брюссель, где, сосствению говоря, только и началась их сомместияя работа. Наряду с огромной литературной деятельностью друзья основали Немецкое рабочее

¹ «The New Moral World» («Новый нравственный мир») — гавета социалистовугопистов; основана Р. Оувнов в 1834 г., назавлась до 1846 года. С ноября 1843 по май 1845 г. в втой гавете сотрудинчал Ф. Энгельс. Ред.

² Речь идет о «Немецкой идеологни» (см. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 7—544). Ред.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 323. Ред.

^{*} Имеется в виду американское издание 1887 года. Ред.

общество. Самым же важным было то, что онн вступили в Союз справедливых, из которого потом образовался знаменитый союз коммунистов, заключавший в себе зародыш будущего Интериационала.

Маркс еще в Брюсселе, а Энгельс в Париже в 1847 году стали теоретиками и руководителями Союза справедливых. Летом того же года в Лопдоне был сояван первый конгресс Союза. Энгельс присутствовал на нем в качестве делегата от парижских членов Союза. Союз был полностью реоогализован.

Осенью того же года состоялся второй конгресс, на котором присутствовал и Маркс. Результат конгресса — «Манифест Коммунистической партии» — известен сейчас всему миру.

Вскоре после этого друзья отправились в Кёлы и сразу же всецело отдались практической деятельности. История этой деятельности запечатлена на страницах «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газеть») и в работе Маркса «Разоблачення о кёльнском процессе коммунистов».

Вследствие прекращения выхода газеты и высылан Маркса друзья бине в примен до Вирик с ускал в Париж, а Энгельс — в Пральц. Энгельс принял участие в баденском восстании и был адъотантом у Виллиха. Он участвовал в трех сраженнях, и все, кто видел его под огнем, еще долгое время спустя рассказывали об его исключительном хладнокровии и абсолютном поезоении ко всякой опасности.

В «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Hodoй рейнкой гавете. Политико-экономическое обозрение») Энгельс поместил очерк о баденском восстании. Когда все было потеряно, он одним из самых последних перешел на территорию Швейцарии, а затем отправился в Лондон, куда после своей высылки из Парижа переселька? Маркс.

Теперь начался новый период в жизни Энгельса... Маркс посельился в Андонен, а Энгельс вернулся в Манчестер, на хлопчатобумажиную фабрику, где отец его был компаньоном. Энгельс занял преживее место служащего в конторе фабрики; эту должность он занимал и в дальшейнем

Двадцать долгих лет вынужден был Энгельс нести тягостную для него работу в торговом предприятии I в течение этих двадцати лет друзья виделись лишь изредка во время случайных, коротких встреч. Несмотря на это, связь между инми оставалась нерушных.

Одно из моих первых детских воспоминаний— прибытне пнеем на Манчестера. Маркс и Энгельс писалн друг другу почти ежедневно, н я

вспоминаю, как часто Мавр (так звали дома моего отца) разговаривал с письмами, как будто писавший их поисутствовал тут же:

«Ну, нет, все-таки дело обстоит не так...»

«Вот в этом ты прав!» — и т. д. и т. п.

Но особенно запечатлелось в моей памятн, как Мавр, читая нной раз письмо Энгельса, смеялся до того, что слезы текли у него по щекам.

Разумеется, Энгельс не был в Манчестере совершенно одиножим.

Прежде всего там жил Видычельм Вольф, «смелый, верный, благородный передовой боец продетариата», которому посвящен первый том «Капитала» и которото у нас в доме звали не иначе, как «Лупус» ¹.

Позднее туда приехал преданный друг моего отца и Энгельса — Самюза, Мур, тот самый, который вместе с монм мужем перевел «Капитал» на английский язык, и профессор Шорлеммер, один из выдающихся химиков современности.

Однако, несмотря на то, что у Энгельса были эти друзья, страшно подумать о таких двадцати годах жизни такого человека, как он. И это не потому, что Энгельс когда-либо жаловался или роптал. Напротив, он выполнял свою работу так вессао и невозмутимо, как будто инчего лучшего на свете и быть не могло, как «ходить на службор» и сидеть в конторе.

Но я гостила у Энгельса, когда подходила к концу эта его каторжная работа, и тут-то я узнала, что означали для него все эти годы. Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору.

Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем попо-праздинчному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы.

Я тогда была слишком молода, чтобы все это понять. Но теперь я не могу вспомнить об этом без слез.

После этого, в 1870 году, Энгельс переехал в Лондон и тогчас же взял на себя свою долю большой работы, которую вел Интернационал. Он был членом Генерального Совета и в то же время его секретарем-корреспондентом для Бельгин, а позже и для Испании и Италин. Кроме того, литературная деятельность Энгельса была в это время исключительно велика и разнообразна. Бесчисленное количество статей, листовок и т. д. было написано им в период между 1870 и 1880 годами.

^{1 «}Wolf» по-немецки — «волк»; по-латыни «волк» — «lupus». Ред.

Но важнейшим во всех отношеннях трудом Энгельса был «Переворот в науке, произведенный г-ном Евгением Дюрингом»— книга, вышедшая в 1878 году. Разъясиять значение и влияние этого произведения теперь так же излишие, как, скажем, говорить о значении и влиянин «Капитала».

В течение последующих десяти лет Энгельс ежедневно приходил к моему отцу. Часто они отправлялись вместе гулять. Но так же часто они оставались дома, в кабниете моего отца, щагая взад и вперед — каждый по своей стороне комнаты, причем каждый из них высверлил каблуками ямки в полу, делая крутой поворот в углах комнаты. Здесь они обсуждали множество таких вопросов, которые и не синате большинству лодей. А иередко они подолгу молча шагали друг подле друга взад и вперед. Случалось и так, что каждый из иих говорил о том, что в данный момент его главным образом занимало, — пола они не оставвлявляемсе и с горожны с каждого из них были поглощены вопросами, которые не нмели между собой инчего общего.

Если бы время и место мне позволнль, как много можно было бы написать о тех временах! Об Интернационале, о Коммуне, о тех месяцах, когда наши квартиры походнли на убежнща, где каждый эмиграит находил приветливую встречу и помощь.

В 1881 году умерла моя мать. Отец, здоровье которого сильно пошатнулось, в течение исскольких месяцев находился вие Англии. В 1883 году умер и он.

Что сделано Энгельсом с тех пор, нэвестно каждому. Большую часть своего времени он посвятил изданию произведений моего отда, корректуре новых изданий и просмотру переводов «Капитала». Как эта работа, так и его собствениые произведения не нуждаются в моей оценке.

Только тот, кто знает Энгельса, может составить себе представление об огромной работе, которую он иесет изо дил в день. Итальянцы, непанцы, голландцы, датчане, румыны (Энгельс безукоризнению владеет всеми этими языками), а уж об англичанах, немцах и французах говорить не приходится.— все они обращаются к нему за помощью и советом.

Со всеми грудностями, которые встречаются у каждого из нас, рабилицих для блага народа, мы идем к Энгельсу, и никогда наши обращения к иему не бывают безрезультатимми.

Работа, которую в последние годы выполняет один этот человек, была бы не под силу и дюжине обыкновенных людей. Энгельс так имого работает еще и потому, что знает, как и все мы знаем, что он, и только он один.

может дать миру наследие Маркса. Энгельсу еще много предстоит сделать для нас. н он это сделает!

Все это — только контуры его жизин; это, так сказать, схема человека, но не сам человек. Чтобы ожнвить эту схему, вужен кто-либо более одаренный, нежели я, и, быть может, нежели любой из нас. Кроме того, мы слишком близко стоим к нему, чтобы видеть его во весь рост.

* * *

Энгельсу теперь семьдесят лет, но как легко несет он бремя этих лет! Он бодр и телом и душой.

При своих шести с лишком футах роста 1 он держится так, что вовсе уж не кажется таким высоким. Энгельс носит окладистую бороду, которая растет как-то сгранно, вкось, и теперь начинает седеть. Зато его каштановые волосы на голове — без единой сединки. По крайней мере, при тщательном обследовании не удалось обнаружить ин одного седого волоска. Если судить по его волосам, то Энгелье моложе большинства на нас.

Но есан по внешностн Энгельс выглядит молодым, внутренне он еще моложе, чем выглядит. Он — понстине самый молодой человек из всех, кого я знаю. И насколько мне помнится, за последине двадцать тяжелых лет он не постарел.

Помню, как в 1869 году я ездила с ним по Ирландин; и так как он тогда собирался писать историю Ирландин, этой «Ниобы наций» 2, с ним было особенно интересно соматривать страну. А в 1888 году ми путешествовали по Америке. И вот в 1888 году, как и в 1869, Энгельс всюду вносил оживление, он был душой каждой компании, каждой группы, в которой находился.

На борту трансатлантических пароходов «Сити оф Берлин» и «Сити оф Нью-Йорк» он, какой бы суровой ии была погода, всегда был готов прогуляться по палубе и выпить кружку пива.

Казалось, его незыблемым принципом было — никогда не обходить всечавшиеся по пути препятствия, а перескакняять или перелезать черев них.

На одной черте характера моего отца, как и Энгельса, я должна эдесь остановиться и тем более ее подчеркиуть, что эта сторона внешнему миру

^{1 —} около 182 сантиметров. Ред.

² Ниоба — в античной мифологии — матъ, потерявщая своих детей. Эдесь сравнивается с ней Ирландия, которая в результате голода, разорения и эмиграции в конце 40-х — начале 50-х годов лишалась больше 2½ миллонов своего населения. Ред.

нензвестна и большинству кажется неправдоподобной. Снова и снова моего отда изображают каким-то язвительным Юпитером, всегда готовым метать громы и молнин как на друзей, так и на врагов. Но если кто-либо хоть одии-единственный раз заглянул в его прекрасные карие глава, такие проницательные и в то же время такие мягкие, полные юмора и доброты, кто когда-инбудь слышал его заравительный и разующий длушу смех, тот знает, что сложатнуеский. холодый Юпитео — это лишь плад чистой фантавии.

Таков же и Энгельс. Находятся люди, которые изображают его кактото самодерждем, диктатором, язвительным и придирчивым критиком. Это ин в коей меое не соответствует действительностн...

Мне незачем говорить об его ненсчерпаемой доброте к молодежи. В каждой стране найдется немало людей, которые могут это засвидетельствовать. Могу только сказать, что я очень часто видсла, как Онгельс откладывал в сторону свою собственную работу, чтобы оказать дружескую услугу кому-либо из молодежи; не раз его работы отодвигались на задний план из-за того, что он приходил на помощь какому-пибуды повичку.

Одного только Энгельс никогда не прощает — лицемерия. Человек, который иникренен с самим собой, а тем более который не верен партин, не найдет никакой пощады у Энгельса. Это для него самый непростительный гоех...

Здесь я должна отметнть еще одну его характерную черту. Энгельс самый точный человек в мире, у которого чувство долга и в особенности партийная дисциплина выше, чем у всех, кого я знаю. И в то же самое время он бесконечно далек от ханжества.

Так же как и его юмошеская бодрость и доброта, поражает в Энгельсе его разносторонность. Ему инчто не чуждо. Естествознание, химия, ботаника, физика, филология («он заикается на двадцати языках» писала о нем газета «Figaro» в 70-х годах), политическая экономия и, на-конец,—последиее по счету, но не по важности—военная тактика. В 1870 году, во время франко-прусской войны, статьи Энгельса, опубликованные в «Рай Имаl Gazette», обратили на себя всеобщее винмание, ибо он точно предсказал обтязу при Седане и разгром французской армии.

Кстати, эдесь стоит упомянуть, что свое прозвище «Генерал» Энгельс получил со времени появления этих статей. Моя сестра объявила, что он не кто иной, как «General Staff» 1. Это прозвище привилось, и с тех пор Энгельс стал для нас «Генералом». Но теперь это прозвище имеет более

^{1 — «}генеральный штаб». Ред.

глубовни смысл: Энгельс действительно— генерал нашей пролетарской аомии...

Есть еще одна черта у Энгельса, может быть, самая для него характериая, и на нее тоже необходимо указать. Это — его абсолютная самоотверженность.

О тек временах, когда был жив Маркс, сам Энгельс говорил: «Я играл вторую скрипку — и думаю, что делал свое дело довольно сиосно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс» !. Теперь Энгельс дирижирует оркестром, и он все так же скромен, непритавателен и прост, как если бы, по его выражению, он «играл вторую скрипку».

Мие уже приходилось, как и миогим другим, говорить о дружбе между монм отцом и Энгельсом. Эта дружба в будущем станет легендарной, как дружба Дамона и Финтня в греческой мифологии.

Нельяя закончить этих заметом, не вспомнив о двух других дружеских связях Энгельса, которые вытекали из его отношений к Марксу и тоже нмели влияние на его жизиь и работу. Это, во-первых, дружба с моей матерью и, во-вторых, с Еленой Демут, умершей 4 ноября этого года и покоящейся в могнае орядок с мовим орацителями.

О моей матери Энгельс сказал на ее могиле следующее 2:

«Друзья!

Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Залыведеле, в 1814 году. Ее отец, барон фон Вестфален, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве правительственного советника, подружился там с семьей Маркс. Детн росли вместе. Две высоко одаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будушива судьба нераздельна.

В 1843 г., после запрещения первой «Rheinische Zeitung», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Жении Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей вдумчивостью и с пламеннейшей страстью.

Молодая чета отправилась в Париж в добровольное нагнание, которое, однако, очень скоро превратнлось в настоящее. Прусское правительство и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 415. Ред.

² Элеонора Маркс приводит здесь напечатанную в газете «Der Sozialdemokrat» («Социал-денократ») статью Ф. Энгельса «Менни Маркс, урожденияя фон Вестфален»; первая и последния фразы взяты из его «Речи над могилой Менни Маркс», напечатанной в газете «L. Egalité» («Равенство»). Ред.

там преследовало Маркса. Александр фон Гумбольдт унивился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса. Семье пришлось переехать в Боюссель?

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за иею в Брюсселе, был арестован ие только Маркс; бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюоьму и его жену.

Революциюнимі подъем 1848 г. уже на следующий год сошел на иет. Новое изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие вторичного вмешательства французского правительства, — в Лондои. И на втот раз для Жении Марке это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную иужду, на-за которой сошлыв вогиму для се мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительства в союзе с буржуавиой опполицией, от вульгарию-либеральной до демократической, составили велики заговор против ее мужа; когда они закидали Маркеа самой подлой, самой гнусной клеветой; когда вся печать оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана; когда он очутняся варут безоружими пред лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать, — это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог до известной степени самостоятельно действовать. Был основан Интернационал. Из страны в страну перебрасывалась классовая борьба продетариата, и в передовых рядах первым боролся ее муж. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда клевета, градом сыпавшаяся на голову Маркса, рассеялась, как пыль от дуновения ветра; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы, так и демократы, приложили такие чудовищные усилия, проповедовалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрущая всякое сопротивление. все более и более уверенное в победе, стало пробиваться вперед. И одною из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистошимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг.

To, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданиостью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет, — это не стало достоянием общественности, об этом нет ни слова в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично. Но в одном я уверен: жены изгнанинков-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Мие незачем говорить о ее личиых качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она» ¹.

О Елене Демут Энгельс говорил на ее похоронах:

«Маркс частенько обращался к ней за советом в трудных и запуганных партийных вопросах... Что касается меня, то та работа, которую я оказался в состоянии выполнить после смерти Маркса, проделана была главным образом благодаря тому теплу и помощи, которую она виесла в мой дом, смазав мие честь своим пребыванием в нем после смерти Маркса».

Чем была Елена Демут для Маркса и его семыи, можем оценить только мы, но даже нам трудно это выразить словами. С 1837 по 1890 год она была всегда самым преданным другом и помощинком каждого из нас.

Впервые напочатано в журнеле «Sozialdemokralische Monatsschrift» («Социал-демократический ежемесячник») № 10—11, 30 ноября 1890 г. Перевод с немецкого

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 596-597. Ред.

Джордж Джулиан Гарни

об энгельсе

знал Энгельса. Больше полувека он был монм другом, и время когда Энгельс нв Бредфорда приехал в Лидс и отыскал меня в редакцин «Northern Star» («Северной зведям»). То был высохий, красивый молодой человек, с лицом почти по-мальчишески юным. Несмотря на немецкое происхождение и образование, его английский язык и тогда был безупречным. Он сказал мие, что постоянно читает «Northern Star» и очень интересуется чартистским движением. Так более пятидесяти лет тому назад началась наша доужей.

В позднейшне годы он стал главой международного социалнама. Не могло быть инчего более естественного, чем то, что Фридрих Энгельс стал преемником своего друга, когда Маркса не стало.

Он был верным советником, чьими указаннями никто не посмел бы пренебречь. Быть может, несофициальная нетория германского социализма покажет, сколь многим обязана партия его мудрым советам...

103

Автору «Капитала» суждено было высочайшее счастье — иметь такого предагниюто друга. Дружба Маркса и Энгельса была далеко ие обычной. Если она и не была единственной в своем роде, то, чтобы найти ей подобную, нужно обратиться к античным легендам. Каждый из них мог бы соперичиать с Дамоном в готовности принести жертву за Финтия. В своей обществениой деятельности, как борды за свои идеи, они походили на велики близиецов, так доблестно сражващихся за Рим.

Энгельс, как, по-моему, большинство бливоруких людей, писал очень мелким, но красивым и четким почерком. Письма его были шедеврами по богатству их научного содержания, и писал ои их несметное количество, ис-смотря на то, что помиогу часов работал над собственными произведениями или песеволами.

Энгельс принимал участие в большинстве крупных демоистраций в Гайд-парке за 8-часовой рабочий день, но его собственный рабочий день в дучшие времена едва ли ограничивался в среднем шестналдатью часами...

Несмотря на всю его эрудицию, в нем ие было инкакого высокомерия, инкакой надмениюсти. В семьдесят два года ои был так же скромен и испритязателен, как и в двадцать два года, когда ои заходил в редакцию «Northern Star».

Энгельса любили не только его близкие друзья, но и все, кто с иим встречался, в том числе и дети. Хотя его величайшим другом был Карл Маркс, сердце Энгельса было достаточио велико и для других дружеских связей, а его доброта была беспредельной.

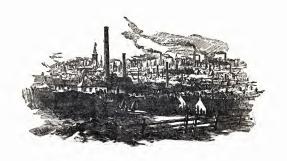
Ои был чрезвычайно гостепримен. Но главной предсетью его разушного стола была его собственняя «вастольная беседа», «добрый реймвейи» его замечательных разговоров и его природное остроумие. Ои любил смех и смеядся заразительно. Ненаменно жизиерадостный, он и всех окружающих надедял своим бодрым настроеннем духа.

Напечатана в журнале «Th: Sacial-Demacrat» («Сациал-демократ»), т. 1. Аондон, январь-декабрь 1897 г.

Перевод в выглийского

Но русском явыке публикуется впервые

LEOPL BEEFT

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

19 нюля 1845 г.

прочем, я в будущем, возможно, буду делать еще миого такого, что совершенио противоречит твоей воле и твоим взглядам. Я должен раз и навсегда просить тебя разрешить мне идти моей собственной дорогой; но ты можешь быть уверена, что я делаю все из чистых побуждений. Я принадлежу к тем бедиякам-коммунистам, которых так смешнают с грязью и единственным преступленнем которых является то, что они борются за бедных и утиетенных и борются не на жизнь, а на смерть Пусть господа собственники остеретаются — могучие руки народа на нашей стороме, и лучшие мыслителы всех народов постепенно переходят в наш лагерь.

Среди них мой горячо любимый друг — Фридрих Энгельс на Бармена, который написал книгу в защиту английских рабочих и справедливо со всей беспощадностью бичует в ией фабрикантов. Его собственный отец имеет фабрики в Англани и Германин. Энгельс теперь окончательно порвал со своей семьей, его считают безбожником и нечестивцем, а его богатый отец не дает больше своему сыну ин пфеннига. Но я знаю его как поистине чудесного человека, обладающего необъмновенным умом и остроумнем, человека, который дием и ночью с громаднейшим напряжением борется за благо трудящихся классов. — В этой связи мие приходят на ум слова, которые некогда пел благородный Ульрик фон Гуттен:

> И даже если мать заплачет, Что я иду на это дело, Илти я должен — и т. л.

Пока плакала мать Ульриха, Ульрих ломал шен попам, и у великого Лютера никогда не было лучшего рыцаря.

Пематостем по книке: Kerl Weerth. «Georg Weerth — der Dichter des Proletsrieites (Карл Веерт. «Георя Веерт — пролегарский поот»). Лейпуил, 1930 Персвод с немецкого На русском языке публикуется вперамо

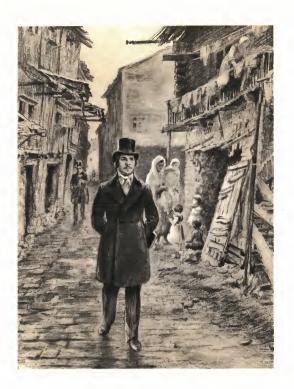

Фенденх Адольф Зоеге ВСТРЕЧА С МАРКСОМ

есколько часов езды по железной дороге, н поезд доставна меня на Дувра в Лондон, где я остановнася в рекомендованной мне заранее французской гостинице. Я тут же набросал несколько строк старому знакомому еще по Женеве, который благодаря отличной работе почты через два часа уже был у меня и дал мне необходимые сведения и советы.

Я ревностно пвучна план Лондона и смело пустнася на поиски друзей и внакомых, что было, собствению говоря, немного рискованию в этом огромном городе. Очень скоро я сел на мель, не вная, что дальше делать Я не мог объясниться, так как вовсе не говорял по-англайски. Но, вная понаслышке о толковости лондонских констеблей, я вынул карточку не вламкам, написал на ней адрес в передал карточку первому встретившемуся мне констеблю. Тот, обнаружив, что объясниться со мной невозможно, повел меня к ближайшему постовому констеблю, передал тому мою карточку и таким путем доставил меня по указанному адресу. В данном случае это было неплохо.

Но в дальнейшем, однако, как правило, этот метод нельзя было бы рекомендовать. Скоро я нашел другой выход.

Англичане того времени (1852 г.) брили бороды и уже меньше всего носили усы; немцы же (в большинстве) и почти все без исключения франшузы были обладателями усов. И вот когда я путешествовал по этому: городу-великану и терял направление, я обращался к первому встречному обладателю усов за справкой по-французски, и всегда эту справку мне любезно давали. Таким образом, я с моим французским языком великолепно ориентировался в Лондоне.

В Бельгни я был в действительном изгнании, и те мытарства, придирки, неприятности, которые чинила мне полиция, едва оставляли мне время для полдержания связи со старыми друзьями и товарищами. Именно благодаря полиции все подобные связи были сведены до минимума; итак, я почти инчего не слыхал и инчего определенного не знал о спорах в среде эмигрантов, о борьбе в Союзе коммунистов и Просветительном рабочем обществе в Ловглоне.

С Виалихом я познакомился во время баденского похода, Энгельса видел только мельком, Маркса еще не встречал. Но по всему, что я в течение последних трех лет о нем слыхал и читал, я составил себе очень высокое мнение о Марксе, проникся огромным к нему умажением.

Я решил посетить его. Поводом к внаиту послужило мое желание навети справки о судьбе Дроике—одного из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» («Новой оейнекой газеты»), с которомы я повивкомился в Женеве.

Маркс жил на Дин-стрит. Я застал его в довольно просторной комнеге, которая показалась мне недостаточно светлой. Он писал за большим столом.

Великолепная большая голова, иссиня-черная шевелюра, острый и притально-серьезно-дружелюбный взгляд его глаз вызвали во мне какое-то почтение и в то же время внушили глубокое доверие.

На мой вопрос о Дронке я получил быстрый ответ: «Дронке — в Ливерпуле». Маркс расспрашивал меня о моей судьбе. Я рассказал сму о моей высылке из Бельгии. Он, смеясь, ответнл мне, что нечто подобное случимось и с ним.

Беседа длилась несколько минут. Заметнв, что я оторвал Маркса от работы, я очень скоро откланялся.

С розысками старых друзей в Лондоне мне не повезло, за исключением некоторых, знакомых мне еще по Леневе, французских эмигрантов. Из немецких эмигрантов значительное число я нашел в тамошней, часто 14 Вектовичивая объекта в эксплека посещаемой таверие Шертнера из Ханау. В удалении эмигрантов из Европы французское правительство (Наполеон III) было занитересовано настолько, что ово отправляло из в Америку на свой счет.

Мои усилия получить какую-либо подходящую работу были бесплодиы, и я скоро убедился, что оставаться в Англии мие было невозможию.

К США я питал сильное отвращение из-за господствовавшего там в большей части штатов рабства и возмутительных законов против беглых рабов. Поэтому я решил ехать в Австралию. Но, совершению иезнакомый с правилами судоходства и морского транспорта, без знания английского языка, больной холерой, я был посажен на парусное судно (называвшееся «Индепенденс»), которое через несколько часов вышло в море и 21 июия 1852 года доставило меня в Нью-Йорк.

Напечатоно в журнеле «Dis Neue Zeit» («Новое время»), т. 2, 1898—1899 зв. Перевод с немецкова

ФРИДРИХ АДОЛЬФ ЗОРГЕ

О МАРКСЕ

Марта 1883 года я получил следующую телеграмму из Лондова: «Маркс умер сегодия. Энгельс».

Умер передовой борец пролетариата, человек, который ковал оружие для освобождения рабочего класса. Угас величайший ум, который метал молнии в бурмуазаный мир, чтобы рассеять невежество, порожденное тьмой и туманом, н в свою очередь порождающее тьму и туман. Умер величайший мыслятель, открывавший перспективы в новый мир, новые времена, новое человечество.

Маркс умер, и миллноны охватила печаль при вести о том, что перестало биться сердце их самого верного, самого преданного советчика. То, что создал Маркс как человек науки, как защитник рабочего класса, не нуждается ин в чутунных памятниках, ин в пламенных речах. Не броизовые и гранитные памятники говорят о делах Маркса, а неисчислимые ряды рабочих всех частей света, следующих бессмертному боевому кличу Маркса: «Подлетарии всех стран, соединяйтесь!»

Только немногим известно, как много жертв Маркс и его верная подруга принесли во имя своих убеждений. Сколько лишений и страданий они претерпели в то время, когда Маркс создаваю лешение произведения, в то время, когда он открывал и указывал новые пути в важнейших областях науки, в то время, когда он помогал всем, кто искрение стремняля бороться за дело рабочего класса!

Несмотря на это, по адресу Маркса беспрестанно распространяли клевету. В ответ на нее три старых боевых товарища Маркса 50 лет тому

назад. 7 ноября 1853 года, опубликовали документ ¹, из которого здесь приводятся отдельные места:

«Маркс, как всякому извество, ни одной строкой не напоминал общественностн о своих личных жертвах для революции. Наоборот, ничто не могло бы возмутить его больше, чем обывателькое сострадание мелкого бурку»... Пусть же, по крайней мере, партия знает цену всем иынешини нападкам на его личность.

Маркс и Энгельс с 1843 года до нынешнего для безвозмездно оаботали для «New Moral World» Р. Оуэна. для «Northern Star» О'Коннора, для «Democratic Review», «Red Republican» н «Friend of the People» Гарни, для «People's Paper», «Notes to the People» Джонса, для парижской «Réforme» (до революции 1848 г.) г и для целого ряда печатных органов в Бельгии и в Париже («Deutsche-Brüsseler Zeitung» и т. д.)... Флокон, член временного правительства, предлагал обоим деньги в любом количестве, но они отвергли это. Более того. Маркс. как нам хорошо известно, в начале февральской революции ватратна несколько тысяч талеров на своих собственных средств - частью для вороужения рабочих в Брюсселе, где предстояла революция (за что он и его жена были арестованы бельгийскими властями), частью для того, чтобы отправить в Геоманию друзей для ведения революционной деятельности; наконец, остальные деньги Маркс затратил на первоначальные текущие расходы «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газеты»). Для нужд этой гаветы и оеволюционной агитации в 1848-1849 годах Маркс истоатил около 7 тысяч талеров — частью наличными средствами — своими и своей жены. частью же в нотариальных документах и актах на свою долю наследства.

¹ Речь вдето письме Вейдемейера, Каусса в Якоби в редэкцию «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Велаетристический журна» в Нью-йоркская криминаластическая тараета»), опублякованном 25 ноябоя 1853 года. Ред.

^{* «}The Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature(«Демократическое обоорение британской и виностранной политики, истории и алтературки») — чартистский журлал; выходил в Лондоне в 1849—1850 годах. «The Red
Republican» («Красный, республиканец») — «въргистский орган; выходал в Лондоне под
редакцией Дж. Гарин в ноиз по ноябрь 1850 года. Затем был перениенован в «Friend of
the Peoples («Друг народа»), который просуществовал до поля 1851 года. «The People'
редет» («Народана» таката») — орган чартисток; видавался в Лондоне в 1852—1858 г.
под редакцией Э. Джонса. «Votes to the Peoples («Письма в народу») — чартистский журнак; надавался в Лондоне в 1851—1852 г. г. под редакцией Э. Джонса. «А Réforme
(«Реформа») — орган меклобуржуваных демократон-республиканцев; издавался в Париже
(1843 по 1859 год. Ред.
1843 по 1859 год. Ред.

O MAPKCE 231

Как случнлось, что газета поглотная большую долю этих вложений? Вначале число акционеров было велико. Но, когда началось ниовъское восстание и «Neue Rheinische Zeitung», первая в Германии, стала на сторону восставших, буржуз-акционеры, конечно, ее покинули. Отход мелкой буржузани прокошел после введения осадиого положения в Ккальне. Поэтому Маркс перенял газету от акционеров в «личную собственность». Это значило, что он принял на себя все ее долги... Когда же газета достигла такого положения, что могла платить по обязательствам, она должна была прекратить свой выход. Когда Маркс в мае 1849 года вериулся из своей поездки в Гамбург, сто жена уже ниела на ружа приказ о его высклакся.

Газета была закрыта. Ее нивентарь состоял: 1) на парового печатного пресса, 2) на вновь оборудованной наборной, 3) на 1000 талеров подписной платы абонентов. Все это ушло на то, чтобы покрыть долгн газеты. Из 300 талеров, которые Маркс занял, он заплатил наборщикам, печатникам и дал возможность скрыться редакторам. Ни одного гроша из этих денег у него не осталось...

Итак, если Маркс прибыл в Лондон в тяжелом положении, лишенный всяких средств, то это потому, что он их отдал революции. Если он не «встал на ноги», то это случилось потому, что он предпочитал бескорыстно служить рабочему классу... Когда в Лондоне у Маркса умер ребенок, у него не было денеу чтобы его похоронить.

Аресты в Кёльве 1 мисли для Маркса — «человека с ядовитым пером», не пример «благонамеренным людям», — следующие последствия. Герман Беккер взял на себя надание собрания сочинений Маркса. Первая книга вышла и была распространена в 15 тысячах экземпляров, как это было установлено на кёльнском процессе ². Кроме того, Беккер взял на себя надание ежемесячного «Ясчие» («Обозрения») в льеже. То и другое было согравно вследствие ареста Беккера, и тем самым погибли результаты по меньшей мере целого года трудов Маркса. Один надагать собирался выпустить во Франкфурте «Критику политической экономии» Маркса (90 печ. листов). Процесс коммунистов отлугнул его, что для Маркса снова означало тяжелайі матернальный удар.

¹⁰ мая 1851 г. был арестован в Лейпциге Нотъюнг, уполномоченный Союза коммунистов, 19 мая последовал арест в Кёлые Г. Беккера и Рёзера, а поэднее и ряда других активных участнико Коюза коммунистов. Ред.

⁸ Имеется в виду изданный в Кёльне в 1851 г. первый выпуск Собрания сочинений К. Маркса (Gesammelte Aufsätze von Karl Marx, herausgegeben von Hermann Becker. I. Heft, Köln. 1851). Рег.

Так еле-еле перебивался Маркс со своей семьей, действуя всегда открыто и чество. А в это время под ието подкапывались при помощи всяких мощениических махинаций «порядочные» буржуа.

Если немецкая рабочая партия позволит, чтобы всякие мерзавцы клеветали на таких людей, как Маркс, который принес в жертву партин не только свой труд, положение, но и состояние и спокойствие своей семьи, тогда эта партия заслужит того, чтобы каждый произнес ей свой притовор.

И. Вейдемейер, Адольф Клусс, д-р А. Якоби».

Враги приписывали Марксу властолюбие, обвиняли его в колодном, пренебрежительном отношении к людям. Какая нелепость!

Он никогда не властвовал, не пытался властвовать. Только благодаря вованию, игнантским всеобъемлющим внавиям, своему разностороннему образованию, своему характеру, внушавшему уважение, он пользовался таким влиянием, в особенности в старом Генеральном Совете в Лопдоне, который на самых важимх этапах своей деятельности состоял примерно на четыре пятых из англичан и французов при двух или трех немецких лабочих.

В Париже, Брюсселе, Кёльне и Лондоне Маркс выступал перед рабочими, читал в рабочих обществах доклады. Точио так же и в Генеральном Совете он обосновывал свои взгляды и предложения, которые в большинстве случаев служили руководящей интью. Эти выступления неотразимо действовали своей логикой даже на инакомыслящих — и не только логикой, но и своей пламенностью. Прочтите хотя бы заключительные строки «Граждиской войны во Франции»!

В личном обиходе Маркс был приветливым, задушевным, милым человеком — отзыв, который подтвердит каждый, кто имел счастье близко сталкиваться с этим необыкновенным человеком.

Но неумолимо строгим Маркс был к лицемерам, невеждам, хвастунам, и вот такие имению субъекты чернили Маркса, сочиняли и распространяли легенды о его «властолюбия» и т. п.

Кто так много испытал горькой вужды в жизни, как Маркс, тот всегда был готов помочь и помогал, где мог. Можно было бы привести бесчисаем ные примеры. Одиого достаточно: когда в начале июля 1872 года закончиние заседания конгресса Североамериканской федерация Международиого Товарищества Рабочих и были избраны делегаты на Гаагский конгресс I Интернационала, к одному из делегатов явился рабочий и передал ему небольшую сумму денег для Маркса. Этот человек был рабочим из Рейнской

O MAPKCE 203

провинции. Он должен был в 1864 нли 1865 году оставить родину н семью; прибыв без средств в Лондон, он просил Маркса помочь ему перебраться в Америку. Маркс помог ему, иесмотря на то, что он сам тогда находился отнюдь не в блестящем положении.

Когда эмигранты-коммунары появиансь в Лондоне, Маркс и его семья деман необычайные усилия, чтобы оказать им помощь и поддержку. Кроме коммунаров, которые бывали у Маркса как дома, там часто можно было встретить рабочих из провищии, из Манчестера, Ливерпуля, Лондона, с континента, из Америки и из других частей светь, а

Впереме напечатано в журнале «Die Neue Zeit» («Новос ареня»), т. 1, 1902—1903 зз.

Перевол с немецкого

Г. А. ЛОПАТИН

ИЗ ПИСЬМА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВУ

15 февраля 1873 г.

ольшую часть своего пребывания за границей я провел частью в Париже, частью в Лондоне, где продолжал жить тем же самым, как и в России, т. е. литературной поденщиной, употребляя часы досуга на изучение рабочего движения и других интересных явлений иностранной общественной жизни.

Во время пребывания моего в Лоидоне я сошелся там с неким Карлом Марксом, одими из замечательнейших писателей по части политической вкономии и одими из наиболее развиостороние образованных лодей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому звыку; а выучившись русскому звыку, он случайно натолкнулся на примечания Чериышевского к известному трактату Милля ¹ и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое умажение к Чериышевскому. Он не раз говорил мие, что из всесх современт.

¹ Имеется в виду книга Н. Г. Чериышевского «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Дж. Ст. Милля». Т. III, Женева, 1869. Ред.

ных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригннального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компнаяторы, что его сочинення полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения: что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России. но н целой Европы, н т. д. н т. д. Хотя я н прежде относился с большим уважением к трудам Чернышевского по полнтической экономии, но моя эрудиция по этому предмету была недостаточно общирна, чтобы отличить в его твореннях мысли, принадлежащие лично ему, от идей, позаимствованных нм у других авторов. Понятно, что такой отзыв со стороны столь компетентного сульн мог только увеличнъ мое уважение к этому писателю. Когла же я сопоставна этот отзыв о Чернышевском как писателе с теми отзывами о высоком благородстве и самоотверженности его личного характера, которые мне случалось слышать прежде от людей, которые близко знали этого человека и которые инкогда не моган говорить о нем без глубокого душевного волнения, то у меня явилось жгучее желание попытаться возвратить миру этого великого публициста и гражданина, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия. Мне казалась нестерпимой мысль, что один нэ лучших граждан России, один нэ замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежащий к Пантеону оусской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трушобе. Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медая ни минуты поменяася с ним местами, есан бы только это было возможно н если бы я мог возвратить этой жертвой делу отечественного прогресса одного из его влиятельнейших деятелей; я бы сделал это, не колеблясь ни минуты и с такой же радостной готовностью, с какой рядовой солдат бросается вперед, чтобы заслонить собственной грудью любимого генерала. Но это был неосуществимый романтический бред. А между тем в ту пору мне казалось, что есть другой, более практичный н удобонсполнимый способ помочь этому человеку 1. Судя по моему собственному опыту в подобных обстоятельствах, а также и по некоторым другим известным мне случаям, я полагал тогда, что в этом предприятии не было ничего существенно невозможного: требовалась только некоторая доза

¹ Лопатин намеревался организовать побег Н. Г. Чернышевского из ссылки. Ред.

смелой предприимчивости да немножко денег. Вследствие этого я вскоре письменно обратился за содействием к двум из моих личимх петербургских друзей, которые и предложили мие взять у иих иужиую мие сумму, обязавшись принять ее от меня обратно в случае удачи и совершению забыть о ней в случае неудачи. Когда же я проезжал через Петербург, то еще трое из моих тамошних принтелей дополнили немного эту сумму, простиравшуюся в целом до 1 055 рублей.

Уезжая из Лоидона, я даже не сказал, куда я еду, никому, кроме этих пяти человек, с которыми я списался ранее и от которых я взял деньги, да еще Элицину в Женеве, которому мое намерение было известно ранее, вследствие некоторых случайных обстоятельств, о которых не стоит распространяться. Я не сказал о своей затее даже Маркеу, несмогря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был увереи, что ои сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать меня от нее, а я не любом отстриять от раз задуманиюто миой дела.

Не будучи знаком ин с родственниками, ин со старыми друзьями Чернышевского по «Современнику», я не знал даже, где он именно находится. Не имея никаких знакомых в Сибири, ии даже рекомендательных писем, я выиужден был прожить в Иркутске почти пелый месяп прежде чем узиал. что мне было нужно. Это долговременное проживание в Иркутске, в связи с некоторыми другими моими промахами, а также и с некоторыми не зависевшими от меня обстоятельствами, обратнан на меня внимание местной администрации. Еще более содействовала моей неудаче, если я не ошибаюсь, нескромиость Элпидина, который проврадся о моем отъезде сюда одному из поавительственных сыщиков, пооживавшему в Женеве. Как бы то ии было, но я был арестован и очутился в тюрьме в четвертый раз. Видя, что предприятие мое сорвалось, что мне лично угрожает не особенно приятиая перспектива, а также замечая, что суд затягивается в долгий ящик, в ожидании от меня известных признаний, которых я не считал себя в праве сдедать, я решился бежать, но потерпел фиаско и должен был познакомиться с иркутским острогом ¹.

Печатается по книге: «Герман Алексанлрович Лопатин. Летобиография. Покажения и письма. Статьи и стихотворения». Петроград. 1922

¹ Первый раз Лопатии бежал из иркутской тюрьмы 3 июня 1871 г., но был тотчас же задержан и только при вторинибі попытик. 10 июля 1873 г., ему удалось совершить побег. В автусте 1873 г. Лопатии был уже в Париже. Ред.

Г. А. ЛОПАТИН

ИЗ ПИСЬМА М. Н. ОШАНИНОЙ

Лондон, 20 сентября 1883 г.

е могу не поделиться с Вами результатом моего первого свидания с Энгельсом , думая, что некоторые из его мнений будут понятны для Вас.

Мы много говорили о русских делах, о том, как пойдет, вероятно, дело нашего политического и социального возоожления. Как и следовало ожидать, сходство взглядов оказалось полнейшее; каждый из нас то и дело договаривал мысли и фразы другого. Он тоже считает (как и Маркс, как и я). что задача революционной партин или партии действия в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала н даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы 1) наи поннудить государя созвать Земский собор, 2) или же путем устрашения государя и т. п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы иначе к созыву этого Собора или чеголибо подобного. Он верит, как и я, что подобный Собор неизбежно приведет к радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству. Он верит в громадное значение избирательного периода, в смысле несоавненно более успешной пропаганды, чем все книжки и сообщения на ухо. Он считает невозможной чисто-либеральную конституцию, без глубоких экономических перестроек, и потому не боится этой опасности. Он верит. что в фактических условиях наоодной жизни накопилось достаточно материала для перестройки общества на новых началах. Конечно, он не верит

в марте 1883 г., вскоре после смерти Маркса. Ред.

в моментальное осуществление коммунизма или чего-либо подобного, ио лишь того, что уже назрело в живзии и в душе народа. Он верит, что народ сумест найти себе красиноречивых выразителей сноях нужд и стремлений и т. д. Он верит, что, раз начавшись, это переустройство, или революция, не может быть остановлено инкакими силами. Важно поэтому только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который вскольжизу бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное инмание и всенародный энтувиазы к делу полного общественного переустройства. А результаты явятся сами собой, и именю те, которые возможны, желательны на существимы для данной эпохи.

Все это чертовски кратко, но обстоятельнее я теперь писать ие могу. К тому же все это, быть может, не вполне понравится Вам, а потому спещу передать Вам с буквальной точностью другие его миения, которые очень лестны для оусской оеволюционной партин. Вот они:

«Все зависит теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены инше глаза всех мыслящих, дальновидных и проинцательных людей целой Европы».

«Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно правомерно правомерно ства»... поставать правомерной ства»...

Впервые опубликовано в книге «Основы теорывического социаливно и их приложение к Рассыи», 1, Женева, март 1893

Теодор Куно ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ¹

Трудящимся миллионам России

орогие братья и товарищи по борьбе за свободу от капиталистического грабежа и гиета!

Привет вам и члобовы Из далекой Америки, через необъятные пространства земли через океан я протягиваю вам руку и желаю, чтобы великоленное дело, которое вы начали в 1917 году, принесло свободу и остальным пролетариям, населяющим нашу все еще столь таниственную планету! Я рад, что смог дожить до этого времени и увидеть, каких блестащих успехов вы добликсь, объединившись, как завещами всем изм Кар. Марке и

¹ Воспоминания Теодора Куно быля им паписаны в конце 1932 г. по просьбе Инствита марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Здесь публикуется часть этих воспоминаний отвоеждаяся к Марксу п Энгельку. Ред.

Фридрих Энгельс, призывавшие нас в своем великом «Манифесте» сбросить оковы рабства и завоевать мирі «О, если бы были живы Марке и Энгельсі»— сказал я жене, когда узнал на гавает о вашем замечательном восстанин в 1917 году; какой это было бы наградой для этих двух великих людей, заветам которых вы последовали! Но они в то время уже поконлись в могиле, и только память о них била воскоещена звуками вашего боевого набата.

Я, современник Маркса и Энгельса, еще живу на свете, и хотя мие 66 лет и 8 месяцев от роду, я все еще здоров, бодр и полон юношеского пъла. Хочу рассказатъ вам все, что я знаю и помню о наших двух великих учителях и братъях — Марксе и Энгельсе, с которыми я в молодости жил, работал и боролея плечом к плечу.

Правда, это для меня не легкая задача, память у меня стала никудышная... Все же я постараюсь сделать для вас все, что в монх силах.

* * *

....Это было в 1869 году, когда мие приншлось бежать из Австрии из-за участия в демонстрации перед двстрийским парламентом, требовавшей всеобщего избирательного права для всех лиц старше двадцати одного года. Я бежал в Италию, чтобы не попасть в австрийскую тюрьму. Так как я был часном Международного Товарищества Рабочих, говарищи в Триесте, Венеции, Вероне и Милане помогали мие находить работу. В конце концов я прочно обосновался в «Fonderia Elvetica» в Милане, где наготовлались ссълскохозяйственные машины для рисовых полей. Эдесь я снова принялся за социалистическую агитацию и за организацию местных секций. Сперва я посылал свою отчеты в Швейцарию Џоганиу Филанпу Беккеру, секретарю немецкой секции Интернационала, но Беккер связал меня с Фриарихом Алгельсом в Лондоне, так как Энгельс был секретарем-корреспондентом для Италани. Итак, я стал переписываться с Энгельсом, который жил на Раджентс-парк-род. Так как я не мог писать на его адрес, письма приходилось посылают на вия молодой девущик, жившей в том же доже.

Это было началом моего знакомства с Энгельсом и Марксом. Кроме того, что Энгельс писал мне о монх обязанностях как агнтатора и организатора, он в своих письмах проявил себя очень общительным человеком и вспоминал о Милане, где он в молодости изучал итальянскую шелковую промышленность.

Когда я овладел нтальянским языком, я настоял на том, чтобы мой Рабочий союз начал выпускать еженедельную газету, которую мы назвали

«Martello» («Молот»). Было выпущено всего шесть номеров, но все они были конфискованы полицией, а я был арестован. Бакунисты (некоторые из них были членами нашего Союза) выдали меня полиции. Меня арестовали и отправнан на тои месяца в тюрьму в Верону. Моя переписка с Марксом и Энгельсом была конфискована и переведена на итальянский язык; больше она уже не вернулась ко мне. Итальянцы выдали меня австрийцам, которые посадили меня на несколько дней в тюрьму в Инсбруке, а затем выдали баварцам. Последние отпустнаи меня на все четыре стороны, потому что против меня не было никаких улик в Геомании, несмотоя на то, что итальянцы сообщили им, что я «опасный международный революционер». Из Мюнхена я отправнася в Лейпинг, где встретился с Бебелем и Либкнехтом. Отказавшись от германского подданства, я направился в Льеж, в Бельгию, куда Энгельс дал мне различные адреса. Но вскоре бельгийская полиция, информированная итальянцами, выслала меня во Францию, откуда я поехал в Барселону, в Испанию. Здесь бакунисты выдали меня испанской полиции, и я должен был вернуться в Германию, так как мон родители жили в Дюссельдорфе.

Эдесь я организовал секцию Интернационала, которая послала меня делегатом в Голландию на Гаагский конгресс Интернационала. Участие в заседаниях этого конгресса было одним из самых ярких моментов в моей социалистической деятельности.

Я приехал в Гаагу, когда конгресс уже приступна к работе. Заседания проиходими в помещении зала для танцев на Ломбард-стрит, площадью примерио 50 на 20 футов; по одной стене шли хоры, где сидели немногочисленные зрители и среди них репортеры нескольких местных и иностранных газет.

Когда я вошел в зал, я увидел множество столов, расположенных в виде подковы, за которыми собралось самое любопытное общество, какое мне когда-либо в жизни приходилось видеть. Многих из делегатов я знал лично, ряд из них помина по портретам, некоторых узнал по описаниям, других же — по внешиним типичным национальным признакам, которые выдавали в них представителей Испании, Италии, Франции, Англии и Амеонки...

Я увидел Иоганна Филиппа Беккера как раз таким, каким мне его описывали: великан, с длинной черной бородой, высоким лбом, широкими плечами... Затем я увидел Энгельса. Он сндел слева от председательствующего, курил, писал и с увлечением слушал ораторов. Когда я представился ему, он подиял голову от своих бумаг н, схватив мою руку, радостио сообщил: «Все идет хорошо, у нас подавляющее большинство».

Как известио, это была решающая битва между Марксом и Бакуниным. Вопрос стоял так: быть ли Интернационалу хорошо дисциплинированиой армией, способиой вести борьбу против организованиого врата, или же ои должен был расколоться на сотню тысяч частиц, причем каждый отдельный член воображал бы себя генералом, а Бакунии — великим, иепогрешимым диктатором, стоящим во главе.

Анцо Энгельса было мие знакомо по фотографиям, ио в действительностн он оказался более худьм, чем на портретах. Это был высокий, худощавый, ио здоровый по знду человек с резко очерченными чертами лица,
с длиной рыжеватой бородой и синими глазами. Его движения и речь были
бысгрыми и четкным; у окружающих создавалось убеждение, что этот человек точно знает, чего он хочет и каковы будут результаты его слов и действий. Из разговора с ним каждый извлекал для себя много иового и поучительного. Его мозт — сокровищинца научных знаиий. Энгелье разговаривал
более чем иа дюжине языков, которые он изучил с той целью, чтобы
руководить движением в столь многочисленных сторама ставого мира.

Напротив Энгельса сидел Поль Лафарг — зять Маркса, который вел борьбу против бакунинского тайного общества в Испанин. Представляя меня Лафаргу, Энгельс воскликнул: «Вот они оба тут, наши борцы в Испанин и Италяни».

Маркс сидел позади Энгельса. Я узнал его тотчас же по большой, пушистой бороде; его лицо было смугло, волосы и борода седме. Одет ои был в черный костном из тонкого сукна. Когда он хотел рассмотреть кого-инбудь или что-инбудь особению винмательно, он вставлял в свой правый глаз моиокль. Энгельс подвел меня к нему, и Маркс встретил меня очень приветливо и попросил после окончания заседаний рассказать ему о положенин дел в Испанин и Италин.

Следующим делегатом, привлекшим мое внимание, был молодой человек с еврейскими чертами лица и южнонемецким акцентом. Он переводил, речи немецких ораторов на французский язык. Энгелье сообщил мие, что втоЛео Франкель, министр просвещения Парижской Коммуиы. Франкель был венгром. Это был человек большого ума и обширных знаний. Его жизнь, полная мученических страданий и преследований во Франции и в Венгрии, хорошо известив всем старым участникам движения.

Конгресс приступна к своей работе. Доклад Генерального Совета читали по очереди Маркс. Энгельс и другие члены Совета. Этот доклад был написан на английском, французском и немецком языках. Так как некоторые делегаты из Итални и Испании не знали никакого языка, кроме своего собственного, меня назначнан переводчиком на испанский и итальянский языки, и я немало потрудился, переводя весь доклад, а также все замечання и вопросы с мест, на которые Маркс и Энгельс подробно отвечали. Маркс говорил не очень гладко, он не был особенно эффектным оратором. Энгельс обращался к аудитории в разговорном тоне, в его выступленнях было миого сарказма и юмора, они напоминали студенческую беседу. Маркс, когда говорна, иногда ронял монокаь и, не спеша, водворял его обратно в правый глаз. Хотя ему в то время было пятьдесят пять лет, он был еще очень крепок физически. Цвет анца у него был смугло-бледный. Еще в унивеоситете товарищи дали ему прозвище «Мавр». Американские юнцы, вероятио, окрестили бы его «негром». Его жена и дети всегда называли его «Мавром». видя в нем скорее веселого товарнща, чем сурового и властного главу семьи.

После того как доклад Совета был зачитан и переведен, его передали комиссия. Затем былы зачитаны и частично обсуждены доклады семь, причем многие делегаты сделали только устные доклады. Как видите, мод должность переводчика далеко не была синекурой, мне все время приходилось быть ча посту», а кроме того, я ведь был председателем специальной комиссии, которой поручено было доложить конгрессу свои выводы относительно обыниений в подрывной деятельности, выдвинутых Генеральным Советом прогив Бажунныя в Гильома.

В состав этой комиссин, работавшей по вечерам после заседаний, вкодили делегаты Люкен, Вальтер, Спленгар, Вишар и я. Нам передали огромное количество пнесм, печатных документов, отчетов и т. п., и мы пять дней до поздней ночи разбирались во всем этом материале, прежде чем прийти к определенному решенно.

Вечерами, когда комнесня по делу Бакуннна до полного нанеможения читала письма, документы, бумаги и выдержки из кинг, остальные члены конгресса отдыхали — сиделн по своим отелям или ходили в театры, в концерты, в парки и на взморье.

В последний день конгресса наша комиссия, закончив свою работу, доложила, что Бакунин действительно виновен в том, что пытался разрушить Интериационал посредством организации своего апархистского Альяиса социалистической демократин — название, кстати сказать, совсем неправильное, потому что в этой лачивой организации, явно стремявшейся, к расколу и

¹⁵ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

гибели Интернационала, не было ин на грош ин демократии, ин социализма. Следственияя комиссия доказла виновность Бакумина и предложила исключить его на Интернационала большинством голосов. Один из испанцие скватил револьвер и, направив его на меня, воскликиул: «Такой человек заслуживает того, чтобы его пристрелили!»— потому что я как председатель голосовал против Бакумина. Этот испанец носил вокруг подек вредизы шековый флаг, который он, очевидио, намеревался развериуть в тот момент, когда во всем мире будет провозглашена социальная революция. Неистовый испанец быль обезоружем.

Доклад комиссии был принят огромным большинством делегатов.

Помию еще впизод со Шраммом. Когда я в гостинице беседовал и пил вино с Марксом и Энгельсом, Рудольф Шрамм, бывший консул в Милане, послал Марксу свою внаитную карточку и просил о встрече с ими: он хотел, чтобы Маркс рекомендовал его набирателям нескольких округов Германии, которые должны были послать его в качестве своего представителя в германский параламент. Маркс отказался от встречи с Шраммом.

На следующий день после первого заседания конгресса я попросил делегатов еще на несколько минут остаться в зале, так как хотел выступить с личным заявлением. Затем я громко сказал: «Рудольф Шрамм, будучи прусским консулом в Милане, не только не защитил меня от насилия, учинениют надо миной итальянской полицией, но и помог ей украсть принадажавшие мие вещи, поэтому он — мерзавец и вор! Что может он сказать по этому поводу? Ои здесь, в Гавге, и пытался заручиться помощью Карла Маркса, чтобы быть избраиным в гермамский парламент». И я публично потребовал от Шрамма, чтобы итальянская полиция вернула мие мою пеоениску с Маркском и Энгальсом.

И вот на следующий день г-и Шрамм явился из тутрениее заседание конгресса и потребовал, чтобы субъект, назвавший его вором, публично попросил у него прощения наи дрался бы с ним на дуэли. На следующее утро я встретился с Шраммом, но ему пришлось уйти ни с чем: я отказался драться с ним, потому что уже давно решил покончить с дуэлями, как с ислепым пережитком средиевсковых, котя в студенческие годы я участвовал не в одной так называемой «мензуре» на длиниых, тонких, острых раппрах, удары которых ниогда приходились мие по макушке, где следы остались и по сей день. Шрамм, уезмая на Гаагия, заявил, что я «трус». Тот факт, что за годы учения у меня было одиннадцать дуэлей, свидетельствует о противном. Тем дело и кончнось, и работа конгресса пошла своим чередом.

* * *

Из Гааги большинство из нас отправилось в Амстердам, где местиме члены Интернационала сияли зал, чтобы устроить в нем открытое агитационное собрание. Зал был тесный, в нем не было ин скамей, ин стульев, и тем, кто пришел на собрание, пришлось слушать ораторов стоя. Первым и главимы оратором был Маркс. Содержания его речи я не помию ¹. Я пробыл на собрании недолго и пошел с французскими товарищами осматривать старый, нарезанияй каналами город.

Когда конгресс закрылся, Маркс и Энгельс пригласили делегатов на обед в Схевенинген, курорт близ Гааги. Перед обедом мы все выкупались в море. Я уплыл почти на четверть километра и, так как я инкогда не купался в морской воде, не мог вернуться обратно, потому что был не в снах бороться с волнами прилива. Фридрих Энгельс увидел, что я в опасности. Будучи сильным человеком и болсе искусным пловцом, чем я, он подплыл ко мне. схватил меня за окук и помог добоаться до берега.

В Схевениигене Маркс познакомил меня также со своими дочерьми. Одна на инк была замужем за Полем Лафаргом, а другая — за одники французским делестатом (я не помно его фамилан ², старость меня нногда подводит в этом отношении). Элеонора Маркс, которую мы называли Тусси, была третьей дочерью Маркса. В разговоре со миой и Лафаргом Маркс казала: «Кумо, я слашма, что вые едете в Америку; так вот, вы должим разрешить иегритянский вопрос, как сделала это одна из моих дочерей, выйдя замуж за иегра: ведь Лафарг — мегритянского происхождения». Я обещал сделать все, что от меня зависит в этом отношении, и обстоятельства по-мешали мие исполнить обещание: в Нью-Йорке, где я прожилбодьще пяти-десяти лет, не оказалось иегритянских женщин, из которых я мог бы выбрать себе жену.

Во время моего пребывания в Лондоне я часто встречался с Марксом и его семьей, а также с Энгельсом. Мы часто обедали вместе, ходили в театр, и я беседовал с Марксом главным образом об организации Интернационала в Америке. Ночевал я то у одного из них, то у другого. Я совершил иесколько прогулок по Лондону, видел парламент, Тауэр, собор св. Певла. Но самое большое впечатление произвел на меня стул в читальном зале Британского музея, где годами сидел Маркс, читая, делая выписки, подготовляясь

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII. ч. II, стр. 668—670. Ред.

² — Шарль Лонге. Ред.

в работе над своим бессмертным «Капиталом». Показала мне этот стул Элеонора, младшая дочь Маркса.

Что сталось с документами Гаагского конгресса, да н всех предыдущих конгрессов, — я не знаю. Я готов ручаться, что нх не было в небольшом чемодане Зорге, когда мы с нни садились на пароход «Атлантик» в Аиверпуле. И позже, когда Генеральный Совет был у нас в Нью-Йорке, я не видел этих документов. Правда, на собраниях Совета я не бывал, потому что находился не в Нью-Йорке и был слишком занят добыванием средств к живни.

Я не могу прислать вам писем Маркса и Энгельса, потому что отдал нх Августу Бебелю и профессору Рихарду Эли; оба они собирались напечатать нх. Сделали ди они это или нет, я не энаю ¹.

С братским приветом

ваш в борьбе за социальную революцию

Теодор Куна

На рукописи: Т. Сипо. «Reminiscences» (Т. Кумо. «Воспоминания») Перевод с английского Публикуется впервые

 $^{^1}$ Некоторые письма Энгельса к Куно, относящиеся к 1871—1872 гг., напечатаны в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI. ρ_{eA} .

Август Бебель

поездки в лондон

Развительной проштудника возможность основательно проштудника 1867 года. Это было в тюрьме. За пять лет перед этим я приступна к чтению появившейся в 1859 году кинги Маркса, который вышел в конце к чтению появившейся в 1859 году кинги Маркса «К критике политической экономин», но дело так и кончилось попыткой. Политическая деятельность и борьба за существование не могли дать мне того досута, который был мне необходим, чтобы умственно «переварнтъ» эту книгу. «Комиринстический Манифест» и другие труды Маркса и Энгельса стали известны всей партин *только в конце 60-х и начале 70-х годов. Первос сочинение Маркса, которое попало мие в руки в которое яс исалаждением читал, это сто «Учредительный Манифест» по случаю основания Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). Это было в начале 1865 года, а в конце 1866 года я уже стал членом I Интернационала».

¹ Имеется в виду Социал-демократическая рабочая партия Германии. Ред.

Давно уже задуманное и все время откладывавшееся путешествне в Лондон, где жили Маркс и Энгельс, я совершил лишь в 1880 году.

Обстоятельства, при которых произошло избрание Гирша редактором газеты «Sozialdemokrat» («Социал-демократ»), и сомнения, которые вызвало это избрание у большинства президиума партии, побудили меня предпринять вту поездку. Гирш жил в то время в Лондоне, и, таким образом, я мог оразу столковаться и с ним. Кроме того, я хотел, чтобы Бериштейи, против которого Маркс и Энгельс, а также Гирш были сильно предубеждены , отправился со мной в Лондон... У меня была даже тайная надежда, что если Гирш откажется от редактировання газеты «Sozialdemokrat», то Бериштейиа удастся провести на его место. Но для того, чтобы это удалось как следует, необходимо было установить сиосные личиые взаимоотношения между иовым редактором, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом — с другой. Поэтому я предложил Бериштейну отправиться со мною «В Каноссу» ², то есть в Лондон. Ои сейчас же согласился, и мы встретились с ини в Кале, так как у Беоиштейна былы кее оспования и всегать гоманской тероитором ³

Прибыв в Лондон, мы прежде всего отправились к Энгельсу, который в то время, когда мык нему припли, между 10 и 11 часами утра, еще сидел за утренини завтраком. Энгельс имел привычку ложиться не равъше 2 часов ночи. Он принял нас чрезвъчайно любезно, обратился ко мие сразу на «ты», так же как и Маркс, которого мы посетили после обеда. Энгельс, овдовенший незадолго до этого, предложил мие поселиться у него. Дин нашего совместного пребывания были, разумеется, использованы для основательного обмека миеняльни по всем вопросом.

В течение той недели, которую мы провели в Лондоне, —причем Энгельс, более подвижный и больше располагавший свободным временем, чем Маркс, часто являлся нашим гидом и показывал нам достопримечательности Лондона, — туда приехал Пауль Энигер, который совершал свою

¹ Бебель имеет в виду недоверие Маркса и Энгельса к Бериштейну, выступившему в 1879 г. в составе правосипортунистической «цюрихской тройки» (Бериштейн, Хёхберг, Шлами). Рел.

² Каносса — замок в Итвлии, куда отправился в 1077 г. германский император Генрих IV, чтобы вымолять процение у римского папы Григория VII, с которым он всл политическую боробу. В переносном смысле «кдти в Каноссу» — покаяться, согласиться на учизательную капитуляцию. Ред.

В Германии в то время действовал исключительный закои против социалистов, прииятый в 1678 году. На основании этого закона социал-демократическая партия и ее пресса были запоещемы, а часии вартии подвергально эспосестия. Ред.

емесодную поездку по Аиглын и как раз возвращался из Манчестера. В то единственное воскресенье, которое мы пробыли в Лондоне, мы с ним были приглашены на обед к Марксу.

С г-жой Жении Маркс я уже познакомился раньше. Она сразу авноевала мои симпатии. Это была женщина благородной внешности, умевшая
самым очаровательными и любезивым образом занимать своих гостей. Тогда
же я познакомился со старшей дочерью Маркса, тоже Женин, которая была
замужем за Лошге и пришла в гоств со своими цетьми. При этом я был
приятио поражен, когда увидел, с какой сердечностью и нежностью Маркс,
которого в то время наображали врагом рода человеческого, умел играть со
своими внужами и как эти последные были привязами к деду. Кроме старшей дочери Женин, на обеде присутствовали также обе младшие — Тусси,
черноглазая и черноволосая, была копией своего отца; Лаура, блондинка
с темными глазами, была больше похожа на мать. Обе они были очень краствые и живые.

Постороннего человека в семье Маркса поражало, что жена и дети навывали его «Мавром», точио у иего не было имени. Прозвище вто происходило от его черных, как смоль, волос, которые тогда уже сильно серебрились, так что только усы оставальсь черными. У Энгельса тоже было
интимиое прозвище. Семья Маркса и бликайшие знакомые называли его
«Темералом», причем слово это всегда произмосильсе по-силгийски —
«Дженерал». Прозвищем этим он был обязан своим работам по военным
вопросам, которыми он занимался с большой одотой. Его считали очень
компетентымым в военных делах и военной науке.

Когда накануме нашего отъезда я еще раз зашел к Марксу, жена Маркс провед меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней, и Маркс провед меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней дольше четверти часа. Но мы скоро так унаеклись беседой; что я забыл о ее осстоянии и вместо четверти часа просидел у нее больше получаса. Тогда Маркс потерял терпение и стал меня журить, что я «гублю» его жену. С, грустью прощался я с иею, потому что болезиь, которой она страдала, была неналечима. Больше я ее не видал. Она умера в следующем году.

Энгельс. был обаятельным, приветливым человеком... До коица своих дией он был необычайно работоспособен; имея уже семьдесят лет за плечами, он взялся за изучение румынского языка и с живым интересом следна за всеми событиями. Всегда веселый и хорощо илстроенияй, он обладал изумительной памятыю на всякие межнее анизуами и комичестие ситуации

своей бурной жизин. В веселом обществе он занимал этим всю публыку и оживаля беседу. Вечер, проведенный с ним, оставлял самые приятивые воспомивания. Беседа в кругу друзей и товарищей была всегда оживъенная, независимо от того, говорили ли на серьезные темы или находились в веселом настроении. Эшгельс располагал внушительным запасом вин и был доволен, когда гости воздавали ни должиес.

Иногда Энгельс устранвал открытые прнемы. Раньше 2—3 часов утра никто на посетителей не уходил домой. Я несколько раз гостил у него в Лондоне до 1895 года. Один раз он был мони гостем, когда в 1893 году уступил моим настоянням и предпринял путешествие на континент. Он посетил тогда конгресс Интернационала в Цюрихе, а затем Вену. Когда он умер, в возрасте семидесяти пяти лет, у меня было ощущение, словно умерла частица мосто «э». И это оцущение созделяли со мной многие.

На книзи: А Бебель «На моей живни», третья часть. Ленинград, 1925

II

ЖЕННИ МАРКС. БЕГЛЫЙ ОЧЕРК БЕСПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ

ЖЕННИ МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ЖЕННИ МАРКС — АДОЛЬФУ КЛУССУ

ЖЕННИ МАРКС — ЛУИЗЕ ВЕЙДЕМЕЙЕР

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ. ЗАМЕТКИ К ПИСЬМУ МОЛОДОГО МАРКСА

ЭДГАР ЛОНГЕ. НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КАРЛА МАРКСА

«ИСПОВЕДЬ»

ЖЕННИ МАРКС

БЕГЛЫЙ ОЧЕРК БЕСПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ'

10 июня 1843 года состоялась наша свадьба. Мы усхали из Крейциаха через Эбернбург в Пфальц и возвратились через Баден-Бадеи обратию в Крейциах, где и оставались до коица сентября. Моя дорогая мама с братом Эдгаром вериулись обратию в Трир. Карл и я в октябре приехали в Париж, где нас встретили Гервег и его жена.

Эдесь Карл и Руге издавали «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немеро-французский ежегодинк»). Издателем был Юлиус Фрёбель. Журиал перестал выходить после первого же номера. Мы жили и зулице Ваио в предместье Сен-Жермеи и общались с Руге, Гейне, Гервегом, Мёйрером,

¹ Автобнографические заметки Женин Маркс, относящиеся к 1865 г., дошан до нас в незавершениюм виде. Рукопись находилась в семейном архиве Лоиге и после смерти внука Маркса Эдгара Лоиге (в 1950 г.) была передана Ииституту марксизма-менинизма при ЦК КПСС Центральным Комитетом Французской коммучистической партин. Ред.

Толстым, Бакунниым, Анненковым, Бернайсом и tutti quanti ¹. Было много сплетен и ссор из-за пустяков. 1 мая 1844 года родилась Женинкен. В день похорой Лаффита я в первый раз вышла и за дому, а затем, шесть медель спустя, в почтовой карете поехала в Трир со смертельно больным ребенком...

В сентябое в сопоовождении коомнанцы-немки я возвоатилась в Париж с Женнихен, у которой было уже четыре зуба. Во время моего отсутствия Карла посетил Фридрих Энгельс. Осенью и зимой Карл работал над «Крнтикой контической коитики», которая была опубликована во Франкфурте 2. Гесс и его жена, Эвербек и Риббентроп, и в особенности Гейне и Гервег, составляли наш коуг. Вдоуг, в начале 1845 года, к нам явился полицейский комиссар и предъявил приказ о высылке, изданный Гизо по наущению прусского правительства. Приказ гласна: «Кара Маркс должен покинуть Париж в течение 24 часов». Мне лично был предоставлен более длительный соок, который я использовала для того, чтобы поодать мебель и часть белья. Продавать пришлось за бесценок, так как на переезд иужиы были деньги. На два дня меня приютили Гервеги. В начале февраля, больная, в страшный холод, я последовала за Карлом в Брюссель. Здесь, остановившись в отеле Буа Соваж, я впервые познакомилась с Гейиценом и Фрейлигратом. В мае мы поседналсь на удине Адьяис, за вооотами Сен-Лувен, в маденьком домнке, который сняли у д-ра Брёйера.

Едва мм там устронансь, как вслед за нами приехал Энгельс. Эдесь же был Генрих Бюргерс, который со своим другом д-ром Роландом Даниналом размскал нас еще в Париже. Вскоре после этого приехал также Гесс с женой; некий Себастьян Эейлер тоже присоединился к маленькому немецкому кружку. Он организовал корреспоидентское бюро, и маленькая инещкая колония жилы адесь довольно хорошо. К нам присоединилсь еще несколько бельгийцев, в том числе Жиго, и несколько поляков. Эдесь, в одном из чистеньких кафе, которые мы посещали по вечерам, я впервые познакомилась со старым Лелевелем в его синей блуже.

Энгельс в течение лета работал с Карлом над критикой немецкой философии— внешним толчком к этому послужило появление книги «Единственный и его собствениость» ³. Результатом этой работы явился общирный

^{1 -} миогими другими. Ред.

^{* «}Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Баувра и компании» (см. К. Маркс и Ф. Энтельс. Сочинения, 2 изд., т. 2, стр. 3—230). Ред.

³ Книга Макса Штириера «Der Einzige und sein Eigenthum» («Единетвенный и его собственность») вышла в свет в конце 1844 года. Ред.

труд, который должен был выйти в Вестфалани 1. Весной нас впервые посетил ИосифВейдемейер-Некоторое время он гостил у нас. В апрасе моя дорогая мама в помощь мие прислада в Брюссель свою собственную преданую служанку. С ней и с четыриадцатимесячной Женинкен я опять ускала к моей милой матери. У нее я пробыла шесть недель и за две неделн до рождения Лауры снова вериулась в нашу маленькую коломию. 26 сентября появилась и а свет Лаура. Мой брат Эдгар провел с нами зиму в надежде найти в Брюсселе работу. Он поступна в корреспоидентское бюро Зейлера, куда позднее, весной 1846 года, вошел и наш дорогой Вильгельм Вольф, крепости, в которой он просмдся 1 года за нарушение законов о печати. Он пришел к иам, и тогда возник тот тесный дружеский союз, который прекратился лишь со смертью нашего дорогого Лупуса в мае 1864 года. Зимой нас навещали Георог Юит и дле Шлежкер.

Между тем грозовые тучн революцин сгущались все больше и больше. Мрачио было и на бельгийском горизоите. Власти опасались прежде всего рабочих, социальной стихии народных масс. Полиция, войска, гражданская гваодия --- все было понзвано на зашнту, все находилось в боевой готовности. Тогда немецкие рабочие решили, что настало время и им взяться за оружне. Были приобретены книжалы, револьверы и т. д. Карл охотно предоставил для этого деньги: ведь он только что получил свою долю наследства. Во всем этом правительство видело заговор, преступный замысел: Маркс получает деньги и покупает оружие, значит его нужно удалить. Позяно иочью в наш дом вомваются два человека. Они тоебуют Каола. Когда он вышел, они представились как сержанты полиции, имеющие предписание арестовать Карла и привести его на допрос. Ночью они его забирают. В ужасе я бегу вслед за инм. разыскиваю влиятельных лиц. чтобы узнать, в чем дело. Бегу темной ночью из дома в дом. Вдруг меня хватает стража, арестовывает и бросает в мрачную тюрьму. Это было место, куда помещали бездомиых инших, безоодиых боодяг, несчастных падших женщин. Меня вталкивают в темиую камеру. Рыдая, я вхожу, и тут одна из несчастных жертв предлагает мие свое ложе. Это были жесткие деревянные нары. Я опускаюсь на иих. Когда забрезжило утро, я увидела у противоположного окна за железной решеткой мертвенно бледное, печальное лицо.

¹ Имеется в виду «Немецкая идеология», которую Марксу и Энгельсу не удалось напечатать. Впервые это произведение было полностью опубликовано Институтом марксизмаленнизмая при ЦК КПСС в 1932 году. Ред.

Подхожу к окну и узнаю нашего доброго старого друга Жиго. Увидев меня, он стал делать знаки и указал на помещение винзу. Я посмотрела туда и обнаружила Карла, которого как раз в это время вели под военным конвоем. Час спустя меня повели к судебному следователю. После двухчасового допроса, во время которого они у меня мало что выведали, жандарм проводил меня к карете, и под вечер я прнехала к монм трем бедным малоткам. Этот случай произвел большую сенсацию. Все газетья писали о нем. Сам Карл вериулся из-под ареста несколько позже, с предписанием тотчас же покниуть Боюссель.

Карл уже равыше намеревался возвратиться в Париж и с этой целью обратился к временному правительству Франции, чтобы отменили надавный Лун-Фламппом приназ о его высымке. Он тотчае же подучил подписанное Флоконом письмо, в котором временное правительство в самых лестных выражениях сообщало об отмене приказа. Таким образом, Париж снова был открыт для нас; где могли бы мы чувствовать себя тогда лучше, чем под только что засившим солицем новой революции! Туда, твердили мы, туда! Я поспешно уложнал свою вещи, продала то, что можно было прорать, но чемоданы со всем моим серебром и лучшим бельем оставила в Брюсселе на попечение кинготорговца Фёглера, который при моем отъезде проявил особую услужановость и готовность помочь.

Так мы уекали на Брюсселя после трехлетнего пребывания там. Был очень мрачный, холодиный день, и нам стоило многих усилий согреть маленьких детей, мадшему из которых едва исполнился год...

* * *

В коице мая ¹ Карл выпустил последний номер «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газеты»), напечатанный красным шрифтом. Это был знаменитый «красный номер», пыльяющий факел по форме и содержанию. Энгельс тотчас же примкиул к баденскому восстанию, в котором он принял участие как адъотант Виллика. Карл решил на некоторое время снова ускать в Париж, так как пребывание на немецкой земле стало для него невозможным ². Красный Волаф последовал за ини. Я сама отправилась с тремя мальящами через Бинген на мою милую старую родину в объятья

^{1 — 1849} года, Ред.

⁸ Выспользовавшись тем, что Маркс в 1845 г. вышел из прусского подданства, правительство выслало его в мае 1849 г. из Пруссии нак «иностранца», нарушившего «право гостеприимства». Ред.

моей дорогой матери. Из Бингена я ненадолго заехала во Франкфурт-на-Майне, чтобы снова превратить в звонкую монету только-что выкуплениую из брюссельского ломбарда серебряную посуду. Вейдемейер и его жена приняли меня самым сердечимы образом и очень помогла мие в этой ломбардной операции. Таким образом я сиова добыла демет на поездку.

Карл в сопровождения Красного Вольфа уехал в Пфальц и оттуда в Париж, где вскоре после этого демоистрация 13 нюня, организованная Ледро-Ролленом, положила конец мимолетным революционным грезами Ревкция проявлялась повсюду в своем самом зверском обличии. Венгерская революция, баденское восстание, революция, арижение в Итальин — все потерпело поражение; в Венгрии и в Бадене свирепствовали военно-полевые суды, и 50 000 французов во время превидентства Лун Наполеона, избранного на этот пост в конце 1848 года огромным большниством голосов, вступили в «город на холмах», чтобы оккупировать Италию 1. «L'ordre règne à Varsovie» и чае vice vicin за тот пост в конце 1848 года огромным большниством голосов, вступили в «город на холмах», чтобы оккупировать Италию 1. «L'ordre règne à Varsovie» и чае vice vicin за тот пост в конце в будений пароль опъвлению победой контореволюции. Вуржувамя вадохирла свободно, мелкая буржуваяя снова делала гешефты, мелкие имберальные филистеры показывалам кулаки в кармаме, рабочих высылами, подвергали репрессиям, а люди, которые пером и мечом боролись ва установление царства бедных и угнетенных, были счастлявы, ссли им удавалось на чужбине заработать себе на хдеб.

Карл во врема своего пребывания в Париже завязал связи со многими руководителями клубов и тайных рабочих организаций. В нюле 1849 года я последовала за ним в Париж, где мы пробыла месяц. Но даже н здесь ими не давалн покоя. В один прекрасный день к нам снова явилась знакомая фигура полнцейского сержанта с предписанием: «Карл Маркс н его жена должны покичуть Париж в течение 24 часов» Ему еще оказала и млость, предложив Ваин в Морбнане в качестве прибежнща. На подобную ссылку мы, конечно, не согласились, и я опять удожила свой небольшой багаж, чтобы найти в Лондоне надежное и спокойное поистанище.

Карл уехал в Лондои раньше меня. Там он жил в тесном общенни с Блиндом. Позднее туда прибыл также Георг Веерт. Он встретил меня, когда я приекала в Лондон, больная, изможденияя, с тремя измученимин крошками, и устроил меня у одного портного на Лестер-сивере в маленьких меблированных комнатах. Спешно была найдена более просторная квартира

* — «Порядок царит в Варшаве» и «горе побеждениым». Ред.

¹ Речь идет об интервенции французских войск в 1849 г. против Римской республики с целью восстановления светской власти папы. Ред.

в Челси, так как приближалось время, когда требовалось спокойное убежище. 5 ноября, — в то время как на улицах раздавальное возгласия «Да заравствует Гай Фокс»; и мальчиших в причудивых масках разъезжали по улицам на искусио сделаиных ослиных чучелах, — во время этого шума и гама родился мой бединый маленький генрих. В честъ великого заговорщика наш маленький пришелец был назван Фоксиком. Вскоре после его рождення к нам приехал бежавший из Бадена через Геную Энгельс. Еще до него прибыл Виллих и сразу обосновался у нас, обращаясь с нами за панибрата. Рако утром он являлся в нашу спальню вылитым Дон-Кихотом, в серой шерстяной фуфайке, с краскым платком, обвязанным вокруг талин вместо пояса, гогоча как истый пруссак, с намерением начать длиннейшие теоретнческие дебаты о столь «естчественном» коммунизым. Карл живо обрывал эти попытки... В Челси к нам впервые пришли также В. Пипер и В. Либкиех Коасимй Больф отполанся в Лонком еще вместе с Карлом.

Ежедиевио в Лоидон прибывали тысячи эмигрантов, все они испытывали большую или меньшую нужду, лишь немногие были обеспечены, все они были беспомощиы, жаждали и искали поддержки. Это был самый неприятный период в нашей эмигрантской жизии. Для оказания поддержки эмигрантам были организованы эмигрантские комитеты, проводились собрания, издавались обращения, вырабатывались программы, подготовлялись массовые публичные выступления. Во всех эмигрантских кругах начались раздоры. Различные партин мало-помалу полиостью разошлись друг с другом. Между немецкими демократами, с одной стороны, и социалистами, с другой, дело также дошло до официального разрыва, и даже среди рабочих-коммунистов произошел грандиозный раскол. Вожди фракций враждовали друг с другом самым ожесточенным образом, и клика, состоящая из всякого мелкобуржуваного сброда, одержимая стремлением к «подвигам» и «действиям», назойливо лезла вперед и влобио нападала на ту часть рабочих и на тех вождей, которые яснее разбирались в обстановке и уже тогда видели, что эра революций надолго закончилась. Больше всех преследовали Карла: на него клеветали, его поносили особенио влостио. К этому времени относится дувль между Конрадом Шраммом и Августом Виллихом.

Уже осенью 1849 года Карл начал вести переговоры в Германин относительно издания в Гамбурге «Revue», редакция которого находилась бы в

^{1 5} ноября — ежегодно отмечавшийся в Англян день «порохового заговора»; в этот день заговорщики, одним из которых был Гай Фокс, камеревались взоравть здание парламента вместе с члевамь обеки дилля и королем. Респ.

Аондоне. После бесконечных мытарств появилось 6 номеров журнала под навванием «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейпская газета. Политико-экономическое обозренные»). Успек этого «Кечие» был очень велик, но книготорговец, подкупленный германским правительством, вел деловую часть так плоко и небрежно, что вскоре стала очевидной невозможность подолжения этого поедпонятия.

Весной 1850 года мы были вынуждены покинуть наш дом в Челси. Мой бедиый маленький Фоксик постоянно болел; множество каждодиевных житейских забот очень подтачивали и мое здоровье. Притесияемые со всех сторон и преследуемые кредиторами, мм пересхали на недело в одну немецкую гостиницу на Лестер-сквер, но наше пребывание здесь было непродолжительным. Однажды утром наш любезный хозяни отказался подать нам завтрак, и мы вынуждены были искать себе другое жилище. Небольшая помощь моей матери часто спасала нас от самой горькой нужды. В доме одного еврея, торговца кружевами, мы нашли две комнатки, в которых мучались с нашими четыром детьми все лего.

Осенью того же года Карл со своими бликайшими друзьями окончательно порвал с эмигрантщиной и больше не принимал участия ни в одном ия ее выступлений. Он и его друзья выпыли из Просветительного рабочего общества... Энгельс, после тщетных попыток достать в Лондоне обеспечивающую его литературиную работу, уегал в Манчестер и поступна на весьма невыгодных условиях конторским служащим на фабрику своего отца. Все остальные напи друзья пыталсь зарабатывать на жизьы уроками и т. д. Этот и следующие два года были для нас годами величайших житейских забот, постоянной изнуряющей тревоги, всевозможных тяжких лишений и даже настоящей нуждых.

В августе 1850 года, несмотря на очень плохое состояние здоровья, я ренилась оставить моего больного ребенка и поехать в Голландню к дяде Карла в надежде найти там утешение и поддержку. Я ожидала рождения пятого ребенка и с отчаянием смотрела в будущее. Дядя, обозленный на революцию и на революционеров за неблагоприятное влияние революции на его дела и дела его склювей, находилася в отвратительном настроении. Он отказал мне во всякой помощи, но при расставании сунул в руки подарок для моего младшего ребенка, и я увидела, как ему было больно оттого, что он не может мне дать больше. Старим не подовревал, с какой тяжестью в сердце я расставалась с ним. Домой я вернулась в отчаянии. Мой бедный маленький Эдгар выскочна мне свои русовики. Но недолог сужденом протянум мне свои русовики. Но недолог сужденом вые было

¹⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

радоваться его ласкам. В иоябре хрупкое дитя погибло от приступа коивульсий, вываниямых воспалением легких. Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не пододъревала, что мне предстоят еще такие страдания, перед которыми все остальное покажется инчтожным! Вскоре после того, как было похоронено дорогое дитя, мы покинуль наленькую квартиру и налам другую на той же самой улице...

28 марта 1851 года у нас родилась девочка — Франциска. Бедную мамотку пришлось отдать кормилице, так как невозможно было, чтобы ребенок оставался вместе с нами в тесной квартире. Это был год большой всемирной выставки, и все устремились в Лондон. Весной приехал из Кёльпа Фрейлиграт, чтобы подмескать в Лондоне работу. Поздиее сюда приехал Лупус из Швейцарии, а также Дропке, Имандт и Шили. Еще раньше в Лондон опять прибы Зейлер, а также Гёц примкнул к кружку эмигрантов, группировавшихся вокруг Карла. 1851 и 1852 годы были для нас годами самых больших и одновременно самых мелочных забот, сграданий, разочарований и велякого рода лишений.

Весной 1851 года произошло еще одно событие, на котором я не хочу останавливаться подробней, но которое во много раз увеличило все наши житейские невзгоды и наши огорчения. Прусское правительство предъявило всем друзьям Карла в Рейнской провинции обвинение в опасной революционной деятельности и бросило их в тюрьму, где с ними обращались умаснейциям образом. Лашь в конце 1852 года суд начал открытое слушание дела, получившее широкую известность как кёльнский процесс коммунистов. Все обвиняемые, за исключением Даниельса и Якоби, были приговорены к трем и пяти годам тюремного заключения.

* * *

Вначале секретарем Маркса был В. Пипер, позднее я была возведена в этот ранг, и те дин, когда я сидела в маленькой комнатке Карла и переписывала неразборчиво иаписанные им статьи, остались у меия в памяти как самые счастливые дин в моей жизни.

В конце 1851 года Луи Наполеон совершил государственный переворот, и саумощей весной Карл написал книгу «Восемнадцатое брюмера», которая вышла в Нью-Йорке. Он работал над своим произведением в маленькой квартирке на Дин-стрит среди детского крика и домашней суеты. В марте я переписала рукопись, и она была отослана, но из печати она вышла звичительного поздиее и почти ничего нам ие примесла.

На пасху того же 1852 года наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильио страдала. Крохотное бездыханное тельце умершей покоилось в маленькой задней комнате. Мы все перешли в переднюю комиату и. когда наступила ночь, легли на полу, - трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все плакали о маленьком ангеле, который, холодный и побледневший, покоился возле иас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Наши немецкие друзья именно в этот момент не были в состоянии нам помочь. Эриест Джонс, который тогда часто и подолгу бывал у нас, обещал иам помощь. Но и ои ие смог этого сделать... Тогда я в смятении побежала к одному французскому эмигранту, который жил иеподалеку и иезадолго до этого посетил нас. Я просила его помочь иам в ужасной беде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлиигов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей было долго отказаио в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы провожали иашу девочку в последний путь!

Осенью 1852 года закончился, наконец, знаменятый процесс коммунистов. Карл написал брошюру, чтобы вывести на чистую воду гнусиости прусского правительства. Брошюра была напечатана в Швейцарии у Шабелица, но прусское правительство конфисковало ее на границе и уничтожило. Клусс в Америке напечатал брошюру заизово, и это новое издание затем шновою распространялось на континенте.

В 1853 году Карл регулярно писал по две статьи для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской трибуны»), они вызывали в Америке сеисацию. Благодаря этим регулярным доходам мы смогли до некоторой степени разделаться со старыми долгами и жить спокойно. Дети росли миловидными созданиями и развивались духовно и физически, хотя мы все еще жили в импей маленькой тесной квартире. Карл, поддерживавший во время своего пребывания в Лондоне постоянную связь с чартистами и писавший статьи для «Реорle's Рарег» («Народной газеты») Эриеста Джонса, летом этого года поместил в упомянутой газете некоторые из статей, напечатачных ранее в «Тпібипе»... В ответ на исключительно злобные выпады Виллика, появившеся в Америке, Карл иаписал маленькую брошюру «Рыцарь благородного сознания», которая также была иппечатана в Америке и заставила навсегда умолкнуть этого рищаря с его злобной своюй.

Рождество 1853 года было первым веселым праздинком, который мы прасмен в Лоидоне. Тяжелые каждодиевно гримуще нас заботы прекратились благодара связи Карала с «Тлічне». Дети легом почти все время проводили на свежем воздухе, резвясь в парках; в этом году у нас были вишии, земляника и даже виноград. На рождество друзья принесла нашему милому трилистинку предестиви подарки. Там были и куклы, и ружель, и кухонная посуда, и барабаны, и трубы. А тут еще поздио вечером пришел Дронке, чтобы украсить саку. Какой это был счастливый вечер! Неделю спустя у нашего дорогого Эдгара обнаружились первые привнаки той неизасчимой болезни, которая через год унесла его. Если бы мы тогда могли покинуть тесную, нездоровую квартиру и увезти ребенка к морю — может быть, его удалось бы спасти. Но что случилось, того уж не вериешь!.

В сентябре 1855 года мы снова вериулись в нашу старую штаб-квартиру на Дин-стрит, с твердым намерением покинуть ее как только маленькое английское наследтво избавит нас от цепей и уз, которыми нас опутывалы булочники, мясники, молочники, торговцы углем, зеленщики и им подобиме «вражеские силы». Наконец, весной 1856 года мы получили небольшую спасительную для нас сумму. Все долги были выплачены— серебро, белье, одежда снова вериулись из изгнания в ломбарде на свое прежнее место, и я, одевшись во все новое и свежее, отправилась в последний раз с тремя оставшимися малютками на свою старую, милую сердуу родину...

Зиму мы прожили в полнейшем уединении. Почти все наши друзья покинули Лондон; те немиогие, которые остались, жили от нас слишком далеко, и, кроме того, наш маленький милый домик,- несмотря на его миниатюрные размеры, он казался нам дворцом по сравнению с прежними квартирами, — был почти недоступен. К нам не было настоящей дороги, все вокруг находилось в процессе зарождения и стройки: нужно было пробираться через кучи мусора, и тяжелая глинистая почва красиоватого цвета в дожданную погоду коепко понанпала к подошвам, так что часто после утомительной борьбы мы приходили домой с центнером грязи на ногах. К тому же в этих варварских местах царил мрак, и вместо того, чтобы по вечерам отваживаться на борьбу с темнотой, мусором, глиной и кучами камней, люди предпочитали сидеть у теплого камина. Я всю зиму очень болела, и меня постоянно окружала целая батарея лекарств. Прошло много времени, пока я привыкла к этому полному одиночеству. Я часто тосковала по своим продолжительным прогудкам на оживленных удицах Вест-Эида, по собраниям, по нашим клубам и излюбленной таверне, где велись задушевные

беседы, за которыми я так часто забывала на некоторое время житейские невзгоды. К счастью, я продолжала два раза в неделю переписывать статьи для «Tribune». благодаря чему всегда была в курсе мировых событий.

В середине 1857 года американские рабочие вновь оказаальсь перед лицом жестокого торгового криянса. «Глібные» снова выразила нежелание
оплачивать по две статьи в недело и, таким образом, из-за этой бреши в докодах наша казна опять снльно опустела. К счастью, Дана издавал в то
время «Новую американскую энциклопедию», и Карлу было предложено
присмлать статъи по военным и экономическим вопросам. Так как это пропросматом очень нерегулярно, а подрастающие дети и большая квартира
требовали более значительных расходов, то это время никак нельзя назвать
временем процветания. Не было настоящей иужды, но зато были постоящные денежные затруднения, мелочные заботы и подсчеты. Несмотря на все
ограничения, нам никак не удавалось свести концы с концами, и поэтому с
каждым днем и с каждыми годом боемя долого все озовастало.

Шестого нюля у нас роднася седьмой ребенок, но лишь для того, чтобы один раз вздохнуть и быть унесениым на кладбище к другим дорогим братьям и сестрам.

Детом 1857 года возвратился из Америки наш старый добрый Конрад Шрамм, но, к сожалению, таким больным, что мы с первого же вэгляда понали: он безнадежен. Шрамм пробыл еще 6 недель в немецком госпитале, а
потом уехал на остров Джерси. Здесь он встретился с Фридрихом
Зигельсом, который уже год как бил тяжело, очень тяжело болен и некал
там нецеления и восстановления сил. Карл посетил на острове обоих дружей
в сентябре этого года и возвратился, нагруженный фруктами, орехами и виноградом. Уже в январе 1858 года мы получили через Джумиана Гарии, который редактировал в Джерси газету, известие о кончине нашего дорогого
доруга Шрамма.

1858 год не принес нам ин плохого, ин хорошего; это был год, когда одноей книгой «К критняке политической экономии», для которой он уже миого лет собирал материал. Лассаль, с которым он был в дружеских отношениях с 1848 года, нашел для книги издателя в Берлине в лице Франца Дункера. Весной 1859 года Карл отправнл переписанную мной рукопись, и из Берлина испрерывно поступали листы корректуры, поэтому печатание, сетественно, очень затянулось. Но еще больше оно затянулось потому, что Лассаль стращно спешил издать «зажигательное произведение», свою драму «Франц фон Зиквиген», и Дункер, как его близкий друг, распорядикся

печатать се раиьше кинги Карла. Летом 1859 года вспыхиула также так инзываемая via-sacra I, итальянская война между Францией и Австрией.
Энгельс издал брошюру «По и Рейн», и, раззадоренный ее успехом, Лассадь тоже выпустил брошюру «Итальянская война».

В Лондоне Элард Бисками издавал еженсаельную газету под назвавием «Volk» («Народ»). Карл принимал участие в ее издании. Как и Энгельс, он писал для нее миого статей. В газете «Volk» была перепечатана написания К. Блиндом листовка, текст которой был сообщен позднее Либинехтом аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газете»). Эта дистовка послужила поводом для клеветинческих иападок К. Фогта на Карла. Фогт издал брошнору, содержавшую гнуснейшую ложь о Карле. В течение 1860 года Карл собирал материал, чтобы одини ударом положить конец клевете, которую вся немецкая пресса, окрыляемая «новой эрой», соп атоте 2 распростраияла по городам и селам. Ему нужно было «одним ударом убить семеры».

Весной 1860 года умер отец Энгельса. Материальное положение
эвключенным ранее невыгодным договором, срок которого истек лишь в
1864 году; с этого времени Энгельс стал во главе дела как ксмпаньон.
В августе 1860 года я снова провела две недели в Гаствитес со своими
детьми. Возвратившись оттуда, я начала переписывать книгу, которую написал Карл против Фотта и его сообщинков. Она была напечатана в Лоидоне и появнялась лишь после больших холоот в коице декабря 1860 года.
Я тогда как раз была опасно больши холоот в коице декабря 1860 года.
Я тогда как раз была опасно больших холоот в коице декабря 1860 года.
Я тогда как раз была опасно больши холоот в коице декабря 1860 года.
Я тогда как раз была опасно больши холоот в коице декабря 1860 года.
Я тогда как раз была опасно больша оспой; к тому времени я иемпого
оправилась от ужасной болезни, так что могла, несмотря на полуслепые
глава, прочитать книгу «Господии Фотт». Это было очень мрачное
время, трое детей иашли убежище и гостеприимимй прием у верных Либкнехтов.

Как раз в это время появились первые предвестники великой гражданской войны в Америке, которая изчалась поэдиее, весной. Старая Еврас ее инчтожными устарешими битвами питмеев перестала интересовать Америку. «Тribune» сообщила Карлу, что она по финансовым соображениям принуждена отказаться от всех корреспонденций и поэтому не нуждается пока в сотрудичичестве Карла. Удар был тем чувствительней, что все другие источники дохода полностью иссякли, а все предпринятые мерм ни

² — буквально: священная дорога. Ред.

 ⁻ любовно. Ред.

к чему не привели. Тажело было также, что это бедственное положение наалось как раз тогда, когда старшие девочки вступали в прекрасную золотую пору перной юмости. Мы снова вернулись к пережитым десять лет тому
ивазад страданиям, заботам и лишениям, с той только разницей, что тогда
их терпели пятьи и шестилетние дети, не сознавая, в емя дело, а теперь, через десять лет — вполне сознательные цветущие пятнадцати- и шестнадцатилетние девушки. Таким образом, мы на практике убедились в правоте немещкой поговорки: «малыме дети — мальне заботы, большие дети — большие
заботы». Летом 1860 года мы взяли к себе на 2 месяца Эккариуса, который
бим лючев, болен.

Весной 1861 года Карл поехал в Германию, так как было настоятельно исобходимо раздобыть денег. На рождестве умер король Пруссии, так навываемый «гениальный», чтобы освободить место «поекрасному Вильгельму» 1. Капрал издал амнистию, которой Карл воспользовался, чтобы съездить в Геоманию и выяснить вновь создавшуюся обстановку. В Беолине он жил у Лассаля и часто встречался с графиней Гацфельдт. Оттуда он отправился в Голландию к своему дяде Леону Филипсу, который поистине великодушно одолжил ему деньги без пооцентов. Он веонулся в сопровождении Жака Филипса из Боммеля как раз ко дню рождения Женнихеи, которой исполиялось 17 лет. С помощью полученных денег наш утлый корабль снова сошел с мели, и мы некоторое время весело плыли дальше, хотя метались всегда в мутной воде, между подводными скалами и мелями, между Сциллой и Харибдой. Летом 1860 года старшие девочки вышли из школы и стали брать лишь по отдельным предметам частные уроки, котооые давались в колледже и не для школьников. Они продолжали заниматься французским и итальянским языками у г-на Кольма и синьора Маджони: Женни до 1862 года брала также уроки рисования у г-иа Олдфилда. Осенью старшие девочки начали учиться пению у г-на Генри Баннеоа.

В сентябре 1861 года Карлу удалось черев посредство А. Дана снова завязать прежние сношения с «Тribune», ои должен был посылать по одной статье еженедельно. Одновременно он повыакомился через одного кузена Лассаля с редактором венской газеты «Presse» («Пресса»), который предложил еми стать сотрудником этой «либеральной» газеты. К сожалению, и то и другое продолжалось только одну зиму. Весной 1862 года прекратилась

¹ Речь идет о смерти короля Фридриха-Вильгельма IV (1861 г.), преемником которого стал Вильгельм I. Ред.

всякая работа для «Tribune»; сотрудничество Карла в «Presse» также све-

В течение всей весны 1863 года Женнихен очень болела и находилась под постоянным наблюдением врача. Кара также чувствовал себя в высшей степени плохо. После пребывания у Энгельса, которого он регулярно посещал все годы, начиная с 1850 года, ему не стало лучше. Мы снова провелн 3 недели у моря в Гастингсе, где пробыли 12 дней вместе с Г. Баннером. Кара заехал за нами туда, но выглядел очень скверно и все время недомогал, пока в ноябое того же года это не выдилось, наконец, в ужасную болезнь — карбункулез. 10 ноября был вскрыт страшный нарыв, но и после этого жизнь Карла еще долго находилась в опасности. Целых четыре недели продолжалась тяжелая болезнь, которая была сопряжена с сильнейшими физическими муками. К этим физическим страданиям присоединялись еще другие непонятные заботы и всякого рода душевные мучения. Доктор рекомендовал Карлу перемену климата как особенно целительное и благотворное средство, и Кара, едва выздоровев, в разгар зимы, отправнася в Германию. в Трир, для приведения в порядок дела о наследстве своей матери; мы беспоконансь за него и горячо желали успеха. Он пробыл там недолго у своего зятя Коноади и сестом Эмилии, заехал во Франкфурт к тетушке, сестре отца. Оттуда он поехал в Боммель к своему дяде, который вместе с Неттхен окружил его самым заботливым уходом, ибо, к сожалению, он снова нужлался в нем, как и во воачебной помощи. Едва он поиехал в Боммель, как еще незалеченная болезнь вспыхнула с новой силой и вынудила его остаться в Голландии с рождества до 19 февраля. Какое это было ужасное время эта одинокая, безотрадная зима! С небольшой долей наследства, которую Кара тут же привез наличными, мы получили возможность вырваться из цепей и уз долгов, ломбарда и т. д. К счастью, мы нашли очень хорошую, здоровую квартиру, которую обставили довольно удобно и относительно элегантно. На пасху 1864 года мы переехали в новый, приветливый, расположенный на солнечной стороне дом, с просторными светлыми комнатами.

Второго мая 1864 года мы получили от Энгельса письмо с сообщением о тяжелом заболевании нашего верного доброго старого друга Лупуса. Карл тотчас же поспешил к нему, и верный друг на мгновение узнал его. Деватого мая он скончался. В своем завещании, наряду с некоторыми другими лицами, получившими небольшие суммы, он назначил Карла, меня и детей споими главными наследниками. Только теперь впервые выясинлось, что этот непритизательный, так скромно живший человек, благодаря исключительному трудолюбию и напряжению сил, скопил довольно значительное состояние в 1000 фунтов стерлингов. Ему не суждено было спокойно и беспечно воспользоваться на старости лет плодами своих трудов. Нам же он принес помощь, облегчение и год жизни, свободной от забот. Здоровье Карла, которое продолжало оставаться очень шатким, требовало непременного пребывания летом на море. Он поехал с Жении в Рамсгет, куда позднее за ним последовали Лауов и Тусси...

В течение года Карлу удалось найти нэдателя для своего большого экономического труда. Мейсиер в Гамбурге взядся опубликовать это произведение на сравнительно выгодных условиях. Теперь Карл усиленно занялся завершением труда...

В июле 1862 года нас посетил Фердинанд Лассаль. Он с трудом нес бремя славы, которую стяжал себе как ученый, мыслитель, поэт и полнтический деятель. Свежий лавровый венок еще покоился на его олимпийском челе и благоухающих кудрях или, скорее, на непокорной, жесткой шевелюре негра. Он только что победоносно закончил итальянский поход — великие люди действия готовили новый политический переворот. Сильная больба раздирала его душу. Он не затронул еще многих отраслей науки! Оставалась еще неприкосновенной египтология — «должен ли я теперь удивить мир как египтолог или же проявить свою многогранность как человек действия, как политик, как борец, как солдат?» Великая дилемма! Он не мог разобраться в собственных мыслях и чувствах, и эта внутренняя борьба часто выражалась невероятно бурно. Он как вихрь проносился по нашим комнатам, громко разглагольствуя, жестикулируя и часто возвышая голос до такой степени, что наши соседи, испуганные этим невероятным конком. справлялись, что у нас случнлось. Это была внутренняя борьба «великого» человека, которая выражалась в произительных диссонансах. Известие о тяжелой болезни отца вастало Лассаля в Лондоне. Он расстался со своим верным псом Лотаром Бухером, который во время выставки 1862 года исполнял пон нем обязанности курьера, наушника, посыльного и организатора развлечений...

Лассаль поспешил уехать от нас, где его мания величия встречала мало симпатин, в Швейцарию. Там, в кругу меслики мужей», он нашел то, чего жаждала его душа: большее расположение к себе и большее поклошение.

¹ Речь илет о «Капитале». Рел.

В окружении клеветников и прихлебателей он чувствовал себя как дома. Он вернулся в Берлии и вместо того, чтобы проявить себя как египтолог, солдат, политический деятель, поэт или мыслитель,— он избрал еще непроторенный путь — путь мессии рабочих. Шульще-Делич уже много лет возглавлял движение рабочих за создание ссудосберетательных касс — Лассаль вместупил против него, и тогда началась «новая эра эмаисипации рабочих — движение, какого Европа еще не видывала, великое, едииствению возможное совобождение угнетенных классов путем прямого избирательного права и всеобщего равноправия». Лассаль объезжал Гермаиню в качестве мессии и апостола, одна за другой следовали брошюри, и возникло рабочее движение, с которым правительство молчаливо мирилось и таким образом косвению поддерживало его, ибо это движение было ему очень наруку в его политической борьбе с развивающейся и довольно-таки мешающей ему партней прогоссистов.

Что касается «лассалевского учения», то оно состояло из бессовестного плагиата доктрин, разрабатывавшихся Карлом в течение 20 лет, и нескольких собственных добавлений чисто реакционного характера, из чего получилась весьма своеобразиая смесь правды и вымысла. И все же это импонировало рабочему классу. Лучшие из рабочих правильно понимали суть дела, а вся остальная масса, проникнутая еще мелкобуржуваным духом, цеховщииой, с фанатическим воодушевлением предавалась иовому учению, ослепленная его фальшивым блеском, и тянулась к новому мессии, которому создавался ни с чем не сравнимый в истории культ. Священный фимиам, распространяемый этими элементами, одурманил половину Германии, и сейчас еще, когда Лассаль покоится на тихом еврейском кладбище в Бреславле, убитый в Женеве на дувли валашским юнцом, продолжается курение фимиама, шествия со знаменами и возложение лавровых венков. Лассаль оставил завещание, по которому ои назначил графиню Гацфельдт своей главиой иаследницей и предназначил значительные суммы другим своим «новым швейцарским друзьям». Против завещания заявили протест мать и сестра Лассаля, и процесс по этому поводу еще не закончен. Одновременно Лассаль иазначил своим преемником по руководству рабочим движением Берихарда Беккеоа.

На рождество вышла издаваемая Швейцером и Хофштеттеном газета «Social-Demokrats «Социал-Демократ»), «орган лассальянцев». Карл и Энгельс обещали сотрудничать в ней. Но очень скоро они выпуждены были порвать с этим реакционным предприятием, целиком продавшимся.

правительству. Следствием их заявления была иовая травля Карла—
и по сегодиящимй деиь мелкобуржуваная клика влобствует, бескурется и
воет на все лады в своих печатимх органах и брошнорках. Вильгельм Либкнехт, который в августе 1862 года поселился в Берлине, слишком тесию
связался с этой шайкой, дал себя одурачить ею и интритующей вместе
с ией графиней Гацфельдт, — и теперь вынужден дорого расплачиваться
за свое лектоверие.

Печетается с некоторыми сокращениями по рукописы: Jenny Marx. «Kurze Umrisse cines bewegten Lebens» (Женни Маркс. «Белямй очерк беспокойной живни») Перевод с немецково Публикуется вперама

ЖЕННИ МАРКС— ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

20 мая 1850 г.

орогой господин Вейдемейер!
Почти год прошел с тех пор, как я встретила у Вас н Вашей милой жены такой дружеский, радушный прием, с тех пор, как я так корошо, как дома, чувствовала себя, живя у Вас. И все это время я не подавала никаких признаков жизни. Я не ответила, когда Ваша жена написала мие такое приветанове шксью. Я промолчала даже тогда, когда мы получилы нявестие о рождении Вашего ребенка. Это молчание часто очень удручало меня, но в большинистве случаев я не в состоянии была писать; да и сегодня это дается мие с большим трудом.

Однако обстоятельства заставляют меня взяться за перо — прошу Вас, пришлите нам, как можно скорее, деньци, которые поступили или поступят за «Revue» ¹. Мы в них очень, очень нуждаемся. Никто, комечно, не может нас упрекнуть в том, что мы когда-лябо подчеркивали, сколько жертв нам пришлось принести и что мы пережила за эти голы. Публика мало, вериев почти совсем не осведомлена о наших личимх делах, мой муж очень щепетилен в этом отношении и скорее помертвует последним, чем сотласится на демократическое попрошайничество, которым занимаются официально

^{1 — «}Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская гавета. Политико-экономическое обозрение»), Ред.

признаниме «велине мужи». Но чего он мог бы, казалось, ожидать от своих друзей, в особенности кёлыских, так это деятельной, энергичной поддержим его «Revue». На эту поддержку он прежде всего мог рассчитывать там, где было известно, какие жертвы он принес для «Neue Rheinische Zeitung». Вместо этого дело было совершенно загублено из-за небрежного и беспорядочного его ведения; трудно сказать, что причиным больше вреда — то ли затяжка по вине кинготорговца или по вине стоящих во главе дела и знакомых в Кёльне, то ли вообще все поведение демо-кратов.

Моего мужа здесь совсем замучнан самые мелочные житейские заботы. И все это принимало такую возмутительную форму, что потребовалась вся его энергия, все его спокойное, ясное, молчаливое сознание собственного достониства, чтобы выстоять в этой ежедневной, ежечасной борьбе. Вы знаете, дорогой Вейдемейер, какне жертвы принес мой муж ради газеты. Он вложил в нее тысячи наличными, он стал единственным собственником газеты — его толкнули на это добродетельные демократы, которым иначе пришлось бы самим отвечать за долги -- и это в такое время, когда уже почти не оставалось надежды на успех. Чтобы спасти политическую честь газеты, чтобы спасти гражданскую честь кёльнских знакомых, он взял на себя все тяготы, продал свою скоропечатную машину, отдал все поступившне деньгн, а перед уходом взял взаймы триста талеров, чтобы заплатить за наем нового помещення, выплатить гонорары редакторам и т. д., - а ведь он подлежал насильственной высылке. Вы знаете, что себе мы ничего не оставнаи. Я поехала во Франкфурт, чтобы заложить свои серебряные вещи, последнее, что у нас было. В Кёльне я поручила продать мою мебель, так как существовала опасность, что все будет описано за долги. Когда наступил влосчастный пернод контрреволюции, мой муж отправился в Париж. Я последовала за ним с монми тремя детьми. Не успел он обосноваться в Паонже, как его опять выслали, даже мне самой и монм детям было воспрещено дальнейшее пребывание там. Я снова последовала за ним, в Англию. Через месян роднася наш четвертый ребенок. Надо знать Лондон и здешине условня жизни, чтобы понять, что значит трое детей и рождение четвертого. За одну только квартноу мы должны были платить 42 талера в месяц. Все это мы моган оплачивать из денег, которые мы достали, но наши небольшие средства иссякан с выходом «Revue». Несмотря на соглашение, деньги не поступали, а если и поступали, то лишь отдельными мелкими суммами, поэтому мы очутились здесь в самом ужасном положенин.

Я опишу Вам без прикрас только один день нашей жизни, и Вы увидите, что, пожалуй, немногие эмигранты испытали нечто подобное. Так как кормилицы здесь недоступны, я решила сама кормить своего ребенка, несмотря на постоянные ужасные боли в груди и спине. Но мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скоытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдал от острых болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух-трех часов. В последнее воемя к этому поибавились еще сильные судороги, и ребенок все воемя был между жизнью и смертью. Из-за этих мучений он так сильно сосал, что v меня заболела гоудь, появились тоещины на гоуди: часто коовь текла в его откомтый, доожащий оотик. Так сидела я с ним однажды, как вдоуг появилась хозяйка нашего дома. Мы заплатили ей в течение зимы свыше 250 талеоов, а остальные деньги, по контоакту, должны были уплатить не ей, а ее лендлорду, который еще раньше описал ее имущество. Она отказывается от контракта и требует 5 фунтов стерлингов, которые мы ей еще были должны. Так как денег у нас не оказывается (письмо Наута пришло слишком поздно), являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье, — все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Они угрожали через два часа забрать все имущество. -Я, с моей больной грудью, осталась бы тогда на голом полу с моими дрожашими от холода детьми. Наш доуг Шоамм спешит в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскакивает из экипажа и его, окровавленного, приносят к нам в дом, где я сидела в слезах с моими бедными доожащими детьми.

На следующий день мы должны были оставить квартиру. Было холодио, пасмурно и дождливо. Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец нам оказывает помощь один друг, мы уплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплачиты аптекарю, булочнику, мясинку и молочнику, напутанным скандалом с описью имущества и виезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные кровати выносят из дома, погружают на тележку — и что же происходит? Было уже поздно, после захода солица, вывозить вещи в такое время запрещается английским законом, и вот появляется
хозяни в сопровождении полицейских и заявляет, что среди могм могут
быть и его вещи, и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти
минут как перед нашей квартирой собралось не менее двухсот-грехсот зевак,
весь сбород из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупатель омято

было лишь на следующее утро, после восхода солнца. Когда, наконец, продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить все до копейки, я переехала с моими мильми мальшами в наши теперешние две комнатки в немецкой гостинице на Лестер-стрит 1, Лестер-сквер, где мы более или менее сносно устроились за 5½ фунтов стерлингов в неделю.

Простите, дорогой друг, что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескоомно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки мои дрожат и мне хочется хоть раз изаить душу одному из наших старейших, аучших и вернейших друзей. Не думайте, что эти стоадания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива, я поинадлежу к немногим счастливицам, потому что оядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелких невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи. Но не подумайте, дорогой Вейдемейер, что мы к кому-нибудь предъявляем претензии. Единственное, чего мой муж вполне мог требовать от тех, с кем он делился своими мыслями, кому он оказывал поддержку, служил опорой, так это проявления большей деловой энергии, большего участия к его журналу. Я могу с гордостью и смелостью это утверждать. Это немногое они должны были сделать для него, от этого никто бы не пострадал. Вот это-то и огорчает меня. Но мой муж думает иначе. Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее, всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежиостью ласкающихся к своей мамочке. Он не знает. что я так обстоятельно написала Вам о нашем положении, поэтому, дорогой Вейдемейер, не ссылайтесь на эти строки. Он знает только, что я Вас просила от его имени по возможности ускорить получение и пересылку ленег.

До свиданья, дорогой друг! Передайте самый сердечный привет Вашей могой жене и поцелуйте Вашего крошку от имени матери, уронившей не одну слезу на своего мадаеща. Наши трое старших детей прекрасно себя чувствуют, вопреки всему. Девочки красивые, цветущие, веселые, приветливые, а наш толстый мальчугаи полон юмора и самых забавных затей. Бесенок по цельм дили поот с и себичайным пафосом и весьма громким голосом. Весь

дом дрожит, когда он во весь голос распевает слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж., нюнь, пора свершений! Мы жаждем подвигов и дел.

Быть может, всемирно-историческое призвание этого месяца, как и его двух месчастливых предшественников 1, состоит в том, чтобы начать гигантскую борьбу, в которой мы все снова будем сражаться рука об руку.

Будьте здоровы!

Напечатено в журнале «Die Neue Zeit» («Новае время»), т. 2, 1906—1907 гг. Перевод с нежешкого
Печетается по тексту журнала,
сверенному в фотомописй рукописи

¹ Имеются в виду вюль 1848 г. — поражение парижского пролетарната и нюнь 1849 г. — неудачный исход кампания за вмперскую конституцию в Юго-Западной Германии. Ред.

ЖЕННИ МАРКС-АДОЛЬФУ КЛУССУ В ВАШИНГТОН

Дондон, 28 октября 1852 г.

орогой г-и Клусс!
Вы, наверное, следите за громким процессом коммунистов по «Коїпізсів Zеіtuпр» («Кёльиской газете»). Заседание 23 октября придало всему делу такой великолетный, интересный и выгодный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает день и иочь, работает головой, руками и ногами. Крайняя занятость мужа — вот причина, почему я сегодия виовь выступаю перед Вами в качестве замешаношего его коросспоидентя.

Близкий друг г-на Виллиха, г-и Дитц, находящийся сейчас тоже в Америке, дал украсть все бумаги виллиховской клики — писма, протоколы и т. п. Эти документы были предържаемы обявиением как докозательство опасной деятельности партии. Чтобы доказать причастиость обявияемых к этому делу, была выдумана версия о связи моего мужа с известным шпионом Шервалем. Таким путем моего мужа лживо изобразили связующим звеном, перекидывающим мост между кёлыскими теоретиками и людьми действия, поджигателями и грабительми в Лондоно. Штибер и прокуратура ожидали, что это произведет колоссальный эффект, но вся их версия рассялась как дым. Тогда потребовались извые сенсации, отсюда паутина лжи, сильетныма ими на заседании 23 октября.

Все утверждения полицин — чистейшяя ложь. Она крадет, поддельвы заламывает письменные столы, дает ложиме присити, лексвидетельствует и, вдобаюх ко всему, считает, что ей все дозволено по отношению к коммунистам, поскольку они поставлены вие общества. Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой полиция, в лице самой гиуской своей фитуры, присванявает себе все функции поркуатуюм, отодвигает Зедта на задний план, выдает незасвидетельствованные записки, простые слуки, доиссения, спленти за действительно установленные судебным путем факты и доказательства. Свидетельства того, что все это фальсифицировано, надо было доставлять отсюда. Моему мужу приходилось, таким образом, работать днем и ночью. Чтобы разоблачить полицейские махинации, надо было представить официально заверенные свидетельские показания хозяев, а также официально удостоверенные почерка минымх составителей протоколов — Анбкиехта и Рингса. А затем все документы, переписанные в шести и даже восьми копизх, надо было отправлять в Кёльи самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отскола в Кельи, вскрываются и покищаются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией, с одной стороны, и моим мужем, с другой; ему приписывают решительно всё, всю революцию и даже руководство пороцессом.

В довершение всего Штибер обвинил теперь моего мужа в том, что он австонйский шпион. Тогда мой муж отыскал великолепное письмо, написанное ему Штибером во времена «Neue Rheinische Zeitung» и действительно скандальное для Штнбера 1. Кроме того, мы нашли письмо Беккера, в котооом он насмехается над гаупостями Виланха и над его «военными заговорами». Из ненависти к Беккеру Виллик здесь, в Лондоне, подучил свидетеля, лейтенанта Генце, от которого получал до последнего времени подачки. Короче говоря, выявятся такие вещи, которые показались бы невероятными. если бы не были нам доподлинно известны. Все эти полицейские истории отвлекают публику, а вместе с тем и присяжных от существа самого обвинення протнв коммунистов, и ненависть буржуазии к этим ужасным поджигателям парализуется отвращением к подлости полиции, поэтому мы можем сейчас рассчитывать даже на оправдание наших друзей. Борьба с этой официальной властью, вооруженной золотом и всевозможными боевыми соедствами, безусловно представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги. власть и прочне преимущества, тогда как мы частенько не знаем, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма, и т. д. и т. п.

Прилагаю заявление, посланное сегодня в газеты за подписью Фрейлиграта, Маркса, Энгельса и Вольфа ². Мы посылаем его сегодня в «Tribune». Вы также можете его опубликовать.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 538-539. Ред.

² См. там же, стр. 600—601. Ред.

Простите меня за это бестолковое письмо, ио я тоже принимаю участие во всей этой истории и мне приходится столько переписивать, что пальцы иемеют. Отсюда сумбуриое письмо. Ваша статья в «Turnzeitung» («Спортивной газете») эдесь очень понравилась. Муж мой считает ее превосходиой и в особенности блестящей по стилю. Остальные предпочли бы, чтобы Вы меньше теоретизировали и чтобы Вы оставались прежими остроумими и веселым Клуссом.

Только что прибыми от Весрта и Энгельса целме кипы купеческих адресов и миимо-коммерческих писем, чтобы без риска пересмлать документы, письма и пр. Получили сейчас «Kölnische», поляую иовых невероятию скавидальных историй. И сиова две депеши мемедленно отправляются по купеческим адресам. У нас теперь тут целая квицелария. Явострое пишут, другие бегают по поручениям, третън раздобывают пексы, чтобы писцы могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательства исслыханиейшего скаидала. А вдобавок ко всему раздается пение и свист трех монк неутомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего папаши. Во стуматока-то

Прощайте, дорогой г-и Клусс, и напишите поскорее Вашим друзьям.

С высочайщего сонзволения

Женни Маокс.

Печатается по фотоколим рукопис

Перевод с немецкого олностью на русском комке публикуетс впервые

ЖЕННИ МАРКС— ЛУИЗЕ ВЕЙДЕМЕЙЕР

11 марта 1861 г.

М оя дорогая госпожа Вейдемейер! Сегодня утром получила Ваше милое письмо и, чтобы Вы зиали, как я от всей души ему обрадовалась, сразу же сажусь и очень подробно пишу обо всем. Из Ваших приветливых строк вижу, что Вы рады что-ни-будь услышать о нас и попрежиему дружески вспоминаете нас, как и мы Вас.

Да и разве это возможию, чтобы такие старме партийиме товарищи и друзья, которым судьба уготовила почти один и те же страдания и радости, один и те же светаме и мрачиме дии, стали когда-инбудь чужими друг другу, иссмотря иа время и океаи, разделявшие нас. И вот я протягиваю Вам руку из далека как мужественному, верному товарищу по борьбе, страданиям и испытаниям. Да, моя дорогая госпожа Вейдемейер, у изс обеих довольно часто бывало мрачио и тяжко на душе, и я слишком хорошо представляю себе всю Вашу борьбу, заботы и лишения, ведь я часто переживала то же самое. Но страдания закаляют, а любовь служит ими поддержкой!

В первые годы нашего пребывания здесь нам пришлось очень тяжко, но я не хочу сегодия останавливаться мыслью на всех этих грустных воспоминаниях, на всех потерях, которые мы понесли, ие хочу вспоминать о милых ушедших от нас детях, образы которых мы с глубокой грустью всегда хования в селдие. Позвольте мне сегодня рассказать Вам о иовом перноде нашей жизни, в котором наряду со многими мрачными сторонами имеются все же и некоторые овадостиме, солечшые моменты.

В 1856 году я поехала с момин тремя оставшимися в живых девочками в Трир. Моя мать несказанию обрадовалась, когда увидела меня и внучек, но радость эта, к сожалению, была непродолжительной. Самая предания, лучшая из матерей заболела и после одинилацитилиевных страданий закрыла мильме, усталые глаза, которые в последном минуту, благословляя, смотрели на меня и детей. Ваш муж, знавший мою ласковую мать, лучше всех поймет мою боль. Мы похоронили горачо любимую маму, и я снова усхала из Трира, после того, как привела в порядок небольшое илследство матери и разделила его между моим братом Эдгаром и миюй.

В Лондоне мы до этого жили в двух жалких меблированных комнатах. С несколькими сотиями талеров, которые мамочка, принесшая нам столько жертв, оставила в наследство, мы сняли маленький домик неподалеку от великолепного Хэмпстед-Хис (Вы. как переводчица «Жеищины в белом» 1. наверное, поминте это название), где и живем по сей день. Это поистине кияжеская квартира по сравнению с прежними дырами, в которых нам приходилось жить, и, котя все ее устройство обощлось немногим больше 40 фуитов стерлингов (немалую роль сыграли при этом куплениые из вторых рук старые вещи), виачале я казалась себе прямо-таки величественной в нашей уютной гостиной. Все белье и другне остатки прежиего величия были выкуплены иами из ломбарда, и я с удовольствием вновь пересчитала камчатиые салфетки еще старинного шотландского происхождения. Впрочем, великолепне данаось недолго: вскоре пришлось снова нести одну вещь за другой в «поп-хаус» (так детн называют таинственный дом с тоемя шарами 2): все же мы успеан порадоваться окружавшему нас житейскому уюту. Но тут наступил первый американский кризис и уменьшил наполовину наши лоходы. Опять началась скудная жизиь и долги. Их поиходилось делать, чтобы продолжать попрежнему только что начатое воспитание девочек.

А теперь перехожу к самому прекрасному в нашем существованни, к светлой стороне нашей жизни, — к нашим милым детям. Я уверена, что Ваш муж, любивший наших девочек, когда они были еще детьми, еще больше

 $^{^{1}}$ — роман английского писателя Уильяма Коллинза, ho_{eg} .

 ⁻ домбаод (у входа в английский домбаод висят тои позодоченных шара). Ред.

радовался бы теперь, видя их высокими, цветущими молодыми девушками. Рискуя прослыть в Ваших глазах самодовольной, слабой матерыю, я должна все же похвастать достоинствами мильях девочек. У иих обеих чрезвычайно лоброе сердце, хорошие наклоиности, поистине очаровательная скромность и девическая застенчивость. Жении 1 мая исполнится семиадцать лет. Она чрезвычайно миловидияя девушка; со своими темными, блестящими, густыми волосами и такими же темными, блестящими и ласковыми глазами, со своим смуглям лицом креолки, которое приобрело, однако, свойствениую англичанкам свежесть, она выгладит даже красивой. Гладя на милое, добродушное выражение круглого, как яблоко, детского лица, забываешь о некрасивом. вздернутом иссике и радуешься, когда открывается прелестиый ротик с красивыми зубами.

Азуре в сентябре прошлого года исполнилось пятнадцать лет. Она, пожалуй, более красива и у нее более правильные черты лица, чем у ее старшей сестры, полной противоположиюстью которой соиз является. Она так же высока ростом, так же стройна и изящиа, как Жении, но во всем светлее, легче, прозрачиее. Верхиною часть ее лица можно назвать красивой, так хороши волистием, пышиве каштановые волосы, так очаровательным имлие зеленоватые глаза, в которых всегда как бы светится радостиви огонек, так благородия и красива форма ее лба. Только инжиля часть лица менее правильна и еще ие вполие оформилась. Обе сестры отличаются поистине цветущим видом и обе так мало кокетливы, что я часто про себя дивлюсь этому, тем более, что ие могу сказать того же об их матери во времена ее молодости, когда ома еще исисла легике, воздушные платья.

В школе они получали всегда первые награды. Они свободию владеют англайским языком и довольно хорошо знают французский. По-итальянски поинмают Данте, немного читают также по-испански. Только с немецким дело инкак не идет на лад; хотя я старанось всеми силами время от времени разговаривать с имим по-немецки, они всегда неохотио идут на это, и здесь не помогает даже мой въторитет и их уважение ко мне. У Жении особые способности к рисованию и лучшее украшение наших комнат— ее наброски карандашом. Авра относилась к рисованию так небрежко, что мы, в изказание, перестали ее учить рисовать. Зато она прилежию учится играть па рояле и очень мило поет с сестрой немецкие и английские дуэты. К сожалению, деворчки очень поздно стали учиться музыке — примерю лишь года полтора назал. Достать для этого денег было выше наших сил, к тому же у изс не было рояля, да и наш теперешийй, который я взяла напрокат, настоящая развальна.

Девочки доставляют нам много радости своим милым скромным харавтером, а их младшая сестренка — кумир и баловень всего дома.

Ребенок роднася как раз тогда, когда умер наш бедный, милый Эдгар. Вся любовь к брату, вся нежность к нему была теперь перенесена на маленькую сестренку, которую старшие девочки нянчили с почти материнской заботанвостью. Да и трудно себе представить более очаровательного, красивого, как картинка, нанвного, забавного ребенка. Девочка особенно отличается своей удивительно милой болтовией и своими рассказами. Этому она научнаась у братьев Гримм, ставших ее неизменными спутниками. Мы все до одурення читаем сказки и горе нам, если мы пропускаем хоть один слог в «Белоснежке», у «Румпельштильцхена» или у «Короля-Дроздовика». Благодаря этим сказкам девочка наряду с английским, который она все время слышит, научилась немецкому и говорит по-немецки необычайно правильно н точно. Левочка — поистине любимица Карла и своим смехом и шебетанием отвлекает его от множества забот. В хозяйстве мне попрежнему верно и добросовестно помогает Ленхен. Спросите о ней Вашего мужа, он Вам скажет, какое это для меня сокровище. В течение шестнадцати лет она делила с нами н оалость и гоое.

В прошлом году у нас были ужаснейшие неприятности из-за гнусных нападом «округленной натуры», из-за подлого поведения всей немецкой, мыриканской и прочей прессы. Вы не поверите, сколько бессонных ночей и забот причинная нам эта история ¹. Процесс против «Vational-Zeitung» («Национальной газеты») столь много денег, а когда Карл закончил кингу, он ие мог найти издателя. Он вынужден был напечатать ее на свой счет (25 фунтов стерлингов), а теперь, когда она вышла, подлая, трусливам, продаживя печать ее замалчивает. Меня бесконечно радует, что кинга Вам понаших друзей. Преднамеренное молчание печати препятствует, комечно, такому блестящему сбыту кинги, какого мы вправе были ожидать. Ну, что же,
пока для нас достаточно того, что кинга получила полоче одобрение всех значительных лодей. Даже противники и враги признают, что кинга представляет весьма значительный интерес. Бухер назвал ее кратким руковоством
сопременной истории, а Лассаль пишет, что чтение этого произведения
со сопременной истории, а Лассаль пишет, что чтение этого произведения
со сопременной истории, а Лассаль пишет, что чтение этого произведения

¹ Речь идет о клеветиической кампании против Маркса, которую вел на протяжении 1860 г. меллобурмузавный демократ Фотт и его клика на страницах мемецких, швейцарских, французских и американских гавет. Ответом на эти нападки явлось произведение Маркса «Господии Фотт», вышедшее в свет в нообре 1860 года. Ред.

искусства доставило неописуемое наслаждение ему и его друзьям, которые не перестают восхищаться остроумень книги. Энгельс считает, что это лучшая книга Карла, такого же миения и Лупус. Со весх стром сыплются поздравления, даже старинный враг Руге назвал ее «забавной штукой». Хотелось бы знать, наблюдается ли и в Америке подобное же замалчивание кинги. Это было бы просто возмутительно, тем более, что для инчтожной лжи и клеветы были предоставлены столбцы всех газет. Быть может, Ваш муж мог бы предпринять что-либо для распространения книги.

Едва успела я переписать рукопись, — она была еще в печати, — как вдруг почувствовала себя очень плохо. У меня иачался стращнейший жар, пришлось послать за врачом. Он пришел 20 нояборя, долго и оза-бочению осматривал меня и после продолжительного молчания сказал следующее: «Дорогая госпока Маркс, с огорчением должен сказать Вам-что у Вас оспа; дети должиы немедленно покинуть дом». — Можете себе представить ужас и горе всего дома при этих словах! Что делать? Либинехты бесстращно предложили детям приют, и уже среди дня девочки, нагруженные своими маленькими пожитками, отправились в изгивние.

Міне с каждым часом становилось хуже, появились ужасные признаки оспы. Я очень, очень много выстрадала. Сильные жгучие боли лица, абсологняя бессоиница, смертельный страх за Карла, который с величайшей исжностью ухаживал за миой, наконец, потеря всех внешних чувств, тогда как внутрениес чувство, сознание, оставлась все время ясным Я лежала у открытого окна, чтобы меня все время обвевал холодный ноябрыский ветер. При этом жарко натопленная печь, лед на пылающих губах и от времени до времени несколько капель вина. Я уже едва могла глотать, слух все слабел, наконец, закрылись глаза — и я не знала, не настала ли для меня вечняя ночь.

Однако мой организм победил, нежнейший и преданиейший уход сделал свое дело, и вот я теперь снова сижу совершению здоровая, ио с обезображениям лицом, со шрамами темнокрасиого цвета вроде теперешнего модного цвета мадженты. Только в сочельник бедные дети смогли вернуться в родительский дом, по которому они стращию тосковали. Первое свидание было неописуемо трогательно. Девочки были глубоко потрясены и с трудом сдерживали слезы, увидев меня. Пять недель назад я еще вполне приличию выглядела рядом с моими цветущими девочками. У меня, как это ни удивительно, не было седых водос и зубом и фитура томе еще остальсь хорошими, так что меня считали хорошо сохранившейся — и вот теперь всему этому пришел конеці Я сама себе казалась диковинным зверем, которому место скореє в зоологическом саду, чем среди представителей кавказской расм. Одивко, не путайтесь: теперь вид мой не столь ужасен и шрамы начинают заживать.

Не успела я подняться с постели, как заболел мой миллый, дорогой Карл. Чрезмерный страх, всякого рода заботы и муки свалили его с ног. Впервые его хроническая болезнь печени приняла острый характер. Но после четырех недель страданий он, слава богу, поправился. Тем временем «Tribune» опять перевела нас на половинную оплату. Вместо того, чтобы получить что-нибудь за книгу, пришлось платить по векселю. К тому же огромные расходы при втой ужасиейшей из всех болезней. Словом, Вы можете себе представить, какова была для нас эта зима.

В результате всех этих историй Карл, решил сделать налет на Голландию, страну предков, табака и сыра. Он хочет попытаться выманить у дяди немного денет. Таким образом, в настоящую минуту я — соломенная вдова и жду, удастся ли великая голландская экспедиция. В субботу получила первое, несколько обнадеживающее письмо с шестьюдесятью угльденами. Конечно, такое дело быстро не делается: нужно лавировать, быть дипломатом и действовать осмотрительно. Я все же надеюсь, что Карл соберет с этой земых солядную дань.

Как только Карл добьется некоторого успеха в Голландии, он сделает маленькую тайную вылазку в Берлии, чтобы прощупать почву и по возможности организовать ежемесячник или еженедельник. Опыт последнего времени достаточно убедил нас в том, что без своего органа обойтись невозможно. Если Карлу удастся создать новый партийный орган, он напишет, конечно, Вашему мужу и попросит его присылать корреспонденции из Америки.

Не успел Карл уехать, как заболела наша верная Ленхен и до сих пор еще лежит в постели. Сейчас она поправляется. У меня поэтому куча дел и я кончаю это письмо в величайшей спешке. Но я не хотела и не могла молчать. Мне стало легче на душе, когда я расскавала псе нашим самым старым и верным друзьям. Поэтому я не прошу у Вас извинения я ато, что так подробно обо всем и обо всех написала. Перо так и бегало у меня под рукой, и я изденось и желаю только, чтобы эти наспех написаниме строки доставили Вамите описьма. Дело с векселем я сейчас же устроила и все уладила так, как если бы мой госполни и повемитель была зассь.

Мои девочки сердечио клаияются Вашим милым детям и целуют их одна Лаура целует другую, — а я мысленно целую каждого из иих. Вам, мой дорогой друг, я шлю сердечиейший привет. Будьте мужественны и стойки в тяжелые дии. Мужественным принадлежит мир. Оставайтесь твердой, верной опорой Вашего мужа, будьте крепкой духом и телом, будьте вериым, не тргбующим чрезмерного почтения товарищем Ваших милых детей и при случае сиова дайте знать о себе.

Ваш искренинй друг

Женни Маркс.

Впервые напечатано в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время), г. 2, 1906—1907 гг. Перевод с немецкого
Печетается с небольшими сокращениями
по тексту журналь, сверенному
с фотокопией рукописи

Элеонора Маркс-Эзелинг

КАРЛ МАРКС

(Беглые заметки)

М он австрийские друзья хотят получить от меня воспоминания о моем отце. Более трудной задачи они не могли бы мие поставить. Но австрийские рабочие и работницы так блестяще борготся за дело, которому посвятил авос свою жизнь и деятельность Карл Маркс, что я не могу отказать им в этом. Итак, я попробую послать им несколько беглых, разрозивеных заметох о моем отце...

Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно нзображает его угрюмым, суровым, непреклонным н неприступным человеком, чем-то вороде Юпитера-громовержда, вечно мечущего молнин, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо ливших холода, человека с быощим через край имором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мяткого, отзывачивого из товарищей, являлось постоянным источником умиваемия и забавы для всех, знавших его.

В семье, как и в отношениях к друзьям и даже просто к знакомым, главной характерной чертой Карла Маркса можно, пожалуй, считать его иеизменно весслое расположение духа и его безграничную отзывичность. Его доброта и терпение были поистине изумительны. Менее терпеливого человека выводили бы из себя люди, постоянно отрывавшие его от работы и обращавшиеся к нему с просъбами. Не характерно ли для его вежливости и доброты, что однажды одни из эмигрантов Коммуны (между прочим, невыносимо надоедливый человек) в течение трех смертельно скучных часов ие давал Марксу работать, и когда ему, наконец, сказали, что время не терпит и дела еще много, он ответил на это: «Имамй Маркс, я вас извиняю...» И как по отношению с этому надоедливому человеку, так и по отношению ко всякому, кого он считал честным человеком (а он нередко отдавал свое драгоценное время людям, весьма злоупотреблявшим его великодушием). Маркс всегда был самым благожелательным и добрым из людейми са

Его уменье подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах.

Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-цибудьстремится, его терпению не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слищком ребяческим для серьезного спора. Его время и его общирные познания были всегда к услугам каждого, кто выказывал стремление научиться чему-пибудь.

Но, мне кажется, всего милее Маркс был в общении с детьми. Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх!

Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет, и Мавр (старое семейное прозвище его так и срмвается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику на Графтентеррес и вплетал в мои темные локоны цветущий выонок.

Мавр, по общему признанию, был великолешой лошадью. В давние времена, — в этого не помню, но мне об этом рассказывали, — мои сестры и мой маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, «запрятали» Мавра в стулья, сами садились на них и заставляли его нозить их.

КАРА МАРКС

Я же лично, может быть, потому, что у меня не было сестер моего возраста, предпочитала Мавра в качестве верхоюй лошади. Сидя на его плечах, запустив руки в его густую гриву, тогда еще чериую, лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по незастроениям тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтентесроес.

Еще только несколько слов об имени «Мавр». В нашем доме у всех были прозвища (читатели «Капитала» знают, с каким уменьем Маркс давал их). «Мавр» было обычное, почти официальное имя, которым ввали Маркса не только мы, ио и все близкие друзья. Он был также нашим Чали (образовалось, вероятио, от искаженного Чарли, то есть Карла) и «Old Nick» (леший).

Моя мать была всегда наша «Мэмэ».

Наш дорогой друг Елена Демут — иенэменный друг монх родителей — посе того, как ей сперва надавали множество других проэвищ, стала нашей «Ним».

Энгельс после 1870 года стал нашим «Генералом».

Лина Шёлер, наш ближайший друг, была нашим «Old mole» (старый крот).

Моя сестоа Жении — «Кви-Кви — император Китая» и «Ди».

Моя сестра Лаура (жена Лафарга) — «Готтентот» и «Какаду».

Я называлась Тусси — это имя так и осталось за мной — и «Кво-Кво — кинайский принц», а долгое время также и «Карликом Альберихом» (из «Песни о Нибелунгах»).

Но хотя Мавр и был отличиой лошадью, он все же обладал и еще более выможной квалификацией. Он был едииствениым в своем роде и иепревзойдениым рассказчиком сказок.

Я часто слышала от своих теток, что в детстве Мавр был страшным тираном своих сестер; он гонял их в качестве лошадок галопом с Маркусберга в Трире, и, что было еще хуже, он настанвал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшнии руками. Но они безропотно повволяли погонять себя и съедаля «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл.

Миого-миого лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одиу мило», требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчислениях чудесных историй, которые рассказывал мие Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Гакс Рекле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что искому было записать эти сказки, столь насыщенные повзией, остроумием, јомором!

Ганс Рёкле — водшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежимые дела его всегда были запутаны. Его лавка была полна чуденым вещей: деревниные кукам, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в и овеом ковчеге, столы и студьм, викпажи и ящики всех видов и размеров. Но, иссмотря на то, что ои был волшебником, ои все же инкогда не был в состоянии уплатить свои долги ии дъяволу, ии мясикиу и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянию продавать свои игрушки дъяволу. Однако после многих удивительных при-клочений все эти вещи потом места вовяращамись в лавку така Рёкле.

Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасиы, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, ио все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и монм сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Тудруя», «Дон Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мие исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мие ко дию моего рождения ромаи — бессмертного «Петра Простака» ¹. Потом последовали полиме собрания сочинений Маррията и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержавие со споей дочуркой. И когда маленькая девочка, воздушевленная морскими расказами Маррията, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбемать, чтобы наияться из военное судно», тот уверял се, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только инкому говорить об этом ин слояа, пока планы не созреют вполне.

Однако прежде чем созреди эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится

 $^{^{1}}$ — роман английского писателя Ф. Марриата $\rho_{e,q}$.

в отдаленном родстве с ненавистимм родом Кампбелл. Затем возникли планив подготовки восстания в Горной Шотландии и повторения «45-го года» (1745 г.). Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдинга.

Беседуя со своей дочуркой об этих и миогих других кингах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не замечала, как находить самое красивое и лучщее в этих произведениях, и, хотя она и не сознавала, что се учат, — а то бы она стала противиться этому, — он учил ее думать и по-

Таким же точно образом втот «суровый и озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о политике и религии. Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникал религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку, которая произвела на меня сильное впечатление), и я, конечию, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все так ясно и убедительно, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало сомнений.

А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами; я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Маркс мог бы сказать: «Пустите детей и не возбраняйте им приходит» ко мне», так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Хэмпстедских холмах — общирном, открытом пространстве к северу от Лондона, недалеко от нашего старого дома, — либо в одном из парков, его тотчас же окружали дети, питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинимым волосами, большой бородой и добрыми карими глазами. Совершенно незнакомые дети подходили к нему и часто останавлявали его на улице.

Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет десяти, запросто остановнл «грозного» вождя Интернационала в Мейтленд-парке и предложнл ему: «Swop knives» («Давай меняться ножами»). После того как он объяснил Марксу, что «swop» на языке школьников означает «менять», оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним лезвием, а у Маркса с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и «стращиный» вожих

¹ Речь идет о романе Вальтера Скотта «Ваверлей», в котором нашли отражение события 1745 г. в Шотландии — восстание против английского господства. Ред.

Иитернационала дал еще пении в придачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помию также, с каким бесконечным тершением и кротостью Мавр отвема на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне ¹ и Синие книги вытестили на некоторое время Маррията и Вальтера Скотта. Никогда Мавр не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хогя ему, должно быть, очень мещало присутствие вечно болгающей малотик, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помию — у меня было меноколебимое убеждение, что президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольи никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длиниме письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и «относить из почту». Миого-миого лет спуста он показывал мие эти детские письма, которые он сохрания, ибо ум очекь они былы забавим.

Таким идеальным другом был Мавр в продолжение моих детских и юношеских лет.

Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставвался таким даже в те годы, когда он так много страдал из-за карбункулов, таким он был до самой смерти.

* * *

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но они были бы совершению меполны, если бы я не сказала несколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Жении фою Вестфален Карл Маркс инкогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизии и обе такие замечательные— не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Жении фон Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее.

Маленькими детьми Карл и Жении играли вместе; юиошей и девушкой — он 17, она 21 года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль,

о гражданской войне в США между Северными и Южными штатами в 60-х годах XIX века. Ред.

так и Маркс «отрабатывал» семь лет прежде чем женился на Женин. Затем во все последующие годы, польше бури и изтиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважиой борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежимы другом Ленхен Демут бодро и бесстрашию боролись с целым миром, всегда иа опасиом посту, куда призывал их долг. Понстине Маркс мог бы сказать словами аиглийского поэта Броучинга:

Ни случай не может любовь изменить, Ни время — ослабить ее.

Я думаю, что почти так же крепко, как предаиность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота ие доставляли такого удоводьствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличий и сдержанности, я видела, как оии смеялись до того, что слевы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить иос по поводу такого легкомысляя, оставалось лишь смеяться вместе с нями. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет иеудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры из что уголно, только не друг на друга, задыкаясь от подавляемого смеха, который в конце концов все же, несмотря из все усилия, прорывался с пеудержимой силой, — это такое воспоминание, какого я ие променяла бы ни на что. Да, нескотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были веселой чегой, и «озлобленный Юпитер-громовержец» — лишь плод воображения господ буюжуа.

Еслн за годы борьбы они и испытали не одно горькое разочарование, если они и встречали черную меблагодарность, оин все же имели то, что дано немногим, — верним друзей.

Там, где известно имя Маркса, известно и имя Фридриха Энгельса. А кото знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя научению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким испреклонным боргом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Онн поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его язвительное перо могло так прочно засадить кого-инбудь в ад, как это было под силу только Данте, то лишь потому, что он был.

¹⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог разъедать, как кислота, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и угнетенных.

Моя мать умерла в декабре 1881 года. Черев 15 месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизяв не разручался с ней. После жизян, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то

Он человек был, человек во всем, Ему подобных мие уже не встретить.

Hancuatano в журмале «Oesterreichischer Arbeiter-Kalender für das Jahr 1895» («Австрийский рабочий календар» на 1895 год») Перевод с немецкого

Элеонора Маркс-Эвелинг

ЗАМЕТКИ К ПИСЬМУ МОЛОДОГО МАРКСА¹

На арлу было 17 лет, когда он обручился с Женни. Жизненный путь верной любви уже с первых шагов был не лишен терний. Вполне понятию, что родители Караа восстали против «обручения» юноши такого возраста... Усердие, с которым он уверяет своего отда в любви к нему, несмотря на некоторые разногласия, объясняется весьма бурными сценами, которые разногральсь в связи с этим дома. Мой отец говаривал, что он был в ту пору настоящим неистовым Роландом. Но скоро дело было удажжено н накануне, или вскоре после того, как ему минуло 18 лет, «помолька» состоялась офщиально. Целые семь лет ждал Кара свою прекрасную Женни, «чи они показальсь ему за несколько дией, потому что он любим ее».

19 июня 1843 года они повенчались. Они вместе играли еще будучи детьми, в юношеские годы обручились, а теперь они мужественно, рука об руку, пошли навстречу жизненной больбе.

И какой боробеl Годы горькой гнетущей нужды и, что еще хуже, годы жестоких подозрений, гнусной клеветы, лединого равнодушия. Но посреди всего этого, и в несчастье и в счастье, на протяжении всей жизви их связывала любовь и дружба, они не знали ни колебаний, ни сомнений и были верым доуг догуто до гобов. И даже смоть не овалучны як.

Всю свою живнь Маркс не только любил, но был влюблен в свою жену. Передо мной лежит любовное письмо, оно пылает такой огненной страстью.

 $^{^1}$ Написаны в связи с публикацией письма молодого Маркса к отцу от 10 ноября 1837 года (см. *К. Марк*с и \mathcal{O} . Энтельс. Из ранинх произведений, 1956, стр. 6—16). Pед.

точно писал его 18-летний юноша; а ведь Марик писал его в 1856 году, после того, как Женни родила ему шестерых детей. Когда в 1863 году смерть матери отовавла его в Трир, он писал оттуда: «Каждый день хожу на поклочение сиятым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик ваечет меня больше, еме все римские дерености, потому что он напомняает мне счастливое время юности, он танл когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторои, изо дия в день, меня спращивают, куда девалась первая красавира Трира и царинда боло. Чертоиски приятию мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жигь как вачарованиях приниссса».

Маркс был снаьно привязан к своему отцу. Он без устали о нем рассмаямал и всегда носил при себе его фотографию, сиятую со старинного дагерротипа. Но незнакомым людям он не хотел ее показывать: он говорил, что она очень мало похожа на орнгинал. Лицо казалось мне очень красивым, глаза и лоб те же, что и у сыпа, но линии вокруг рта и подбородка мятче; во всем — печать ярко выраженного красивого сверейского типа. Когда Карл Маркс после смерти своей жены предпринял длинное печальное путешествие, чтобы восстановить потерянное здоровье, — так как он хотел завершить дело своей жизвии, — сму сопутствовали всюду эта фотография его отца, старая фотография моей матери на стекле (в футляре) и карточка моей сестры Жении; когда Маркс умер, они оказались у него в боковом кармане. Энгальс положны их с ним в гроб.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»), т. 1. 1897—1898 гг. Перевод с немецкого

Эдгар Лонге

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КАРЛА МАРКСА¹

В этом очерке семейной жизни Карла Маркса мне хотелось бы поэти личные воспоминания очень затуманены отдаленностью времени и особенно тем фактом, что когда я в последний раз видел моего деда, мне было всего тоя года.

Но любопытно, что среди стольких событий, происшедших в жизни, некоторые факты, неизвестно почему, навсегда запечатлеваются в памяти.

Так у меня все-таки сохранилось очень ясное воспомпнание об одной прогулке с делушкой и братом Жаном в лесах Шампру, которые в 1882 году придавали Аржантёю, с его спаржевыми полями и виноградниками вид отдаленной деревни. Маркс гостил в Аржантёе у моих родителей в июле

¹ Эти заметки были написаны членом Французской коммунистической партин Эдгаром Лоиге — внуком Маркса (свиюм его дочери Жении и Шарли Лоиге) в марте 1949 г., к 66-й годовщине со дии смерти Карла Маркса, Ред.

1882 года, так как со времени возвращения из изгнания в конце 1880 года моего отца, Шарля Лонге, бывшего члена Коммуны, мои родители жили в этих местах.

Я не в обиде на моего деда за ту нелестную, но боюсь, совершенно заслуженную репутацию, которую он создал мне в мои очень юные годы. Когда мне было примерно полтора года, я был, повндимом, странным лакомкой, и этот мой грех послужил поводом к прозвищу «Wolf» («Волк»), которое дал мне мой дед. Маркс назвал меня так потому, что однажды меня засталн уписывающим за обе щени сырую почку, которую я принял за шоколад и которую, нескотря на ошнбку, продолжал уплетать.

Впрочем, в письме к моей матери он смягчил свое суждение обо мие:

«Привет Джонии, Гарри» (мой второй брат) «и милому «Волку» (он действительно чудесный мальчик)».

Позднее я вернусь к отношенням Маркса с его внуками, асейчас яхочу кратко описать семейную жизыь Карла Маркса, оставляя в стороне его политическую деятельность.

Напомню кратко, что Маркс родился в Трире в 1818 году, вскоре по-

Его отец, по происхождению еврей, потомок целого ряда раввинов, перемень в протестантство, что, по его мнению, должно было облегчить ему занятие адвокатурой.

В восемнадцать лет Маркс обручился с Женин фон Вестфален, которая считалась «самой краснвой девушкой Трира». Она была из семьи брауншвейтского происхождения.

Я пропускаю всю первую часть жизни моего деда, которая хорошо нвестна в политическом отношении, и напомню только, что, приехав в Париж в 1843 году, он был выслаи оттуда в январе 1845 года (во время его пребывания в Париже родилась моя мать, которая, следовательно, по рождению была парижанкой).

Затем он жнл в Брюсселе, откуда был снова изгнан, вернулся в Париж 5 марта 1848 года, куда он был приглашен Флоконом от имени временного правительства, образовавшегося 24 февраля.

Он покинул Париж и уехал в Германию в апреле, после того как убедился, что февральская революция, совершенная пролетариатом, опить дала возможность буржуазии захватить власть и использовать ее против рабочего класса. Там он поднял знамя революции и вел ожесточенную борьбу до того диж, когда восторжествовавшая реакция снова заставила его отправиться

Приехав в Париж в начале нюня 1849 года, он оказался там в момент совыва Законодательного собрания, в большинстве своем состоявшего из монаохистов.

Но очень скор он получна любезное предложение покннуть город в 24 часа. Тогда он отправнася в коще августа 1849 года в Ангани, и в этой стране, которая в то время была убемщем для нагнанников всего мира, он прожил до самой смерти, т. е. в течение тридцати четырех лет. И прежде всего я должен отменть, что, если, несмотря на страдания, причиняемые в течение продолжительного времени плодим здоровьем (болезы печени, приступы астым, часто повторяющийся фурункулез), и материальную нужду, в которой находился Маркс, он смог довести до конца предпринятый им труд, то этим он обязан Фридриху Энгельсу.

Дружба Энгельса н Маркса заслуживает того, чтобы войти в историю, как старинная легенда об Оресте н Пиладе 1 .

В самом деле, большую часть своей жизани Энгельс был выпужден вести торговые дела фирмы своего отца в Манчестере, где она находилась, и заниматься тем, что его крайне тяготило; он это делал исключительно для того, чтобы оказывать помощь Марксу и дать ему возможность завершить свой труд. И нет сомнения, что без Энгельса Маркс не тосмыя умерли бы сголоду.

Хочу сказать также несколько слов о другом человеке, который нграл важную роль в жнани семьи Маркса. Речь идет о славной Елене Демут, которую в семье дружески называли Ленхен.

Поступив в возрасте восьми или девяти лет к моей прабабушке, баронессе фон Вестфален, она следовала за моей бабушкой всюду со времени ее
замужества до самой ее смерти: в Париж, в Брюссель, в Лондон. На ее глазах рождались и умирали мальшин, она пережила с семьей Маркса ужасы
нищеты, голода и бедствий; она заботилась о детях, о дурзявх, об изгианниках без средств, доставала им хлеб, когда все было заложено в ломбарде,
проводила ночи за шитъем, за старкой, у постели больных. У меня сохраниликсь о ней самые трогательные воспомнявия.

Эта замечательная женщина вполне заслужнла, чтобы ее похоронили всете с Марксом, его женой и их внуком Гарри на Хайгетском кладбище в Лопдоне.

образец верной дружбы в древнегреческих сказаниях. Ред.

НИЩЕТА ЭМИГРАНТОВ В ЛОНДОНЕ

А теперь я хогел бы коротко описать условия существования эмигрантов и их семей, приехавших в Лондон без всяних средств. Для Маркса н сго семьи началась жизнь, полная инщеты, страданий и траура, и нельзя дать лучшего представления о ней, как сославшись на несколько строк из письма Маркса к Эмгельсу, в котором Маркс пишет, что он не мог выносить ужасных ночей, когда его жена заливалась слезами...

Весной 1850 года в результате выселения из квартиры Маркс и его семья приютились сначала в меблированных комнатах на Лестер-сквер, затем немного позднее на Дин-стрит, где квартира была еще более бедная: одна комната и крошечная компатушка, так что одно из этих двух помещений служило одновременно кухией, кабинетом и гостиной.

А испытаниям не было конца.

В 1851 году Маркс писал Эмгельсу после рождения Францикки: «...Моя жена разрешилась от бремени 28 марта. Роды былы легкие, но теперь она очень больна и скорее по причинам материального, чем физического свойства. При этом у меня в доме буквально нет ни гроша, зато тем большее количество счетов от мелких торговцев, мисика, булочинка и т. п. ...

Ты согласншься, что все это вместе взятое — не очень приятное дело и что я по уши погряз в этой мелкобуржуазной тине. И вдобаюк меня еще упрекают в том, что я эксплуатнровал рабочих и стремился к диктатуре! Какой ужас!..»

А в письме от 8 сентября 1852 года Маркс пишет:

«Моя жена больна, Женнихен» (моя мать) «больна, у Ленхен нечто вроде нервной горячки. Врача я не мог и не могу позвать, не вмея денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем, и сегодня еще соминтельно, смогу ли я достать и это».

В январе 1855 года появился на свет шестой ребенок. Его назвали Тусси (это была моя тетя Элеонора Эвелниг). Она была такая хилая, что каждый день ждали ес смерти. А через несколько месяцев Маркс перенес одно на самых больших страданий в своей жизни. Его единственный сын Эдгар, его «Мушъ», еполовник Мушы, умер у него на руках. В течение нескольких недель ребенок боролся со смертью, и в письмах Маркса сообщается то об улучшениях в осстоянии ребенка. Но в письме от 30 марта Маркс пишет Энгельсу, что «в конце концов болезыв приязла наследственный в меёй семье характер воспаления полости живота, и, повидимому, даже в рач потерал всякую надеждул.. У меня самого сердце обли-

вается кровью и голова горит, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенка за все время болевин ин на минуту не покидает его оригинальный, приветливый и в то же время самостоятельный характер».

Это действительно был очень одаренный ребенок, и своей любовью к книгам он сильно походил на своего отца.

12 апреля 1855 года мой бедный дедушка писал Энгельсу:

«Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого менями, который ожнылля его, был его душой. Нельзя выразить, как не кватает нам этого ребенки на каждом шагу. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее горе. Чувствую себя совершенно разбитым. К счастью, со дия похорон у меня такая безумная головная боль, что не могу ни думать, ви с аушать, ин видеть, ин видеть, ин видеть, ин видеть, ин видеть, ин видеть

При всех ужасных муках, пережитых за эти дин, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем сможем сделать еще на свете что-либо разумное».

Несколько недель спустя моя бабушка, после смерти своей матери, получна в наследство несколько сотен талеров, и семья смогла, наконец, устроиться в более здоровой квартире на Графтен-сквер. У Маркса родился еще один ребенок, который очень рано умер.

Обстоятельства, при которых произошла эта смерть, были ужасны и произвели на моего деда такое трагическое впечатление, что он «несколько дней не мог прийти в себя».

А жизнь шла своим чередом, такая же тяжелая для Маркса и его семьи, но уже с меньшими горестями.

В течение нескольких лет сотрудничество Маркса в «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской трибуне») немного улучшило его материальное положение, но затем нужда снова достигла таких размеров, что Маркс писал Энгельсу о своем намерении поручить детей друзьям, расстаться с Еленой Демут, поселиться с женой в меблированных комнатах и поискать место скомонного кассноа.

В 1863 году, после смерти своей матери, Маркс получил маленькое наследство, а немного позднее его старый друг Вильгелым Вольф, умирая, завещал ему свое небольшое состояние. Это дало возможность Марксу освободиться от веех своих долгов, включая и обязательства, которые он взял на себя в связи с «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газетой») и,— насколько позволяло ему здоровье,— отдаться исключительно своей начучной работе. Но состояние здоровья не улучшалось, и его жизиь много раз находилась в опасности.

Начиная с этого времени, не проходило года, чтобы у Маркса не было нарывов, карбункулов, к которым присоединялись страдания, вызванные болезнью печени.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ТРУЛА И БОРЬБЫ

Интересно проследить, каким образом Маркс, несмотря на свои материальные затруднения, несмотря на моральные и физические страдания, смог довести до конца свой гигантекций гоуд.

Не желая слишком удлинять эти заметки, я ограничусь замечанием о том, что Маркс цельме дин, с 10 часов утра до 7 часов вечера, работал в Британском музее (нечто вроде нашей Национальной библиотеки), рыдся в Синих кингах, парламентских документах, экономических и социальных исследованики и т. т., а дома проводил все ночи за работой.

Он не раз делал попытки обеспечить себе жизиь литературной работой, но обычно ему было невозможно найти издателей, а с другой стороны, Энгельс не мог допустить, чтобы Маркс терля время на второстепенную работу, и настаивал на том, чтобы он использовал все свободиме минуты, посвящая их исключительной подготовке задуманиого Марксом большого экономического труда, и с этой целью оказывал ему постоянную поддержку.

Но все же этой поддержки было иедостаточно.

«Neue Rheinische Zeitung» 1 принесла Марксу только новые долги.

Вот почему с 1851 года ои согласился сотрудичать в «New-York Daily Tribune»; это позволяло ему заинматься многочисленными неследованиями, которые, впрочем, частично входили в рамки его главиого научного труда, и не подлежит сомнению, что его статьи явились очень серьезным вкладом зо всеобщую и зкономическую историю нового времени.

К сожалению, с финаисовой точки зрения приблизительно только одна треть его статей оплачивалась. Что же касается двух других третей, то издатель, отказываясь печатать их, не считал себя обязанным их оплачивать.

Надо сказать, что Маркс с горечью соглашался на эту неблагодариую , которая не давала ему возможности даже прокормить семью.

¹ Имеется в виду «Neue Rheinische Zeitung, Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). Ред.

В 1852 году большая часть его времени была поглощена делами, связанными с арестом кёльнских и других членов Союза коммунистов и подготовляемым против них процессом.

Маркс работал не покладая рук вместе со своими лондонскими арузыми, чтобы доказать, что этот процесс был не более как махинацией со стороны поляции и правительства...

Нельзя, наконец, не отметить, что как раз в то время, когда Марксу угрожала гибель под тяжестью испытаний, он написал такое основательное, такое глубокое, такое прозорливое произведение, как «Восемнадцатое брюмера».

И это в тот период, когда Маркс не имел возможности выходить из дому, потому что его одежда была заложена в ломбарде.

А годы шли, все такие же тяжелые, с беспрестанизми материальными трудностями, долгими диями болезни, периодами бешеной работы; ио несмотря ни на что, великий груд подвигался вперед, труд борца, мыслителя, созидателя, ибо Маркс, далеко не ограничиваясь кабинетной работой, одновременно со своей огромной теоретической работой неутомимо руководил Международным Товариществом Рабочих.

Несмотря ни на что, его дом, особенно дом в Мейтленд-парке (который не пощадили бомбы Гитлера), был Убежищем всех эмигрантов, всех английских и иностранных борцов.

С детства у меня сохранилось воспоминание об атмосфере, царившей там, где Маркс жил со своей женой, которая, несмотря на свои гореств, вом несчастья, веста с доброй ульбкой ветречала гостей, в большинстве своем эмигрантов, вместе со своими тремя дочерьми — Жении, Лаурой (позднее ставшей женой Поля Лафарга) и Элеоморой — тремя женщинами, замечательными своим умом и своей образованиностью, каждая из которых заслуживает написания особой биографии.

Маркс, к которому его дочери относились с глубоким уважением, обожал детей, и можно себе представить, как тяжелы были для него утраты детей. Да, Маркс обожал детей и был с ними очень иежеи и очень весса.

У этого мужественного борца в глубине сердца было сокровище мягкости, доброты и нежной предаиности.

Он играл с детьми, как будто он сам был ребенком, не беспокоясь, что это отразится на его престиже.

На улицах квартала, где он жил, его звали «отцом Марксом», и у него всегда был сахар в кармане для угощения ребятишек.

Эту любовь к детям он позднее перенес на своих внуков. «Много раз целую тебя, — писал он моей матери, — и твоих малышей».

В каждом письме он говорит о них: «А теперь опиши мне подробно деяния Джонин н K^{0} ».

В одном письме, написанном в 1881 году, он рассказывает моей матери:

«Только что Тусси вместе с Энгельсом отвезаи на навозчике в транспортную контору рождественские подарки для наших мальшей. Лемхен просит, чтобы я специально указал, что от nee — одна кургочка для Гаррия (умершего вскоре после Маркеа), «одна для Элди» (ято я) «и шерствивая шапочка для Гар (мо брат Марсель); «затем для того же Па голубо платьще от Λau рыс; от меня — матросский костюм для моего дорогого Джонии. Мама так весело смеялась в одни из последних дней своей жизни, рассказывая Лауре, как мы с тобой и с Джонии поехали в Париж и там ему выбрали костюм, в котором он выглядел, как маленький «мещании во дворянстве».

Из всех нас он чаще всего видел у себя Жана, так как он был стаоший:

«Расскажи Джонии, — писал он в другом письме моей матери, — что, когда я вчера гулял в парке — нашем собственном Мейтленд-парке — ко мие вдруг подошел величественный сторож парка, чтобы узнать новости о Джонии».

Он часто употреблял столь же оригинальные, сколь прекрасные выражения, когда говорил о своих внуках:

«А теперь поцелуй от меня много, много раз Джонни, Гарри и благородного «Волка». Что касается «великого незнакомца», то я не могу себе позволить такую фамильярность по отношению к нему». (Речь шла о моем брате Марселе, родившемся в апреле 1881 года, которого он еще не видал.)

Лучше всего любовь к внукам выражается в последней фразе одного его письма к своей дочери, написанного вскоре после смерти моей бабущки:

«Надеюсь прожить вместе с тобой много хороших дней и достойно выполнить свои обязанности дедушки».

Увы! Кара Маркс не смог осуществить этого желания.

Истощенный следовавшими одна за другой болезнями, уже крайне потрясенный смертью жены, тринадцать месяцев спустя, в январе 1883 года, он пережил страшное горе — смерть своей старшей дочери, моей матери Жении Лонге. Этот последний удар, завершивший долгие годы страданий и бедствий, привел 14 марта 1883 года к смерти гениального человека, который посвятил свою жизнь подготовке освобождения пролетариата и до последнего дыхания бородся за счастье людей.

Как сказал Фридрих Энгельс на его могиле:

«И имя его и дело переживут века!»

Нопечатано в органе Центрального Комитета Францинской коммунистической портии «Cahiers du communisme» («Тетроли коммунивма») № 3, март 1949 г. Перевод с френцизектого
На русском языке публикуется впервые
с небольшими сокрещениями

«ИСПОВЕДЬ»1

Достоинство, которое Вы больше всего цените	_
в людях	Простота.
» мужчине	Снла.
» жеищние	Слабость.
Ваша отличительная черта	Едииство цели.
Ваше представление о счастье	Борьба.
» » о несчастье	Подчинение.
Недостаток, который Вы скорее всего склоины извинить	Легковерне.
Недостаток, который внушает Вам нан- большее отвращение	Угодничество.
Ваша антипатия	Мартин Таппер.
Ваше любимое занятие	Рыться в книгах.
Ваши любимые поэты	Шекспир, Эсхил, Гёте.
Ваш любимый прозаик	Дидро.
Ваш любимый герой	Спартак, Кеплер.
Ваша любимая герония	Гретхен.

¹«Исповедь», относящаяся к 1865 г., представаляет собой ответы Маркса на вопросы, получившие в то время широкое распространение в Англии и Германии. См. об этом стр. 293—294 настоящего сбориниа. Хотя ответы составлены в полушутлиной форме, они все же представляют интерес для характеристики Маркса как человека. Ред.

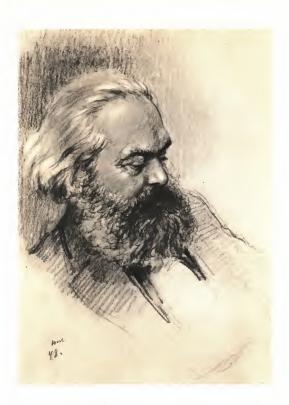
»	»	цветок	•
Ваше	любимое	кми	Лаура, Женни.
Ваше	любимое	блюдо	Рыба.
Ваше	любимое	изречение	Nihil humani a me alienum
			puto 1.
Ваш.	любимый	девиз	De omnibus dubitandum ² .
			Карл Маркс

Печетсется по рукописи, пеписанной рукой дочери Мерксе Леуры

Перекод с вызываемого

 $^{^{1}}$ — Ничто человеческое мне не чуждо. $ho_{e_{A}}$. 2 — Подвергай все сомнению. $ho_{e_{A}}$.

П. АННЕНКОВ. ИЗ ОЧЕРКА «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»

КАРЛ ШУРИ, МАРКС НА КЕЛЬНСКОМ КОНГРЕССЕ ДЕМОКРАТОВ

ФРАНЦИСКА КУГЕЛЬМАН. НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЕЛИКОГО МАРКСА

АНСЕЛЬМО ЛОРЕНЦО. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О І ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

м. ковалевский, встречи с марксом

н. морозов, у карла маркса

ЭРНЕСТ БЕЛФОРТ БАКС. ВСТРЕЧИ С ЭНГЕЛЬСОМ

ЭДУАРД ЭВЕЛИНГ. ЭНГЕЛЬС У СЕБЯ ДОМА

Н. С. РУСАНОВ. МОЕ ЗНАКОМСТВО С ЭНГЕЛЬСОМ

А. ВОДЕН. БЕСЕДЫ С ЭНГЕЛЬСОМ

Ф. М. КРАВЧИНСКАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

П. Анненков

ИЗ ОЧЕРКА «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»

о дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к марксу от иашего степного помещика ¹. Он находился, как окавалось, в самых дружеских отношениях с будущим главой интернационального общества: он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучеварной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, ои едет обратно в Россию с намерением продать все ове имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей реоллюции ². Далее этого увлечение идти не могло, но я убежден, что когда лихой помещик давал

казанского помещика Григория Михайловича Толстого. Ред.

⁸ К этой фразе Марке на своем вкземпляре воспоминаний Аниенкова сделал следующее замечание на французском языке: «Это ложы! Он инчего подобного не говорил. Он, вапротив, сказал мие, что вериется к себе для наибольщего блага своих собственных крестьви! Он даже миса выявность пригласить меня поскать с ини!» Ред.

все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумлениям Марксом, и умер не так давно престарелым, но все еще пылким холостяком в Москве.

... Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находнася еще в энтуэнастическом настроенни, и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелобно... Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения — тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волоснетыми руками, в пальто, застегнутом нанекось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ин делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презринатыми обрядами предметами, которые произноска...

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом, оставившим за собой в Германни довольно большую партию работныков. Совещание назначалось для того, чтобы определить, по возможности, общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедли явиться на приглашения.

Портной-агитатор Вейтлинг оказался белокурым, краспым молодым человеком, в сюртучке щеголеватого покроя, с бородкой, кокетливо подстриженной, и скорее походил на путешествующего комми, чем на сурового и озлобленного труженика, какого я предполагал в нем встретить. Отрекомендовавшись наскоро друг друг и притом с оттенком изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сели за небольшой зеленый столик, на одном узком конце которого поместнался Марке, взяв карандаш в руки и склонив свою дъвниую голову на дист бумаги, между тем как перавлучный его спутник и сотоварищ по пропаганде высокий, прямой, по-английски важный в серьеаный Энгельс открывал заседание речью. Он говорил в ней о необходимости между додоми, посвятившими себя делу преобразования труда, объяснить вваминые свои возврения и установить одну общую доктрину, которая могла бы с дужить знаменем для всех последователей, не имеющих которая могла бы с дужить знаменем для всех последователей, не имеющих которая могла бы с дужить знаменем для всех последователей, не имеющих которая могла бы с дужить знаменем для всех последователей, не имеющих

времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельс еще не кончил речи, когда Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлиигу с вопросом: «Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими проповедями, какими основаниями оправдываете вы свою деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?» Я очень хорошо помню самую форму резкого вопроса, потому что с иего начались горячне прения в кружке, продолжавшиеся, впрочем, как сейчас окажется, очень недолго. Вентлинг, видимо, хотел удержать совещание на общих местах либерального разглагольствования. С каким-то серьезиым, озабоченным выражением на лице он стал объяснять, что целью его было не созидать новые экономические теории, а принять те, которые всего способнее, как показал опыт во Франции, открыть рабочим глаза на ужас их положения, на все несправеданности, которые по отношению к инм сделались лозунгом правителей и обществ, научить их не верить уже никаким обещанням со стороны последних и надеяться только на себя, устраиваясь в демократические и коммунистические общины. Он говорил долго, ио, к удивлению моему и в протнвоположность речн Энгельса, сбивчнво, не совсем антературно, возвращаясь к своим словам, часто поправляя их и с трудом приходя к выводам, которые у него наи запаздывалн, или появлялись ранее положений. Он нмел теперь совсем других слушателей, чем те, которые обыкновенно окружали его станок или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономические порядки, и утерял при этом свободу мысли и языка. Вейтлинг, вероятио, говорил бы н еще долее, если бы Маркс, с гневно стиснутыми бровями, не прервал его и не начал своего возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значнае просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далее Маркс, ведет только к конечной гибели, а не к спасению страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научиой идеи и положительного учения равносильно пустой и бесчестной игре в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разннув рот... Люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое принялись. Краска выступила на бледных щеках Вейтлиига, и он обрел живую, свободную речь. Дрожащим от волнения голосом стал он доказывать, что человек, собравший под одно знамя сотин людей во имя иден справедливости, солидарности

и братской помощи друг другу, не может назваться совсем пустым и правдиым человеком, что ои, Вейтлинг, утешается от сегодиншинх нападок воспоминанием о тех сотиях писем и заявлений благодарности, которые подучил со всех сторон своего отечества, и что, может быть, скромная подготовительная его работа важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин, вдали от страдающего света и бедствий варода. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, в вскочил с места, проговорив: «Никогда еще невежество никому не помогло!». Мы последовали его примеру и тоже вышли из-за стола. Заседание кончилось, и покуда Маркс ходил взад и вперед в необычайно гневиом раздражении по комнате, я наскоро распрощался с ним и с его собеседниками и ушел домой, пораженияй всем мною виденным и слы-

...Сношения мон с Марксом не прекратнансь и после выезда моего на Брюссеая. Я встретил его еще вместе с Энгельсом в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революциих.

Но и до этой эпохи были минуты заочной беседы с Марксом, весьма аюбопытные для меня. Одна такая выпала на мою долю в 1846 году, когда по поводу известной книги Прудона «Философия нищеты» Маркс написал мие по-французски пространиое письмо, где излагал свой взгляд на теорию Прудона 1. Письмо это крайие замечательно: оно опередило время, в которое было писано, двумя своими чертами - критикой положений Прудона, предугадавшей целиком все возражения, какие были предъявлены на них впоследствии, а потом новостью взгляда на виачение экономической историн народов. Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также н вся обществениая жизнь народов с нх моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми, и с переменой этих отношений сами меняются или даже вовсе упраздняются. Все дело состоит в том, чтобы узнать и определить законы, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей, имеющие такие громадные последствия. В антиномиях 2 же Прудона, в его противопоставленин одних экономических явлений другим, произвольно сведениым друг с другом и, по свидетельству истории, нисколько не вытекавшим одно

¹ См. К. Маркс и Ф. Энтельс. Избранные письма, 1953, сто. 22-33 Ред.

 $^{^*}$ Антиномия — противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, признаваемымя в равной степени истинными. $\rho_{e,a}$.

из другого, Маркс усматривал только тенденцию автора облегчить совесть буржувани, возводя неприятные ей факты современных экономических порядков в безобидные абстракции в духе Гегеля и в законы. будто бы присущие самой природе вещей. На этом основании ои и обзывает Прудона техологом социализма и маским буржуа с головы до ног.

Впервые напечатано в журнале «Вистник Европы» № 4, апрель 1880 г.

Кара Шурц

МАРКС НА КЁЛЬНСКОМ КОНГРЕССЕ AEMOKPATOB

аше Демократическое общество состояло наполовниу из студентов, наполовниу из бюргеров ¹. Кникель был председателем его, а я — одини из членов комитета. Сначала мы ничего не желали, кроме конституционной монархин со всеобщим избирательным правом и неприкосновенными гражданскими свободами. Но, заметив грозный рост реакции, мы яскоре прищам к убеждению, что свобода может быть обеспечена только при республиканском строе... Основываясь на истории французской революции, мы не сомневались, что республика может быть введена в Германии и утвердиться там бок о бок с монархическим строем сотальной Европы.

В настоящее время я не помию содержания наших прений в клубе. Знаю только, что они велись очень горячо, временами весьма красноречиво и в громадном большинстве случаев с полной искренностью.

Речь идет о Демократическом обществе в городе Бони (Германия) в 1848 году. Ред.

Летом Кинкелю и мне было поручено явиться в качестве представителей нашего клуба на конгресс демократических обществ в Келине . Это собрание, на котором я держался всемы робко и молчанию, осталось у меня в памяти, потому что там я увидел лицом к лицу нанболее выдающихся людей того времени, в том числе и вождя социалистов Карла Маркса. Ему было в то время 30 лет, но он уже считался признанным главой социалистической школы. Невысокого роста, крепко сложенный, с высоким лбом, с черными волосами, густой бородой и темными блестящими глазами, он сразу привлекал внимание. Про него говорили, что в своей специальности — это замечательный ученый; а так как я весьма мало знал из его политико-комомических открытий и теорий, то я мечтал удержать в памяти каждое слово знаменитого человека... Все, что Маркс говорил, было действительно содержательно, логично и ясно... Я до сих пор помию тот резко стрякстический тои, которым оп произностя служетурности тот резко саркастический тои, которым оп произностя служетим сбуржуза».

Из книзи: Karl Schurz. «Lebenserinnerungen. Bis zum Jahre 1852» (Карл Шурц. «Воспомимания. До 1852 года»). т. 1. Берлип и Лейпциз, 1920 Перевод с немецкоза

³ Первый рейнский конгресс демократов состоялся 13—14 августа 1848 г. в Кёльпе. В работе конгресса участвовали Марке и Энгелье, бывшие тогда редакторами «Neue Rheinische Zeitung» («Nouo брейнеской газеты»). Ред.

ФРАНЦИСКА КУГЕЛЬМАН

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЕЛИКОГО МАРКСА'

удучи еще молодым студентом, восторженно относняшнися к Карду Марксу, мой отец написал ему письмо. Лондонский адрес Маркса он узнам через Микема, вместес с которым он входил в одну и ту же студенческую корпорацию «Норманиня». Все члены этой корпорации, цвета которой были оранжевый, белый и черный, начертали на своем знамени новые идеаль свободы. Несколько лет спустя корпорация была распуцена, но бывшие ее члены всю жизию оставались связанными верной дружбой. К величайшей радости моего отца Маркс ответна сму, и таким образом постепению между инии завязалась переписка.

Условный адрес Маркса был «А. Вильямсу». Это было выявано тем, что переписка Маркса находилась под контролем правительства, вскрывалась и часто ему не доставлялась. Поэтому мой отец из предосторожности

¹ Воспоминания Франциски Кугельман были написаны ею по просьбе Института марксизма-денинизма при ЦК КГІСС в 1928 году. Ред.

избегал письменно обращаться к нему по имени, а начинал свои письма обычно словами: «Мой уважаемый, дорогой друг».

Когда же несколько лет спустя Маркс написал, что он собирается в ближайшее время поехать на континент, то мой отец, успевший за это время женнться, предложил ему остановиться у него в качестве гостя. Маркс приява это приглашение н согласился провести у отца несколько дней.

Моя мать, веселая, молодая женщина, уроженка Рейиской провиции, с и некоторым опасением думала о предстоящем визите. Она ожидала увидеть маститого ученого, совершенно поглощенного своими политическими идеями и враждебно относящегося к современному общественному строю. Мой отец обычно был занят все утро и часть дия своей врачебной практикой, как же ей беседовать с таким человеком как Маркс? Но мой отец уверял ее, что она всю свою жизиь будет с радостью вспоминать эти дии, и никогда еще ин одио пророчество не исполнялось с такой точностью.

Когда мужчным приехали с воказала, то вместо ожидаемого мрачного революционера мою мать приветствовал веселый, элегантный господин, приятный рейнский гомор которого сразу же произвел на нее впечатление чего-то особенно родного. Под густыми седыми волосами блестели молодые темные глаза, и вношеская севжесть участвовалась в его движениях и в его речи. Он не позволял моему отцу делать хотя бы малейшие намеки на по-литические темы, заявив при втом: «Это не для молодых дам, об этом мы поговорим как-инбудь потом». В первый же вечер его беседа была так узаскательна, настолько полна остроумня и веселья, что время пролетело совершенно незаметно.

Это были как раз первые дин страстной недели, и мон родители просили, чтобы он обявательно прослушал с инми в страстную пятину «Страсти по Матфею» Баха. Но Марке, хотя он и был большим поклоиником музыки и особенно почитал Баха, с сожалением откавался от этого, так как предполагал у ехать самое подалее в великий четверг.

Все же он пробыл в Ганновере четыре иедели¹, и мои родители всегда с таким удовольствием вспоминали об этих днях, так долго храинли в памяти все разговоры и различные подробности, что это время, нетроиутое серым покровом забвения, выделялось среди повседневной жизин, как озаряемая светом вершинал.

Не только в домашней обстановке, но н в кругу знакомых моих родителей Маркс был мил и любезен, принимал во всем участие н, когда

¹ Маркс был в Ганновере с 17 апреля до середнны мая 1867 года, Ред.

кто-нибудь особенно нравнася ему нан когда он самшал оригинальное замечание, он прикладывал к глазу свой монокаь и весело, с живым интересом смотоел на этого человека.

Он был несколько близорук, но очки носил только при длительном чтении или письме. С особенной радостью вспоминали мои родители беседы с Марксом в ранние утренние часы, во время которых им никто не мешал. Поэтому моя мать вставала очень рано, чтобы по возможности до завтрака освободиться от всех хозяйственных забот. Иногда опи часами сидели за кофе, и мой отец всегда сожалел, что из-за врачебной практики он был вынужден одно ухолить из дому.

Помимо вспросов, связанных с внутренними переживаниями и обстоятельствами живзии этого благородного, любезного и выдающегося человека, в разговоре затрагивались все области искусства, науки, повани и философии. Обо всем этом Маркс говорил, не впадая в поучительный тои. Моя мать очень интересовалась философией, хотя самостоятельно не занималась он не освоила ег лубоко. Маркс говорил с ней о Канте, Сихте, Шопетгуэре, иногда также и о Гегеле, восторженным приверженцем которого он был в своей молодости.

Правда, по поводу Гегеля он говорил, что, по словам самого Гегеля, на одни из его учеников не поиял его, кроме Розенкранца, да и тот поиял непоавильно...

Сентиментальность, вта карикатура на истинное чувство, глубоко претила Марку. При случае он цитировал слова Гете: «Я никогда не был высокого мнения о сентиментальных лодах, в случае каких-нибра происществий онн всегда оказываются плохими товарищами». Очень часто, когда при нем кто-нибудь проявлял преувеличенную чувствительность, он приволим стики Гейне:

> Раз барышня стояла Над морем в поздний час И горестно вздыхала, Что солнца луч погас.

Маркс лично знал Гейне и посетил несчастного поэта в Париже в последний период его болезни. Гейне как раз перестилали постель, когда вошел Маркс; он был так болен, что к нему едва можно было прикасаться, сиделки поэтому несли его в кровать на простыне. Гейне, которого даже в этот момент не оставил его юмор, совсем слабым голосом приветствовал Маркса: «Видите, дорогой Маркс, дамы все еще носят меня на руках».

По мнению Маркса, чудесные песни Гейне о любви были лишь плодом его творческого воображения. Он никогда не испытал счастливой любви и меньше всего нашел счастъв в своем браке. Его стихи:

> Чем свет его вешать на площадь вели, А в семь его сняли — в могилу снесли. А в восемь она, как ни в чем ие бывало, Вино попивая, с другим хохотала

как нельзя больше подходят к его собственной кончине.

Характер Гейне Маркс оценивал очень отрицательно. Особенно осужлал он его неблагодарность за оказанную ему доброту и дружбу. Например, нельзя оправдать его насмещливое стихотворение о Хрисгиани: «Этот юноша любезный вызвать восхищенье может» и т. д.

Дружбу Маркс считал священной. Однажды один посетивший его партийный товарищ позволил себе сделать замечание по адресу Фридрика Энгельса, что последний как состоятельный человек мог бы сделать больше для освобождения Маркса от тяжелых материальных забот. Тогда Маркс реако перебля его: «Между Энгельсом и мной существуют такие блязкие и задушевные отношения, что никто не вправе вмешиваться в них». То, с чем он не соглашался, он в большинстве случаев опровергал в шутливой форме, да и вообще он инкогда не прибетал к грубому орудию защиты и даже в самой ожесточенной борьбе пускал в ход тонкое лезвие книжала, которое, однако, очень метко одамло врага.

Поистине, не было такой области знания, в которую он не проник бы глубоко, такого искусства, которым бы ои ие восторгался, красоты природы, которая не поглощала бы его целиком. Но ему были противны всякая ложь, пустословие, хвастовство и лицемерие.

Обычно час-полтора до обеда он писал письма, работал, читал газеты в той комнате, которая, помимо спальни, была предоставлена в его полное распоряжение. Там он также редактировал первый том «Капитала». Здесь стояла статуэтка Минервы с ее эмблемой — маленькой совой. Маркс. который очень воскищался моей матерью, ее сердечной добротой, ее находчивостью, хорошим характером и большими для ее молодых лет познаниями, особенно в области поэзин и художественной литературы, сказал ей однажды шутя, что она сама — молодая ботиня мудрости. «О нет, — возразила моя мать, — я только совушка, которая, прислушиваясь, сидит у ее ног». Поэтому он называл ее иногда своей милой совушкой. Позднее он перенес это название на маленькую девочку, которую очень любил, с которой часами играл и болталь, когда она сидела у него на коленах.

A мою мать он стал называть «графиней» за ее изящимые светские манеры и за то, что она ценила благовоспитанность. Вскоре он стал называть ее только так независтимо от того, кто присутствовал при этом.

Вообще в семье Маркса был обычай давать прозвища. Самого Маркса не только его друзья, но и его дочери изазывали «Мавром». Вторую дочь Азуру, г-жу Лафарг, звали «Das Laura» или «Мастер Какаду» по имени модного портного в одиом старом романе, так как она исключительно эвстантно и с большим вкусом умела одеваться. Женни, старшую дочь, ее отец изавывал чаще всего Женникие; ее прозвище, о котором говорила моя мать, я позабила. Младшую, Элеокору, называли только Тусси.

Моего отца Маркс изавыва. Венцелем. Дело в том, что мой отец одиажды рассказал, как один гид в Праге очень наскучил ему подробыми рассказами о двух чешских правителях — о добром и злом Венцеле: о злом,
который приказал бросить в реку Влазву святого Непомука, и о добром,
который был очень благочестив ¹. У моего отца были резко выражениые симпатин и антинатии, и в зависимости от того, как ои высказывался о чемкибудь, Маркс изавывал его то добрым, то злым Венцелем. Впоследствии ои
прислал отцу свою фотографию с надписью: «Моему Венцелю». Друзьям и
виакомым моих родителей Маркс также часто давал, в их отсутствие, другие имена и говорил, что им следовало бы, собственио говоря, изавываться
так. При этом он выбирал совсем и елинетак. При этом он выбирал совсем и елинепросто часто встречающиеся имена. Поэтому, когда мой отец представлял
Марксу кого-инбудь из своих знакомых, он потом спрашивал его шутя: «Ну,
Маокс, как же булем их величать?».

Маркс всегда был весел, любил пошутить и посмеяться и считал неуместными бестактиме требования случайных собеседников рассказать чтовибудь о его учении, на это он никогда не соглащался. В семейном кругу он называл подобную назойливость праздиым любопытством. Но это случалось довольно редко.

Одиажды одни господии спросил его, кто же будет чистить сапоги в государстве будущего. Маркс с досадой ответил: «Это будете делать вы!». Бестактный господии смущенио замолчал. Это был, вероятио, едииственный случай, когда Маркс потерял терпение...

Разиые партийные товарищи, часто из самых отдаленных городов, посещали Маркса, и он принимал их в своей комиате. Частенько завязывались

¹ Имеется в виду чешский киязь Вацлав Святой (по-иемецки — Венцель) (ол. 908—929) и чешский король Вацлав IV (1361—1419), казинаший викария Яна из Помука (Непомука). Ред.

длинные беседы на политические темы, которые затем продолжались в кабинете моего отпа...

Не только в области науки и нзобразительного искусства, но и в области позвин у Маркса был точнайший вкус, его начинанность и память были одинаково поразительны. Он не только разделля воскищение моего отца великими поэтами греческой классической древности, а также Шекспиром и Гете, но к его любимцами принадлежала и такие поэты, как Шамиссо и Роккерт. Из Шамиссо он цитировал трогательное стихотворение «Гищий и его собака». У Роккерта он восторгался искусством языка, ему иравились также его «Макамы Харири», мастерски переведениме с персидского; по своей оригинальности они вряд ли могут быть сравнимы с чем-либо другим. Много лет слустя он подария и хмоей матери на память об этом времени.

У Маркса были редкие способности к явыкам. Кроме английского, он владел французским настолько, что сам переводил «Капитал» на французский явык ; греческий, латинский, испанский и роусский явык и он знал так, что мог, читая вслух, тут же переводить с этих явыков на немецкий. Русский он выучил совершенно самостоятельно, «чтобы отвлечься» в то время, когда его мучил сладый карбункулев.

Маркс находил, что Тургенев необычайно верно нзобразил своеобразие русского народа с его съявятской сдружанной эмоциональностью. Он считал, что вряд ля кто на писателей превзошел Лермонтова в описанни природы, во всяком случае редко кто достигал такого мастерства. Из испанцев оп особенно любил Кальдерона. У него были с собой некоторые произведения Кальдерона, но часто читал нля вслух...

В нашей квартире была очень большая компата а пять окон, в которой ванимальсь музыкой и которая называлась залом. Но друзья дома называли эту компату Олимпом, потому что по степам ее стояли копин античных бюстов греческих богов. Над всеми ими возвышался превосходящий всех по размерам Эвек ва Отонколи.

Мой отец считал, что Маркс очень похож на этого Зевса, и многие были согласны с ним. У обоих могучая голова с целой копной курчавых волос, великолепный лоб со складкой мыслителя, повелительное и в то же время доброе выражение лица. Мой отец находил у Маркса, как и у своих любныхы олимпийцев, бодрое и жизнеутверждающее спокойствие души, которой были чужды всякая расселиность и смятение. Он часто вспоминал

¹ Маркс не переводил I том «Капитала» на французский язык, а тщательно редактировал неудовлетворивший его перевод Ж. Руа. Ред.

одні меткий ответ Маркса на брошенный упрек, что «классические боги символ вечного покоя, чуждого страстн». «Наоборот, — сказал он, — у них вечная страсть, чуждая тревоги». Когда речь заходила о партийно-политической деятельности, мой отец мог очень взволиованно осуждать тех, кто рятинал Маркса в свои беспокойные дела. Ему хотелось, чтобы Маркс, подобно олимпийскому отцу богов и людей, ограничивался тем, что метал свои сверкающие молни, а при случае и громовые стрелы, по не расточал своего драгоценного времени на повседневную суету. Так очень быстро летели дин в серьезных разговорах и в шутках. Сам Маркс не раз называл это время озансом в пустыне своей жизни.

Два года спустя моим родителям снова посчастливилось в течение нескольких недель видеть у себя Маркса. На этот раз его сопровождала старшая дочь Женни. Приваскательная, стройная, с темными локонами, она по внешнему виду и по складу ума была очень похожа на своего отца. Это была веселая, живая и приветливая, в высшей степени воспитанная и тактичная девушка; все грубое, бросающеся в глаза, ей претило.

Моя мать быстро подружилась с Женин и всю свою жизнь с любовью вспоминала о ней. Мать часто рассказывала, как много Женин читала, как широк был ее кругозор и как она восхищалась всем благородным и прекрастым. Она была большой почитательницей Шекспира и, вероятно, обладала драматическим талантом, так как однажды выступила в одном лондонском театре в роли леди Минебет. Как-то она исполина у нас, но только в присутствии моих родителей и своего отца, демоническую сцену с письмом из этой роли. Деньги, которые она получила тогда в Лондоне как артистка, она дала на пальто из настоящего бархата для старой верной служанки, которая вместе с семьей Маркса приехала из Трира в Англию и которая в радости, горе и нужде неизменно сохраняла свою любовь и привязанность и всю мизмы оставалась преданкой этой семя

Талантом бережливости и практичности в денежных делах семейство Маркса не отличалось. Женни рассказывала, что ее мать вскоре после своей свадьбы получила небольшое наследство. Молодые супрути получили все наследство деньгами, положили деньги в ларец с двумя ручками и взяли его с собой в купс. Выйдя из него, они вместе несли ларец и во времы свадебного путешествия брали его в разные отели. Когда к ими приходили в гости нуждыощиеся друзья или единомышленники, они ставили ларец открытым на столе в своей комнате, каждый мог брать из него, сколько ему взадумается — конечно, он скоро опустел. Позднее в Лондоне они часто терпели горькую нужду. Маркс рассказываль, что они нередко были выгумдены закладывать закладывать закладывать закладывать закладывать закладывать закладывать сторя получения прижуку. Маркс рассказывать, что они нередко были выгумдены закладывать закладывать закладывать закладывать сторя пределя пределя при закладывать закладывать закладывать закладывать закладывать закладывать закладывать сторя пределя п

или продавать все, что у них было ценного. Семьи Вестфаленов находилась в отавленном родстве с английскими герцогами Аргайлскими. Когда Женни фон Вестфален вышла замуж за Карла Маркса, ей в придавое пошло серебро с гербом герцогов Аргайлских, нядавна бывшее собственностью семьи. Маркс сам отнес несколько тяжелых серебряных ложек в ломбард и был там вынужден доказывать, каким образом и нему попали предметы с этим хорошо известным гербом знатной семьи, что, конечио, ему удалось сделать очень легко. Когда умер его единственный сын, нужда была так велика, что они ем могли оплатить раскоды по его погребению. В эту и ноъ Маркс поссара...

Во время своего пребывания в Ганновере Женни подарила моей матери так называемую «книгу-исповедь»: такие книги появились тогда в Англии. а затем и в Германни под названием «Познай самого себя». Маркс должен был начать эту книгу, и Женни написала для своего отца на первой страинце ряд заранее данных вопросов, но они так и остались незаполненными; он на них не ответил 1. Сама Женни написала свои признания на втором анстке, и мон родители нашли их настолько для нее характерными, что я хочу воспроизвести их здесь. Она написала их по-английски, что для нее было привычнее, чем по-немецки. Она считала, что по-английски она напишет на одной странице столько, сколько по-немецки - на четырех, ибо анганйский язык, по ее мнению, более краток, точен и деловит. Свои дружеские письма, напротив, она писала на французском языке, который казался ей сердечнее и теплее для передачи мыслей и чувств. Ее немецкое произношенне было совершенно прирейнским, как и произношение ее отца. Она с детства не была на Рейне и слышала только, как говорят родители и верная служанка из Трира.

Для понимания «неповеди» я должна предпослать несколько слов. Женин пишет, что в женщиме она больше всего ценит «благочестие». Вечером, перед тем, как она написала вто, разговор зашел о религии. Маркс, Женин и мой отец были совершенно свободомыслящими людьми, тогда как моя мать придерживалась других взглядов на религию, хотя ей отвратитесне был всякий пиетизм и догматическая ограниченность...

Моя мать говорила так просто, глубоко и сердечно, без всякого ложного пафоса, что все были тровуты и, вспоминая этот разговор, Женин написала, что сй больше всего нравится в женщине «благочестно».

И отец и дочь ненавидели Наполеона I, которого они называли не иначе как «Буонапарте», а Наполеона III они презирали настолько, что даже

[.] Ответы Маркса на аналогичные вопросы даны в настоящем сборнике, стр. 274—275. $ho_{e.e.}$

²⁰ Восноминания о Марксе и Энгельсе

не хотели называть его имени. Вот почему Женни написала, что самые отвратительные для нее исторические личности — Боиапарт и его племяниик.

В связи с этим я вспоминаю остроту, сказанную Марксом: «Napoléon I a eu génie, — Napoléon III a Eugénie» 1.

Жении подностью разделяда восхищение своего отца классической музыкой, они находили музыкальные произведения Генделя в высшей степени революционными. Ватнер был ей еще совершению неизвестем, в Ганновере она впервые услышала «Тангейзера» в прекрасном исполиении и пришла от него в такой восторг, что причислила Вагнера к своим любимым композиторям. Ее «изречение» в «исповеди» является, повидимому, цитатой, так как заключено в кавычки. Вопрос о счастье и несчастье она оставила без ответа. Я воспроизвожу вес так, как было в оригинале:

^{1 — «}Наполеон I обладал гением, Наполеон III — Евгенией». Ред.

^{* -} Шекспир. «Гамлет». Ред.

У нас на вечерах часто пел прекрасный концертный исполнитель Жовеф Риссе. У него был необычайно могучий баритон широкого днапазопа
и выдающиеся музыкальные способности. Между прочим, ои издал большое
количество ирландских народных песен на слова Томаса Мура в собственном переводе и музыкальной обработке пол заглавием «Арра Ирландин».
Один из выпусков посвящен моему отцу. Маркс особению охотио слушал
эти трогательные песии, ибо он, как и вси его семья, глубоко сочувствовал
весчастной угитетенной Ирландин». Говорят, Тусси долого время выражкая
это чувство н внешие, избрав своим любимым цветом зеленый и одеваясь
большей узастью в зажением.

Один ирландский борец за свободу, О'Донован Росса, был заключен аничанами в тюрьму, где с ими обращались возмутительным образом. Женин, которая его никогда не видела, писала ему под своим литературным псевдонным «Дж. Вильямс» і, выражая восхищение его стойкостью. Когда г-жа Росса узнала, что письма писала молодая девушка, говорят, она почувствовала ревность, что очень забавляло Марока.

Еслн я не ошибаюсь, О'Донован Росса уехал потом в Амернку, где он, кажется, вел себя ие особенно похвально...

Во время пребывания Маркса в Ганновере к нему часто приходяди его партийные друзья, среди них некий г-и Дицген, изящный, спокойный человек, на которого Маркс и Женни возолагали большие належды. Им особенно нравилась его уравновешенность в соединении с большой работоспособностью и энергией. Онн называли его шутливо «das Dietzchen», потому что суффиксы «chen» и «lein» среднего рода.

Когда однажды одни из этих посетителей вел себя, как нетерпящий возражений самодержец. Маркс сказал после его ухода: «Когда слушаешь такого человека, то приходится удивляться, что монархи при их воспитании и окружении не хуже, чем это есть в действительности».

Как-то речь зашла о несчастном, постыдно брошенном Наполеоном III мексиканском императоре Максимилиане. «Он должен был быть умиее и тотчас же уйти, подобно Готлибу в Испании, когда увидел, что большая часть народа его не хочет», — заметил Маркс. Он подразумевал принца Амадео Савойского, имп к которого, шутя, переводия на немецкий замк?

[&]quot;Жении Маркс писала под псевдонимом «Дж. Вильямс» статьи по ирландскому вопросу в газету «La Marseillaise» («Марсельеза»). См. К. Маркс и Ф. Энтельс. Сочинения, т. XIII. ч. 1, стр. 412—429 Ред.

² Итальянское имя Амадео («ато» — «люблю», «deo» — «бог») соогветствует немецкому имени Готляб («Gou» — «бог», «liebe» — «люблю»). Ред.

прянц отрекся от испанского трона, когда встретил революциюнное сопротивление, и будто бы заявил при этом, что людям совершенно нечего восставать — он совсем не собирается навязывать ни себя. Повидимому, Марке не считал сколько-инбудь значительной фигурой этого рассудительного, благоразуминого принца, иначе он не называл бы его «Тотляб».

Когда он навывал кого-нябудь только одянм имелем, то в этом уже чувствовалась легкая нрония. Например, Кникеля он навывал не иначе как «Готфрид». Маркс был очень невысокого мнения о нем и считал, что только пребывание Кинкеля в плену после авантюристского участия в ба-денском восстании, прервавшее его ничем не примечательную учительскую деятельность, затем его романтическое совбождение верным, мужественным Карлом Шурцем послужили рельефиым фоном для его довольно приятного, но отнодь не выдающегося поэтического таланта, и что за это он должен лишь благоварить судьба.

Время от временн, но, правда, редко, Маркс называл таким же образом Анбкнекта, которого он очень высоко ценна, хотя н не всегда разделял его мнения; его реформаторские способности он считал прямо унаследованными от Лютера. В таких случаях вместо дегкого порящания он говорил, улыбаясь: «Да. да, Вильгельм».

О Бруно и Эдгаре Бауэре он говорил, что они учреднаи общество взаимного восхищения. Таким образом, свое неодобрение он никогда не выражал в резкой или оскорбительной форме; правда, в споре он, словио в турнире, сбивал противников с коия, но никогда не повергал их в прах...

В противоположность своему в большинстве случаев снисходительному суждению о людях, он очень резко отзывался о Бакунине. По поводу девиза Бакунина: «Все должно быть разрушено» Маркс говорил, что совершению бессмысленно разрушать ценности, уничтожать свои и чужие дома, убегать из их., не зная куда, и не зная, каким образом можно снова что-инбудь построить.

Хотя Маркс признавал одаренность Лассаля, все же тот был ему крайне несимпатичен. Даже в красноречин Лассаля Маркс находил что-то смешное из-за его шепелявости. Он рассказывал, как тот однажды пылко декламировал, шепелявя, из «Антигоны» Софокла:

Суровый нрав сурового отца Я визу в доцери: ей эло не страсно.

Поведение Лассаля по отношению к Елене Денигес было при всех условиях нелепым; спровощированная дуэль на-за особы, которую он явно пре-

зирал, была полнейшей бессмыслицей. Во всей этой истории ои хотел, по минению Маркса, разыграть аристократа, ио при этом доказал, что он избрал совершению иегодный способ дурного подражания аристократам. Если бы он серьезно относился к своей миссии, он ие поставил бы на карту жизнь рамя такого фарса.

При непомерном тщеславни Лассаля трудно было-сказать, как он вел бы себя, если бы прожил дольше. Очень характерна для него его мечта вступить в Берлин во главе рабочих батальонов рядом с рыжеволосой Еленой...

Когда Маркс и Женни снова вериулись в Лондон, их переписка с моими родителями благодари длительному совместному пребыванию стала, конечно, более оживлению.

Жении, как уже говорилось, предпочитала писать письма по-французски, а короткие заметки — на английском языке. Элеонора всегда писала по-английски. Маркс и г-жа Маркс — по-немецки. Г-жа Маркс писала прелестные письма, в которых она не только наглядно описывала свою жизнь, но заботливо интересовалась жизныю моих родителей. Из ее писем было видно, как хорошо она познакомилась с инии по рассказам своего мужа и дочери Женин и какое сердечное участие она принимала во всем, что касалось нас. Моя мать говорила и читала как по-английски, так и по-французски, ио писать письма ей было привычиее и легче на родном языке.

Маркс расскавывал как-то об одиом глупом мальчике из Рейнской провинции, который постоянно жаловался: «Ах. если бы я вместо латыни учил французский», на что Маркс ему возравил: «Но ведь ты едва ли можешь просклонять слово «mensa» ?» «Какое мие дело до «mensa», — сказал мальчик. — я же чила склонять слово «tabula»!»

Моя мать написала однажды «Vivat sequens!» ¹, благодаря Женни за ее письмо, а в скобках приписала: «Ах, если бы я вместо латыни учила французский!». После этого Маркс сделал следующую приписку к очередному письму Женни: «Прошу «графиню» не жалеть, что она предпочла латынь французскому. Это не только свидетельствует о классическом и высоко развитом вкусе, но объясияет также, почему «графиня» инкогда не теряется» ².

^{1 — «}Ла здравствует следующее!» или «Ла не будет это последним!», Ред.

Угра слов: «être au bout de son latin» буквально означает «подходить к концу своей латыни», в переносном смысле — «стать в тупик», «растеряться». Ред.

К рождеству вся семья Маркса прислала нам с любовью задуманные подарки и красивые рукоделия. Среди них была самодельная шелковая театральная шляпа с цветами, которую, правда, нельяя было носить в Германии, но которую моя мать долго сохраняла на память. Гигантский пылающий плум-пудинг собственного изготовления также не раз появлялся у нас на столе...

Чтобы снова повидаться с Марксом и познакомиться с г-жой Маркс и Лафаргами, мой отец пресодоле свое отвращение к подобным мероприятиям и собраниям и поехал в Гавгу на социал-демократический конгресс ¹.

Г-жу Лафарг мой отец описывал как красивую, элегантную, милую женщину. Г-жа Маркс, стройная, очень моложавая женщина, следила там, по его словам, с огромным интерессом за партийной жизнью и была, повидимому, совершению поглощена ею...

Через несколько лет мои родители встретнлись в Карлсбаде с Марксом и Элеонорой; с последней они повнакомились теперь лично, путем переписки они уже часто беседовали с ней. Женни на этот раз не приехала, так как в это воемя она была уже г-жой Лонге и не могла оставить мужа и ребенка.

Элеонора, или Тусси, как ее называли, ии виешие, ин по своему виутреннему складу совсем не походила на свою старшую сестру. У нее были менее тонкие черты лица, ио те же умиые, карие глаза отца, и, не будучи красивой, она была весьма привлекательной. У нее были прекрасные темнорусые водосью, отдетчивающие золотом...

У моей матери создалось такое впечатление, что вта младшая дочь была любимицей в семье, вероятию, е все баловали, и она, как избалованный ребенок, следовала своим прихотям. Она так же, как и Женин, горячо любила своего отца. Она была очень умна, обладала добрым сердцем и была безгранично откровениа, так что без стеснения высказывала каждому свое мнение, даже и тогда, когда ей что-инбудь не правилось в этом человекс.

Ей было, по-моему, 19 лет, и она считала себя невестой Анссагаре, с которым усердию переписывалась. Она показала однажды моей матери письмо от него с обоащением: «Моя маленькая женчика)

Мой отец видел тогда Лиссагаре в Гааге и не почувствовал к нему никакой особенной симпатии. Внешие это был неварачный человек, значительно старше Тусси. Он был граф, но отказался от своего титула и был в ссоре со всей своей семьей из-за своих социалистических убеждений. Маркс, повидимому, не признавал этой помольки, он инкогда не говорил о ней.

¹ Имеется в виду Гаагский конгресс I Интернационала, состоявшийся в сентябре 1872 года. Ред.

Маркс был все такой же, как и раньше, даже виешие не изменился. Он с интересом наблюдал курортную жизиь людей из разных стран, по своей привычке давал юмористические прозвища более или менее бросающимся в глаза прохожим.

Разнообразные прекрасные прогулки в покрытых лесом горах, особенно романтический Эгерталь, приводили Маркса в восторг. Легенда оживила там страниме очертания гор и назвала их скалами Ганса Хейликга

Согласно этой легеиде Ганс Хейлинг был молодой пастух, завоевавший любовь речиой нимфы Эгер, которая потребовала от иего вечной вериости, угрожая в случае измены ужасной местью. Ганс Хейлинг поклялся никогда не оставлять ее, но через несколько лет он забыл свою клятву и женился на одной молодой деревенской девушке. В день его свадьбы из воли реки вдруг появилась гневияя нимфа и превратила всю свадебную процессию в гоуды застывших камней.

Марксу доставляло удовольствие выискивать в очертании скал шествующих впереди музыкантов с их валторнами и трубами, свадебную карету, правдично одетую старую даму, которая заботливо подбирает свое платье, чтобы влеять в карету. Маркс при этом прислушивался к быстрой пенистой речке, журчание которой в зачарованной долине должно было обозначать вечные слезы бессмертного существа из-за человеческого непостоянства.

В Дальвице ¹ мы посетили знаменитые кёриеровские дубы, под которыми часто сидел медленно выздоравливавший от тяжелого ранения поэт, написавший красивое стихотворение «Дубы».

С большим интересом осматрива. Маркс внаменитую фарфоровую фабрику в Айхе 2 и наблюдал изготовление фарфора. Сначала мягкая серая масса режется веревками, а затем вдавливается в разнообразные формы. Один рабочий обслуживал страиный, похожий на пряжу, вертящийся станок, на котором выдельвались очень извщувые чашки.

«Вы всегла делаете эту операцию, или у вас есть еще и другая работа?»— спросил Маркс. «Нет, — ответил рабочий, — я уже многие годы не выполныю инчего другого. Только путем практики удается так наладиты машину, чтобы эти трудные формы выходили гладкими и безупречыми». «Разделение труда приводит к тому, что человес становится придагком

^{1 —} чешское название — Даловице. Ред.

^{* —} чешское название — Дуб. Ред.

машины, — сказал Маркс моему отцу, когда мы пошли дальше, — и умствениые способности уступают место привычным движениям мускулов».

Процесс обжигания и многие отдельные небольшие процессы, затем покраска и позолота готовых предметов в большом светлом зале, повторное обжигание и, наконец, точная сортировка безупречного и менее удачного материала, даже упаковочное помещение, все было отлично организовано. Мы накупнам всяких вещей на павить:

Маркс очень охотно слушал прекрасную курортную капеллу под управением Лабицкого, а серьезные политические разговоры и обсуждение партийных дел ои сокращал до минимума, перенося их из время коротких утрениях прогулок с моим отцом или другими знакомыми мужчинами. Среди последних иаходился один польский революционер, граф Платер, который так увлекался своими идеями, что ему явио трудно было включиться в легкий разговор, как этого требова Маркс, когда ои находился в более широком кругу или в приятном обществе дам. Граф бол прияемистым, черноволосым и несколько неуклюжим человеком. Художинк Отто Кинале (автор картни на исторические сюжеты), друг моего отца, говорил, что если кто-инбудь спросил бы, который из авку граф, Маркс или Платер, то, без сомиения, был бы назван первый из них. С Книлле Маркс охотно и часто говорил об искусстве. Так текли дии, полные разнообразия и радостного оживления.

Но вдруг в последние дин, после одной более длительной прогулки, которую предприняли Маркс и мой отец, между вими произвошел разрыв отношений, которые инкогда больше не восстановились. Мой отец говорил об этом только намеками. Повидимому, он попытался убедить Маркса воздержаться от всякой политической пропаганды и прежде всего заняться третьым томом «Капитала»... «Маркс опередил свое время на целое столетие.— часто говорил поздиее мой отец, — а для успехов сегодняшнего дня больше всего притодим те люди, которые не подпимаются выше уровня своего времени; дальнозоркие не замечают близлежащих вещей, ясно видимых близорукими».

Быть может, мой отец проявил тогда чрезмерное рвенне, оказался до некоторой степени «злым Венцелем», и этого вмешательства более молодого друга Маркс не мог стерпеть; возможно, что это показалось ему посягательством иа его свободу. В результате этого прекратилась и переписка. Тусси, правда, писала время от времени, писала ли Женни, я ие знаю. Тусси всегда передавала приветы от своего отца, который посылал также книги моей матери на память о прежних беседах: риоккертовский перевод «Ма-

камы Харири», произведения Шамиссь, «Крошку Цаксеа» Э. Т. А. Гофмана, сатира которого, облеченная в сказочную форму, очень забавляла Маркса. Сам он инкогда не писал больше мосму отцу. Он, вероятно, не хотел оскорбить моего отца, игнорируя его, но все же не мог забыть того, что произоцило.

Мой отец инкогда не мог преодолеть боль от разрыва с другом, которого он попрежнему глубоко уважал, ио он ин раву не попытался вновь сблизиться с Марксом, так как не мог отказаться от того, в чем был убежден. После смерти Маркса моя мать изредка получала известия только от Тусси...

Об отношеннях монх родителей к Марксу, которые были им столь дороги, что они всегда о них очень подробно и с любовью вспоминали, можно сказать словани Шиллера:

Время безудержно мчит. — Оно к постоянству стремится. Будь постоянен, и ты в цели его закуешь.

Печатается с сокрощениями по рукописи: Franziska Kugelmann. «Kleine Zöge zu dem gossen Charakterbild von Karl Мах» (Франциска Кузельным. «Несколько штрижов к характеристика великозо Меркса») Перевод с немецеото Публикуется епервыя

Ансельмо Лоренцо ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О I ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

Я ИЗБРАН ДЕЛЕГАТОМ

авестие об избрании меня делегатом на Лондонскую конференобеда, перед последним вечериим заседанием Валенсийской конференции ², делегаты собрались в вале рабочего центра. Несколько товарищей подошло к нам, завязалась беседа. С одним из этих товарищей я имел несчасть вступить в длинный и скучиейший разговор. Наконец, мы вышли с имм погулять: товарище оставил меня на улице, предполагая, что я легко смоту вернуться в центр, но я заблудился и долго бродил по улицам, пока

¹ Речь идет о Лондонской конференции I Интернационала, состоявшейся 17—23 септября 1871 года. Ред.

^{*} Валенсийская конференция Испанской федерации Интернационала состоялась
10—18 сентября 1871 года. Ред.

не решился спросить дорогу у прохожего, котя из предосторожности хотел бы этого избежать.

Когда я явнася на конференцию, заседание уже закрывалось. Товарищ сообщил мие, что я избран делегатом на Лоидонскую конференцию и должен выехать завтра...

ПАРИЖ ПОСЛЕ КОММУНЫ

В эти дни, когда Коммуна подвергалась жестоким преследованиям и когда военные суды безостановочно выносили смертные приговоры и постановления о ссылке, пересечь всю Францию и проехать через Париж было опасно и требовало известных предосторожностей.

В Париже мы стояли два часа. Париж произвел на меня сильпейшее впечатление. Направляясь с Орлеанского воквала на воквала Сен-Лазар, я увидел ратушу в разваливах, сожженную часть Лувра, подвожие севгритутой Вандомской колонны, различные здания и частные дома, хранившие следы кроваюй недсля.

Выехав из Парижа, я увидел пруссаков, расположившихся лагерем между Аньером и Коломбом.

Ночью я вступна на английскую земаю и через полтора часа прибыл в Лондон.

У МАРКСА

Вскоре мой извозчик остановился перед домом, в котором жил можес. В дверях появился старик. Он был похож на величественного патриарха.

Подойдя робко и почтительно, я представился как делегат Испанской федерации Интернационала. Старик обиял меня, поцеловал в лоб и, заговорив по-испански, повел меня в дом. Это был Карл Маркс.

Собралась его семья, и ои сам с пленительной любезиостью подал мне ужии. Потом мы пили чай и пространио беседовали о революционных идеях, о пропаганде, организации, причем Маркс выразил свое удовлетворение достижениями в Испании.

Исчерпали ли мы тему разговора или мой почтенный собеседник хотел следовать особой склонности, но он заговорил об испанской литературе, которую, оказалось, отлично знал. Я был поражен тем, что он сказал о нашем старинном театре, историю и развитие которого он постиг в совершенствы. Кальдерон, Лопе де Вега, Тирсо де Молина — эти великие мастера, по его мнению, не только испанского, ио и европейского театра — были охарактеризованы мн в сжатых и, на мой вагляд, безошибочных суждениях.

В присутствии этого великого человека я чувствовал себя инчтожным. Тем ие менее, сделав почти героическое усилие, чтобы не показаться жалким невеждой, я сопоставил, как это принято, Кальдерона с Шекспиром и заговорил о Сервантесе. Обо всем этом Марке говорил исключительно ярко на воскищаеля генивальным дамаческим гидальго.

Надо заметить, что разговор происходил на испанском языке, которым Маркс хорошо владел, но произмошение у него было иеправильное, большей частью по вине наших жестких «кх», «хх» и «ро».

На рассвете он проводил меня в предназначенную мие квартиру.

На следующее утро я был представлен дочерям Маркса, а потом равным делегатам и другим лицам.

Старшая дочь Маркса, исключительно красивая девушка, не была покожа ни из одии видениый мною образец женской красоты. Она знала испанский замк, ию, как и ее отец, произносила слова не совесем правильно. Чтобы послушать правильное произношение, она попросила меня прочесть что-инбудь вслук. Я подошел к большой библиотеке и вынул «Дои Кикота» и собрание драм Кальдерона. Из первой квиги я прочел рем Дон Кикота к пастукам, из второй — возвышениме звучные стихи из драмы «Жизнь есть сон», признаниме перлами испанского языка и блистательнейшим выражением человеческой мысли. Я стал было поякоять их, ио это оказалось излишини» моя юная собесединца обладала достаточным образованием в тоикостью чувств, она обнаружила это, прибавив к моему изложению множество метких вамечаний, каких мне инкогда и спиходилось слышать.

Когда я выразил желание отправить телеграмму в Валенсию о моем благополучном приевде в Лондон, мне дали в проводники младшую дозм Маркса. Легкость, с которой эта услуга иеизвестному иностранцу была поручена девушке, совершенно не соответствовала обычаям испанской буржувани, и я был чрезвычайно воскищен втим.

Эта девушка, вернее, девочка, настоящая красавица, веселая и смеющаяся, воплощение юности и очарования, не знала жпанского языка. Она прекрасно говорила по-автлийски и по-немецки, но французский, на котором я кое-как мог объясняться, знала плохо. И вот каждый раз, когда она или я отвечали невпопад и говорили вздор, мы хохотали так непосредственио, так искрение, как будто бы мы давно и хорошо были знакомы друг с другом.

В ГЕНЕРАЛЬНОМ СОВЕТЕ

До начала конференции должно было состояться заседание Генерального Совета Интериационала, на которое были приглашены делегаты.

Маркс проводил меня в помещение Совета. У дверей вместе с другими членами Совета столь Бастелика, француз, председательствовавший на первом заседания Барселонского конгресса 1. Оп радостию встретна меня и представил товарищам, из которых многие были известны в истории Интернационала. Среди тех, кого я помню, были: Эккариус, Юиг, Джон Хейля, Серрайе, Вайян (эмигрант Парижской Коммуим) и другие. Маркс познакомни меня с Энгсльсом, который любезно предложил дать мне приют на время место пребывания в Лондоме.

В вале заседаний я увидел бельгийских делегатов, средн них Сезара Де Папа, нескольких французов, швейцарца Анри Перре н русского Утина. В тот жк вечер открылась конференция.

На книзи: Anselmo Lorenzo. «El proleterisdo militante» (Ансельно Лоренцо «Борющийся пролетариат»), т. 1, Барселона, 1923 Перевол с испанского

¹ Барселонский контресс Испанской федерации Интернационала состоялся в июне 1870 года. Ред.

М. Ковалевский ВСТРЕЧИ С МАРКСОМ

Высланный из Парижа министерством Гизо, Маркс, прожив нетовских событий 1848 года, издавал около года «Новую рейнскую газету», две раза был предан суду, но оправдан и, наконец, вынужден был покинуть Гермазию.

. Попытка устроиться в Париже не увенчалась успехом, и Маркс избрал Лондон своим постоянным местопребыванием...

После поражения революции 1848 года Маркс постепенно приходит к заключению, что революционный подъем временно исчерпал свои силы. В рецензии на книгу Шеню о заговорщиках 1 он очень определения выказывает свое отрицательное отношение к тем, кто считает возможным ускорить ход событий путем заговоров. Таких лодей он называет алхимиками.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 293-305. Ред.

революции. Они наощряются в изобретениях, призванных, в их глазах, совершить чудеса, и не желают считаться с темн предпосылками, без которых никакое движение не может найти почвы...

Поселившись в Лондоне, Маркс принужден был обеспечить себе средства к жизни сотрудничеством в американских газетах. В декабре его жена пишет своим знакомым, что днем Карл работает ради насущного клеба, отправляя корреспонденции в нью-йоркскую «Tribune». По ночам же он сидит за книгами, чтобы закончить свою «Политическую экономию». то есть готовит первый том «Капитала». Г-жа Маркс высказывает надежду, что найдется же какой-либо издатель для этой книги. Пятью годами ранее Маркс не разделял этой надежды. В 1852 году в одном из его писем мы читаем, что в Германии теперь ни одно книгоиздательство не решится печатать написанное нм. Остается только издавать на свой счет, что для него, при его тогдашних обстоятельствах, было невозможно. Хотя, повидимому, н в 1857 году не было уверенности, что издатель найдется, Маркс тем не менее посвящал большую часть своего времени и подготовительным работам в Британском музее, и редакции первого тома, так как был уверен в том, что послужит интересам рабочей партни всего более построением того, что он называл «научным соцнализмом». В одном из его писем к Кугельману мы читаем, что популяриыми научные попытки революционизирования науки инкогда быть не могут. Но как только научные основы положены, популяризация их — дело легкое...

В 1873 году Маркс и Энгельс напечатали чрезвычайно резкий обвинительный акт против той организации анархической молодежи романских стран (Альянс социалистической демократии), во главе которой стоял Бакунин, исключенный со своими стоориниками из Интеонационала 1...

Маркс не оставлял без возражения выпадов, делаемых на него и на лагеря социальнетов такими, например, писателями, как Дюринг. Известная брошюра Энгельса «О минмом перевороте, произведенном в науке» берлинским приват-доцентом³, была, несомненно, внушена Марксом и отразила на себе его вагляды.

Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве

¹ Речь идет о работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. К. Маркс и Φ . Энглъс. Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 537—649). Ред.

² Имеется в виду кинга Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», Ред.

Маркс подарил мие обе брошюры. Из монх рук они перешли к профессору Зиберу и использованы им были в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мной впоследствии в Москве «Критическом обозоснии», частью в «Отечественных записках».

Моим знакомством с Марксом я обязан был человеку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену Парижской Коммуны. Рекомендовавший меня был одним из двух авторов дневника, веденного во все продолжение восстания и озаглавденного «Реводоция 18 марта» ¹...

Первые наши разговоры касались по преимуществу Бакунина, которого Маркс сам ввел в круги международной эмиграции Лондона и который одно время собирался быть переводчиком первого тома «Капитала» на русский язык. Эта задача, как известию, была выполнена впоследствии Николаем — эсном ², пол участии Гесмана Лопатину.

В Лондоне в первую зиму мие пришлось быть у Маркса всего несколько раз. Он жил неподалеку от Риджентс-парка или, точнее, его продолжения, известного под названием Мейтленд-парк, в полукруглом скверс. Я помню еще номер его жилища — 41. Маркс занимал весь дом. В первом этаже помещалась его библиотека и гостиная. Здесь обыкновенно он принимал своих знакомых. В это время две его старшие дочери были уже замужем. Одна вышла за члена Парижской Коммуны Лонге, другая — за известного теперь писателя Поля Лафарга; младшая, Элеонора, которую дома звали Тусси, уваксклась в это время театром. игрои Ирвинга в шекспировских пьесах и одно время думала посвятить себя сперь.

Я особенно сбливился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам и настолько сошлись, что в письмах того времени, недавно обнародованих в журнале «Былое» 3, он относит меня к числу своих «научных друзей».

Маркс работал в это время над вторым томом своего труда, намеревися отвести в нем значительное место порядку накопления капиталов в двух сравнительно новых странах — Америке и России, получал поэтому

¹ Имеется в виду Поль Корье, один на авторов диевника, наданного в Париже в 1871 г. под названием «Histoire de la révolution du 18 Мага» («История революция 18 Марта») Ред.

псевдоним русского вкономиста, народника Н. Ф. Даниельсона. Ред.

Речь идет о письме Маркса к Даниельсону, опубликованном в журнале «Минувшие соды» № 1, 1908 г., который выходил вместо закрытого в октябре 1907 г. журнала сбимос» № 2, в соды в со

иемало книг на Нью-Йорка и Москвы. Его можно было считать полиглотом. Он не только свободио говорил по-иемецки, по-английски, по-французски, ио мог читать на русском, итальянском, испанском и румынском языках. Читал он массу и нередко брал у меня книги, в том числе двухтомный трактат по истории земельной собственности в Испании и известиюе сочииение Моргана «Древнее общество», привезенное мною из моего первого путешествия в Америку. Оно доставило материал для наделавшей шуму брошюры Эйгельса «О порискождении семьи».

Зиать Маркса— значило быть также приглашаемым иа воскресиые вечера у Энгельса...

Сам Маркс допускал к себе постороминх людей с разбором. Многне из известных европейских писателей, в том числе Лавеле, тщетио выражали ему желание вступить с ним в личное знакомство. Он сторонныел от инх, жалуись из нескромность газетных и журнальных интервыосров, раз онн являлись его идейлыми противниками.

Из англичан ои был в хороших, по все же далеких отношениях с некоторыми членами кружка поэнтивистов, в особенности с профессором Бизли, принимавшим в то время участие в издании демократической газета «Beehive» («Пчелиный улей»). Я встречал у Маркса также не раз известного английского социалиста Гайндмана, в то время еще бывшего в лагере тори и весьма сочувственно относившегося к Дизразам.

Нельзя сказать, чтобы Маркс в это время хорошо был известен в английских лигературных кругах. Его «Капитал» не был еще переведен на английский язык, н успех его ограничивался пока двумя странами — Германией и Россией. Появление первой части «Капитала» подало повод теперешиему профессору Петербургского уливерситета Иллариону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и в общем сочувственный этод в «Вестнике Европы» ¹. Впоследствии о «Капитала» Маркса писал пемало и русский экономист Зибер, автор сочинения «Давид Рикардо и Карл Маркс». Но нз всего написанного о «Капитале» в Россин Маркс всего более ценил статью Кауфмана.

Русская экономическая и нсторическая литература интересовала его. В его сочинениях встречаются ссылки на «Мелезиодорожное хозяйство» А. И. Чупрова. Одио из его писсы ком ине посвящено оценке кинги Кареева «Крестьяиский вопрос во Франции XVIII в.», а после кончины Маркса

 $^{^1}$ Имеется в виду статья И. Кауфмана «Точка эрення политико-экономической критики у Карла Маркса», опубликованная в журнале «Вестник Европы» № 5, май 1872 года. ρ_{cd} .

²¹ Воспоминания о Маркее и Энгельсе

Энгельс показывал мне обширную тетрадь выписок из моей книги «Об обшинном землевладении».

Маркс, долго работавший в библиотеке Британского музея и до некоторой степени надорвавший этой работой свое здоровье, привык к чтению официальных отчетов, подобных английским Синим книгам, и поэтому не прочь был получать из России казенные надания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д. Николай — он и я посылали ему, что могли, а его жена, очень озабочения скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (сhop), если я своими присылками буду мешать ее мужу постаньть давно ожидаемую точку. Марке несколько раз переделыва второй и третий тома «Капитала». Он собирался закончить все сочинение «критической историей экономических доктрин» ¹, но эта часть его намерений так и осталась невыполяеной.

Будничные днн Маркса уходили на работу. Он отводил сравннтельно небольшое число часов на корреспонденции в нью-йоркскую газету «Ттіbune». Остальное время он сидел дома за пересмотром и исправлением уже написаниям частей своего сочниения.

Его библнотека, помещавшаяся в комнате в три окна, была составлен исключительно на рабочих книг, которые иередко в большом беспорядке разбросаны были на письменном столе и креслах. Иногра мне приходилось заставать его за работой. Маркс до такой степени был погружен в нее, что ему не сразу удавалось перейти на разговор о чем-то другом от посемета. непососедственно овладевшего его виманием.

В воскресенье он любил гулять в парке с семьей, но и во время этих прогулок темой для разговоров служили нередко вопросы, весьма отдаленные от действительности.

Это не значит, однако, чтобы он не увакевался политикой. По цельми часам он сидел за чтеннем газет, и не только английских, но всего мира. Я однажды застал его за чтеннем газеты «Românul» («Румын») и имел возможность убедиться в том, что он вполне свободно справляется с мало кому доступным румымским языком.

За все время моего знакомства с ним он только однажды отлучился из Лондона и уехал на несколько недель в Карлсбад. Его пропустилн через

¹ Речь идет о работе Маркса «Теорин прибавочной стоимости», дошедшей до нас в виде черновой рукописи. См. К. Маркс. «Теорин прибавочной стоимости» (1V том «Капитала»), часть 1, 1954. Ред.

Германню только под условнем не оставаться в ней более нужного для проезда числа дней. Въезд в Париж оставался для Маркса запретным со времени министерства Гизо. Тьер и Мак-Магон едва ли охотпо открыли бы ему доступ во Францию после выхода в свет его «Гражданской войны» попытки защичить Коммуну, только что подавленную в крови версальским поавительством.

Что всего более поражало в Марксе—это его страстное отношение ко всем вопросам полнтики...

Из писем Николая —она и из статей Кауфмана и Зибера Марке мог убедиться, что молодые экономисты в России с увлечением относится к его ваглядам и готовы следовать ему в критике господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатление, получаемое им из России, должно было еще усилиться от сопоставления с тем систематическим итнорированием его работы, в каком повины были до последнего времени английские экономисты. В моем присутствии Гайндман сообщал Маркеу следующий факт. Велед за популярной лекцией известного английского экономиста Леви о «тармонии интересов» назначено было собсесдование, на нем Гайндман решился высказать сомнение, чтобы интересы выск жлассов общества былы согласованы между собой, находились в гармонии. В подтверждение своего скептицизма он сослался на «Капитал» Маркса. «Я не занао такого сочинения», последовал ответ Леви. «Капитал» Маркса переведен был на английский язык только после смерти автора и лишь в слабой степени проник в среду англяйских экономистова.

В те годы, когда я посещал воскресные собрания в доме Маркса в Мейтленд-парке или встречался с Марксом у Энгельса, автор «Капитала» всещело уходил в научную работу, задачи которой Маркс понимал весьма широко. Ему сплошь и рядом приходилось посвящать недели и месяцы чтению сочинений по экономической истории, в частности по нстории землевладения, которые ниела нишь косвенное отношение к его главной теме. Он возобновил также занятия математикой, дифференциальными и интегральными вычислениями для того, чтобы сознательно отнестисе к только что возникавщему тогда математическому направьению в политической экономин, во главе которого мы находим ныне таких ученых, как Эджворс и каким во времена Маркса являлся уже Джевоис.

Начитанность автора «Кашитала» в экономической литературе, в частности, в английской, была громадна, но ее нельзя сравнить с той «Belesenheit», какой «блещут» немецкие профессора и в числе их Рошер, эта «bête noire» і автора «Капитала», не раз снабжавшего свое сочинение примечаниями вроде следующего: «Г-н Рошер поспешил поддержать своим авторитетом приведенную банальность». В своих огдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала. Если за последнее время экопомисты занитересовались «Политической архифенткой» и другими сочинениями Уильма Петти, современниях Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собрание его сочинений, но и ряд мемуаров о Петти, и притом почти на всех языках образованного мноа. то втим мы в значительной степеция обязаны Марксу.

Знакомство с историей вкономических учений позволяло автору «Капитала» сразу опредолять степень оригинальности писателей, умевших привлечь к себе общественное внимание быющей в глаза формой своих произведений. Говоря это, я имею в частности в виду Джорджа, увлечение которым одно время приняло в Англани размеры, довольно блиязие к тем,
в каких оказалось в XVIII веке увлечение личностью и доктринами Руссо.
Марке едва ли не первый заметил, что в учении автора «Прогресса и белности» повторяются возврения физиократов на земледелие, как на единственный источник чистого дохода, и на единый земларый налог, как долженствующий поглолять в пользу государства большую часть ренты. В бумагах Маркса найдена была кригическая статья, направленная против
Джорджа и доказывающая односторонность и неприемлемость его выводов.
Она позвилась в печати уже после смерти Маркса ²...

Маркс не был мрачным и высокомерным отрицателем буржуазной науки и буржуазной культурм. Вынесший из тесного общения с Гейне веселость, связанную со способностью к остроумной сатире, человек жизнерадостный благодаря тому, что лачные его условия сложились как нельзя более благоприятно, Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мие приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить о себе, как об однолюбе. В ранней молодости он встретился с девушкой из высшего круга и влюбился в нее, как можно только влюбляться в студенческие годы. Семья Вестфален была шотландского происхождения и в родстве с герцогами Аргайлскими. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. В минуту безденежья в Париже он решился заложить в местном ломбарде фамильное се

^{1 —} буквально: «черный зверь», т. е. страшилище, предмет неприязни. Ред.

⁸ Иместе в виду письмо Маркса к Зорге от 20 июня 1881 г., опубликованное в журнавл «Die Neue Zeit» («Новое время»), т. 2, 1891—1892 гг. (см. К. Маркс и О. Эмгельс. Сочимения, т. XXVII, стр. 137—140). Ред.

ребро, полученное им в приданое за женой. На этом серебре нашли герб Аргайлей и задержали Маркса, как присвоившего себе чужое достояние. Я слышал этот рассказ от самого Маркса, который сопровождал его громким и добродущимы смехом.

Жении Вестфален была в детстве товарищем по играм мальчика Караа. На четыре года оща была старше его. Здоровая, веселая, красивая, «самая красивая из девушек Трира», как ее называли, оща уже подростком сделалась царицей балов. Маркс не успел еще окончить гимназии, как влюбился в подругу своих детских игр. Уезжая в университет, он тайно обручился со своей невестой. Старик Вестфален, как рассказывал мие Маркс, примальемал к числу людей, увлечениях доктриной Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором «Капитала». Судьба разметала его детей в разные стороим: одного сделала членом прусского реакционного министерства, другого — борцом за свободу негров в междоусобной войне против южных штатов Дмерики...

В свое время Бруно Бауэр, имея в виду тогдашиюю невесту Маркса Жении, писал ему: «Она способия перенести с тобой все, что только может случиться». Эти слова были пророческими. Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал иужду, но Жении с философским и в то же время весельм равиодушием относилась к этим превратиостям судьбы, озабоченияя только одиим, чтобы ее «дорогой Карл» но уделял слишком миюго времени на приобретение средств к жизни.

Редко кто принимал так радушио в своей скромной обстановке, как же Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame» ¹. Маркс и с седой бородой любил начинать новый год танцем со своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присутствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжествениюм маюше...

Приходит мие на ум еще одии семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла с двумя ес сыновъями. Сестра никак не могла примириться с тем, что ее брат — вомър соцналистов, и настанвала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом... Не прочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета

^{1 — «}знатной дамой». Ред.

или несравненно более ценимого им Ирвинга. Помино я также, как мы заседали с Марксом вместе в Аедурtian Hall, задетые оба за живое точным воспроизводением всех фокусов спиритов человеком, заявлявшим, что он был в их среде, повторяет то, чему научился, но не настолько прост, чтобы объяснить публике, как он это делает, так как в противном случае перестанут бывать на его представлениях.

Деля свои привязанности между семьями двух замужних дочерей и старым другом Энгельсом, платившим ему более чем вваимностью, Маркс посвящал ни весь свой досуг. Круглый день ои занят был серьевным, всещело захватившим его научным трудом, и все же находил время с жаром отязываться на все вопросм, так или нначе заделавшие интересы рабочей партин вообще и немецкой социал-демократии в частности. Из ее вожаков он более других ценил Бебеля, в меньшей степени — Либинехта. Он не раз жаловался на то, что последний испорчен Лассалем, и прибавлял, шутя и сердясь: трудно ввести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента (таким именно приват-доцентом, по словам Маркса, и был Кибинехт).

С какою страстностью Маркс относился и в пожилом возрасте ко всяким попыткам остановить успеки рабочей партин, об этом можню судить по
следующему факту. Я случайно находился в его библютеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло нявестие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это
известие словами проклатия по адресу террориста и тут же объясил, что
от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только
одного — новых преследований социалнстов. К сожалению, исполнение пророчества не заставило себя ждать: Бисмарком изданы были известные законы, значительно затормозившие успешное развитие немецкой социаллемокоатии.

Поступление мое профессором в Московский университет положило коиец двухгодовому, почти еженедельному обмену мыслами с автором «Капитала». Мы первое время изредка продолжами писать друг другу. Пры посещении легом Лондона я возобновил мои визиты, обыкновенио по воскрессеным, выпося каждый раз на наших свиданий новый стиму л к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада. Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы
не занялся ин историей землевладения, ин экономическим ростом Европы
и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития полятических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной поедмету.

Маркс знакомился с моими работами и откровенно высказывал о иих свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и в частности о юрислиции налогов в ней, то отчасти под влиянием отрицательного отярыва, какой дан был мне о моем труде Марксом. Он более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или наложить ход развития семейных порядков с древнейших времен на основании данных совянительной этногоафии с одавнительной истории повва.

Научная критика также весьма интересовала его, ои был в числе винмательных читательей издаваемого мной одно время «Критического обозрения». быть может, единственным в Англии.

Годы, проведенные мной в Италии, Испании, а затем в Америке, — последние годы жизии Маркса. По возвращении в Европу я узнал о двойном его горе: о смерти жены и старшей дочери. Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден был провести целую зиму в Алжийе. Еще в те годы, когда я почти еженедально бывал у него, он жаловался на боль в груди. Но так как его телосложение не отвечало представлению о человеке, страдающем чахоткой, все его близкие объясияли эти жалобы его миниой минтельностью. Оказалось, однако, что Маркс надорявла свое здоровье неумеренной работой в библотеке Британского музея. Зима, проведенная им на юге, была ненастной. Маркс простудился и вернулся в Лондон еще более больным, чем прежде.

Энгельс рассказывал мне о последних днях его жизни... Маркс тщетно искал забмения в усилениой работе над окончанием споего «Капитала». Здоровые его все более и более укупшалось. В промежутке между двумя смертями он принужден был уехать на юг. Вернувшись больной, он вскоре поражен был известием о кончине дочери. Этого нового удара он не в состояния был вынестия..

Мои воспоминания о Марксе относятся к эпохе, следовавшей уже за выходом его наиболее полного и законченного труда — первой части «Капитала». Маркс вступил уже в это время в седьмой десяток, но сохранял еще всю свою бодрость и жизнерадостность...

Маркс однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по дналектическому методу, ну а не логически, — хотя бы и по повитивиому... Маркс был глубоко убежден в неоспоримости того приема мышления, какой был дан ему гегелевской философией в толковании ее радикальных последователей, в их числе знаменитого Фејелобаха... За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я припомню инчего, хотя бы издали напомняющего третирование старшим младшего, какое я испытал в мокх случайных встречах с Чичериным и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, невысоко ценил своих «друвей только по науке» (scientific friends), предпочитая им товарящей по классовой борьбе пролегариата, но не проявлял этих личных пристрастий в своем поведении. На протяжении двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодариую память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научкой деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастве встретнтея с одиим из тех умственных и иравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться великими, так как в свое время являются самыми крупными выравателями прогрессивных течений общественноста самыми крупными выравателями прогрессивных течений общественноста самыми крупными выравателями прогрессивных течений общественноста.

На работы М. Ковалевского
«Две жизни», напечатонной в журноле
«Вестник Европы» № 7, июль 1909 г.

Н. Морозов

У КАРЛА МАРКСА

Раскабре 1880 года я поехал в Лондон и вместе с монм товарищем по «Народной воле» Львом Гартманом, который часто бышему тогда еще на локомотивах. Маркс оставался в те дни дома только со своей дочерью Элсонорой.

 — Mister Marx in? (Дома мистер Маркс?), — спросил Гартман молоденькую прислугу, когда она отворила выходящую на уляцу дверь, после того как сделаны были по ней три удара висячим молотком, заменявшим тогда в Англин звонок.

Она ответила ему, как знахомому, что Маркс еще находится в Британском музее, но дочь его дома.

Почти тотчас же после нашего входа в приемную вышла и она — хорошенькая стройная девушка немецкого типа, напоминавшая мне романтическию Госкуен, нля Маргариту, на «Фауста». Мы начали разговор по-английски. Но, заметив, что я, затруднившись сказать какое-то английское слово, употребил вместо него французское, она сейчас же перешла на французский язык, на котором и продолжались все наши разговоры.

Она повторила, что отец ее ушел в Британский музей и возвратится только вечером. Посидев с нею с полчаса, мы ушли и пришли в условленный час на следующий день.

Я корошо помино, что первое мое впечатление от Маркка было: как он похож на свой портрет! И после того как мы поэдоровались и уселись вокруг небольшого столика, с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это. Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то куреезно чувствовать себя человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой поотоет.

Он показался мне скорее среднего роста, по довольно широкого сложения и был очень приветлив с нами обоими. Но сразу чувствовалось во всех его движениях и словах, что он вполне понимает свое выдающееся значение. Никакой мрачности или замкнутости, о которой я от кого-то слышал, я в нем совершенно не заметил. Правда, в то время в Лондоне был такой туман, что во всех домах городи лампы, в том числе и у Маркса, и даже — ясно помню — с зеленым абажуром. Но и при этом освещении я хорошо рассмотрел и его, и его кабинет, в котором три стены были уставлены кингами, а на четвергой виссли какиет о портреты.

Кроме Элеоноры, никто к нам не выходил, и у меня составилось впечатление, что в то время в этом домике не было других членов семьи Маркса. Элеонора же все время выбегала к нам и, сидя на кушетке, носколько в стороне, принимала участие в разговоре, причем нам принесли по чашке чао с бисквитами.

Разговор шел главным образом о наших народовольческих делах. Маркс чрезвичайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавнем представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, похожим на фантастические романы.

Когда я дня через два снова зашел к Марксу перед отъездом из Лоидона, я снова провел с ним и с его дочерью некоторое время, и при прощании он вручил мне приготовленные для меня пять лаи шесть книжек. Он обещал мне написать и предисловие к той, которую мы выберем для печати, как только пришлем ему первую корректуру нашего перевода.

Узнав, что я через две-три недели возвращаюсь в Россию, он крепко пожал мне руку с пожеланием счастливого возвращения оттуда. Мы оба

обещали перепнсываться друг с другом, но это не осуществилось. Возвратившись в Женеву, я нашел там письмо Перовской, извещавшее меня, что ряд готовящихся событий требует моего быстрого возвращення. Я собрал вещи и посхал, но 28 февраля, при переходе границы был арестован под именем студента Женевского университета Локиера и перевезен в Варшавскую цитадель, где узнал о событиях 1 марта 1 посредством стука в стену от сидевшего рядом товарища Тадеуша Балицкого.

Заключенный сначала в Алексевский равелин Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбург, я до самого своего выпуска в конце 1905 года не зиал, чем окончились мон переговоры с Марксом. Не знал я этого и после, вплотъ до 1930 года, когда в присланиюм мие издании Общества политкаторжан «Литература партии «Народная воля» я вдруг увидел «Предисловие» Маркса к «Манифесту Коммунистической партии», изданному в основанной при моем участви «Социально-революционной боклютеке». И это навеждо на межи целый рад воспоминаний.

Я вспомина свои свидания с Марксом и его дочерью; вспомина, как, уезжая спешио из Женевы в Россию, я отдал кому-то из оставшикся там сотрудников «Социально-революционной библиотеки» (кажется, Пасханову) его «Манифест» и остальные киижки для перевода на русский язык.

Особенио же отрадно было мне прочесть в только что упомянутом предисловии Маркса такие слова:

«Царя провозгласнан главою европейской реакцин. Тепера ои — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» 3.

Это были буквально те слова, которые он сказал мне на прошанье.

Напечатано в завете «Изоестия» № 260. 7 ноября 1935 г.

^{1 1} марта 1881 г. народовольцами был убит царь Александр П. Ред.

² То есть в 1881 году. (Примечание Морозова.) Предисловие Маркса и Энгельса к русскому наданию «Манифеста Коммунистической партин» датировано 21 января 1882 года. Ред.

³ К. Маркс и Ф. Энзельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 3. Ред.

ЭРНЕСТ БЕЛФОРТ БАКС ВСТРЕЧИ С ЭНГЕЛЬСОМ

Первая половина 80-х годов была важным поворотным пунктом в умственной и общественной жизни Англии. Как раз весной 1881 года Гайидман основал Демократическую федерацию, которая впоследствии стала Социал-демократической федерацией, а еще поже Британской социальитической партией...

В 1882 году я вступил в Демократическую федерацию; это было через год с лишним после ее основания.

Около этого времени я стал серьезно изучать великое произведение Маркса «Капитал» и к концу 1881 года поместил в давно загложшем уже теперь ежемесячнике под названием «Modern Thought» («Современная мысль») небольшую работу о Марксе и его труде. Эта работа, хотя и не безупречная в смысле точности, понравилась Марксу и Энгельсу. Сам Маркс, который был тогда серьезно болен и не мог писать, выразил мне свою признательность и дал высокую оценку в письме, написанном его дочерью Эльгонорой.

Великий основоположник теоретической базы современной научной социалистической экономин прожил еще год с мищим после этого, но большую часть этого времени лечнася и был в отвезде. Мне так и не удалось его увидеть. Однако вскоре после смерти Маркса, в марте 1883 года, упомянутая статья вызвала приглашение со стороны Фридрика Энгельса навестить его. Это посещение положило начало знакомству и дружеским отношениям, продолжавшимся вплоть до смерти Энгельса в 1895 году.

Я считаю Фридриха Энгельса одним из самых замечательных людей сого времени, человеком энциклопедической образованности и больших современных знаний во всек отраслях нажив. Все, что Энгельс писла или говорил, всегда было обосновано и заслуживало внимания, даже в предметах, которыми он не так владел, как владел, например, политической экономией...

Когда случалось разговаривать с Энгельсом о какой-нибудь чисто философской или пискологической проблеме, он рассматривал ее как выражение какого-нибудь общественного противоречия или как точку зрения того или иного общественного класса в какой-либо особый момент его развития — будь то разлагающийся класс феодалов или поднимающийся класс буржуазни... Все историческое развитие мысли толковалось, как изменяющееся выражение классовых стремлений или противоречий.

Помню, как однажды, споря с ним по поводу материальстического понимания истории, я предложил ему вывести появление в Римской империи II века гностических сект и временный успех многих из них среди населения крупных городов средиземноморского бассейна из экономических условий римского мира того времени. Энгельс сказал, что не может сделать этого, но высказал убеждение, что при углубленном изучении вопроса можно придти к тому или иному экономическому объмсению этого, по его мнению, интересного побочного вопроса истории. Беседа наша была прервана приходом гостей и больше не возобнов-лачась.

Как хорошо известно, социал-демократическая партия всегда признавала Маркса и Энгельса чем-то вроде верховной инстанции... Как общее правило, Маркс и Энгельс были окончательными арбитрами в вопросах

 $^{^1}$ Гиостицивж — мистическое религиозно-философское течение в раннем христианстве. Ред.

политики партин. После смерти Маркса эта роль, естественно, выпала на долю одного Энгельса...

Старый товарищ Маркса, переживший его, был до конца верен убеждению, что социальная револющия не может быть начата иначе, чем путем насильственного восстания, особению в Германии. Много раз он при мие говорил, что как только руководителн партин смсгут рассчитывать на каждого третьего солдата, то есть на одну треть германской армии действительной службы, следует начать револющиюнные действия. Энгельс, конечно, счел бы «социализм» Шейдемана, Зюдекума, Носке и прочей ревизнопистской братии, составляющей большинство партийного представительства в рейкстате, не чем иным, как реакцией в ее худшей форме...

Благодаря своему пребыванию в Манчестере Энгельс с юных лет приобрел основательное знакомство с английской жизнью, нравами и мировоззрением. Энгельс рассказывал интересные случан из собственного опыта, отображающие быт английского общества в первую половину девятнадцатого столетия—в ту пору, когда, как он говорил, «прованское масло еще не появлялось на английских обеденных столах». По его рассказам, курение считалось в то время в обществе более или менее «дурным тоном». Хозянн одного дома, куда Энгельс был приглашен на обед, любил выкурить послеобденную торубку, хотя это и шокировало его благопристойных дочерей. Чтобы спокойно покурить, он пригласил Энгельса на кухню! А это был богатый манчестерский промышленник, живший в хорошем доме...

Слышал я от Энгельса также историю о том, как во время прогудки в воскресенье утром он иногда встречал одного-двух бородатых, как и он, людей, — а борода считалась в то время признаком крайней эксцептричности, так как редко кто из англичан посил ее, — и эти бородатые люди привестствовали его с каким-то релагиозаным пылом...

В качестве издострации к тому, что в 40—50-х годах прошлого столетия в Англин все поголовно посещали церкви, Энгельс рассказал о беседе, которая состоялась в доме одного из его манчестерских знакомых, к которому он был приглашен на второй завтрак в воскресный день (тогда в буржуваных кругах это еще не называлось «ланчем»). Разговор, по обыкновению, зашел об утренних проповедниках, и Энгельс, когда его спросили, какой «храм» он посещает, ответил, что каждое воскреспое утро гуллет за городом, так как считает это лучшим времяпрепровождением для начала своего дня отдыха. Услышав это, хозяни обратился к нему с таким замечанием: Вы, кажется, придерживаетесь особых религиозных взглядов, мистер Энгельс?

Эти слова характерны для господствовавших в тот период понятий, когда респектабельный буржуваный ум не мог даже допустить мысли, чтобы у человека — в данном случае речь шла об убежденном атеисте Энгельсе — не было каких-либо реаличовных вязглялов...

На кници: Ernest Belfort Bax. «Reminiscenses end Reflexions» (Эрнест Белфорт Бакс. «Воспоминания и размышления»). Лопдон, 1918 Перевод с визмийского На русском явыке публикуется впервые

ЭДУАРД ЭВЕЛИНГ

ЭНГЕЛЬС У СЕБЯ ДОМА

1

D социалистических и других газетах всего мира уже писалось о жизни и произведениях великого социалиста, который недавно умер. В этой статье я расскажу кое-что о жизни в доме Энгельса.

Наиболее яркие личности из всех встречениых миой были Карл Маркс, Чарля Дарвии, Фридрих Энгельс и — из совершению другой области жизии — Генри Ирвииг, Во всех четных случаях большая интеллектульная сила соединялась с виушительными физическими качествами. Что касается Маркса и Дарвина, то хотя их сочинения и деятельность были, более или менее, известны мие, но я имел великое счастье видеть их только один или два раза. Я видел Маркса единственный раз в жизни, будучи еще молодым человеком. Я читал лекцию детям сиротской рабочей школы в Хаверсток-Хилл на тему «Насекомые и цветы». Это был повадинуный день

в школе и, кроме детей, на лекции присутствовали варослые, интересующиеся этой темой. Когда лекция закончилась, ко мне подошли и представились старий господни с львниой головой, дама и молодая девушка. Этот господни был Карл Маркс, дама — его жена, Женин фон Вестфален, а девушка — их дочь Элеморол. Я до сих пор помню любезыме и великодушные слова слишком великодушной оценки и поощрения, сказанные мне Марксом. Следующий раз я увидел его, когда он был мертв. Но о нем у меня остажсь в памяти впечат-сние как о человеке большой физической силы...

Фридрих Энгельс был около 6 футов ростом. До своей последней босевии он отличался военной выправкой. Он легко исс бремя своих семидесяти с лишним лет. Его военияя осенка, его быстрая, легкая походка как нельяя более соответствовали проявищу «Генерал», под которым он был известен в кругу своих близких дружен.

Действительное происхождение этого прозвища связано с замечательными корреспоиденциями Энгельса в «Раll Mall Gazette» во время франкопрусской войны 1870 года. В одной из этих корреспоиденций, приблизительно за восемь дней до 2 сентября, Энгельс предсказал решающую победу немцев над французами под Седаном.

Эти статьи обнаружили такое знание военного искусства, что все приписывали их авторство какому-либо большому знатоку военного дела. Так оио и было в действительности. Но этим большим знатоком военных вопросов оказался... социалист.

Впоследствии прозвище «Генера» приобрело и более глубокое значених когда после смерти главнокомандующего — Маркса — армию социалистов в борьбе с капитализмом возглавил Энгельс.

2

Тот, кто хоть раз присутствовал на замечательных встречах по воскресеньям на Риджентс-парк-род 122, никогда их не забудет.

Едена Демут, друг Маркса и его жены, а также и Энгсальса, была еще жива и выполияла роль его вкономки и вериого советинка не только в впросах повесдневной жизни, но и в политических вопросах. Благодаря своей проинцательности и здравому смыслу, своей кристальной честности, своему знанию людей и вещей она была помощинком таких двух гигантов, как Маркс и Энгсальс.

Воскресенья в доме Энгельса, пожалуй, напомннали вавилоиское столпотворение. Не только члены семьи Маркса бывали в эти дни у Энгельса:

²² Воспоминання о Марксе и Энгельсе

социалисты всех стран сделали из Риджентс-парк-род 122 свою Мекку ¹.

Энгельс мог беседовать с каждым из них на его родном языке. Как и Маркс, он в совершенстве говорил и писал по-вемецки, по-французски и по-англайски; почти так же превосходно он вадел нтальянским, испанским и датским. Кроме того, он мог читать и изъясняться по-русски, по-польски и по-румынски, не говоря уже о таких «пустяках», как латинский и греческий.

Ежедневно с каждой почтой он получал газеты и письма на всех европейских языках. Можно поражаться тому, как при его заинятости он находил время, чтобы просматривать их, содержать в порядке и запоминать их основное содержание. Когда какое-либо из произведений Энгельса или Маркса переводилось на тот или иной иностранный язык, переводчики всегда посылали Энгельсу текст перевода для просмотра и исправления. И кто же осмелится отрицать научную ценность френологии ² после того, как некий френолог в Ярмуте, изучив выпуклости головы Энгельса, заявил, в величайшему удовольствию его спутников, что сей джентльмен — «хороший делец». но у него нег способностей к изучению рамков»!.

Энгельс был воплощением гостеприимства. В будин, если не приходил кто-либо из нас повидать его, позавтракать или пообедать с имм, он жил чрезвычайно скроино. Зато по воскресеньям радостио было наблюдать, какое огромное наслаждение он испытывал в кругу своих друзей, когда он мог доставить им удовольствие, угостив их лучшим, что у него было.

Список лиц, которым всегда били рады на Риджентс-парк-род 122, является как бы квиит-эссенцией всего социалистического движения. В этой статье я приведу лишь имена тех людей, которых я лично встречал у Энгельса за последние двенадцать лет, когда мие выпала високая честь бить одини из наиболее частых посетителей этого дома.

Из немцев назову Вильгельма Либкнехта, самого старого друга Маркса и, Энгельса в Гермянии, «старого солдата революции», как называют его немцы, «Лайбрери» ³, как обычно называли его в семье Маркса; это добрейщий, добродушнейший человек, самый веселый товарищ. Далее — Август

» - «Библиотека». Ред.

¹ Мекка — город в Аравии, главное место паломинчества мусульман. Ред.

^{*} Френология — реакционное «учение» буржуваных антропологов о связи между наружной формой черепа и умственными и моральными качествами человека. Ред.

Бебель, великолепиый тактик, борец и оратор; затем прямой, искренний, надежный Пауль Зингер.

Из немцев, которые жили в Лондоне в течение последних нескольких лет, следует упоминуть Рихарда Фишера. По возвращении в Германию в 1890 году ои был одини из секретарей Правления Социал-демократической партии Германии... Далее Таушер, замечательнейший парень; он любит нюхать табак, и нос его, возможню, вследствие этой привычки, прииза такие внушительные размеры, что его прозвалы «Наво» 1.

Из немцев, живущих и сейчас в Лондоне, следует назвать ветсрана 1 Интернационала Фридриха Лесснера, надежного, пеподкупного человека; вместе с Либкиектом и тихим, скромным и в то же время эпергичным Лохнером (одним из старинных друзей Маркса и Энгельса) он представляет собой все, что осталось в живых от старого Союза коммунистов; Юлиуса Моттелера, пользующегося большим довернем в Социалдемократической партин Германии, а также его честиую, прямолинейпую жену; накомец, Эдуарда Бернштейна, редактора «Sozialdemokrab («Социал-демократа») в годы действия закома против социалистов в Германии.

Из французов бывали у Энгельса, когда они приезжали в Англию, дети Женни Лонге, старшей дочери Маркса, умершей за два месява до смерти своего отца, в 1883 году. Бывал также Шарль Бернар ², когда он оказывался в Лондоне... Два активных члена Рабочей партии — Дельклюз из Кале и Руссель из Парижа — навещали Энгельса, когда приезжали на майские демонстрации.

Бывали также Эмиль Вандервельде и Аисель из Бельгии.

Из австрийцев, кроме г-жи Фрейбергер, которая после смерти Елены Демут вела хозяйство, л-ра Фрейбергера, лечившего Энгельса во время его последней болезии, бывал Виктор Адлер, редактор венской «Arbeiter-Zeitung» («Рабочей газеты»), а также Кар. Каутский.

Станислав Мендельсои и Мария Мендельсои представляли поляков; они говорили, по крайней мере, на четырех языках.

Нередко посещал Энгельса русский Степняк, а Вера Засулич с момента ее приезда в Англию была одним из тех постоянных посетителей дома на Риджентс-парк-род, которые не нуждались в специальных приглашеинях. Георгий Плеханов, се вериый друг и товарищ по работе, одни из

^{1 -} OT ARTHHOROFO CAOBA «NASUS» - «HOC». Ped.

 $^{^{}e}$ — литературный псевдоним французского социалиста Шарля Бонье. $ho_{eg.}$

способнейших теоретиков и остроумнейших людей в партии, которого анаржисты боятся, пожалуй, больше, чем любого из современных писателей, разумеется, постоянно бывал у Энгельса во время своего краткого пребывания в Англии...

Следует упомянуть еще друга из Америки, которому Атлантический океан мешал посещать дом Энгельса, но который был одним из самых желанимх и постоянных его корреспоидентов и, пожалуй, одним из самых близких друзей Маркса и Энгельса в более поздине годы их жизни. Это был Фридрих Адольф Зорге из Хобовена (была Нью-Йорка). Встреча с ним и совместное с Энгельсом пребывание у него является одним из прекраснейших воспоминаний о путешествии в США, которое моя жейа и я совершили в 1888 году вместе с Энгельсом и с крупнейшим химиком, социальстом и хорошим товарищем, покойным профессором Шорлем-мером.

Из англичан желанным гостем был Уильям Тори... Энгельс был также высокого мнения о Джоне Бёрнсе, который не мог так часто навещать его...

Мой и Бёркса молодой друг Уильям Сандерс, несомнению, всю жизиь будет помнить о выпавшей на его долю чести быть посетителем дома Энгельса. Белфорт Бакс, когда он был в Англии, иногда посещал Энгельса и имел с ним не одну дружескую скватку по женскому вопросу, на котором Бакс был помещан. Хантер Уотс один или два раза был у Энгельса. Недавно я имел большое удовольствие привести к «Генераду» и познакомить с ним Гарри Квелча — редактора газеты «Justice» («Справедлявость»), который произвел на Энгельса очень хорошее впечатление. Насколько мне помнится, Уильям Моррис был у Энгельса один раз. Энгельса относился с добродушной синскодительностью к пристрастию Морриса к средневековью... Генри Чампион и Кейр Гарди, насколько мне известно, были у Энгельса всего лишь по одному разу.

В числе англичан следует еще упоминуть старого чартиста Джорджа Джуливана Гарии, который, несмотря на его избитые каламбуры, был одним из самых старых и близких друзей Энгельса...

Разумеется, здесь нет надобности подробно упоминать о таких лицах, как дочери Маркса, и об их мужьдх — Поле Лафарге и авторе этой статьи; затем о Самоэле Муре, старом, испытанном и надежном друге обоих авторов «Ианифеста Коммунистической партии», и, наконец, о Карле Шорлеммере.

За неимением времени и места я не упоминаю тех случайных посетителей-социалистов, которые во время своих мимолетных приездов в Англию приходили навестить Энгельса. Надо иметь в виду, что он принимал не только выдающихся деятелей — каждый солдат нашей армии был желанным гостем в доме «Генерала».

В то же время не следует думать, что гостеприямство или дружба «Генерала» в какой бы то ни было мере распространялись одинаково на всех. Он не принял бы и не принимал того, кому не доверял. Я помяю, например, случай, когда кто-то пришел к нему с какой-то иностранной депутацией и Энгелье без всиких посемоний указал им на дверь.

2

Вряд ли найдется хоть один среди перечисленных мною людей, которым не согласился бы со мной, что Энгельс оказывал самое благотиорное влияние на всех окружающих. Одно ест опресустение вдохновляло. Он обладал неустрашимым мужеством и оптимизмом. В то время как отдельные представители молодежи подчас впадали в отчаяние и унывие, этот несокрушимый борец никогда не падал духом, а постоянно ободрял других. Для тех из нас, кто в течение последних лет встречался с ним каждое воскресенье, а кое-кто и по нескольку раз в неделю, утрата его невозместима.

Это был человек, к которому мы обращались при всякого рода затрудненяях и совету которого неизменно следовали. Свои энциклопедические познания он всегда предоставлял к услугам своих друзей. Даже специалнсты в определениях областях находили, что Энгельс лучше их был знаком с этими вопросами. Так, в вопросах естествознания, о какой бы его отрасли или проблеме ин шла речь, Энгельс всегда мог подать новую идею, оказать помощь.

Uто касается политики — предмета, которым интересовались все его друзья, — то они постоянно обращались к нему за руководством. Для него были ясны не только общие прищипы, но и мельчайшие подробности экономики, истории, политического движения любой страны.

Его знание английского движения, например, было необычайно глубоким и тонким. Англичанам не следует забывать, что Энгельс всегда присутствовал на интернациональной трибуне во время демонстраций в пользу законодательного установления 8-часового рабочего дня и был участником всех демовстраций, начиная с первой в 1890 году и вплоть до 1895 года, когда состояние его здоровья не позволило ему уже принять участие в демонстрации. До последних дней своей жизни Энгельс интересовался современной политикой и научал ее. Его проянцательная оценка японо-китайской войны ¹ была так же дальновидна, как и оценка им других событий последних нескольких лет. Этот его анализ событий был прямо-таки поразителен по своей глубине и удивительному пониманию всей обстановки и всех тенденций развития; его осторожные предсказания политических событий сбывались и исключительной точностью.

Последней польтической беседой Энгельса была его беседа с женой автора этих строк по ее возвращенин из Ноттингема 28 июля (ои умер 5 августа). Опа рассказала ему о положении Независимой рабочей партин в Ноттингеме. Он тогда уже не был в состоянин говорить, но при помощи аспидной доски и грифеля вел оживлениую и чрезврачайно интересцую беседу, задавая глубокие вопросы, вникая в существо дела.

Энгельс умел глубоко ненавидеть, как это свойственно людям, способным глубоко любить. Временами, когда делалось что-инбудь, по его мисиню, неправильное, он выходил на себя от возмущения; но обычно этот его гнев шел на пользу.

Как это ни странио, может быть, звучит, но в некоторых отношениях Энгельс был консервативен. Он был человеком привычек. Он любил, чтобы определенные вещи ежедисвно выполнялись одинаково и в одно и то же время.

Нет слов, чтобы описать то огромное доверне, которое внушал людям Энгельс, цельность его натуры, его необычайную точность и пунктуальность — качества, которые он проявлял в своих политических и общественных отношениях с людьми.

Вера Засулич как-то правильно сказала, что мысль о том, что подумает или что скажет «Генерал», не раз удерживала многих из нас от плокого поступка или слова.

Трудно представить себе более ясный и светами ум. Какого бы вопроса ни касался Энгельс, он как бы озарял его ярким светом. Вы начинали видеть то, чего вы прежде не замечали, и вы с большей чегкостью видели то, на что уже раньше обратили винмание. «К чему бы он ин прикасался, он все укращал», так писали об Олнеро Голдсмите. Относительно Энгельса его друзья могут сказать: «К чему бы он ин прикасался, он все озарял светом». И его стиль, писал ли он по-немецки или по-английски, отличался ясностью, блеском и остротой...

^{1 — 1894—1895} годов. Ред.

Помимо этих замечательных качеств, Энгельс обладал еще редкостимм и спасительным даром юмора. Ему доставляла удовольствие шутка на любом языке. Он был самым веселым собессдинком.

В эти незабываемые воскресены разговоры, естественно, вращались главным образом вокруг вопросов политических и партийных. Мы все собирались у Энгельса, чтобы чему-нибудь изучиться. Но миого было и веселых, легких разговоров, которые сопровождались порой громким и неудержимым смехом.

Когда гостей бывало немного, Энгельс очень любил нграть в карты на фишки по «высокой» дене — полпенса за дюжину; он с таким увлечением отдавался игое, как будто от этого зависела оудьба наводоля...

Большим событием для нас бывали выборы в Германии. По этому случаю Энгельс закупал большой бочонок особого немецкого пива, готовил специальный ужин, приглашал самых близикх друзей. Из всех частей Германии до поздней иочн прибывали телеграммы; «Генерал» вскрывал каждую телеграмму и оглашал се содержание. И если в ней сообщалось о победе, мы пили: если же о подажения, мы тоже пили.

Как я уже упоминал, в 1888 году мы совершили с Эмгельсом и Шорлемьером поездку в Соединениые Штаты Америки и в Канаду. Энгельс был самым молдым по духу в нашей группе. На борту пароход оп предпочитал перепрыгивать через сиденья, чем обходить их. Он инкогда не раздражался, как это бывает с обычными путешественииками, за исключением двух случаев: когда он до своего завтрака насчитал шестьдесят восемь унусов москитов и когда наш багаж очутился в Нью-Йорке, а мы в Бостоне.

В Истборие, во время последней болезии Энгельса, несмотря на сильные боли и слабость, у него бывали вспышки прежней жизнерадостности и всселья.

До самой последней минуты своей жизни он не переставал заботиться и мать о других. Здесь не место говорить о его доброте и великодушин. Каждый из его друзей знает эти его беспримерные качества...

Энгельс был атенстом. Он абсолютио не иуждался в боге и поэтому все свои надежды возлагал на этот мир.

Жизиь Энгельса была прекрасиа. И он любил жизиь... Обладая такими знаниями, будучи уверснивы в правильности поставлениюй цели и в будущности всего движения, нмея такую армию друзей, среди которых Маркс, конечно, был первым и последини — альфой и омегой, — Энгельс пои своей безмерной жизнерадостности больше чем кто бы то ин было имел полное основание добить жизнь и быть к ней привязаниям. Это, конечно, не означает, что он испытивал хотя бы масейший страх смерти.

Анганйский народ должен поминть, что Маркс и Энгельс работали для всего мира главным образом в этой маленькой стране и что оба они умерли здесь. Это более высокая честь, чем та, которая проистекает от могил и мавзолеев всех королей и всех завоевателей мира. Настанет время, когда наиболее посещаеммии местами погребения будет могила в Хайгете и простое маленькое здание среди соссе в Уокинге 1.

Hanemereno e журнале
«The Lebour Prophet» («Пророк груда»),
п. IV. Ho.Nr 45 и 46. Лондон, 1895 г.

Перевод с внамийского

 $^{^1}$ Хайтет — кладбище в Лондоне, где похоронен Маркс. В Уокинте, близ Лондона, ваходится крематорий, где было предаво кремации тело Энгельса, $ho_{e,d}$.

H. C. Pycahob

мое знакомство с энгельсом

именем Сергеевского для меня связаны личиме воспоминания, представляющие, однако, и некоторый общественный интерес. Этот псевдоним я набрал для своих очерков по русской экономической жизии, которые я писал в 1890—1891 годах для официального органа немецкой социал-демократии «Vorwärts» («Вперед»), тогда как Лавров писал там же статьи на чисто политические темы под именем Семена Петрова. Нас пригласил сотрудинчать в этой, тогда очень оппозиционной социали-стической газете старый Либкиехт — Лаврова иепосредствению, меня через Лаврова и В от приблазительно каждые две недели появлялись в «Vorwärts» вперемежку лавровские и мои статьи, которые, насколько мы могли судить издали, пользовались виммаимем социалистической читающей публики в Германии.

На долю одиой из моих статей выпал даже в силу иекоторых обстоятельств особый успех. Дело в том, что я дал уже иесколько статей

в «Vorwārts» об истиниом экономическом положении России, в том числе и о голоде 1, н, подводя итоги им, сделал тот общий вывод, что обездолившее народ самодержавие, хотя и против воли, будет вынуждено запретить вывоз хлеба из России — до такой степени было отчаянио положение десятков миллионов населения. Но царское правительство чрезвычайно усиленно опровергало всякие служи о возможности такой меры, так как боялось, что это повредит его финансовой тактике усиленных займов, которые ойо заключало за гоанцией, сосбеном же во Фолици.

Случилось так, что в одиом и том же номере «Vorwärts» — если не ошибаюсь, в августе 1891 года, — были помещены моя статъя в виде передовой за моей подписью, перепечатка еще иедавинх официозных русских опровержений и телеграмма из Питера о виезапио изданиом декрете относительно «временной приостановки выпоза хеба, муки и т. п. пищевых средств за границу». Редакция откликичлась на эту телеграмму в своем политическом біоллетине. С видимым удовольствием ома комментировала тот факт, что между тем как русские официальные и дружащие с инии правительственные круги в Германии продолжают еще обманывать европейское общественное мнение относительно рамеров голода и уверять, будто всяжие толки о предстоящем запрещении вывоза лишь злостиме выдумки врагов царского правительства, «каш сотрудник Сергевский», со свойственным мол, ему знанием дела заранее вскрима эту обманирот тактук страуса...

С тех пор за русским товарищем Сергеевским устаповналсь среди читателей «Vorwärts» репутация серьезного и добросовестного корреспоидента. Это мие пришлось исплитать на себе несколько месяцев спуста, весной 1892 года, в разговоре с Энгельсом, у которого я был в Лондоне по поручению моги товарищей и при следующих обстоятельствах.

На мрачном фоне погибавшей тогда от голода народной России была лишь одна светлая, все увеличивавшаяся и разгоравшаяся полоса — пробуждение общественного нитереса и рост оппозиционной мисла... А сопротивление царской власти малейшему проявлению общественной комоделтельности, помогавшей голодающим, только усильно это попозиционное настроение. В социальстических и революционимых кругах пробуждалась надежда, деятельно помогая народу, собирать в то же время иа этой почве все живые силы страны для инзвержения царского деспотизма. В этом смысле политический переворот был бы, думали мы, лучшим лекарством и против настоящего голода и сосбению против его повторения в будущем...

^{1 — 1890—1891} годов. Ред.

И в народинческом и в марксистском лагере говорилось охотно о необходимости совместной деятельности и даже о временном союзе... И вот среди вожаков немецкой социал-демократии, которая винмательно следила за ростом голода и оппозиции в России, возникла мысль способствовать подобному подктическому сближения.

Бебедь особенно настанвал на этом плане, и от Правлення социал-демократической партин было сделано предложение и группе «Освобождение труда» и нашему кружку[†] избрать уполномоченных для обмена мыслей, причем Бебедь высквазывал готовность, если этого пожеланот русские товарищи, присутствовать на совещании. Сначала, казалось, дело пошло на лад, и встрема, для которой предполагалась посылка Плеханова от марксистов, а пищущего эти строки — от нашего кружка, должна была состояться в Лондоне, на кваратире у Энгельса.

Не знаю в точности, почему этот план расстроился. Но на совещание не явились ни Плеханов, ни Бебель, и в назначенный срок у Энгельса был только я.

Признаться, я был лишь наполовниу огорчен этим обстоятельством. Моя поездка позволяла мие познакомиться с таким крупным человеком, каким был Энгельс.

Некоторые подробности этого свидания навсегда врезались в мою

Меня ввели в большую светлую комнату довольно обширной квартиры, помещавшейся недалеко от какого-то парка ². В ней сидели двое-трое мужчин за кружками эля, а поодаль, у окна, молодая женщина. Мие сказали, что то была Каутская.

Мужчины говорнан между собой то по-немецки, то по-анганйски, а один из них, пожилой, высокий, с большой, уже сильпо седой бородой, обрамлявшей энергичное лицо, подиялся при моем приближении с места и, услышав мою фамилию, подошел ко мие и крепко пожал руку.

- Я — Энгельс... Вас знаю немного заочно. Мне уже писал о вашей поездке мой друг Лавров, — сказал по-английски высокий мужчина и спросил, на каком языке я предпочитаю говорить с изм.

Риджентс-парка, Ред.

 $^{^1}$ Речь идет о «Кружке старых народовольцев», группировавшемся вокруг Лаврова. Ред.

Я ответил, что по-фовицузски, и вдруг почувствовал непреодольное желание высказать Энгельсу свое глубокое уважение к нему. В то время я уже не был марксистом, но во мие улется и мой воинствующий антимарскизм. И я мог оценить значение исторической личности, стоявшей передо мибй у столь.

— Гражданин Энгельс, позвольте русскому социалисту выразить чувство некреннего воскищения человеком, который был достойным другом великого Маркас и который до сих пор является духовным главой социалистического Интернационала... Лично я сще в годы ранней молодости читал вашу работу о положенин английского рабочего класса, и она произвела на меня сильнейшее внечатление, и с тех пор я как и все социалисты в мире, с величайшим интересом прислушиваюсь к вашему мнению и знакомлюсь с каждой вашей новой вещью, как только она выходит... В вас я вижу живое полодлючение, вижу воплошение Иларкса...

Высокий человек засмеялся и остановил меня жестом руки:

— Та-та-та, молодой говарищі... Полноте, к чему этот обмен любеаностями между нами, социалистами? Нельзя ли попроще? У вас горло должно было пересохнуть от этого ораторского упражмения... Присаживайтесь-ка к столу и промочите его вот этой кружкой пива. — И Энгельс посадил меня рядом с собой.

Тем временем гости ушли, и мы остались вдвоем с Энгельсом, если не считать молодой женщины, которая сидела у окна и, повидимому, вся ушла в разборку писем, брошнор, кинг, лежавших перед ней на круглом столике.

Энгельс очень внимательно расспрашивал меня о сведеннях, которые мм, русские социалисты, получаем из голодающей России, осведомлялся о планах «группы Лаврова», как он назвал нас, и в общем был очень любезен, но подчеркивал «истинную социалистическую деятельность Плеханова и его друзей» и противопоставлял ей «политический романтизм» их противников...

— Нет, за нсключением немногих лиц, вы, русские, еще слишком отстали в понимании общественной зволюции собственной страны. Для вас политическая экономия все еще абстрактива вещь, потому что до сих пор вы не были достаточно втянуты в водоворот промышленного развития, которое выбыет из вашей головы всякий отвлеченный взглад на ход экономической жизни... Теперы это положение вещей меняется... Шестерия капиталнзма уже крепко врезалась местами в русскую экономику... Но вы в большинстве случаев не отказались еще от арханческих понятий... Впрочем, повторяю, это не ваша вина, сознание отстает от бытия...

Вдруг Энгельс быстро встал и воскликнул:

- Да вот, я кое-что прочту вам из старой русской библиотеки Маркса... Большинство его русских кинг я роздал в другие учреждения и людям, которые могут лучше пользоваться ими... Но некоторые вещи я оставил у себя...
- И дружески Энгельс попроснл меня пройти с инм в соседнюю комнату. То било такое же светлое, такое же обширное помещение, — судя по длинным, приделанным к стене шкафам, библиотека. Энгельс попрежнему быстро подошел к одной из полок, с мгновенне поглядел на нее, сразу, не колеблясь, достал с нее в старом переплете книгу и показал ее мне: то было одно из первых наданий пушкинского «Евгения Онегина».

В аппарате моей, тогда хорошей, памятн словно кто-то нажал кнопку. Мне захотелось показать Энгельсу, что и мы, жертвы «политического романтизма», кое-что читалы и кое-что знасм:

 Дорогой граждании, вы хотели, очевидно, что-то отсюда мне прочитать? Позвольте мне самому прочитать вам цитату, с которой вы собиральсь познакомить меня.

Энгельс бросна некоса на меня дружелюбно-насмешливый взгляд:

— Сделайте одолжение. — И Энгельс протянул мне книгу.

Я сжал в руках томик и продекламировал наизусть:

"Читал Адама Смита И был глубский эконом, То есть умел судить о том, Как тосударство богатест, И отчего, и почему ¹ Не нужию золота ему, Когда сырой ² продукт имеет... Его отец понять ие мог ² И земми отдавал в залог.

- Donnerwetter!. Potztausend!.. 4— воскликиул несколько раз по-немецки Энгельс. — Черт возьми, вы угадали... Верно, верно: эту нменно цитату я и хотел прочитать вам. Но что навело вас на это?
 - Ассоциация ндей.
 - Какая?

¹ У Пушкина эта строка звучит так: «И чем живет, и почему». ρ_{e_A}

^{*} У Пушкина: «простой». Ред.

³ У Пушкина: «Отец понять его не мог». Ред.

Черт побери! Ред.

— Вы хотели, оченидно, процитировать мие нечто, касающееся неизбежной отсталости русской жизни. Когда я увидел в ваших руках томик «Евгения Онегина», я сейчас же припоминл, что Маркс привел как раз эту цитату, и притом по-русски, в своей работе «К критике политической экономин»:

Его отец понять не мог И земли отдавал в залог, —

чтобы показать, что нден буржуазной полнтнческой экономин не могут быть применены к обществу, основанному на труде крепостных...

Насмешанное выражение глаз у Энгельса сменилось совсем дружелюбным.

 О, да вы очень внимательный читатель, граждании Русанов. А когда вы читали «Контику»?

Разговор перешел у нас на распространение идей Маркса в России, и я рассказал Энгельсу, как рано я лично, вследствие различных благоприятных обстоятельств, мог познакомиться с главнейшими сочинениями его знаменитого доуга.

Энгельс с большим интересом вслушивался в мой рассказ и перебил его лишь словами:

— И, однако, вы не с Плехановым?

У пувствовал в этом вопросе навестное раздражение. Я знал, что члены груп и учретнии «Освобождение труда» очень несочувственно говоранл о «Кружже старых народовольцев» споим единомышленинкам-марксистам на Западе н возбуждали в них большое недоверие к нам, как кутопистам и заговорщикам старого типа, целиком пропитанным мелкобуржуазными идеями. Я ответна Энгельсу в самых общих чертах и постарался, насколько мог, указать, в чем заключалось различие в наших взглядах.

Разговор перешел снова на Россию и на ее современное положение. И окоро у нас с Энгельсом вышло разногласие в оценке какого-то факта русской экономической жизни. Едва подавляя, как мне показалось, чувство досады, Энгельс восклиниул:

— Вы должны были бы прочитать по этому поводу статью некоего Сергевского в «Vorwärts». Он довольно часто пишет в этой газете... Видимо, знающий человек... И он как раз говорит то же, что говорю я. Вы не видали статей Сергевского?

Я испытывал чувство немалого замешательства, но вместе с тем и известного удовлетворения и после минутного колебания сказал, признаюсь, не особению храбро; Видел... Даже сам их писал... Сергеевский из «Vorwārts» — это я.
 Это мой псевдоним, который я выбрал по совету Лаврова для иекоторых своих вещей...

Энгельс разразился громким хохотом:

 Право, ие поймешь вас, русских: у вас, должио быть, в мозгу перегородки. Тот же самый человек совсем умеи в одиих вещах и...

Эигельс на секуиду остановился.

 Не стесияйтесь, граждании, — совсем глуп в других. Не так ли? улыбаясь, заметил я.

— $\dot{\mathbf{N}}$ ровио инчего не соображает в других вещах, казалось бы, относящихся, однако, к одной и той же области, — закончил Энгельс.

Мие пришлось защищать Русанова от авторитета Сергеевского и указать Энгельсу на причину кажущегося противоречия между статьями Сергеевского и моей теперешией оценкой вопроса...

Дружески расставансь со миой, Энгельс высказал сожаление, что у иас ие состоялось свидания с Плехановым и Бебелем, и выразил надежду, что союз русских марксистов и народовольцев все же состоятися на почве борьбы с голодом и оппозиции правительству. Он передал мие для Лаврова иебольшое письмо о том же по-французски, коиец которого ои, обладвший действительно редкими филологическими способностями, написал по-русски.

Из книги: Н. С. Русанов. «В выиграции». Москва, 1929

А. Волен

БЕСЕДЫ С ЭНГЕЛЬСОМ

1

К середине марта 1893 года я заработал уроками математики в лозание столько денег, что мог осуществить свою давнюю мечту — пожить в Лондоне. У меня была и вполие определенная цель: работа по истории английской философии. Эту работу целесообразнее всего было завершить в Британском музее.

Когда я попросил Г. В. Плеханова дать мие рекомендации — и притом ие только к лондонским русским, — он предложил мие дать письма не только к Степияку и Бериштейцу, но и к самому Энгельсу.

Поблагодарив за оказиваемую мие честь, я попросил указаний, как мие лучше всего подготовиться к разговорам с Энгельсом. Но Г. В. Плеханов немедленно приступна к суровому экзамену по философин историн Маркса; по философин историн Гегеля; по субъективистам-народинкам, настанявая на непридирчивом и сжатом наложении; по второму тому «Капитала», — когда ассистентка Вера Ивановна Засулич возопила, что следует датъ мие передышку; по Прудону (без пользования «Нищегой философин»); наконец, по Фейербаху, Бауару, Штирнеро, Тюбингенской школе і, Штраусу н, как десерт, по всему Гегелю... Вера Ивановна присутствовала на этом «всенощном бдении»... На следующий день Г. В. Плеханов дал мие письмо к Энгельсу? и напутствовала в путь-дорогу...

¹ Школа исследователей и критиков библии, основанная в Тюбингене в первой половине XIX в. Ред.

 $^{^2}$ Г. В. Плеханов не сообщил мне, что именно он писал Энгельсу, так что я прочел это письмо только тогда, когда оно было показано за несколько дией до его напечатания

Г. В. Паеханов просна меня сделать для него в Британском музее побольше выписок из «Святого семейства». Мие он дал ряд чрезвычайно ценных советов относительно целесообразиейшего моего пребывания в Лопдоне.

В Лондоне я прежде всего очутился без денег; у меня вытащили кошелек, когда я, выйдя с воквала Виктория, отдыхал в Гайд-парке. Это принудило меня средя явиться в бюро «Free Russia» ¹, где я застал В. Черкезова, который был так любезен, что помог мне найти дешевую комнату и даже кредит. Деньги мне немедлению выслали в долг из Парижа, а затем из России.

Вручению мие запечатаниям письмо Г. В. Плеханова к Энгельсу я отправил в тот же день, прибавив от себя просьбу указать, если Энгельс сочтет возможими, когда я мог бы его видеть с наименьшим ущербом для его занятий. Я писал по-английски. Энгельс отвечал и писал свои дальнейшие письма по-английски же ².

В ожидании ответа от Энгельса я побывал у Степияка; он дал мне рекомендацию в Британский музей; впоследствии, когда я получил возможность прожить в Лондопе четыре года (1896—1900), меня рекомендовала Элеонора Маркс-Эвелииг...

За три месяца (с апреля до начала июля 1893 года), которые мне тогда удалось провестн в Лондоне, я побывал у Энгельса — всякий раз по его особому, устному или письменному, приглашению — не менее десяти оаз.

в журнале «Под знаменем маркснзма». (Примечание Водема.) Письмо Плеханова Энгсаксу от 2 апреля 1893 г., было опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11—12, 1923 года. Ред.

¹ «Free Russia» («Свободная Россия») — народинческий журнал, издававшийся с 1890 г. С. М. Степняком-Кравчниским в Лондоне на английском языке. Ред.

⁸ К совальенно, а был вылужден смечь эти письма Энгельса во мне в Париже осенью 1893 года, когда меня, за в исколько мнут до повядення втетото воляции, предугредам об обыске. Этот обысе был вызван, по всей вероятности, тем, что как раз перед атны я получил из Лондона на свое выя от «Fre Russia» большую посылях, вызвавшую к себе витерес французска чиповинном, в притом не только таможенных, дотя в и констатировал, что присканные взданяя — пренвущественно 70-г годов — представляют только аптиварный, а не актульлымий питерес. Обысивавшие астенти розяли мне вымськой за накодившеме у меня монографии по истории французской революции XVIII века и нашля предосудительным нопение много синить очков, прандощих «ини-мастческое възражение» моей физиопомии. Я потребовал указания на закои, который воспреца, бы во Франция изучение основных фактов французской истории, а относительно цвета осново притажент, га егентов согромождать, меня в глазную клиниту для выяснения вопроса, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретовътся. И Применение Водерси, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретоваться. С Применение Водерси, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретоваться. С Применения Водерси, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретоваться. С Применения Водерси, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретоваться. С Применения вопроса, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретоваться. С Применения вопроса, чънми указаниями име следует в адином случае руковоретоваться. Оприменения вопроса, чънми указания на предостаться предоставления пременения в предостаться предостаться

²³ Боспоминания о Марксе в Энгельсо

2

Я должен отметить, что мало с кем я чувствовал себя все время — от первого визита до прощания — так просто н естествению, как с Энгельсом.

Дорогой я придумывал обороты речи, подыскивал наиболее подходящие построения; но все это оказалось совершению излишиним. Объяние Энтельса как собеседника не мешало мие чувствовать себя в его присутствии самим собой...

По причинам самоочевидным я предпочитал слушать Энгельса. Но говорить приходилось и мие, и не только отрывочимым фразами, а и периодами; мие не только пришлось скато излагать марксистскую и народинческую точки эрения на ряд теоретических програминих вопросов, но Энгельс допустил меня к рукописям Маркса, лишь удостоверившись — не «вкзаменом», как Плеханов, а в непринужденном разговоре, — что я способен интепресоваться деталями истории немещкой мысли.

Кроме того, Энгеальс многим интересовался из того, что относилось к России; не только вкономикой, а и идеологиями: какие произведения Маркса читатель в России, какова обычная подготовка читателей «Капитала», кого читают из утопистов, выражкал интерес к провинциальным и столичным разновидностям русского либерализма, к конкретимы формам толстовства, к иародинческой беллегристике и к русской литературной критике, классических представителей которой он в самом деле высоко ставил

Энгельс не считал целесообразным начинать изучение политической экономии с «Капитала», так как Маркс имел в виду читателей, имеющих иекоторую подготовку. О популярных изложениях «Капитала» Энгельс отзывался неодобрительно.

В своем очень приветливом первом письме Энгельс сообщил мие, что ждет меня к себе в любой из ближайших дией вечером.

Когда я явился к нему в первый раз, он прежде всего познакомна меня со своим огромимым котом и стал расспранивать о Плежанове, о Вере Ивановие, о Аварове, о котором отзывался с добродушной иронией. Он выразил высокое миение о таланте Плеханова («не ниже Лафарга или даже Лассаля») и осведомился об его литературных планах; признал целесообразными и работы по истории французского материализма и статьи о русской народинческой беллетристике.

Затем Энгельс выразил свое убеждение, что для русских социал-демократов необходимее всего серьезно заняться аграрным вопросом в Россин; что эта область исследований обещает по существу новые результаты, существенные и для истории форм землевлядения и землепользования и для применения и проверки экономической теории, особенно учения о дифференциальной ренте, при освещении огромного материала. Он упомянул, что ждет со дня на день труда своего уважаемого русского корреспоидента Даинсльсона, но при всем уважении к нему не думает, что его кинга окажется исчерпывающей вопрос. Энгельс упомянул, что он считает чрезвычайно желательным, чтобы именно Плеханов занялся этим основиям для России вепросом, и притом именно в серьезном исследовании, а не в полемических статьях.

Я хотел тут же передать пожелание Плеханова, но появился Бериштейн, недаленно пригласивший меня зайти к себе. Я собирался удалиться, но был удержан на ужин, во время которого Энгельс рассказывал эпнзоды из домартовского периода и из революции 1848 года.

Прощаясь, Энгельс предложил мие продолжить разговор об аграрном вопросе в России в ближайшем будущем, обещав пригласить меня к себе, как только ему удастся выполнить неотложнейшую задачу: написать несколько писем.

Разговоры происходили пренмущественно на немецком языке; феноменальная добросовестность мышления Энгельса проявилась, между прочим, в том, что в своих записках ко мие Энгельс ниогда спешил делать поправки, если, наведя точиейшие справки, обнаруживал, что в предмаущем разговоре неточно цитировал. Например, приписав Ткачеву по существу бакунистские мысли, Энгельс поспешил написать мие, что, раздобыв первонсточники у Мендельсона, он убедился, что смешал того и другого путаника; помию, что он упогребил немецкое обозначение «Konfusionsrat» в английском письме...

Во второй беседе Энгельс прямо спросна меня, не дал ан мне Плеханов к нему определенных поручений. Я передал пожелания Плеханова, представив дело так, что Плеханов вынужден защищаться и защищать от навращений со стороны народинию основные положения маркснама и практические амводы из них. Энгельс с улыбкой процитировал по поводу жалоб Плеханова на полемику против него латинскую пословицу:

«Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?» ² н даже добавна по-русски; «Кто Плеханова обидит, — не обндит ли всякого сам Плеханов?»...

^{1 -} SHYTAHUKA PEA

[«]Кто стал бы слушать, как Гракки жалуются на мятеж?» Ред.

34 A ROZEH

Я поспешил подчеркнуть, что народовольцы негодуют на Плеханова в сущности за речь на Парижском международном конгрессе ¹ и за проницательность, проявленную им по отношению к Тихомирову. Энгельс сказал, что речь на Парижском конгрессе и ему, и многим товарищам понравилась, но выразил убеждение, что отождествлять Тихомирова с народовольцами, хотя бы с Г. Лопатиным, недъзя...

3

В следующий раз Энгельс попросил меня сжато изложить философские разногласия между Плехановым и народниками. Он поморщился при упоминании о «субъективном методе в общественных науках», Лаврова разрешил не излагать... Но когда я воспроизвел плехановские отавыв о трудах Н. И. Кареева, Энгельс подвел меня к одному из книжных шкафов, показал якземпляр диссертации Кареева о крестьянском вопросе во Франции, полученный Марксом от автора, сказал, что и Маркс, и он лично признали этот труд очень добросовестным, и посоветовал мне —да и Плеханову— принять это к сведению, какова бы ни была неясность почтенного историка в принципнальных и даже методологических вопросах. Я был вынужден признать, что Энгельс прав, и сделал соответствующе выводы. Энгельс сказал, что он с интересом прочитал бы «sachliche» (по существу) возражения против народников-субъективистов в «Neue Zeli» («Новое время»)...

¹ В своей речи на первом конгрессе II Интернационала, состоявшемся в 1889 г., Плеханов снавал, что «револоционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочка». Ред.

² См. К. Маркс и Ф. Энтельс. Избранные письма, 1953, стр. 313-316. Ред.

в -- «право на существование». Ред.

В следующий раз зашла речь о ранних произведениях Маркса и энгельса. Сперва Энгельс смутнася, когда я выразна нитерес к этим ранним произведениям, и упомянул, что ведь и Маркс писал в студенческие годы стихи, но что эти стихи врад ли могут кого-лябо интересовать ¹. Затем он спросил, какие именно ранние произведения Маркса и его интересуют Г. В. Плеханова и его единомышленников и чем, собственно, вызван этот интерес. Неужели недостаточно отрынка о Фейербахе ², по его, Энгельса, мнению, нанболее содержательного из этого «старья».

Я привел все аргументы Г. В. Плеханова в пользу наискорейшего издания всего философского наследия Маркса и их совместных трудов. Энгельс сказал, что он не раз слышкал об этом от некоторых кемцев, ссревности интереса которых к этому «старью» он не имеет никакого основания не доверять, но что он предлагает мне датъ ему искренний ответ на вопрос, что важнее: чтобм он, Энгельс, затратиль остаток жизни на издание заброшенных ими рукописей, имеющих отношение к публицистике 40-х годов, или чтобы он, по выходе ПП тома «Капитала», занялся изданием рукописей Маркса по история теорий прибавомной тогомости?

Я молчал, а Энгельс резюмировал мне вкратце содержание этнх рукописей Маркса (IV тома «Капитала»).

Затем Энгельс выразна интерес к вопросу о том, кого пренмущественно читают в Россин из философов, кроме «модинх философов» вроде Шопенгаувра. Когда я упомянул о неокантнанцах, он спросил меня, читал ан я Риля, каково мое мнение о Когене и Наторпе. Когда я упомянул о насмещках Риля над натурфилософией Гегеля, он оживился и прочел блестящую лекцию по натурфилософин, выясияя, какое богатое содержание кроется под неуклюжими и вычуоными формульровками Гегеля.

Я воспользовался моментом, казавшинмся наиболее благоприятным для того, чтобы побудить Энгельса все же навлечь на незаслуженного забенато котя бы существеннейшие на равник работ Маркса, так как одного «Фейербаха» мало. Энгельс сказал, что для того, чтобы в самом деле вникнуть в эту старую историю, нужно занитересоваться самим Гегслем, а им теперь не интересуется ин один челопек, точнее говоря, яни Каутский, им Бериштейн».

¹ Когда я давал Г. В. Плеханову подробный отчет о разговорах Энгельса со мною, он объясика это непоятное для меня смущение Энгельса его предположением, что речь надет об его поэтических произведениях, которые будто бы грозил раскопать кую-то из исидея. (Примечание Водема.)

^{*} Имеются в виду «Тезисы о Фейербахе», написанные Марксом в 1845 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 1—4). Ред.

Затем Энгельс рассказал о личных отношениях с братьями Бауэрами; о «Тоубном гласе стоащного суда над Гегелем» 1 отозвался пренебрежительно.

В следующие дии Энгельс приглашал меня являться с утра и, вооружив лупой, предоставил читать одву за другой рукописи Маркса: «Святого Макса» ², более подробную критику философии права Гегеля ³, части «Немецкой идеология».

Страницы, относящиеся к Бруно Баувру, Энгельс тогда же отложил для себя, желая перечитать их в связи с занимавшей его тогда мыслыю написать более подробный обзор критики первоисточников истории раниего кристивиства после Баувра. Для меня оң считал достаточным сказаниое о Баувое в «Святом семействе».

Потом Энгельс признался, что, оставляя меня одного над рукописями с лупой и заходя ниогда, он предполагал, что найдет меня спящим над рукописями или, что есля я симуляровал витерес, то буду достаточно наказан скукой и не выдержу и сбегу. Однако он находил меня занятым чтением рукописей, переписанных более четко, или расшифровыванием почерка Маркса, по достониству оцененного еще трирским преподавателем латинского языка, и оказывал помощь в этом и тогда для меня не легком занятин. Сначала я очень стесиялся занимать время изумительно деликатного человека, но я не мог ие видеть, что Энгельс оживлялся, вспоминая дела давно минувших дией... К «Святому семейству» он дал устяме пояспения, которые разрешил оператоть Г. В. Псканову. Разрешил он и резомировать «Святого Макса» без цитирования чего бы то ин было на память. На дом он давал мие номера «Deutsche Jahrbücher» «1-Мемцко-орачируаского ежегодинка»).

Когда и отметил поразительное сходство некоторых взглядов «Свободном» и «критических критиков» ⁶ с идеологией русских субъективистов, вых» и «критических критиков» ⁶ с изодачательным воспроизведением

 $^{^1}$ — анонимный памфлет младогегельянца Бруно Бауэра, изданный в Лейпциге в 1841 году. $ho_{e.a.}$

^{* —} раздел работы Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 103—452). Ред.

См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 219—368. Ред.

 [«]Deutsche Jahrbücher» («Немецкий ежегодник») — антературно-философский журнал маадогеголящев; издавался в Лейициге под редакцией А. Руге с июля 1841 по якварь 1843 года. Ред.

^{5 —} мавдогегельянские группы в Германии первой половним 40-х годов XIX в., которые были подвергнуты резкой критике со стороны Маркса и Энгельса. Ред.

немецких домартовских идеологий русской интеллигенцией, а главным образом непосредственным усвоеннем этих идеологий Лавровым и даже еще Бакунным.

4

Когда я собирался уезжать из Лондона, я получил в ответ на свое подальное письмо к Энгельсу любезное приглашение еще раз зайтн к нему.

Тогдашний разговор особенно запечатлелся в моей памяти.

Спросив, интересуюсь ли я историей греческой философии, Энгельс предложил наложить мие первое философское произведение Маркса и — без рукописи, но очень подробно — изложил содержание докторской диссертации Маркса¹, цитируя наизусть не только Лукреция и Цицерона, но и миожество греческих текстов (из Диогена Лавртского, Секста Эмпирина, Климента). Затем Энгельс обратна мое внимание на то, что и во взгляде Эликура на причинную связь, обычно истолковываемом как отсутствие у Эпикура желания вызвать в своих последователях стремление в самом деле «познать причину вещей», можно, при всей наивности и неуклюжести первоначальных формулировок, усматривать прязыв к разиосторониему исследованию причинных слязей, лишь бы оии не противоречили основному положению. И Энгельс выразил иедоумение, почему продолжают удовлетвериться историей материальнам Лаите, ие сумевшего указать на существеннейшее даже в точке зерения Каита.

На мой вопрос, был ан Маркс когда-либо гегельянцем в собственном смысле слова, Энгельс ответна, что именно диссертация о различин между Демокритом и Эпикуром дает возможность установить, что в самом началь своей интературной деятельности Маркс, в совершенстве усвоив себе гегелевский диалектический метод и еще ие будучи вынужден ходом своих заиятий заменить его материалистическим диалектическим методом, уже обиаруживает полиую самостоятельность от Гегеля², в самом прямене-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энзельс. Из ранних произведений, 1956, стр. 17—97. Ред.

² Г. В. Паскапов находил, что мие следовало бы, когда Эштоле заговорил о материалистак Демокрите и Эпинуре, перевести разговор на «более интересепых» французских материалистов XVIII века. Я констатировал, что не мог отнавать себе в наслаждении услащать от Энгельса наложение первой философской работы Маркса... Энгелье выразил, между прочим, желание, чтобы я установил не сообщал еся, проводится ли в литературе предмета точка эрения, сколько-инбудь приближающаяся к вагляду Маркса. (Примечание Васема.)

нии гегелевской диалектики, и притом именно в той сфере, где Гегель, несомиенно, всего сильнее: в истории мышления. Гегель дает не реконструкцию имманентной диалектики системы Эпикура, а ряд пренебрежительных отзывов об этой системе, а Маркс дал имению реконструкцию имманентной диалектики эпикуренэма, которого он вовсе не идеализировал, выяснив малосодержательность его по сравнению с системой Аристотеля.

Энгельс детально разъяснил мне глубокое различие в этом отношении между сразу обнаружившим такую самостоятельность по отношению к Гегелю Марксом и ие освободившимся от ученического отношения к Гегелю Лассалем.

Философию Энгельс определял как учение о мышлении, утверждая, что все остальное представляет лишь исторический интерес и давно уж является каким-то пережитком. От попыток выразить суть марксизма в терминах рилевского критицизма Энгельс не ждал инчего хорошего...

Энтельс упомянул, что Маркс имел в виду продолнать заниматься историей греческой философии и даже впоследствии беседовал с ним иа эти темы, не обнаруживая при этом односторониего предпочтения по отношению к материалистическим системам, но останавливаясь преимущественно на диадектике у Платона, Аристотеля, а из философов нового времени — у Лейбница, Канта.

На прощанье Энгельс вручил мие экземпляр «Очерков» Н —она ¹. При этом Энгельс упомянул, что сам он еще не имел времени как следует прочесть это исследование...

В заключение Энгельс сказал, что он надеется, что скоро в самой России выдвинутся энергичные вожди...

Плеханову Энгельс поручнл мне передать дружеский совет: заняться главным образом достойными его научными трудами, особенно по аграрному вопросу, но не в форме полемики, а по существу...

На прощанье Энгельс пожелал мне в моей научной и литературной деятельности не торопиться с печатанием своих работ и всегда иметь в запасе больше аргументов, чем непосредственно приводимые...

У Энгельса, особенно за ужином, я встречал его обычных собеседников и приезжавших в Лондон деятелей. Особенно запечатлелась в моей памяти ночь 1 мая 1893 года. Ускал я с Мендельсоном от Энгельса уже на

^{1 —} Н. Ф. Даниельсона, автора «Очерков нашего пореформенного общественного хозяйства» (1880 г.). Ред.

рассвете. Майский напиток был восхитителен. Пели «Марсельезу» — классическую, французскую. В Лондоне, в устах вождей международного социализма, этот гими взучал иначе, чем в тогдашией Франции. А когда я, как-то безотчетию, стал напевать слова немецкого перевода «Марсельезы», Энгелью шещим мие:

Зачем вы бормочете эту лассальянскую подделку?

Из статьи: А. Ваден. «На варе «лезального марксивна»», напечатаннай в журнале «Летописи марксивна» № 4, 1927 г.

Ф. М. КРАВЧИНСКАЯ

из воспоминаний

асханов был знаком с Сергеем Михайловичем и вед с инм переписку. Однажды Сергей Михайлович получил от иего письмо, в котором он, между прочим, писал: «Вы живете в Лондоне. Что Вы там делаете? Знаете ли Вы, что там живет Энгельс? Такие люди рождаются не так часто. Повтому требую от Вас обязательно познакомиться с иим и прислать мие отчет. Это возмутительно, что Вы до сих пор ие были у иего, надо испремению к иему пойти».

Энгельс жил в большом доме, всегда открытом по воскресеньям для всех желающих его видеть. В его большом холле всегда по воскресеньям его можио было застать окруженным со всех сторои социальстами, критнками, писателями. Все, кто хотел видеть Энгельса, мог запросто приходить к нему.

В одио из воскресений мы с мужем и с дочерью Маркса Элеонорой пошли к Энгельсу.

Очаровательный старик произвел на меня ианлучшее впечатление. Ямал очень застечниван; из мое иссчастье ои посадил меня близко от себя. Я все прижималась побляже к дочери Маркса, стараясь избежать разговора с Энгельсом, а он, естественно, как любезимй хозяин, стал меня утощать. На иностранимх языках я не говорила н поэтому хотела только одного — чтобы меня оставили в покое. Энгелье говорил по-французски, понемецки, по-английски. Говорили иа всякие, главиым образом, политические темы, споряди.

На другом коице стола, как всегда, сидела его экономка, которая только то и делала, что всякому виовь приходящему гостю подкладывала довольно «либеральные» порцин мяса, салата и добавляла вина.

^{1 —} С. М. Кравчинский (Степияк) — народник, муж Ф. М. Кравчинской. Ред.

Между присутствующими шли ожесточенные споры, они горячились, шумели, обращались к Энгельсу за решением вопроса.

Вдруг Энгельс обратился ко мие и, учитывая мое незиание иностранных языков, заговорил по-русски. Он стал цитировать из Пушкина:

v

Мы все учильсь понемногу, Чему-нибуль и как-нибуль, Так воспитаньем, славь богу, У нас немудено босенують. Онетны был, по мисины онего Судей рештисьнымых и строики, Ученый малый, по педаты Имелой с мастаный такант Без поритужденые в разговоре Коснуться до всего слетна, С ученым видом знатоле Украинть мольчанье в важном споре И выобуждать ульябоу, дам И выобуждать ульябоу, дам Отем нежезанных вингольмы.

VI

Автынь из моды вмила имие: съси правду вам севатъ, Он знад довольно по-латини, чтоб вниграфи разбиратъ, Потолковать об Юменале, в коще висьма поставить ude ¹, Да помина, зотъ не без греза, Из Эпекцам дая стиза. В хописатини земли; Но двей минущих авекдоты, От роитъс не имел ототы В хроподогической пила Бъзгописания земли; Но двей минущих авекдоты, От Ромула до пашик двей, Хранки от в ввамяти съсей.

VII

Высокой страсти ие имея Для звуков жизни не щадить, Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить. Браннл Гомера, Феокрита; Зато читал Адама Смита

¹ — будь здоров. Ред.

И был глубокий эконом,
Тоесть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец поиять его не мог
и земля отдявал в залог.

Процитировал он это наизусть на прекрасном русском языке. Я захлопала в ладоши, но Энгельс сказал: «Увы, этим кончаются мон познания в русском языке».

Этот человек произвел на меня нензгладимое впечатление: такой гостеприминый, открытый. Через несколько дней Энгельс пришел к нам с обратным визитом. Сидел мало, видимо хотел только завязать знакомство. Больше я его в большой компании не встречала. С мони мужем они виделись, собирались, беседовали на разные политические темы, бывали у них иногда и споры и недоразумения.

У меня к Энгельсу было, пожалуй, сентиментальное отношение, и это отношение разделяла и Вера Засулич, с которой мы были друзьями. Мы иногда собирались с ней и, говоря о нем, готовы были плакать: Энгельс тогда был очень болен.

Как-то Каутская зашла к нам и сказала, что ей иужно ндти куда-то, и попроснам меня пойти к Энгельсу на несколько часов. Я пробыла у Энгельса часа три и, глядя на него, просто страдала. Он обрадовался, когда узнал меня, и начал показывать мне все кресла, на которых сидел когда-то Маркс. Он показывал мне также письма К. Маркса, его фотографин, какие-то кари-катуры на него. Все это Энгельс делал с величайшей любовью, я же глядала на него и страдала, так как когда я впервые встретила его, он был тогда такой цветущий, теперь же он был больной и беспомощими. У него была опасная болезвь— он страдал раком горла.

Однако до самых последних дней Энгельс интересовался всеми событиями и много писал. Вера Засулич часто ходила к нему н делилась со мной впечатлениями. Все, кто любил его, приходили к нему, проводили у него много времени, по все знали, что он обречен...

Печатается по копии рукописи

Публикуется впервые

ПИСЬМА ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА О СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА \hat{x} . ϕ РИДРИХ ЭНГЕЛЬС. ПОХОРОНЫ КАРЛА МАРКСА \hat{x} ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. К СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА \hat{x} У ГРОБА ЭНГЕЛЬСА \hat{x} ФРИДРИХ РИГЕЛЬСА \hat{x} ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА О СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА

ЭНГЕЛЬС — Ф. А. ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

(Телезренне)

Дондон. 14 марта 1883 г.

МАРКС СКОНЧАЛСЯ СЕГОДНЯ, ЭНГЕЛЬС.

Печетеется по фотохопии рукописи

Перевод с визмийского

Лондон. 14 марта 1883 г.

Дорогой Бериштейн!

Мою телеграмму Вы, вероятно, получили. Это произошло с ужасающей быстротой. Виды на будущее были самые лучшие, но сегодня утром внезапный упадок сил, после чего он просто уснул. В две мннуты этот геннальный мозг перестал мыслить, и нмению тогда, когда врачи подаваль нам очень большие надежды. Что означал для нас этот человек в области теорни, а во все решающие моменты — из области практики, об этом может иметь представление лишь тот, кто все время был с ими. Вместе с ним на долгие годы исчезиет и его шпрокий кругозор. Мы, остальные, еще не доросли до этого. Движение пойдет своей дорогой, но уже ие будет того спокойного, своевременного, обдуманного руководства, которое не раз предохраняло его от долгих блужданий по ложным путям.

Остальное в другой раз. Сейчас полночь, а я весь день и вечер должен был писать письма и бегать по разным делам.

Ваш Ф. Э.

Печетеется по фотокопии рукописи

Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС—Б. ЛИБКНЕХТУ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Либкнехт!

Из телегоаммы, которую я отправил г-же Бебель — это единственный известный мне адрес, - Вы, вероятно, знаете, какую страшную потерю понесла евоопейская социалистическо-революционная партия. Еще в прошаую пятницу врач — одии из лучших в Лондоне — сказал нам, что есть все основания поедполагать, что он выздоровеет и будет крепче, чем когда-либо. как только питание восстановит его силы. И именно с тех пор он снова начал есть с большим аппетитом. Но сегодня, в третьем часу дня, я застал всех в следах: он очень плох. Ленхен поседложила мне подняться к нему, сказав. что он дремлет; она оставила комнату каких-нибудь две минуты тому назад. Когла я вошел к иему, он спал, но спал вечным сном. Величайший ум второй половины нашего века перестал мыслить. О непосредственной причине смерти я без врачей судить не берусь; весь случай был настолько сложным, что даже врачам потребовалось бы исписать кипы бумаги, чтобы его подробно описать. Но, в конце концов, теперь это уже и не важно. За последние шесть недель я натерпелся достаточно страха и могу только сказать, что, по моему мнению, сначала смерть его жены, а затем смерть Женни, последовавшая в чрезвычайно критический момент, сделали свое и приблизили конец.

Несмотря на то, что сегодия вечером я его видел неподвижно лежащим на кровати, с лицом, застывшим извеки, я все же не могу себе представить, что этот гениальный ум перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без иего мы до сих пор блуждали бы еще в потемках.

Твой Ф. Энгельс.

Deniena c management

Печатоется по тексту, опубликованному в иниге: W. Liebhnecht. «Karl Marx zum Gedächtniss» (В Либкнехт. «Памкти Карла Маркса»), Нювнберз, 1896

ЭНГЕЛЬС—И. Ф. БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

Лондон, 15 марта 1883 г.

Старый дружище!

Радуйся тому, что ты еще прошлой осенью вндел Маркса, больше ум ты его инкогда не увидишь. Вчера дием, в 2 часа 45 минут, едва оставвые его на две минуть, мы нашли его тихо усмувших в кресле. Самый могучий ум нашей партии перестал мыслить, самое сильное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться. Произошло, вероятно, внутреннее кровонализине.

Теперь мы с тобой, пожалуй, последние из старой гвардин времен до 1848 года. Ну что ж, мы останемся на посту. Пули свистят, падают друзья, ио нам обоим это не в диковнику. И если кого-инбудь из час и сразит пуля— пусть так, лишь бы она как следует засела, чтобы не корчиться слишком долго.

Твой старый боевой товарищ Ф. Энгельс.

Печатается по фотокопии рукописи

Перевод с немецково

ЭНГЕЛЬС—Ф. А. ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

Лондон, 15 марта 1883 г. 11 ч. 45 м. вечера

Дорогой Зорге!

Твоя телеграмма получена сегодня вечером. Сердечное спаснбо! сообщать тебе регулярио о состоянни здоровья Маркса не было возможности, так как оно постоянно менялось. Вкратце сообщу тебе главное.

Незадолго до смерти своей жены, в октябре 1881 года, он заболел плевритом. После выздоровления его направили в феврале 1882 года в Алжир, но по дороге, из-за холодной и сырой погоды, он заболел и приехал туда с новым плевритом. Отвратительная погода продолжала держаться; едва он вылечился, его, ввиду приближавшейся летией жары, послали в Моите-Карло (Монако). Туда он прибыл опять с плевритом, но в более легкой форме. Сиова отвоатительная погода. Оправнящись, наконец, он уехал в Аржантей, близ Парижа, к своей дочери, г-же Лоиге. Там он пользовался против застарелого бронхита серными источниками в расположенном по соседству Энгиене. Погода и там оставалась прескверной, но все же лечение помогло. Затем он отправился на шесть недель в Веве, откуда он, как казалось, почти здоровый вериулся в сентябре. Ему разрещено было провести зиму на южном побережье Англин. Да и самому ему так надоела бездеятельная кочевая жизиь, что новое изгнание на юг Европы, вероятно, повредило бы ему морально в той же мере, в какой помогло бы физически. Когда иачались лондоиские туманы, его отправили на остров Уайт. Там дождь шел не переставая; он опять простудился. На Новый год мы с Шорлеммером хотелн его навестить, но тут получены были известня, потребовавшне иемедленного отъезда туда Тусси. И сразу после этого — смерть Женни: он вернулся сюда с новым броихитом. После всего предшествовавшего и в его возрасте это виушало опасения. Сверх того произошло множество осложиений, в особенности нарыв в легком и иевероятно быстрый упадок сил. Несмотоя на это, общее течение болезии шло благоприятно, и еще в прошлую пятинцу лечивший его врач, один из лучших молодых врачей Лоидона, которого особенно рекомендовал ему Рей Лаикестер, подавал нам самые блестящие надежды. Но кто хоть раз рассматривал под микроскопом легочную ткань, тот внает, как велика опасность прободения стеики кровеносного сосуда при нагиоении в легком. И поэтому я в течение шести недель каждое утро, поворачивая за угол, в смертельном страхе смотрел, не опущены ли шторы на окнах. Вчера днем в 2.30 — это был самый подходящий час для дневных посещений — я пошел туда и застал весь дом в слезах: наступает, очевидно, конец. Я стал расспрашивать, пытался найти причину, утешить. Оказывается, произошлю небольшое кровональяние, но вслед затем сразу наступил упадок сил. Наша славная старая Ленхен. ухаживавшия за ини так, как ин одна мать не ухаживает за своим ребенком, подилалас наверх и тотчас же вериулась: он в подусие, мие можнок нему подняться. Когда мы вошли, он спал вечным сном. Пульс и дихание исчезан. В течение этих двух минут он тихо и без страданий скончачае.

Все события, наступающие в силу естественной необходимости, как бы опи ни были ужасим, содержат в самих себе утешение. Так и на этот раз. Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозяблия, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к ващему тримфу врачебного искусства. Но этого наш Марке инкоста не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желания их закончить и от невозможности это сделать, — это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тыхая смерть. «Смерть — несчастье не для умершего, а для оставшегося в жизках, — длобил он повтороть слова Эпикура. И выдеть, как этот мощиный, геннальный человек прозябает, превращаясь в развалину, к вящей славе медицины и на потеку фильстеров, которых он в пору расцвета своих сил так часто повергла в прах, — нет, в тысячу раз лучше то, что случилось в тысячу раз лучше снести его послезавтра в могилу, туда, где покоится его жена.

После всего того, что предшествовало этому и чего даже врачи вянот так, как знаю я, оставался, на мой взгляд, только этот выхол.

Пусть так. Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетарната идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда, естественно, обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получаля ясимі, коепровержимый совет, который мог быть дан только геннем во всеоружин знания. У доморощенимх знаменитостей и мелких талантов, а то и просто у шарлатанов теперь развядамы руки. Конечная победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий,— и без того неизбежных,— теперь будет гораздо больше. Ну что же, с этим мы должны справиться— для того мы и существуем. Вот почему мы отнодь не тердем мужества

Твой Ф. Энгельс.

Печатается по фотокопии рукописи

Перевод с немецково

Фридрих Энгельс

ПОХОРОНЫ КАРЛА МАРКСА

Субботу, 17 марта, на Хайгетском кладбище был похоронен Маркс в той же могчле, в которой пятнадцать месяцев тому

На могиле Γ . Лемке возложил на гроб два венка с красимми лентами от именн редакции и экспедиции «Sozialdemokral» («Социал-демократа») и от имени лондонского Коммунистического просветительного рабочего общества.

Затем Ф. Энгельс произнес на английском языке речь приблизительно следующего содержания:

«14 марта, без четверти три пополудии, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки.

Для борющегося пролетарната Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой историн — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться. Прежде чем быть в состоянии заниматься политнкой, наукой, искусством, религий и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных сореств к жизни и тем самым каждая данная ступень вкономического

развития народа или впохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления даниых людей и из которой они поэтому должны быть объясиены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также особый закон движения современиого капиталистического способа производства и порожденного им буржуваного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потомках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизвин. Счастлив был бы тот, кому удалось бы сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было немало, и ни одной из и ихо ин е замимался поверхностно.

Таков был этот муж науки. Но это в нем было далеко не главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ин доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого нельзя было даже и предвидеть, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытин, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, ои следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и еще в последнее время за открытиями Марсел Депре.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в инспровержении капиталстического общества и созданимы им государствениях учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его мизнениым призванием. Борьба была его стихией. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются иемногие. Первая «Rheinische Zeitung» («Рейнская тазета») 1842 г., прижский «Vorwärts!» 1844 г., «Peutsche-Pürisseler Zeitung» («Немецкая брюссельская газета») 1847 г., «Neue Rheinische Zeitung»

^{1 «}Vorwärts!» («Вперед!») — немецкая газета, выходившая в Париже в 1844 году; под ваимянием Маркса, который с лета 1844 г. принимал близкое участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер. Ред.

(«Новая рейиская трабуна») 1848—1849 гг., «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская трибуна») 1852—1861 гг. и сверх того миожество боевых брошнор, работа в организациях в Париже, Брюссесь и Лондоне, покв. наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное Товарищество Рабочих,—поистине это было делом, которым мог гордиться тот, кто его создал, даже если бы он ие создал инчего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавиделя и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и коисервативные и удътрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, ие уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудинков до Калифорини, и я смело могу сказать: у него могло быть миго поотивников, но вряд ли был хоть один личный водаг.

И имя его и дело переживут века!»

Затем Лонге, зять Маркса, прочел следующие обращения, полученные на французском языке:

I. На могилу Карла Маркса от русских социалистов

«От имени всех русских социалистов шлю послединй прощальный привет самому выдающемуся из всех социалистов нашего времени. Угас один из величайших умов; умер один из энергичиейших борцов против эксплуататоров пролетарната.

Русские социалисты склоизіотся пред могилой человека, сочувствовнашего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы, борьбы, которую они продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции. Русский язык был первым, на котором появился перевод «Капитала» — этого евангелия современного социализма. Студенты русских университетов были первыми, кому довелось услышать сочувствениюе изложение теорий могучего мыслителя, которого мы теперь потеряли. Даже те, кто расходился с основательем Международного Товарищества Рабочих в практических организационимх вопросах, псегда бывали вынуждены все же склоинться перед всеобъемлющими знаниями и высокой слаой мысли, сумещей глубоко вскрыть сущность современного капитала, эволюцию вкономических форм общества и зависимость всей человеческой истории от этой эволоции. Даже самые яростиме противники, которых он встетия в рядах революционых социальстов, не могли, одняко, не внять великому революционному призыву, который Маркс вместе с другом всей его жизни бросил тридцать пять лет тому назад:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху.

Я позволю себе прибавить, что эта смерть пробудит еще более тяжкую скорбь у тех, кто знал этого человека в его интимиой жизин, а особенно у тех, кто любил его как друга.

П. Лавров».

Париж. 15 марта 1883 г.

II. Телеграмма

«Парижское объединение французской Рабочей партии выражает свою сколобь в связа и с туратой мысьлителя, че материальстическое понимание истории и чей анализ капиталистического производства создали научный социальным и современное революционное коммунистическое движение; оно выражает свое глубокое уважение к Марксу как к человеку и свое полное согласие с его учением.

Секретарь Лепин».

Париж, 16 марта 1883 г.

III. Телегоанма

«От себя лично и в качестве делегата испанской Рабочей партни (мадридское объединение) разделяю глубочайшую скорбь друзей и дочерей Маркса при столь тяжкой утрате великого социалиста, нашего общего учителя.

Хосе Меса-и-Леомпарт».

Париж. 16 марта 1883 г.

Вслед за тем Либкнехт произнес следующую речь на немецком языке:

«Я прибыл из Германии, чтобы выразить свою любовь и благсдарность незабвенному учителю и верному другу. Верному другу! Его старейший друг и соратник только что назвал Карла Маркса тем человеком нашей впози, которого больше всего ненавидели. Это так. Его больше всего ненавидели, не сот также больше всего любили. Больше всего менацелси утнетатели и эксплуататоры народа, больше всего любили утнетенные и эксплуатируемые, поскольку они сознавали свое положение. Масса утнетенных и эксплуатируемых любит его, нбо он ее любил. Человек, утрату которого мы оплакиваем, был велик в своей любви так же, как и в своей ненависти. Его ненависть вытекала из любви. У него был не только великий ум. но и велякое селдие. Это знанот вес. кто знал его.

Но я стою здесь не только как ученик и друг; я стою здесь также как представитель терманской социал-демократии, поручившей мие выразить те чувства, которые она испытывает к своему учителю, к тому человеку, который создал нашу партию, поскольку в этом отношении можно говорить о создании.

Было бы неуместно говорить здесь красивые речи. Ведь не было более страстного врага фравы, чем Карл Маркс. Ведь в том и состоит его бессмертная заслуга, что он освободил от фравы пролетариат, партию грудящегося парода, и дал ей твердую, несокрушниую основу науки. Революционер науки, революционер с помощью изуки, он достиг высочайших вершии науки, чтобы спуститься оттуда к народу и сделать науку общим достоинием народа.

Наука — освободительница человечества.

Наука о природе освобождает нас от бога. Но бог небесный продолжает жить и после того, как его убила наука.

Наука об обществе, которую Маркс раскрыл для народа, убивает капитализм, а вместе с инм тех кумиров и господ земли, которые, пока они живы, не дают богу умереть.

Наука — не немецкая наука. Она не знает пикаких границ, прежде всеграниц национальности. И поэтому творец «Капитала» естествению должен был стать творцом Междинародного Товарищества Рабочих.

Фундамент науки, которым мы обязаны Марксу, дает нам возможность сопротивляться всяким нападениям врага и продолжать начатую нами борьбу со все более возрастающими силами.

Маркс превратил социал-демократию из секты, из школы — в партию, в победы, которая уже сейчас борется победоносно и которая достигиет победы.

И это относится не только к нам, немцам. Маркс принадлежит пролетариату. Пролетариям всех стран была посвящена вся его жизиь. Способиме мыслить, мыслящие пролетарии всех стран относятся к нему с благодарностью и с уважением.

Нас постиг тяжелый удар. Но мы ие предаемся горю. Покойный немертв. Он живет в сердце, он живет в голове пролетариата. Память о ием не изгладится, его учение будет распростраияться все шире и шире.

Вместо того чтобы предаваться горю, будем действовать в духе великого павшего бойца; будем стремиться всеми силами к тому, чтобы как можно скорее осуществилось то, чему он учна и к чему он стремился. Так мы дучше всего почтим его память.

Почивший, жнвущий друг! Мы будем идти указанным тобою путем, пока не достигнем цели. Мы клянемся в этом на твоей могиле!»

На могиле, кроме названных выше, присутствовали, между прочим: другой эять Маркса — Поль Лафарг, Оридрих Лесснер, присужденный в 1852 году по кёльнскому процессу коммунистов к пяти годам заключения, Г. Лохнер, тоже старый члеи Союза коммунистов. Естествознание было представлено двумя знаменитостями первого ранга: профессором зоологии Рей Лаикестером и профессором химни Шорлеммером; оба они члены Лоидонской академин паук (Royal Society).

Hancuarano в завете «Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») Ий 13, 22 марто 1883 г. Перевод с немецкого

Фридрих Энгельс

К СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА

100

о случаю этого печального события я получил еще иссколько выражений сочувствия, показывающих, какой широкий отклик оно встретило, и моя обязанность — сообщить об этом.

20 марта г-жа Элеонора Маркс получила от редакции «Daily News» («Ежедиевиые иовости») следующую телеграмму на фраицузском языке:

«Москва, 18 марта. Редакция «Daily News», Лондои. Благоволите передать господину Энгельсу, автору «Рабочего класса в Англин» и близкому другу покойиого Карла Маркса, нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венок со следующей надписью:

«Защитнику прав труда в теории и борцу за их осуществление в мани — от студентов Π етровской сельскохозяйственной академии в Москве».

 Γ -иа Энгельса просят сообщить свой адрес и стоимость веика; расходы будут ему иемедлению возмещены.

Студенты Петровской академии в Москве».

K похоронам, которые состоялись 17 марта, телеграмма, коиечно, запоздала.

Далее, друг Π . Лавров перевел мне 31 марта из Парижа 124,50 фр. = 4.18.9 ф. ст., приславных студентами Π етербургского технологического института и русскими курсистками — также для венка на могилу Карла Маркса.

В-третьих, «Sozialdemokrat» («Социал-демократ») сообщил на прошлой имеле, что одесские студенты тоже изъявили желание возложить от их имени венок из могилу Маркса.

Так как полученных из Петербурга денег с избытком хватало на всетри веика, то я позволил себе купить на иих и веики от Москвы и Олессы...

Из Золиигена нами получен через посредство здешнего Коммунистического просветительного рабочего общества большой красивый венок: «На могилу Карла Маркса от рабочих, заиятых в производстве иожниц, ножей и шпаг в Золингене»...

Одно славянское общество в Швейцарии з евыражает надежду, что в память Маркса будет учрежден особый международный фонд его имени для оказания помощи жертвам великой освободительной борьбы, а также для поддержки самой этой борьбым, и посылает свой первый взнос, когорый я покуда сохрания у себя. Судьба этого предложения зависит, разумеется, прежде всего от того, встретит ли оно сочувствие, и поэтому я сообщаю о мем заегь.

Чтобы циркулирующим в газетах ложным слухам противопоставить факты, я сообщаю следующие краткие сведения о ходе болезии и о смерти нашего великого теосетика и вождя.

Почти совершение изакчившись благодаря троекратному курсу лечения в Карлобара от застарелой болези нечения. Марик с трада только кронической болези не печения. Марик с трада только кронической болези не прекращались — в упорной бессоинице. Оба эти страдания более или менее прекращались после посещения летом морских купаний или климатического курорта и возобновалялись в более острой форме только после нового года. Хроническая болезы с трола, кашель, также способствовающий бессоинице, и хронический болезы с тольа, кашель, также способствовающий бессоинице, и хронический броихит беспокоили в общем меньше. Но именью от иих суждено было ему изнемочь. За четыре или пять недель до смерти своей жены он с хватил адруг жестокое воспаление грудоребрной плевры (плеврит), осложиение броихитом и изчинавшимся воспалением легких (пиевмонией). Болезы была очень опасиа, и опротекла, балотому но. Затем его отправили сперва из остров Уайт (в изчале 1882 г.), а потом в Алжир. Во время путешествия была холодная погода, и он прибъл в Алжир с новым плевритом. При обычких обстоятельствая в этом не было бы

 $^{^1}$ — Союз «Славия», в который входила молодежь славянских стран, проживавшая в Цюрихе. heta e a.

ничего особенного. Но зима и весна были в Алжире холодными и дождливыми, как инкогда: в апреле тщетно пытались протопить столовую! Таким образом, вместо улучшения общего состояния в итоге получилось ухудшение.

Посланный из Алжира в Монте-Карло (Монако), Маркс, из-за холодиой и сырой погоды во время переезда, прибыл туда с третьим, но более легким плевоитом. При этом упорио держалась скверная погода, которую ои, казалось, поивез с собою из Афонки. Таким образом, и здесь вместо поправки — борьба с новой болезиью. В начале лета он отправился к своей лочеои, г-же Лоиге, в Аржаитей, и там пользовался против своего хроинческого броихита сериыми ваниами в расположениом по соседству Энгиене. Несмотоя на непрерывно дожданное лето, лечение, к удовлетворению врачей, хотя и медленио, но продвигалось вперед. Врачи отправили его затем в Веве, на Женевское озеро; здесь он поправился настолько, что ему разрешили провести зиму, правда, не в Лоидоне, но все же на южном побережье Англии. Здесь он собирался, наконец, снова приступить к своим работам. Когда в сентябре он вериулся в Лондон, он выглядел здоровым и, ин на что не жалуясь, часто взбирался со мной на Хэмпстедские холмы (примерно на 300 футов выше его дома). Когда стали надвигаться ноябрьские туманы, его отправили в Вентиор, на юг острова Уайт. И здесь снова дождливая и туманиая погода: неизбежный оезультат — новая поостуда, кашель и т. л., словом, расслабляющий здоровье домашний арест вместо укрепляющего движения на свежем воздухе. В это время умерла г-жа Лонге. На следующий день (12 января) Маркс приехал в Лоидон уже с настоящим броихитом. Вскоре к этому присоединилось воспаление гортани, которое почти лишило его возможности глотать. Он, умевший со стоическим равирдушием переиосить величайшие страдания, предпочитал выпивать литр молока (к которому всю жизнь питал отвращение), чем принимать соответствующую твердую пищу. В феврале обнаружился нарыв в легком. Лекарства перестали оказывать действие на этот организм, напичканный за последние 15 месяцев всякого рода медицинскими снадобъями. Они вызывали лишь ослабление аппетита и пищеварения. Он худел на глазах, чуть ли не с каждым дием. Тем не менее, болезиь в общем протекала сравнительно благоприятио. Броихит почти прошел, глотать стало легче. Врачи подавали самые лучшие надежды. Но однажды между двумя и тремя часами — это было самое удобное для него время посещений - я застал внезапно весь лом в слевах: ои очень плох; наступает, видимо, конец. И все же этим утром, рассказывали мие, — ои с аппетитом выпил вино, молоко, поел суп. Старая

верная Ленхен Демут, воспитавшая всех его детей с колыбели и жнвущая в доме сорок лет, поднимается в его комнату и тотчас же возвращается: «Пойдемте, он в полусне». Когда мы вошли, он уже спал, но спал вечным спом. Более легкой смерти, чем та, которую нашел Карл Маркс в своем кресле, нельзя и пожелать...

Henevatano в завете «Der Sozieldemokrai» («Социал-демократ») № 19, 3 мах 1883 г. Перевод с немецкозо

У ГРОБА ЭНГЕЛЬСА

трогая простота была одной из характеримх черт нашего бессмертного вождя, проложившего для нас новые пути. И такой же простотой и строгостью отличалась тразурная церемония, которой завершился его столь богатый великим делами жизвенный пута.

Волей Энгельса было, чтобы тело его предали кремации, а прах опустили в море. В субботу, 10 августа, гроб с его телом должен был быть перевезен с воквала Ватерлоо в крематорий, в Уокииг, приблизительно в 30 милях от Лоидона...

В памяти каждого из нас навсегда сохранится глубоко водиующий момент, когда мы в два часа дня переступная порог зала ожиданий и увидели покрытый цветами и венками гроб... Здесь были венки из всех частей Гермении, из Австрии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Голландии, России, Польши, Болтарии, Армении.

На красимх широких леитах были начертаны полиме гдубокого значения сдова, в которых борющийся продетариат красиоречию выражад своему духовному отцу и учителю, вождю и незабвениому другу свою искреннюю благодалоность и гдубокую скообь по поводу его утраты.

Бесчислениое количество телеграмм и писем прибыло со всех концов света.

В глубокой печали собрались вокруг гроба представители всех цивилизованиях народов: немцы, австрийцы, англичане, французы, бельгийцы, голландцы, итальянцы, русские, поляки, армяне и т. д. Национальные а расовые различи оказались стертыми под влиянием одного могучего чувства, что человечество, стремящееся к свободе и братству, к свету и счастью, потеряло одного из своих мужествениейших и благороднейших передовых боршов.

Среди стоящих у гроба мы видим внушительную фигуру д-ра Самювла Мура. Это старик в возрасте около шестидесяти пяти лет, крепкий, энергичный, с задумчивым лицом; он англиский юрист и переводчик «Кашитала» Маркса. Д-р Мур берет слово:

«Друзья! Мы стоим у гроба человека, подобиого которому ислегко еще встретить в жизни. Я позиакомился с Фридрихом Энгельсом в 1863 году, в Манчестере; мы скоро стали задушевными друзьями. Каждый разговор, который был у меня с инм, учил меня миогому. Его знания и его сердечная доброта были неисчеопаемы».

Со слезами на глазах прощается благородный старик со своим умершим другом и передает слово т-чу Шлахитендало, помянинку Фридриха Энгельса и представителю его набожной и тлубоко консервативной семьи...

Затем выступает Вильгельм Либкнехт, который воздает честь покойному, как человеку долга, как герою пера и меча, как соратнику Маркса, как человеку, который вместе с Марксом заложил основы современного социализма.

Поль Лафарг произиосит очень краткую речь, так как от горя он не может побороть слез:

«Прощай, дорогой друг! Я инкогда больше не найду такого нежного, доброго и терпечляюто друга. Вместе с Марксом ты дал нам «Коммунистический Манифест»; вместе с Марксом ты дал также французскому про-летаривту программу, которая пробудила в нас классовое сознание и служит нам постоянным руководством в борьбе за завоевание политической власти. Прощай, Оридрих Зигельс! Рабочне Франции никогда не забудут того ло-зунга, который вы с Марксом дали нам в 1847 году: «Пролетарии всех страи, соединяйтесь!». Вы указали нам ворему борьбы, вы дали нам оружие и лозунги. Мы будем бороться, и мы победим!»

В лице Августа Бебеля австрийские рабочие нашли красиоречивого выразителя их чувств и мыслей ¹. Бебель говорил об умершем, как о человеке

¹ Австрийская содива-демократия поручила члену Правления Содина-демократической партии Германии Августу Бебелю быть ее представителем на подоронах Фридриха Энгельса. Ред.

энциклопедических знаний, глубоком знатоке социальной истории современности, как о мудром политике и ревиостном друге австрийского пролеталиата.

От имени бельгийцев выступил Ансель. Д-р Эвелинг говорил от имени английских товарищей Ваи-дер-Гус — как делегат от голландской социалдемократии, и одии русский от имени русских борцов за свободу ¹.

В половине четвертого гроб был установлеи в вагоне и специальным поездом отправлеи в Уокинг, в крематорий. Лишь очень небольшой круг лиц присутеляювал при кремации.

Напечатано в берлинскай завете
«Der Sazialdemokrat» («Сациал-денократ»)
№ 33. 15 ависта 1895 г.

Перевод с немешкого

¹ По сообщению, опубликованному в газете «Vorwārts» («Вперед»), венки на гроб Энгельса от имени русских социал-демократов воздожила Вера Засулич и от вмени группы «Народная воль» — Ф. В. Волховский. Рел.

²⁵ Воспоминания о Марксе и Энгельсе

ФРАНЦ МЕРИНГ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

5-го августа исполняется десять лет с тех пор, как навеки закрыл глаза Фридрих Энгельс— не столько на склоне, сколько на вершине счастливой и яркой жизин. Ему было дано сохранить молодость вплоть до библейского возраста, и зенит его исторического влияния пришелся у него на старость.

Быдо бы, конечно, неверно заключать отсюда, что ум Энгельса развивался медленно. Напротив, он рано созред, как и ум Маркса. Еще в более юном возрасте, чем Маркс, Энгельс написал свое первое произведение, составившее эпоху, маписал кингу непреходящего значения, первый великий документ варчиого социальняма. Ему было всего лишь равадцать четыре года, когда он создал труд о положении рабочего класса в Англин. Столь блестящее вступление на поприще науки в таком юном возрасте случается очень редко; и оно тем более является бесспориейшим признаком гения и мощи, что за ним последовали поляека непрерывного развития. В старости Энгельс лиць завершим то, что обешаль, когда был ыношей.

Когда Энгельс создавал свой первый труд, прокладывавший новые пути, он уже был знаком с Карлом Марксом. Онн не только перепнсывались, но уже провели до того несколько дней вместе и набросали план совместной работы, которая позже появилась под названием «Святое семейство»...

Через несколько лет, когда Маркс и Энгельс вместе создавали «Манифест Коммунистической партин», Энгельс стоял во втором ряду, как он сам всегда и со всей силой подчеркивал. В годы революции ¹ Энгельс сражается,

^{1 — 1848—1849} годов. Ред.

как одарениейший и вериейший помощник— но все же лишь помощник— своего друга...

Энгельсу было почти шестъдесят лет, когда он выступил со своим вторым большим трудом, опять составившим эпоху в истории научиого социализма ¹. Приилв оружие, выскольвиувшее из ослабевших рук умирающего друга, Энгельс еще в течение долгих лет был главой международного рабочего лявжения.

То, в чем ему отказали утро и полдень его жизии, обильно воздал вечер. Сам Энгельс считал, что сов в чем судьба осталась перед ним в долух Действительно, дружба с Карлом Марксом была великим счастьем его жизии, ио в то же время она была связана и со скрытыми страданиями. Энгельс должен был пожертвовать для нее многим, чем с трудом жертвуют даже доблестнейшие люди. Но больше чести, чем любой величайший духовими подвиг, делает Энгельсу то, что он свободно подчинил себя высшему гению — свободно и самоотвержению, без мажейшей горечи и досады. Зняя, что заначает для рабочего класса мощь Маркса, Энгельс сумел ограничить себя; и если многие менее значительные таланты гибли от зависти и к гению, то Энгельс имению потому стал равным учителю, что без тени зависти последва за ним.

Было бы правдиым делом ломать себе голову изд вопіросом о том, что вышло бы из Маркса или из Энгельса, если бы они нев встретили друг друга. Они должны были найти и нашли друг друга, и признательным потомкам надлежит ценить то бессмертное, что создали вместе эти два смертных человека.

Светлой и ясной кажется жизиь Энгельса по сравнению с бурями, потрясавшими жизиь Маркса; однако и она далеко не была спокойной и безмятежной...

В свои последние годы Энгельс не раз говорил, что чрезмерное, по его мнению, признание, которым он пользуется, уравновесится лишь тогда, когда его не будет в живых.

Так и случилось... Все более мощио и виушительно высится фигура Караа Маркса, несмотря на то, — или отчасти благодаря тому, — что рой тщеславных пигмеев бессильно карабкается на подножне его пьедестала, пытаясь сорвать с его головы лавровый венок ². Иногда кажется, что Маркс

¹ Речь илет об «Анти-Дюоннге», Рел.

^{*} Меринг имеет в виду буржуваных «критиков» Маркса, в том числе в ревизионнетов, выступавших в рядах II Интернационала. Ред.

^{25.}

высоко подиялся и над Энгельсом. Но в действительности, если Маркс вырастает все выше, то одновременно с инм возвышается и Энгельс. Ибо
Энгельс инкогда не был только толкователем и помощинком Маркса, канки
было много у Маркса и при живэни и после смерти: Энгельс был его самостоятельным собратом по труду, хоть и не равным ему, но кровно близким
по духу... Нельзя говорить об Энгельсе, не говоря о Марксе. Нельзя говорить о них обоих, не посвятив хотя бы иссколько слов их дружбе. Не в привычках Энгельса было плакаться по поводу того, в чем ему отказала
судьба. «История, — говаривал он, — в коице концов приведет все в порядок, если даже мы до тех пор прикажем долго жить и инчего об этом
знать не будемы».

Энгельс не знал заботы о посмертной славе; зато он испытывал живейшую радость при виде того, какне великолепные плоды принесло дело его жнани. Только одна капля горечи попала в этот кубок радости — сознание того, что Маркс уже не стоит рядом с иим и ие может радоваться этому зредищу.

Богатая жизиь Энгельса была в то же время и счастливой жизнью. Незаметно уходили годы и десятилетия, и после краткой болезии, муки которой не сломили его бодрого духа, его, семидесятипятилетиего, унесла от нас легкая смерть.

Теперь мы скорбим по поводу того, что Энгельса нет уже рядом с изми, что он не может радоваться великоленному эрелящу революции, пламя которой все сильнее поднимается вымсь 1. Конечно, Энгельс одобрил бы не все то, что произошло за истекшие десять лет в рядах международной н особению германской социал-демократии 2. И если верио, что не бывает незаменимых людей, то не менее верио и то, что, будь ему суждена более долгая жизны, его проинцательный взор н мудрый совет избавнли бы современию одбочее движение от многих окольных путем.

Но больше всего Энгельса порадовало бы всемнрио-историческое зрелище, по сравиению с которым многое кажется мелким и ничтожным, зредние революционной Россин, гигаитская вспышка того пламени, искры которого раздували Марке и Энгельс, — это привадлежит не к последним заслугам их перед международным рабочим движением.

¹ Написано в начале первой русской революции 1905—1907 годов. Ред.

 $^{^{2}}$ Речь идет об усилении оппортунизма во II Интернационале и в Социал-демократической партии Германии. Pед.

Как революционеры по всему своему существу, какими были Маркс и Энгельс всю свою жизнь, они всегда видель в спержении царского деспотняма великий поворотный пункт пролетарской револоции. Уже в «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газете») они призывали к войне против этого покрытого кровью и грязью режима. Поразить цариам в самое сердце — такова была задача, которую они никогда не упускали из виду. Духом Маркса и Энгельса проникнуто, на их ученин воспиталось ведущее маро русской революции. И заря, пылающая на Востоке, бросает приветливые лучи на могильный холм в английской столице, где покоится революционер Маркс, и на морские волны, которые поглотили прах революционео Энгельса.

Ярче всего сиял их дух, острее всего была их мысль и смелее их слово в те моменты, когда дряхлеющая Европа содрогалась от мощной поступи революции. Такими навоегда запомнят их те, ради кого ощи жили, ради кого боролись, для кого создавали свои бессмертные труды. Каждая годовщина рождения и смерти Маркса и Энгельса делает их еще более блиякими нам. Они как будто жирут среди нас. мы слышим металлический звух их голосов каждый раз, когда над доживающим свои последние дни миром инщеты, миром, который знает лишь угнетателей и угнетенных, загорается заря новой революционной эпохи.

Напечатано в журнале «Dis Neus Zeit» («Новое время»), т. 2, 1904—1905 гг.

Персвод с немецкого На русском явыке публикуется впервые

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

В г. Тоное (Рейнская провинция Пруссии) в семье адвоката

1818 5 мая

оолился Карл Маркс. 1820 28 ноября В г. Бармене (Рейнская провинция Пруссии) в семье тевстильного фабриканта родился Фридрих Энгельс. 1830 Осень — 24 сен-Маркс посещает Трирскую гимназию; по окончании ее полутября 1835 чает аттестат врелости. 1834 20 октября — Энгельс посещает гимназию в г. Эльберфельде. По настоя-15 сентября 1837 нию отца оставляет гимназию, не окончив последнего класса, и приступает к изучению коммерческого дела. 1835 15 октября Маркс поступает на юридический факультет Бониского университета.

18.36 Вторая половина Маркс перевзявает в Берлин в 22 октября вачисляется стумент в Берлинский университет, где продолжает заинтия и кордамческом факультете. Наразу с заинтивани в узиверситете Маркс самостоятельно изучает историю, антературу, историю искусств, философию, особению поризведения Гетела, делая из его учения револоционные выводы; завязывает знакомство с малотогольнымым.

18.38 Соредина июля — Энгелла в Бремене проходит практику в торговой фирме. март 1841 В свободное от работы время завимается философияй и листратурой; инпет для журивля «Гефезарй für Deutschland» («Германский телеграф») статьо «Инслом из Вуниергала», разоблачающую висплуатацию рабочих куриоглальскими фаркнактами, и помещает в литературно-критических журивлах ряд рецензий в очерков. В этот период происходит формирование взглядов Энгельса как революшнонного демократа.

1839-март 1841 Маркс пишет докторскую диссертацию на тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпи-

кура».

октябоя

1841 30 марта Маркс оканчивает Берлинский университет.

6-15 апреля Маркс посылает в Иенский университет написанную им диссертацию и получает диплом доктора философии.

Поиблизительно Маркс изучает только что вышедшее в свет произведение июль Фейербаха «Сущность христианства».

Вторая половина Энгельс отбывает воинскую повинность в Берлине. В свосентября 1841 бодное от военной службы воемя посещает в качестве вольно-8 октябоя 1842 слушателя лекции в Берлинском университете; устанавливает близкие отношения с младогегельянцами; пишет ряд работ против реакционно-идеалистической философии Шеллинга и сотоудинчает в «Rheinische Zeitung» («Рейнской газете»). Во время пребывания в Берлине Энгельс изучает произведение

1842 Между 15 января Маркс пишет статью «Заметки о новейшей прусской цензури 10 февраля ной инструкции». По условиям цензуры статья не могла быть напечатана в Геомании и была опубликована в Швейпарии в феврале 1843 г. в сборнике «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей неменкой философии и публицистики»).

Фейеобаха «Сушность хонстианства».

Апосль Маркс начинает сотрудинчать в «Rheinische Zeitung».

Первая половина Маркс переезжает в Кёльи и с 15 октября становится редактором «Rheinische Zeitung». Под его руководством газета принимает все более определенное революционно-демократическое направление. В своих статьях в втой газете Маркс выступает горячим защитинком интересов народа.

В период редакторства Маркса в «Rheinische Zeitung» намечается его переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

Вторая половина Энгельс уезжает в Англию для изучения коммерческого дела ноября на бумагопрядильной фабрике в Манчестере, принадлежавшей фирме «Эрмен и Энгельс». По пути в Англию Энгельс посещает в Кёльне редакцию «Rheinische Zeitung», где впервые встречается с Марксом.

Декабрь 1842 авгист 1844

Энгальс изучает содивальные и политические отношения в Англани, уловив жизни и турда английские рабочих, знакомится с чартистским движением, устанавливает связи с руководителами тайного имеецкого рабочего общества Соиз справедливых, оторудинчает в социальстический и демократический печати. Энгельс изучает произведения буржуальих экономистов в представителей утопического социальным.

Во время пребывания в Англии Энгельс окончательно становится коммунистом и материалистом.

1843 19 января

Ввиду резко оппозиционного направления «Rheinische Zeitung» прусское правительство принимает решение о ее запрещении с 1 апреля; на оставшееся время для нее вводится особо строгая цензура.

17 марта

Маркс выходит из редакции «Rheinische Zeitung» в связи с иамерением акционеров придать газете умеренный тои и таким путем добиться отмены ес запоещения.

Aemo

Маркс пишет работу, посвящениую критике гегелевской философии права.

Женитьба Маркса на Жении фон Вестфалеи.

Конец октябоя

Маркс уезжает в Париж, где приступает к изданию журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»).

Осень 1843 январь 1844

Маркс пишет для «Deutsch-Französische Jahrbücher» статьи: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права, Введение».

Эти статьи знаменуют окончательный переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма

к коммунизму.

Ноябрь 1843 январь 1845 В Париже Марке устанавливает связи с французскими демократами и социальстами, с урконодителями немеркот отайного общества Сиоз справедливых и с вомярями большинства французских тайных рабочих обществ, часто посещает собрания немерциях и французских рабочих и ремесленников.

Конец 1843 январь 1844 Энгельс пишет для «Deutsch-Französische Jahrbücher» две работы: «Наброски к критике политической вкономии» и «Положение Англии. Томьс Карлейль «Прошлое и настоящее»».

1844 Конец февраля

В Париже выходит первый, двойной выпуск «Deulsch-Französische Jahrbücher», в котором центральное место занимают работы Маркса и Энгельса. Между Марксом и Энгельсом завязывается переписка. В связи с опубликовнием статей Маркса в «Deutsch-Französische Jahrüchter прусское правительство обвиняет Маркса в эгосударственной замене и оскорблении его величества» и надает приказ об аресте Маркса в случае переезда им прусской говиним.

Апраль—авщем Маркс продолжает систематическое изучение политической вкономии, начатое вы в коице 1843 года, и дает первый набросок критики буржуваной политической экономии в своих экономическо-философских рукопиеля.

Вторая половина Маркс сотрудничает в немецкой газете «Vorwārts!» («Впе-10да ред!»), выходившей в Париже, и принимает участне в ее редактирования. Под влиянием Маркса газета мачимает приобрегать коммунистический хадажтер.

Около 28 авиуста—6 свитлября В Париже происходит историческая встреча Маркса и эместной научной деятельности и революционной борьбе за дело пролетарната.

Семпиябрь Маркс работает над книгой «Святос семейство, или Критика критической критики», начатой им совмество с Энгельсом во воемя весстваневного посбывания Энгельса в Пацика

Вторая полония Знгольс в Бармене работает над книгой «Положение рабоеентября 1844— чего класса в Англиня». В тож веремя он ведет зактавную пропатанду спризанстических яжей и принимает участие в органнации демократического и социалистического движения в Рейнской повычини.

1845 16 января Распоряжение о высылке Маркса и ряда сотрудников газеты «Vorwärts» из Франции, отданное французским правительством под давлением Поусени.

3 февраля Маркс переезжает в Брюссель.

Около 24 февраля Выходит в свет книга К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, кли Критика критической критики. Против Бруно Бауара и компании». В этой работе были заложены «соковы… революционно-материалистического социализма» (Лении).

Весна Маркс пнишет «Тезисы о Фейербахе» — гениальный документ, содержащий в себе зародыш дналектического и исторического материализма.

После 5 апреля Энгельс переезжает в Брюссель к Марксу.

Конец мая

В Лейпциге выходит книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англин», которая явилась «ужасным обвинением капитализма и буржувания (Лении). Oroso 12 mose Маркс и Энгельс предпринимают поездку в Англию с целью изучения английской экономической антературы, а также для более близкого ознакомления с экономической и политической жизнью Англии и с английским рабочим движением. В Лон-

лоне Маркс и Энгельс встречаются с деятелями чартистского явижения и с руководителями Союза справедливых.

Около 24 августа Маркс и Энгельс возвращаются из Англии в Брюссель.

Сентябоь 1845-Маркс и Энгельс работают над кингой «Немецкая идеология», которая явилась важным этапом в разработке теоретичеsemo 1846 ских, философских основ коммунистической партии — дналектического и исторического матернализма.

Энгельс сотрудинчает в чартистской газете «The Northern март 1848 Star» («Севеоная звезда»), освещая на ее страницах политиче-

ское положение во Франции и Геомании.

в Лондоне, Париже и в Германии.

Маркс и Энгельс создают в Брюсселе Коммунистический корреспоидентский комитет, имеющий целью идейное и организационное сплочение передовых представителей рабочего и социалистического движения различных страи. Подготавливая почву для основания международной пролетарской партии, они предпринимают шаги для создания корреспоидентских комитетов

На васедании Брюссельского коммунистического корреспоидентского комитета, на котором присутствуют Вейтаниг, рус-

ский литератор Анненков и другие, Маркс и Энгельс выступают с острой критикой мелкобуржуваного «истинного социализма» и грубо-уравинтельного коммунизма Вейтлинга.

По поручению Брюссельского коммунистического корреспоидентского комитета Энгельс приезжает в Париж для организации корреспондентского комитета, пропаганды научного коммунизма среди рабочих и борьбы против вейтлингианства.

прудонизма и «истинного социализма».

нюля 1847 гола.

Маркс пишет кингу «Нишета философии. Ответ на «Философию инщеты» г. Прудона». Работа Маркса — одно из первых произведений зредого марксизма -- выходит в свет в начале

Лондонский комитет Союза справеданных направляет своего

представителя И. Молля в Брюссель к Марксу и в Париж к Энгельсу с предложением вступить в Союз, пониять участие в его реорганизации и в выработке программы. В результате переговоров Маркс и Энгельс дают свое согласие на вступление в Союз.

Сентябоь 1845-

1846 Начало гола

30 марта

15 авгиста

1847 Январь—15 июня

Конец янваояфевраль

Начало июня

В Лондоне происходит первый конгресе Союза коммунистов.
В качестве делегата от парижеких общии Союза Энгельс
активно участвует в оаботе конгресса.

Конец авпуста Маркс и Энгелье организуют в Брюсселе Немецкое рабочее общество, в котором развертывают пропаганду идей изучного

коммунизма.

Сентябрь 1847— Маркс и Энгельс согрудинчают в «Deutsche-Brüsseler Zeitung» («Немецкой брюссельской газете»). Под як влиянием газета становится органом революционно-демократической и коммунистической пропатавды.

27 сентября 1847— Маркс и Энгелью принимают активное участие в основании
февраль 1848 и деятельности Демокоатической ассопиации в Боюсселе. Под

в 1848 и деятельности Демократической ассоциации в Брисселе. Под руководством Маркса, взбранного вице-председателем. Ассоциация устанваливает связи с демократическим движением других страя, в частности с обществом «Братские демократы» в Лондове.

Конец октября— По поручению Парижского окружного комитета Союза коммоябрь мунистов Энгельс составляет проект программы Союза под названием «Принципы коммуникма».

29 ноября—8 де маркс в Энгелью прививают деятельное участие в работе кабря второго конгресса Союза коммунистов в Лондоне. Взглязы Маркса и Энгельса получают на конгресс полное признавие, конгресс поручает вы составить программу Союза в виде манифета.

Вторая половина Маркс читает лекции о насмиом труде и капитале в Немецдекабря ком рабочем обществе в Брюсселе.

1848 29 января Французское правительство высылает Энгельса из Французское правительство среди рабочих. 31 января он приезвает в Боюссевь.

Около 24 февраля В Лондоне выходит в свет написанный Марксом и Энгельсом «Манифест Коммунистической партин»— первый программный документ начиного коммунисти.

4 марта Маркс подвергается аресту и высылается из Бельгии за активное участие в республиканском движении, реазвернувшемся в Брюсселе под влиянем февральской реасолоции во Форминя.

5 марта Маркс приезжает в Париж, где на основании подученных от Центрального комитета полномочий создает новый Центральвый комитет Союза коммунистов. Маркс избирается председателем Комитета. Около 21 марта Энгельс приезжает в Париж, где сразу же включается в работу Центрального комитета Союза коммунистов, в состав которого от был кабран заочно.

Между 21 и 29 В связи с начавшейся революцией в Германии Маркс и
эмедье вырабатывают политическую платформу Союза коммуинстов в революции — «Требования Коммунистической партин
в Германии», которые в виде листових вместе с «Манифестом
Коммунистической партии» раздаются едущим в Германию ра-

Около 5 апреля Маркс и Энгельс покидают Париж и едут в Германию, чтобы поинять непосредственное участие в революции.

7 июня Маркс и Эптельс влачинают задавать в Кёлыве «Neue Rheinische Zeitung» («Новую рейнекую газету»). На страницах атой газеты они ведут борьбу за сдиную демократическую терманскую республину. Маркс и Эптельс выступают в газете с инпотунственными статами в защиту воставших рабочих Парияв, восстаний народных масс Прати и Вены, призвывот к подселже национально-солободительного движении польков.

итальянцев, венгров.
Наряду с изданием газеты Маркс и Энгельс ведут большую
практическую революционную деятельность, в частности в
кёльнском Демократическом обществе и кёльнском Рабоче

Ввиду угровы ареста Энгельс уевжает в Бельгию, где его арестовывают и отправляют на французскую гранцу. Пробыв несколько дней в Париже, Энгельс отправляется в Швейцарию и поселлется в Берие. Он принимет участие в швейцарском рабочем движении и пишет статьи для «Neue Rheinische Zeitung».

1849 Около 11 января Энгельс возвращается в Кёльн.

coiose.

Конви сентября

7 февраля

8 февраля

10-15 мая

19 uaa

Маркс и Энгельс выступают с речами на судебном процессе, возбужденном против «Neue Rheinische Zeitung» по обвиненню в оскорблении властей. Суд присляжных выносит Марксу и Энгельсу оправдательный приговор.

Маркс выступает на судебном процессе по обвинению его как члена Рейнского окружного комитета демократов в «подстрекательстве к мятежу». Суд присяжных оправдывает Маркса.

Энгельс принимает участие в эльберфельдском восстании: руководит возведением оборонительных сооружений, осуществляет надзор за всеми баррикадами и артиллерией в городе. В связы с высолакой Маркса из Прусски и пресъедованием

В связи с высылкой Маркса из Пруссии и преследованием Энгельса и других редакторов прекращается издание «Neue Rheinische Zeitung». Последний номер газеты, отпечатанный красной краской, выходит во многих тысячах экземпляров. В прощадымом обращении к жёлыкским рабочим редакторы газеты заявили, что «ик последиям словом всегда и всюду будет: осовобождеме рабочено класса!».

20-21 мая

После прекращения издания «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгелье направляются в охвачениую восстанием Юго-Западную Геоманию.

Около 1 июня

Маркс уезжает в Париж, где ожидались крупные революционные события.

б июня

Приказ прусского правительства об аресте Энгельса.

13 июня— 12 июля Энгельс принимает непосредственное участие в революционных боях, развернувшихся в Бадене и Пфальце. После поражения баденско-пфальцской поиставческой армии он вместе с отрядами поветанцев одним из последних переходит границу Пшейцараци.

24 августа

Маркс, не желая подчиниться распоряжению французского правительства о высылке его из Парижа в болотистую, иездоровую местность Бретани, эмигрирует в Лондои.

Начало октября

Энгельс покидает Швейцарию и едет через Италию в Лондои к Марксу.

Около 10 ноября

Энгельс приезжает в Лоидон, где включается в работу Центрального комитета Союза коммунистов.

1850 Mapm

Марке и Энгальс пишут «Обращение Центрального компятель с Союзу комулистов», в котором правывают к укреплавают к образовают к убразовают к убразовают

Март — ноябрь

Маркс и Энгельс выпускают 6 номеров журнала «Neue Rheinische Zeitung, Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»), в которых публикуются работа Маркса «Классовая борьба во Франция с 1848 по 1850 г.», произведения Энгельса «Германская кампания ва имперскую конституцию» и «Крестъянская война

в Германии», а также ряд их международных обзоров и других статей. В работах, напечатаниых в этом журиале, Маркс и Энгельс подводят итоги революции 1848—1849 гг, и развивают дальше свое революционное учение.

15 сентября

Конец сентября

Маркс возобновляет работу над своим трудом по политической экономии; отныме ом почти ежедиевио занимается в Британском музее, где читает огромное количество книг и делает из ики общирные выписки.

Серелина ноября

Энгельс переезжает в Манчестер и снова приступает к работе в фирме «Эрмен и Энгельс», что было вызвыло главимы обравом желанием оказать материальную поддержку Марксу и предоставить ему возможность продолжить разработку вкономической теория.

1851--1852

Энгельс изучает русский и другие славанские языки. Он читает произведения классической русской литературы: Пушкина «Евгений Онегин» в «Медиый всадиик», Грибоедова «Горе от ума» и другие.

Июнь 1851— май 1856 Маркс и Энгельс сотрудничают в чартистских органах «Notes to the People» («Заметки для народа») и «People's Paper» («Народная газета»), оказывая также помощь в их ослактисования.

Август 1851 март 1862 Маркс сотрудилчает в американской прогрессивной газете «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская трибуна»). Энгельс оказывает Марксу постоящую помощь в его работе для тазетя; он лишет серию статей под названием «Революция в контрремомущия премяния в имоги другие статы. На протяжения 10 лет Марксом и Энгельсом написяны для «New-York Daily Tribune» многочислениям статьи о национально-оснободительном движении в Индии в Китас, о револьщомной войме в Испания, о Крымской войме, о собитиях в Англии, Германии, Оравция, Италия в в дуугих страных.

Декабрь 1851 март 1852 Марке пяшет работу «Восемнаддатое брюмера Луи Бонапарта», которая публикуется в мае 1852 г. в взадававшемся в США вемецком коммунистическом журиале «Die Revolution» («Революция»). В этой работе Маркс на основе опыта революции 1848-1849 гг. делает важнейший вывод в вопросе о государстве — о необходимости для пролетариата сломать буржуваную государственную машину.

1852 Октябов-денабов Маркс и Энгельс разоблачают в письмах и статьях действия прусского правительства, сфабриковавшего процесс против членов кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов.

> Маркс пишет специальную брошюру под названием «Разобла» чения о кёльнском процессе коммунистов», которая выходит в свет в январе 1853 года.

В связи с изменившимися условиями классовой борьбы пролетариата после поражения революции 1848—1849 гг. и арестом руководящего ядра Союза коммунистов в Германии Союз по предложению Маркса объявляет себя распущениым.

1855 Январь — декабрь

17 ноябоя

Маркс сотрудничает в демократической «Neue Oder Zeitung» («Новой одерской газете»), помещая в ней статьи о положении в Англии и Фоанции, а также о Коммской войне.

1857 Январь — май

Маркс и Энгельс пишут ряд статей в «New-York Daily Tribune» против захватнической войны английских колонизаторов в Китас.

30 unua 1857сентябрь 1858 В связи с национально-освободительным восстанием в Индии против английского колониального гнета Маркс и Энгельс пишут для «New-York Daily Tribune» большое количество статей, разоблачая в них колонизаторскую политику и жестокости англичан по отношению к народам Индии.

Июль 1857ноябоь 1860 Маркс сотрудничает в «Новой американской вициклопедии». По его просъбе Энгельс пишет для энциклопедии большое количество статей по военным вопросам.

Август — свитябрь Маркс пишет «Введение к «К критике политической экономии»».

Октябоь 1857февраль 1858

Маркс и Энгельс внимательно следят за развитием начавшегося в Америке и в странах Европы вкономического кризиса, рассматривая его как пролог нового революционного подъема. Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» ряд статей о ходе экономического кризиса в различиых странах.

Октябрь 1857март 1858

Маркс усиливает свои занятия политической вкономией, с тем чтобы закончить всю работу до начала революционных событий. Написанная им в вто время большая рукопись

«Основные черты критики политической экономии» (около 50 печ. листов) явилась по существу первым чериовым наброском трех томов «Капитала».

1860

1859 Янадоь-сентябрь Маркс и Энгельс в своих статьях в «New-York Daily Tribune» и других органах печати, а также в брошюрах «По и Рейи» и «Савойя. Ницца и Рейи», написанных Энгельсом, отстаивают революционно-демократический путь объединения Италия, а также и Германии.

Начало июня

Вышла в свет работа Маркса «К критике политической экономии». Выпуск первый.

Начало июля-20 ависта

Маркс принимает ближайшее участие в издании немецкой рабочей газеты «Das Volk» («Народ»), выходившей в Лондоне. Издание газеты прекращается из-за отсутствия денежных средств.

1860 1 декабря Выходит в свет памфлет Маркса «Господии Фогт».

1861 Anucm— июнь 1863

Маркс работает над продолжением книги «К критике политической вкономии». В процессе работы над рукописью он перестраивает план своего труда и решает опубликовать его в качестве самостоятельного произведения под заглавием «Капитал», с подзаголовком «К критике политической экономии». Большую часть рукописи этих лет составляет историко-критический раздел - «Теории прибавочной стоимости».

Октябрь 1861ноябрь 1862

Маркс и Энгельс пишут для прогрессивной венской газеты «Die Presse» («Пресса») и доугих органов печати статьи о гражданской войне в Америке, в которых они поддерживают освободительную войну северян против рабовладельческого Юга.

1863 6 января

Смерть жены Энгельса - Мери Бёрис.

Июль 1863 — декабрь 1865

Маркс работает нал релакцией трех томов «Капитала». Основание Международного Товарищества Рабочих (І Интернационала) на митниге в Сент-Мартинс Холле в Лондоне.

1864 28 сентябоя

Маркс избирается членом Временного комитета. Маркс пишет «Учредительный манифест» и «Временный

21 — 27 октябоя

устав» Международного Товарищества Рабочих. Маркс и Энгельс сотрудничают в немецкой газете «Social-

1865 Конец января -23 февраля

Demokrat» («Социал-Демократ»), надеясь использовать ее для пропаганды революционных принципов Интернационала средн

немеция рабочих и разоблачения королевско-прусского правительственного социализма Лассаля. Убединшись, что редактор газеты лассальянец Швейцер поддерживает проводимую Бисмаркои политику объединения Германии сверху, путем династическия хойы, Марке и Энгельс поравото с газетой.

20 и 27 июня Маркс делает доклад на заседании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о заработной плате, цене и прибъли.

25—29 сентября Маркс принимает деятельное участие в происходящей в Лоидоие первой конференции Международного Товарищества Рабоних.

1866 Январь — март Маркс работает над окончательной редакцией I тома «Каши-1867 тала» и подготовкой его к печати.

Март — апрель

Зигельс пишет серию статей «Какое дело рабочему классу
до Польший», направленных против прудоинстов, игиорироваших национальный вопрос. Не мнея возможности принять
непосредственное участие в работе Генерального Совета, Зигельс
оиззывает постоянную помощи Макоку и его болобе са вождаей-

ными течениями в рабочем движения.

25—31 июля

Маркс пишет инструкцию делегатам Генерального Совета на Женевский конгросс I Интернационала.

По окончании работы над I томом «Капитала» Маркс лично отвозит рукопись издателю в Гамбург.

19 мая Маркс возвращается в Лондон.

1867 10 апреля

16 авщета Маркс заканчивает в 2 ч. ночи просмотр последнего листа корректуры 1 тома «Капиталь» в пишет Энгельсу висьмо, полное благодарности за ту самоотвереняную помощь, которую оказал ем Энгельс пон создания этого тоуда.

14 сентября Выходит в свет 1 том бессмертного труда Маркса «Капитал».

12 октября 1867— В целях популяризации «Капитала» Энгельс пишет ряд рецевконец июня 1868 зий на вту кингу.

1868 Апрель — май Маркс возобновляет работу над II и III томами «Капитала». До конца своей жизни он продолжает работать над своим основимы грудом.

1869 1 июля Энгельс порывает с ненавистной ему коммерцией — он выходит из торговой фирмы в Манчестере и с втого времени всецело

*/425 Восноминаная и Марксе и Энгольсе

посвящает себя партийной, научной и публицистической деятельности.

июль 1870

Конец июля 1869— Энгельс работает над книгой по историн Ирландии. Работа остается незаконченной.

Ноябоь

В связи с работой над III томом «Капитала», в частности с разработкой вопроса о земельной ренте, Маркс приступает к научению оусского языка и оусской экономической литературы В 70-х годах он читает произведения Флеровского, Чернышевского, Скоебникого, Кошелева, Скалдина и до., а также изучает статистические сборники и многие другие материалы на русском языке. Эти материалы он получал от ряда русских **УЧЕНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ, С КОТОРЫМИ СОСТОЯЛ В ПЕ**реписке.

Ноябрь — декабрь В своих выступлениях на засвданиях Генерального Совета по нравидскому вопросу Маркс, защищая принципы пролетарского интернационализма, доказывает необходимость поддержки рабочим классом национально-освободительного движения угиетенных народов.

1870 24 марта

В письме к Русской секции 1 Интернационала в Женеве Маркс сообщает о своем согласии быть ее представителем в Генеральном Совете.

23 июля

В связи с начавшейся франко-прусской войной Маркс по поручению Генерального Совета пишет воззвание к членам Интернационала в Европе и Америке, в котором вскрывает характер войны и подчеркивает, что союз рабочих всех стран, в конце концов, искоренит всякие войны.

27 июля 1870-1 февраля 1871

Энгельс пишет серию статей о франко-прусской войне для лондонской «Pall Mall Gazette».

9 сентябоя

После поражения французской армин при Седане и установления республики во Франции Маркс пишет второе воззвание Генерального Совета по поводу франко-прусской войны.

Около 18 сентября Энгельс переезжает из Манчестера в Лондон и поселяется недалеко от дома Маркса.

4 октябоя

Энгельс избирается в состав Генерального Совета Интернационала, где на него возлагаются обязанности секретаря-корреспондента для Бельгин, поэже для Испании и Италии: воеменно он выполняет секретарские обязанности и для ряда других стран.

май

1871 После 18 марта— В связи с победой революции в Париже и установлением Коммуны Маркс и Энгельс организуют массовые выступления рабочих в различных странах в защиту Парижской Коммуны. Они поллеоживают связь с коммунарами и оказывают им помощь советами и указаннями. В письмах к Кугельману Марко показывает историческое значение Коммуны и вскрывает ее ошибки.

30 мая

Генеральный Совет принимает написанное Марксом воззвание «Гражданская война во Франции», в котором Маркс раскрывает всемионо-историческое значение Парижской Коммуны, как пеовой попытки создать новое, продетарское государство.

17—23 сентябоя

Маркс руководит Лондонской конференцией I Интернационала. В борьбе против бакунистов Маркс и Энгельс добиваются на конференции принятия резолющии о необходимости политической больбы рабочего власса и создания в каждой стране самостоятельной продетарской партни.

1872 5 марта

На заседании Генерального Совета принимается написанный Марксом и Энгельсом негласный циркуляр «Минмые расколы в Интернационале», в котором разоблачаются нитриги, двурушинчество и раскольническая деятельность бакунистов в Интеонационале.

Начало апреля

Маркс получает от Даниельсова вкземпляр только что вышелшего в свет оусского перевода I тома «Капитала».

мая 1872- январь 1873

Вторая половина Энгельс пишет для газеты «Der Volksstaat» («Народиое государство»), органа геоманской социал-лемократии, серию статей «К жилищному вопросу», вышедшую также отдельным полошием

1—7 сентябоя

Маркс и Энгельс принимают участие в пятом, фактически последнем, конгрессе I Интернационала в Гааге. На конгрессе оин добиваются включения в устав пункта об образовании в каждой стране самостоятельных пролетарских партий; конгресс решительно осуждает анархистов и исключает из Интернационала нх вождей — Бакунина и Гильома. По предложению Маркса и Энгельса местопребывание Генерального Совета переносится в Нью-Йорк.

1875 18-28 марта

В связи с предстоящим объединением вйзенахцев и лассальянцев на съезде в Готе и опубликованием проекта поограммы будущей паотии Энгельс в письме к Бебелю от своего имени и от имени Маркса резко критикует визенахцев за их уступки лассальянцам в принципиальных вопросах революционной теории.

5 мая Маркс пишет «Критику Готской программы», в которой формулирует онд важнейших положений научного коммунизма о переходном перноде и диктатуре пролетарната, о двух фазах

коммунистического общества.

Вышло в свет отдельным изданием печатавшееся в 1877-1878 Начало июля 1878 гг. в газете «Vorwarts» произведение Энгельса «Анти-

Дюдинг», в котором «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук» (Лении).

Смеоть жены Энгельса — Лиззи Бёонс. 12 сентябоя

1879 17-18 сентября Маркс и Энгельс направляют Бебелю, Либкнекту, Бракке и до деятелям Социал-демократической партии Германии циркулярное письмо, в котором разоблачают оппортунизм Бериштейна, Хёхберга и Шрамма и критикуют примиреическую

познаню руководства партии по отношению к ним.

1880 20-марта-5 мая В целях пропаганды идей научного коммунизма среди франдузских рабочих Энгельс публикует в «Revue Socialiste» («Социалистическом обозрении») работу «Развитие социализма от утопии к науке», составленную из трех глав «Анти-Дюринга». Это произведение, изданное вскоре в виде брошюры и переве-

> денное на другие языки, сыграло большую роль в распространении марксизма.

Маркс и Энгельс помогают основателям французской Рабочей Апрель

партин Геду и Лафаргу составить программу партии. 1880 - 1882 Энгельс продолжает работу над «Дналектикой природы», на-

чатую им еще в 1873 году.

1881 Около 1 мая — Энгельс пишет ряд статей для органа английских тред-юнноначало августа

нов «The Labour Standard» («Знамя труда»).

2 декабоя Смерть жены Маркса — Женни Маркс.

1882 21 января Маркс и Энгельс пишут предисловие к русскому изданию «Маннфеста Коммунистической партии», в котором они характеризуют Россию как передовой отряд революционного движе-

иня в Европе.

Февраль -Резкое ухудшение здоровья Маркса. Поездки для лечения в октябоь

Алжир, Францию и Швейцарию.

1883 11 января Смерть старшей дочери Маркса — Жении Лонге.

1883 14 марта В 2 ч. 45 мнн. дня умер Карл Маркс.

17 марта Похороны Карла Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне. Энгельс произносит речь на могиле Маркса, которую заканчивает пророческими словами: «И имя его и дело пережнвут века!».

марта — апрель

В полая половина Энгельс получает от деятелей рабочего движения различных стран многочисленные письма, проникиутые глубокой скорбью по случаю смерти К. Маркса. Вместе с этим в них выражается уверенность, что Энгельс выполнят гигантскую работу по завершенню незаконченных трудов Маркса, что он будет и впредъ руководить международным социалистическим движением.

> «После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов... Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» (Ленин).

Апрель — июнь

Энгельс изучает рукописное наследство Маркса, Одной из главных задач его жизни становится завершение теоретических работ Маркса и в первую очерель излание II и III томов «Капи-

1884 Май — февраль 1835

Энгельс работает над подготовкой к печати II тома «Капитала», который выходит в свет в 1885 году. По окончании втой работы Энгельс немедленно приступает к подготовке к

печати рукописи III тома «Капитала».

Начало октября

Вышла в свет кинга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой задожены основы марксистского изучения истории первобытного общества и «с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства» (Ленин).

Декабов

Энгельс поддерживает Элеонору Маркс-Эвелинг и Эдуарда Эвелинга в их борьбе против оппортунистического руководства Соцнал-демократической федерации. И в дальнейшем Энгельс ведет постоянную борьбу против сектантства и реформизма в рабочем движении Англии, оказывая постоянную поддержку передовым представителям английского рабочего движения в нх борьбе за создание массовой пролетарской партни.

1885 23 апреля

В письме к представителю группы «Освобождение труда» В И. Засулнч, с которой Энгельс находился с 1883 г. в постоянной переписке, он выражает свою разость в связи с появленнем в России сторонников учения Маркса. «Эго прогресс, пишет Энгельс, — который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»,

1886 29 ноябоя

В письме к деятелю американского и международного рабочего явижения Ф. А. Зорге Энгельс резко контикует немецких

26 Воспоминания о Марксе и Энгельсе

социалистов в Америке за их неумение применить теорию научного коммунизма к конкретным условиям страны, за доктринерство и догматизм, за сектантскую тактику по отношению к американскому рабочему движению.

1887 26 января

Энгельс пишет поедисловие к американскому изданию своей жинги «Положение рабочего класса в Англии», в котором дает анализ состояния рабочего и сопналистического движения в Америке 80-х годов XIX века и выдвигает перед американским рабочим классом задачу создания массовой политической рабочей партии, способной возглавить его борьбу против буржуазии.

1888 Mapm -1889

В своих письмах к Полю и Лауре Лафаргам Энгельс разъясияет опасность буданжизма для Франции и контикует руководителя французской Рабочей партии Лафарга за недооценку им борьбы против этого шовинистического лвижения.

Серенина мая

Вышла в свет отдельным изданием написанная в 1886 году и опубликованная в журнале «Neue Zeit» («Новое время») работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которой дано глубокое изложение и дальнейшее развитие основных положений диалектического и исторического материализма.

тябоя

8 авитста-29 сен- Энгельс совершает путешествие в США и Канаду.

1889 Январь — июль

Энгельс принимает участие в подготовке международного социалистического конгресса в Париже. Для обеспечения на втом конгрессе руководящей роли за марксистами Энгельс пишет десятки писем в раздичные страны, в которых разоблачает оппортунистов и призывает рабочие партии к решительной борьбе с ними.

Август-сентябрь Энгельс внимательно следит за происходящей в Лондоне стачкой портовых рабочих — докеров, которая способствовала оживлению английского рабочего движения и привела к организации тред-юнионов неквалифицированных рабочих. Энгельс поддерживает Элеонору Маркс-Эвелинг и Эдуарда Эвелинга в их эгитации среди рабочих Ист-Энда и устанавливает связи с вождями новых тред-юннонов.

1890 5 октября

Энгельс выступает на страницах «Berliner Volksblatt» («Берлинской народной газеты») с резкой контикой «левой» оппозиции в германской социал-демократии, так называемых «мололых».

27 октябоя

Пристально следя за развитнем французской Рабочей партин, Энгельс предупреждает Лафарга об опасности оппортунистического перерождения партии вследствие проинкновения в ее ряды мелкобуржуваных элементов.

1891 Конец января

В связи с предстоящим обсуждением на партийном съезде проекта программы германской социал-демократии Энгельс публикует в «Neue Zeit» работу Маркса «Критика Готской программы», считая, что распространение этого важнейшего программного документа марксизма поможет партин выработать программу, свободную от оппортунистических ошибок, и преодолеть оппортунистические шатания некоторых руководителей германской социал-демократии.

18 марта

Энгельс пишет введение к юбилейному изданию работы Маркса «Гражданская война во Франции», в котором он резко критикует оппортунистов из германской социал-демократии за их «суеверное почтение» к буржуазному государству, за их страх перед диктатурой пролетарната.

Конец иючя

Энгельс пишет замечания на проект партийной программы, которая должна была обсуждаться на съезде германской социал-демократни в Эрфурте, Особенно резкой критике он подвергает попытку протащить оппортунистическую идею о возможности мирного врастания капитализма в социалистическое общество.

1893 Август — сентябрь Энгельс посещает международный конгресс социалистов в Цюрихе, где выступает с приветственной речью. По пути из Цюриха Энгельс останавливается в Вене и Берлине, где также выступает на больших рабочих собраниях, созванных по случаю его приезда.

1894 Янвась

Энгельс выступает с контикой народинчества в специальном послесловин к опубликованной им еще в 1875 г. статье «Об общественных отношениях в Россин».

15-22 ноября

Энгельс пишет работу «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», в которой контикует оппортунистические взгляды в аграрном вопросе; он разъясняет революционные основы политики продетарната по отношению к различным группам крестьянства и развивает идею о союзе рабочего класса и тоудящегося крестьянства.

Конец года

Вышел в свет III том «Капитала» Маркса, подготовка которого потребовала от Энгельса 10 лет упорного труда.

1895 6 марта

Энгельс пишет введение к новому изданию кинги Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»: в втом

26*

396 ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

введении Энгельс анализирует изменения условий и способов классовой борьбы пролетариата, которые произошли со времени французской революции 1848 года.

Март Энгельс тяжело болен. Врачи находят у него рак пищевода.

1895 5 августа В 10 ч. 30 мни. вечера умер Фридрих Энгельс.

10 свијета Гражданская панихида, на которой присутствуют близкие друзья и соратники Энгельса из разных стран; кремация тела Энгельса.

27 августв Согласно завещанию Энгельса урис с его прахом опускается в море около скалы в Истборие (Пожимії берег Англин) — любимом месте отдыха Энгельса.

В иекрологе на смерть Энгельса В. И. Ленин писал: «После своего друга Карла Маркса... Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современиого пролетариата во всем цивилизованном мире».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Α

Адлер (Adler), Виктор (1852—1918)—
один из основателей австрийской социалдемократии, в 1886—1895 гг. состола в
переписке с Энгельсом; впоследствия
один из лидеров реформизма во П Интермационал. — 48, 327.

Амадео (Amadeo), Фердинанд Мариа, герпог Аостский (1845—1890) — король Испании (1870—1873). — 295, 296.

Аннеке (Апаске), Фридрих (1818—1872) прускній артильгрийский офидер, уволенный в 1846 г. на армин; учлен кальпской общины Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гт. в Германии и гражданской война в США—154. Аннекков, Павеа Васильевич (1812—

1887) — русский анберальный помещик, антератор. — 224, 279—282.

Ансель (Anseele), Эдуар (род. в 1856 г.) бельгийский социалист, одии из основателей и видных деятелей Рабочей партин Бельгии. — 327, 373.

Аристотель (384—322 до н. в.) — великий мыслатель древности; в философии колебался между материализмом и идеализмом; идеолог класса рабовладельцев. — 92, 348. Б

Бакс (Вах), Эриест Белфорт (1854— 1926) — английский социалист, один из видных деятелей Социал-демократической федерации; впоследствии реформист и социал-щовинист. — 320—322, 328.

Бакунин, Михаил Александрович (1814— 1876) — ндеолог анархизма, ярый враг марксизма. — 16, 160, 161, 169, 212— 214, 224, 296, 308, 347.

Балицкий (Balicki), Тадеуш (род. ок. 1858) — польский революционер; по профессии ниженер. — 319.

Вальзак (Balzac), Оноре де (1799—1850) великий французский писатель, представитель критического реализма. — 65, 259.

Барбес (Вагьез), Армаи (1809—1870) французский мелкобуржуванный революционер, Один из руководителей тайных республиканских обществ в период Июльской монархии, участинк революции 1848—1849 годов. — 106.

Бартелеми (Barthélemy), Эмманюэль (ок. 1820—1855) — французский рабочий, бланкист, участник июньского восстания 1848 г. в Париже. — 106—108.

Бастелика (Вэstelica), Андре (ок. 1846— 1885) — член I Интернационала, анаркист, участник Парижской Коммуны; по профессии рабочий-печатник. — 305.

Бауэр (Вацег), Бруно (1809—1882) — не-

мецкий философ-ндеалист, один из видисйших младогегельянцев, буржуазиый радикал; после 1866 национал-либерал.— 13, 14, 46, 296, 313, 340, 346.

Бауря (Вашег), Генрик — видной делеталь исмецкого и международного рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, по профессии сапожини; в 1851 г. выигрировал в Австралию. — 149. Башел (Вашел) Карл Фондрик (1824—

Бацар (Бацег), Карл Шридрих (1024— 1889) — участник баденско-пфальцского восстания (1849); после восстания вмигрировал в США, где заиниался журиалисткой деятельностью. — 104, 105.

Бауэр (Bauer), Эдгар (1820—1886)— немецкий публицист, младогегельянец; брат Б. Баувра. — 46, 296, 346.

Бах (Bach), Иоганн Себастьян (1685— 1750) — великий иемецкий композитор. — 287.

Бебель (Веbel), Август (1840—1913)— видмый деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей в вождей германской социал-демократин; по врофессия рабочий-токарь; друг и соратинк Маркса и Энгельеа. — 146, 211, 216—220, 314, 327, 335, 339, 372.

Беккер (Becker), Бернхард (1826—1882) немецкий публицист и историк, лассальянец, позднее вйзенаховец; делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872). — 161, 238.

Беккер (Вескет), Герман («Красный Беккер») (1820—1885) — немецкий публицист, с 1850 г. член Союза коммунистов, один на обвиняемых по кбльискому процессу коммунистов (1852); ппоследствии национальноерал. — 155, 157, 201, 246.

Беккер (Becker), Иоганн Филипп (1809 — 1886) — видный деятель немецкого и международного робочего движения, участник ревозорци 1848—1849 гг., часн I Интериационала, организатор именериах секций Интернационала в Шаейцерии, редактор журпала «Vorbote» (1866—1871); по профессии досоий-деточники: друг и соратинк Маркеа и Энгельса.—48, 73, 77, 210, 211, 357.

Бермайс (Веглауз), Карл Людянс (1815— 1879) — менецкий радикальный публицист, в 1844 г. входил в редакцию гавсти немецких вмигрантов в Париже «Vorwärls», надававшейся при непосредствениом участии Маркса, после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в США. — 224.

Бернар (Bernard), Шарль — см. Бонье, Шарль.

Бёрис (Вштв.), Джон (1858—1943) — делкаль английского рабочего движения, в 80-х годах организатор ряда стачек, в том числе крунной стачки докеров в 1889 г. с 1892 г. чаен паральшента, где проводил полятику сотрудинчества с буржуваней. — 328.

Берис (Burns), Лизэн (ум. в 1878 г.) ирландская работница, участница ирландского национально-оснободительного движения, вторая жена Энгельса. — 79, 80, 176. 177.

Бёрис (Burns), Мери Эллен — племянинца жены Энгельса. — 79.

Бёрис (Burns), Роберт (1759—1796) — великий шотландский поэт, демократ. — 64. Бериштейн (Bernstein), Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ; после

смерти Энгельса ренегат, выступняший с ревизией марксизма. — 179, 180, 218, 327, 340, 343, 345, 355. Бетховен (Beethoven). Людвиг ван (1770—

1827) — великий немецкий композитор. — 294. Бияли (Becsly). Эдуард Спенсер (1831—

Бияли (Beesly), Эдуард Спенсер (1831— 1915)— английский историк и полити-

- ческий деятель, мелкобуржуваный радикал, позитивист; принимал активиое участие в демократическом движении 60-х годов. 71. 309.
- Биньями (Bignami), Энрико (1846—1921) итальянский публивист, участини навионально-свободительной борьбы в Италии под руководством Гарибальди, член I Интериационала, редактор социалистической гласты «La Plebe». — 85.
- Бисками (Biskamp), Элард немецкий демократ, публицист, участинк револоции 1848—1849 годов; вкодиль в редажцию гаветы немецких вмигрантов в Лондоне «Volk», издававшейся в 1859 г. при непосрективном участии Марокса. — 234 г.
- Бисмарк (Bismarck), Отто (1815—1898) прусский государственный деятель, с 1862 г. министр-президент, с 1871 г. канцлер Германской империи. 40, 77, 160, 314.
- Елан (Blanc), Лун (1811—1882) французский мелкобуржуваный социалист и историк, деятель революции 1848— 1849 гг., стоявший на позициях соглашательства с буржуваней. — 101.
- Бланкси (Blanqui), Луи Огюст (1805— 1881) — выдающийся французский революциюць, коммунист-угопист, участник революций 1830 и 1848—1849 гг., был заочио избран членом Парижской Коммуны.— 106. 157.
- Блилд (Blind), Карл (1826—1907) немецкий публицист, мелкобуржуваный демократ, участик баденского восстания (1848); впоследствии национал-либерал. — 227, 234.
- Блюм (Blum), Роберт (1807—1848) иемецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии журиалист; поэглавьял левое крмло во франкфуртском Национальном собранин; в октябре 1848 г. принимал участие в защите Венм, расстрелян послеваятия города контрреволюционными зойсками, — 154.

- Бонапарт (Вопарагtе), Наполеов Жозеф Шарль Поль (по прозвищу Плон-Плон) (1822—1891) двогродивій брат Наполеова III. 6.
- Бонье (Bonnier), Шарль (литературный псевдоинм Бернар) (род. в 1863 г.) французский социалист; по профессии журиалист. 327.
- Бректено (Вгепіало), Лоренц (1813— 1891)— немецкий мелкобуржуваный демократ, по профессин адконат; в 1849 г. глава баденского временного правительства; впоследствин вмигрировал за границу.—137, 143.
- Броунин: (Browning), Роберт (1812— 1889) — английский поэт. — 261.
- Брэдло (Bradlaugh), Чарлз (1833—1891) английский буржуазный политический деятель, радикал, атенст. — 159, 169.
- Бухер (Bucher), Лотар (1817—1892) прусский чиновиих, публицист; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому центру; впоследствии национал-либерал. — 237, 251.
- Бюрлерс (Bürgers), Генрик (1820—1878) немещкий радикальный публицист, член Слюза коммунистов, одни из обвиняемых по кёльискому процессу коммунистов (1852); впоследствии либерал. — 157, 224.
- Бюффон (Buffon), Жорж Лун (1707— 1788) — выдающийся французский естествоиспытатель. — 96.
- Бюхнер (Büchner), Людвиг (1824—1899) иемецкий врач, популяризатор естествозиания, представитель вульгариого материализма. — 18.

В

Вагиер (Wagner), Рихард (1813—1883) знаменитый иемецкий композитор. — 294. Вайян (Vaillant), Эдуар (1840—1915) французский социалист, бланкист, видиный деятель I Интернационала и Парижской Коммуны; впоследствии реформист. — 305.

Вальтер (Walter) — см. Ван-Хеддегем. Вандервельде (Vandervelde), Эмиль (1866—

1938) — деятель бельгийского рабочего движения, один из лидеров II Интернационала: социал-шовинист. — 327.

ционала; социал-шовинист. — 321. Ван-дер-Гус (Van der Goes) — см. Гус,

Франк ван дер.

Ван-Хеддетем (Van Heddeghem) (псевдовим — Вальтер) — делегат Галского конгресса I Интернационала (1872); в 1873 г. разоблачен как агент французской полиции. — 213.

Вацлав Святой (ок. 908—929)— чешский князь (ок. 921—929).—290.

Вацлав IV (1361—1419) — чешский король (1378—1419), германский император (1378—1400), — 290.

Веерт (Weerth), Георг (1822—1856) мемецкий пролетарский поэт и публяцист члек Союза коммунистов, в 1848— 1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; друг Маркса и Эмгелька. — 194, 227, 247.

Вейдемейор (Weydeneyer), Иосиф (1818— 1866)— выдымій деятель менецкого и американского рабочего движения, член Союза коммунистов; участини революции 1848—1849 гг. в Термания и гражданской войны в США; положил начало пропагавле марисцаяла в США; друг к орэтник Маркса и Энгельса. — 202, 225, 227, 240, 241, 243, 249, 251—254.

Вейдемейер (Weydemeyer), Луиза — жена Иосифа Вейдемейера. — 240, 243, 248— 251, 253, 254.

Вейтання (Weilling), Вильгельм (1808— 1871)— видимій деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, одии из теоретиков утопического уравнительного коммунизма; по профессии портной. — 94, 147—149, 151, 172, 280—282, Веллингтон (Wellington), Артур, герцог (1769—1852) — английский полководев, реакционинй государственный деятель, тори, премьер-министр (1828—1830). — 117.

Вестфален (Westphalen), Каролина фон (ум. в 1856 г.) — мать Женин Маркс. — 126, 223, 225, 229, 249, 264, 267, 269, 293, 312.

Вестфален (Westphalen), Людвиг фои (1770—1842) — отец Жении Маркс, тайный советиик в Трире. — 126, 189, 264, 293, 312, 313.

Вестфален (Westphalen), Фердинаид фои (1799—1876) — прусский реакционный государственный деятель, министр внутрениих дел (1850—1858); сводный брат Женин Маркс. — 2. 14. 73.

Вестфален (Westphalen), Эдгар фон (1819 ок. 1890) — брат Женин Маркс; в 1846 г. входил в Брюссельский коммунистический корресполентский комитет. — 123, 126, 223, 225, 249.

Виллих (Willich), Август (1810—1878) — прусский офицер, члек Союза коммунистов, участник баденско-пфальцского востания (1849): в 1850 г. один из лидеово всектанской группы члеквах во в време раскола Союза коммунистов; в 1853 г. вмигрировал в США, гле принал участив в гражданской войне. — 40, 107, 108, 138, 140, 142, 166, 175, 184, 197, 226, 228, 231, 245, 246.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский король (1861—1888), германский император (1871—1888). — 235, 314.

Вишар (Vichard) — французский делегат Гаагского конгресса (1872), входил в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале. — 213.

Воден, Алексей Михайлович (1870— 1939) — русский литератор и переводчик; принимал участие в социал-демократических кружках начала 90-х годов. — 340— 349. Волховский, Феликс Вадимович (1846—

Золховский, Феликс Вадимович (1846— 1914) — русский революционер, народник; впоследствии всер. — 373.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (1694— 1778) — французский философ-денст, писательс-атирик, висторик, видый представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицияма. — 126.

Вольф (Wolff), Вильгелым («Аупус») (1809—1864) — немещикй пролетарский революционер, видиый деятель Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Неие Rheiniche Zeitung»: друг и соратник Маркса и Энгельса. — 63. 82. 105. 149. 154. 172. 175, 185, 225, 230, 236, 246, 252, 269.

Вольф (Wolf), Ферлинанд («Красный Вольф») — немецкий публидист, в 1846 г. член Брюссельского коммунистического коммунистов, в 1846—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; после революции 1848—1849 гг. зинграровал из Германии; впоследтвии отошел от политической деятельности. — 110, 120, 130, 226—228.

Γ

Гайндман (Hyndman), Генри Майерс (1842—1921)— английский адвожат и публицист, в 80-х годж один из основателей и видных деятелей Социал-демократической федерации; социал-шовинист. — 309, 311, 320.

Ганасман (Напаетвапп), Давид (1790—
1864) — крупный капиталист, один из
лидеов рейнской либеральной буржуазии; в марте — сентябре 1848 г. министр
финансов Пруссии, всл предательскую
политику соглашения с реакцией. — 1

Гарди (Hardie), Кейр (1856—1915) деятель английского рабочего движения, реформист, лидер Независтмой рабочей партин, один из основателей лейбористской партин; по профессии шахтер. — 328.

Гарии (Нагису), Джодаж Джудман (1817— 1897) — видный деятель английского рабочего движения, один из вождей левого крыла чаргизма: редактор газеты «Northern Stars и других чаргистских органов; был связан к Фарксом и Энгельсом.— 106. 173. 192. 200. 233. 328.

Гартман, Лев Николаевич (1850—1913) — русский революдионер, народиик. — 317. Гацфельдт (Hatzfeldt), Софья, графиня (1805—1881) — друг и сторонинца Лассаля. — 235, 238, 239.

Гесель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — круппейший немецкий философ — объективный идеалист, наиболе вессторонне разработал идеалистическую диалектику.— 13, 17—20, 44, 64, 67, 283, 288, 340, 345—348.

Гейне (Heine), Генрих (1797—1856) великий немецкий революционный прат.— 64, 73, 223, 224, 260, 288, 289, 312.

Гейнцен (Heinzen), Карл (1809—1880) немецкий публицист, мелкобуржуваный республиканец. — 135, 224.

Гексли (Huxley), Томас Генри (1825— 1895) — английский ученый-естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения.— 18, 100, 159.

Геллерт (Gellert), Христиан Фюрхтеготт (1715—1769) — немецкий писатель, представитель бюргерского просветительства. — 115.

Гендель (Händel), Георг Фридрих (1685— 1759) — великий иемецкий композитор.— 294.

Гепнер (Нерпет), Адольф (1846—1923) иемецкий социал-демократ; один из редакторов газеты «Volksstaat», делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872). — 161.

Герве: (Herwegh), Георг (1817—1875) нзвестный немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ. — 223, 224, 260.

Гесс (Hess), Мозес (1812—1875) — немецкий мелкобуркуваний публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма». — 224.

Гёте (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749— 1832) — великий немецкий писатель и мыслитель. — 64, 97, 274, 288, 291, 317.

Гиво (Guizot), Франкуа Пьер Гийом ((1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятсль, с 1840 по 1848 г. фактически руководил внутренней и вмешней политикой Франции, выражал интерссы крупной финансовой буржуазии.— 2, 23, 81, 224, 306, 311.

Гильом (Guillaume), Джемс (1844— 1916) — швейцарский анархист, один из организаторов и руководителей бакупистского тайного Альянса; на Гавтском конгрессе (1872) был кеклочен из I Интериационала; в годы первой мировой войны осциал-повинист. — 213.

Гирш (Hirsch), Карл (1841—1900) немецинй социал-демократ, журналист, редактор ряда социал-демократических гавет. — 218.

Гоголь, Николай Васильевич (1809— 1852) — великий русский писатель. — 65.

Голдемит (Goldsmith), Олнвер (1728— 1774) — английский писатель, видный представитель буржуазного Просвещения в Англии. — 330.

Гомер — полулегендарный древнегреческий эпический поэт, автор «Илмады» и «Одиссен». — 126, 258, 351.

Гонкур (Goncourt), братья — Жюль (1830— 1870) н Эдмон (1822—1896) — французские буржуазные писатели-натуралисты.— 69

Готильны (Gotischalk), Андреас (1815— 1849) — немецкий врач, член кёльнской общинк Сюза комунстов; в апреке пконе 1848 г. председатель кёльнского Рабочего союза; боролся с мелкобуржуазных сектантских позиций против стратегии и тактики Маркса и Энгельса в терманской обезмолици. — 154.

Гофман (Hofmann), Август Вильгельм (1818—1892) — выдающийся немецкий кимик-органик, работавший около 20 лет в Домлоне. — 159.

Гофмин (Hoffmann), Эрнст Теодор Амадей (1776—1822)— немецкий писатель, реакщнонный романтик, в твэрчестве которого элементы реального сочетались с фантастикой и мистикой. — 258, 301.

Гракх, Гай (Гай Семпроний Гракх) (153— 121 до н. э.) — народиви трибун (123— 122 до н. э.) в Дренвем Риме, боролся за проведение аграриых законов в интересах крестьянства; брат Т. Гракха. — 72, 343

Гракх, Тиберий (Тиберий Семпроний Гракх) (163—133 до н. в.) — народный трибуи (133 до н. в.) в Древием Римс, боролся за проведение аграрных законов в интересах косстъянства. — 72. 343.

Грим (Grimm), братъв — Вильгальм (1786—1859) и Якоб (1785—1863) — немецкие филологи, примъимашие к романтикам, известные авторы обработок немецкого сказочного фольклора и средневкового впоса. — 93, 251.

Гумбольдт (Humboldt), Александр (1769— 1859) — выдающийся немецкий естествонспытатель. — 2, 190.

Гус (Goes), Франк ван дер (род. в 1859 г.) — голландский социалист и публипист. — 373.

Гуттен (Hutten), Ульрих фон (1488— 1523) — немецкий поэт-гуманист, сторонник реформации, участинк рыцарского восстания 1522—1523 гг. и его идеолог. — 195.

Гюго (Hugo), Виктор (1802—1885) — великий французский писатель. — 99.

Д

- Дана (Dana), Чарлз Андерсон (1819— 1897)— американский бураумзаный прогрессивный журиалист, издатель газеты «New-York Daily Tribune», в которой в 1851—1862 гг. печатались статън Мариса и Энгельса.— 233. 235.
- Даниельс (Daniels), Роланд (1819— 1855) — немецкий врач, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльискому процессу коммунистов (1852).— 157, 224, 230.
- Домильском, Николай Францевич (пседоими — Николай — он) (1844—1918) русский литератор и экономист, один из ждоолого издродичества в 80—90-х годах; в течение ряда лет переписывался с Марксом и Элгельсом, переви, II и III тома «Капитала» Мариса на русский язык (1 том совместно с Г. Лонатинам). — 85, 308, 310, 311, 343, 348.
- Данте Ализьери (Dante Alighieri) (1265— 1321) — великий итальянский повт. — 1, 64, 95, 97, 115, 250, 261.
- Дарвин (Darwin), Чарлз (1809—1882) великий английский естествоиспытатель, основатель учения о происхождении и развитии видов растений и животиых. — 64, 100, 324, 361.
- Делькию (Delcluze), Альфред деятель французской Рабочей партии, делегат Парижского конгресса II Интернационала (1889). — 327.
- Демокрит (ок. 460—ок. 370 до н. в.) великий древиегреческий философ-материалист, один из основателей атомистической теории. — 347.

- Демуг (Demuth), Едена (Ленден, «Ними») (1823—1890) — домишияя работица в вериый друг семьи Маркса. — 74, 76, 89, 101, 107, 110—115, 118, 120, 121, 123— 129, 131, 134, 177, 189, 191, 225, 251, 253, 257, 261, 267—269, 272, 292, 293, 325, 327, 356, 359, 370.
- Демут (Demuth), Марианна (ум. в 1862 г.) — младшая сестра Елены Демут. — 127.
- Де Пап (De Раере), Сезар (1842—1890) деятель бельгийского рабочего движения, член I Интериационала, один из основателей бельгийской Рабочей партии (1885) — 305.
- Депре (Deprez), Марсель (1843—1918) французский физик, работал над проблемой передачи влектрической эпергии на расстояние. — 362.
- Джевонс (Jevons), Уильям Ствили (1835— 1882) — английский буржуваний экономист и философ, представитель вульгарной политической экономии. — 311.
- Ажонс (Jones), Эрнест Чарла (1819— 1869) — выдающийся жеятель английского рабочего движения, прод-гарский поэт и публицист, один из вождей левого крыла чартизма, редактор чартистеми органов «Notes to the People» и «People Рарст: друг Маркса и Энгельса. — 106, 152, 200, 231.
- Джорлж (George), Генрн (1839—1897) американский публицист и мелкобуржуазный вкономист. — 312.
- Дидро (Diderot), Дени (1713—1784) выдающийся французский философ, пераставитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржувани, просветитель, глава видиклопедистов. — 274.
- Дивравли (Disraeli), Беиджамии, граф Биконсфилд (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель; лидер консервативной партии, премьер-миинстр (1868 и 1874—1880). — 309.

Диккенс (Dickens), Чарлэ (1812—1870) выдающийся английский писатель-реалист. — 90. 112.

Диотен Лазоний (III в.) — древиегреческий историк философии, составитель обшириой компиляции о древиих философах. — 347.

Дицзен (Dietzgen), Иосиф (1828—1888) имещий социал-демократ, философ-самоучка, самостоятсльно пришедший к осиовам диалектического материализма; по профессии рабочий-кожевиик. — 161, 205

Донкин (Donkin) — английский врач, лечивший семью Маркса в 1881—1883 годах. — 123.

Дроикс (Dronke), Врист (1822—1891) немецинй публицист, вначале «истинивый соцыалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Neue Rheimische Zeitung»; после революции 1848— 1849 гг. вмигрировал в Англию и отошел от полутической деятельности.— 197, 230, 232.

Дункер (Duncker), Франц (1822—1888) немецкий буржуазный политический деятель и издатель; в 60-х годах один из основателей реформистских профсоюзов.— 5, 233.

Д'Эстр (D'Ester), Карол (1811—1859) немецкий мелкобуржуваный демократ, по профессии врач; член Союза коммунистов, в 1848 г. депутат прусского Нацеомального собрания, учетник баденскопфальцского восстания (1849); впоследстени эмигрировал в Швейцарию. — 138, 140, 154.

Дюма (Dumas), Александр (отец) (1803— 1870) — известный французский писатель-романист. — 65.

Дюрин: (Dühring), Евгсиий (1833—1921) иемецкий вульгарный материалист-позитивист, вклектик, идеолог реакционного мелкобуржувазного социализма, враг марксизма. — 47, 307.

ж

Жито (Gigot), Филипп (1820—1860) участинк бельгийского рабочего и демократического движения, член Союза коммунистов; в 40-х годах был близок к Марксу и Энгельсу. — 224, 225.

3

Засдляч. Вера Ивановна (1851—1919) участница народнического, затем социалдемократического динжения, активия деятельница марксистской группы «Осеобождение труда»; впоследетвии стояла на позициях меньшевизма. — 48, 327, 330, 340, 342, 532.

Зедт (Saedt), Отто Йозеф Ариольд (1816—1886) — прусский прокурор, выступал обвинителем на кёльиском процессе коммунистов (1852). — 246.

Зейлер (Seiler), Себастыя — немещий публицист, в 1846 г. член Брюссельского коммунистического коммунистического коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Гермаини.—224, 225, 230.

Зибер, Николай Иванович (1844—1888) известный русский вкономист; один из первых популяризаторов экономических трудов Маркса в России. — 308, 309, 311.

Зинтер (Singer), Пауль (1844—1911) деятель иемецкого рабочего авижения, один из руководителей Социал-демократической партии Германии, проявивший себя как видный практик-организатор.— 146, 218, 327.

Зорие (Sorge), Фридрик Адольф (1828— 1906) — немецкий коммунист, видным деятель американского и международного рабочего движения, один из активных членов 1 Интернационала; друг и соратинк Маркса и Энгельса.— 41, 196— 199, 216, 328, 355, 358 Зюдекум (Sūdekum), Альберт (1871— 1944) — один на оппортунистических лидеров германской социал-демократии, социал-шовинист, предатель интересов рабочего класса. — 322.

И

Ибсен (Ibsen), Генрик (1828—1906) — крупнейшнй иорвежский драматург. — 178.

Имандт (Imandt), Петер — немецкий учитель, участник революции 1848—1849 годов; после революции вмигрировал в Лоидов; сторонник Маркса. — 230.

Иозани Саксонский (антературный псевдоним — Филалет) (1801—1873) — саксонский король (1854—1873). — 1.

Ирвина (Irving), Генри (1838—1905) известный английский режиссер и актер; исполнитель ролей в ряде трагедий Шекспира. — 308, 314, 324.

К

Кабс (Cabet), Этьенн (1788—1856) французский публицист, видный представитель мирного утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию». — 94, 150.

Кальдоры де ла Барка (Calderon de la Вагса), Педро (1600—1681) — выдающийся испанский драматург. — 291, 304. Кампизувен (Сатравивен), Людольф (1803—1890) — немецкий банкир, один из лидеров рейиской либеральной буржувани; в марте — нюне 1848 г. міншистр-прельнает Пруссин, рел предательной инстр-прельнает Пруссин, рел предательной рел предательной предательной предательной рел предательной предательной рел пре

цней. — 1.
Клит (Калі), Иммануна (1724—1804) —
выдающийся немецкий философ, родоначальник немецкого идеализма конца
XVIII — начала XIX века. — 18, 288,
347, 348.

скую политику соглашения с реак-

Кареся, Николай Иванович (1850—1931) русский либерально-буржуваный история и публицист. — 309, 344.

Карл II (1630—1685) — английский король (1660—1685). — 312.

Карио (Сагион), Лазар Никола (1753— 1823) — французский математик, полатический и военный деятся», буржуазный республиканец: в период французской буржуазной революция конца XVIII в. примыква к якобинцам, в 1794 г. участвовал в контрреволюциюнном перевороте 9 термилора.— 137.

Карстенс (Carstens), Фридрих — см. Лессиер. Фридрих.

Каутская (Kautsky), Лунза — австрийства социальства, первая меня Караж Каутского; с 1890 г. секретарь Эштельса — 83, 177, 179, 180, 327, 335, 332, Каутскай (Kautsky), Кара (1854—1938) — один из лидеров германской социальство кратия и II Интерпациональ, идео от центорама, поэже ренегат, ярый враг Солетского Социал — 327, 345.

Кацфиям, Илларнон Игнатьевия (1848— 1916) — русский буржуваный экономист, профессор Петербургского университета, автор работ по вопросам денежного обращения и кредита, а также одной из первых рецензий на «Капитал» Маркса. — 309, 311.

Квелч (Quelch), Гарри (1858—1913) видный деятель виглийского в международного рабочего движевия, представитель левого крыла английских социалистов; по профессии рабочий-наборщик. — 328.

Келланд (Kielland), Александр (1849— 1906)— нэвестный иорвежский писатель.— 178.

Кеплер (Керler), Иогани (1571—1630) иемецкий астроиом, открывший на оснозе учения Копершика закоим движения планет. — 274. Кёрнер (Körner), Теодор (1791—1813) немецкий поэт и драматург романтического направления: погиб во время освободительной войны против Наполеона. — 299.

Кинкель (Kinkel), Готфонд (1815-1882)неменкий поэт и публицист, мелкобуржуазный демократ, участинк баденскопфальцского восстания (1849), после революции эмигрировал в Лондон, выступал против Маркса. - 159, 166, 167, 176, 284, 285, 296, Клейн (Klein), Иогани Якоб — врач в Кёль-

не, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852). — 157. Климент Александрийский, Тит Флавий

(ок. 150 - ок. 215) - христианский богослов, философ-идеалист. — 347.

Клусс (Cluss), Адольф — немецкий ниженео, член Союза коммунистов, после 1849 г. вмигоноовал в США. - 202, 231, 245, 247,

Коббет (Cobbett), Унльям (1762-1835) анганиский политический деятель и публицист, видиый представитель мелкобуржуазиого радикализма, боролся за демократизацию английского политического строя. — 64.

Ковалевский, Максим Максимович (1851-1916) - русский социолог, историк и юрист: анберальный политический деятель. - 306-316.

Козен (Cohen), Геоман (1842-1918) иемецкий философ-идеалист, иеокаитианеп. — 345.

Кок (Kock), Поль де (ок. 1794—1871) фоанцузский писатель-романист. — 65. Коллина (Collins), Унльям Унаки (1824— 1889) — анганйский писатель. — 249.

Конради (Conradi), Иоганн Иаков (1821-1892) — ниженер в Трире, муж сестом Маокса. — 236.

Конради (Conradi), Эмнаня (1822—1888) сестра Маркса. — 236.

Кравчинская, Фанни Марковиа — участница революшнонного народинческого движения 70-х годов: жена С. М. Коавчинского (Степняка). — 350—352.

Кравчинский, Сергей Михайлович (литературиый псевдонны — Степняк) (1851-1895) — русский публицист и писатель. видный деятель революгионного изролинчества 70-х годов. - 327, 340, 341, 350, 352.

Красный Беккер — см. Беккер, Герман.

Красный Вольф — см. Вольф, Фердинанд. Коиспи (Стівоі). Фолическо 1901) — нтальянский государственный деятель, премьер-министр (1887-1891 и 1893—1896), один из ниициаторов империалистических авантюр Италии в Африке. — 160.

Кузельман (Kugelmann), Гертруда — жена Л. Кугельмана. - 287-293, 297, 298, 301. Кузельман (Kugelmann), Людвиг (1830— 1902) — неменкий врач, участинк революции 1848-1849 гг., член I Интернационала; друг Маркса и Энгельса. — 41. 161, 286-288, 290-293, 295, 297, 298, 300, 301,

Кулельман (Kugelmann), Франциска — дочь Л. Кугельмана. — 286, 289, 290, 299,

Куно (Cuno), Фридрих Теодор (1846-1934) — немецкий социалист, делегат Гаагского конгресса І Интернационала (1872): впоследствии участиих рабочего движения в Америке: по профессии инженер: соратник Маркса и Энгельса. — 161. 209-216.

Купер (Соорег), Фенимор (1789-1851) американский писатель-романист. - 258. Кювье (Cuvier), Жорж (1769—1832) коупный фоанцузский естествоиспытатель, зоолог и палеонтолог. — 64, 137.

Λ

Лавеле (Laveleve), Эмиль Луи Виктор (1822—1892) — бельгийский буржуваный

- историк и экономист, представитель вульгарной политической вкономии. — 309.
- Лавров, Петр Лаврович (1823—1900) русский социолог в публицист, один на дасологов мародинчества, член I Интернационала, участник Парижской Коммуим. —85, 333, 335, 336, 339, 342, 344, 347, 364, 367.
- Адмартим (Lamartine), Альфонс (1790— 1869) — французский поэт, историк и буржуазымый политический деятель; в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава времениого правительства. — 4.
- Ланге (Lange), Фридрих Альберт (1828— 1875) — немецкий буржуазный философ, неокантианец. — 347.
- Апикстер (Lankester), Рей (1847—1929)—
 английский ученый, биолог. 358, 366.
 Апссаль (Lasalel). Фердинания (1822—
 1864) немецкий межобуржуваный публицет в даножет примятувший к рабочему дыяженно и ставший во главе Весобщего героманского рабочего спозаз
 (1863): поддерживал политику объединения Геромания свъерзу под гетемопией
 контуреволюцияный Прусчени, положны
 начало оппортуместическому направаеняю в героманской социал-асмократии.
 40, 167, 168, 233—235, 237, 238, 251,
 260, 296, 314, 342, 348
- Лафора, (Lafargue), Поль (1842—1911) въздазощийся пропагандист марксизма во Франции, один из основателей французской Рабочей партии, выдивий деятель международитор рабочего одвижения; друг и ученик Маркса и Энголоса: муж Лауры Маркс.—16, 61, 63, 66—68, 73—75, 79, 80, 82—66, 128, 169, 212, 215, 219, 257, 271, 298, 308, 328, 342, 366, 372.
- Лаффит (Laffitte), Жак (1767—1844) крупими французский банкир и политический деятель, орлеанист. — 224.

- Левер (Lever), Чарла (1806—1872) ирландский писатель реалистического направления. — 65.
- Леви (Levi), Лион (1821—1888) английский буржуазный экономист, статистик и юрист. — 311.
- Ледио-Роален (Ledru-Rollin), Александр Огюст (1807—1874) — французский публицист и политический деятель, один из вождей мелкобуржузаных демократов, редактор газеты «Rédorne», в 1848 г. член времениого правительства. — 227.
- Лейбниц (Leibniz), Готфрид Вильгельм (1646—1716) великий иемецкий математик; философ-идеалист. 348.
- Лелевель (Lelewel), Йоахим (1786—1861) выдающийся польский историк и револющионный деятель; участник польского востания 1830—1831 гг., один из вождей демократического крыла польской эмиграпия. — 224.
- Лемке (Lemke), Готанб (1844—1885) член лондонского Коммунистического просветительного общества иемецких рабочих. 361.
- Лепин (Lépine), Жюль секретарь парижского объедниения французской Рабочей партин. — 364.
- Лермонтов, Миханл Юрьевич (1814— 1841)— великий русский поэт. — 291. Лессинг (Lessing), Готкольд Эфраим
- (1729—1781)— великий иемецкий писатель, критик и философ, одии из видных просветителей XVIII века.— 97.
- Лессиер (Lessner), Фридрік (1825— 1910) — деяталь невидкого и междуліародного рабочего движення; член Сокозакоммуністов, участник революдия 1848— 1849 гг., член Генерального Совета I Интериациональ; по профессии портиой: соратник и друг Маркса и Энгальса— 104, 110, 130, 147—168, 171—174, 176—180, 327, 366.

Либих (Liebig), Юстус (1803—1873) выдающийся немецкий ученый, один из основателей агрохимин. — 100.

Либкиехт (Liebknecht), Вильгельм (1826-1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии: друг и соратиик Маркса и Энгельса. — 40, 88—121, 127— 137, 143-146, 158, 159, 166, 175, 211, 228, 234, 239, 246, 252, 296, 314, 326, 327, 333, 356, 364, 365, 372.

Линкольн (Lincoln). Авоаам 1865) — выдающийся американский буржуазный государственный деятель, президент США (1861-1865); принадлежал к республиканской партии, противник рабства негров. - 260.

Лиссатаре (Lissagaray), Проспер Оливье (1839-1901) - французский журналист, участник и историк Парижской Коммуиы — 298

Лонге (Longuet), Гарри (1878-1883) вичк Маркса, сын Женин Маркс. — 127. 128, 266, 267, 272,

Лонге (Longuet), Жан (Джонин) (1876-1938) — внук Маркса, сын Женин Маркс, впоследствии один из реформистских лидеров Французской соцналистической партии и II Интернационала. — 16, 111, 124. 126, 265, 266, 272, 298.

Лонге (Longuet), Женин — см. Маркс, Жении.

Лонге (Longuet), Марсель (род. в 1881 г.) внук Маркса, сын Женин Маркс. — 272. Лонге (Longuet), Шарль (1833-1903) французский соцналист, прудонист, по профессии журналист; член Генерального Совета I Интернационала и Парижской Коммуны; муж Женин Маркс — 16, 73, 110, 169, 215, 219, 265, 266, 298, 308, 363, Лонге (Longuet), Эдгар (1879-1950)деятель французского рабочего движения,

член социалистической партии, с 1938 г. член Французской коммунистической пар-

тни: по профессии врач: внук Маркса, сын Жении Маркс. - 265, 266, 271, 272. Лопатин, Герман Александрович (1845-1918) — русский революционер, народник, член Генерального Совета I Интернационала: друг Маркса и его семьи. --204-208, 308, 344,

Jone де Веза (Lope de Vega), Феликс (1562—1635) — выдающийся испанский писатель, драматург. — 304.

Лоренцо (Lorenzo), Ансельмо (1841— 1915) — деятель испанского рабочего движения, член I Интернационала: по профессин рабочий-типограф. — 302—305.

Лохиер (Lochner), Георг (род. ок. 1824) деятель немецкого рабочего движения, член Союза коммунистов и Генерального Совета I Интернационала; по профессии рабочий-столяр; сторонник и друг Маркса н Энгельса. — 104, 110, 327, 366. *Луи-Филипп* (1773—1850) — французский

король (1830-1848). - 65, 226. Ликреций (Тит Лукреций Кар) (ок. 99ок. 55 до н. э.) — выдающийся онмский философ и поэт, материалист, атенст. -

347. Липис — см. Вольф. Вильгельм.

Люкен (Lucain) — псевдоним (настоящая фамилия иеизвестна) одного из фоанцузских делегатов Гаагского конгресса (1872), входившего в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале. — 213.

Лютер (Luther), Мартин (1483-1546) видный деятель реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Гермаини; идеолог немецкого бюргерства; во время Крестьянской войны 1525 г. выступна протнв восставших крестьян и городской бедноты на стороне киязей. --195, 296.

Мадвини (Маггіпі), Джузеппе (1805-1872) — итальянский буржуазиый революционер, один из вождей и идеологов республиканско-демократического крыла итальянской буржуазии в период борьбы ва воссоединение Италии. — 16.

Мак-Куллох (Mac Culloch), Джон Рамси (1789—1864) — английский буржуазный вкономист, послетавитель вульгарной политической вкономин. — 100.

Мак-Мазон (Mac-Mahon), Патрис Морис (1808—1893) — французский реакционный политический и военный деятель. маршал, капитулировал при Седане (1870), президент республики (1873-1879), палач Парижской Коммуны, --176, 311,

Максимилиан Габсбург (1832—1867) мексиканский император (1863-1867).-295.

Маркс (Marx), Генонетта (1787-1863) мать К. Маркса. — 72, 236, 264.

Маркс (Marx), Генрих (1782—1838) отец К. Маркса; адвокат, затем советник юетицин в Тоное. - 13, 72, 126, 264, 266.

Маркс (Магк), Генрик Гвидо (1849-1850) — сын Маркса. — 73, 110, 126, 128, 133, 190, 228-230, 241-243.

Маркс (Marx), Женин, урожденная фон Вестфален (1814—1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощинк. -2. 14. 16. 63. 66. 72-74. 76-78. 89, 101, 102, 105, 107-112, 114, 115, 117, 118, 120, 121-129, 133, 134, 159, 161-163, 169, 177, 186, 189-191, 200, 201, 213, 219, 223-237, 240-254, 257, 260-264, 266-269, 271, 272, 292, 293, 297, 298, 307, 310, 312, 313, 315, 325, 356,

Маркс (Marx), Женин (1844—1883) старшая дочь Маркса, с 1872 г. жена Ш. Лонге. — 16, 63—65, 71—74, 76— 78, 84, 87, 89, 109, 110, 112 114, 117-122, 124-126, 128, 133, 159, 163, 169, 177, 188, 213, 215, 219, 224-226, 231, 232, 234-237, 241, 243, 249, 250, 254, 256, 257, 264-266, 268, 271-273, 290, 292-295, 297, 298, 300, 304, 308, 314, 315, 327, 356, 358, 369,

Maρκc (Marx), Λαγρα (1845-1911) деятельиниа французского рабочего движения; вторая дочь Маркса, с 1868 г. жена П. Лафарга. — 16, 63-65, 71, 72, 74, 76, 79, 84, 89, 110, 112, 114, 117-121, 126, 128, 129, 133, 159, 163, 169, 213, 215, 219, 225, 226, 231, 232, 234. 235, 237, 241, 243, 249, 250, 254, 256, 257, 271, 272, 290, 298, 308, 314, 328, 364.

Маркс (Marx), Франциска (1851-1852)дочь Маркса. - 73, 126, 128, 133, 190, 201, 229-231, 268,

Маркс (Marx), Эдгар («Муш») (1847-1855) — сын Маркса. — 73, 110, 126, 128, 133, 190, 226, 229, 231, 232, 241, 243, 244, 251, 256, 268, 269, 293,

Марка (Marx), Эстер (ок. 1787-1865) сестра отна Маркса. - 236.

Маркс-Эвелина (Marx-Aveling), Элеонора (Тусся) (1855-1898) - деятельница английского и международиего рабочего линжения: маалшая дочь Маркса, с 1884 г. жена Э. Эвелинга. — 16, 63-65, 71-74. 76, 84, 103, 110, 122-126, 128-134, 163, 169, 175, 177, 179-182, 184-189, 213, 215, 216, 219, 232, 234, 237, 249, 251, 254-261, 263, 268, 271, 272, 290, 295, 297-301, 304, 308, 317-320, 325, 328, 330, 331, 341, 350, 358, 364. 367.

Маррият (Marryat), Фредерик (1792-1848) — английский писатель, моряк, автор приключенческих романов. — 258, 260.

Мёйрер (Mäurer), Герман (1813 — вк. 1882) — неменкий писатель демократического направления, член Союза отверженимх. ватем Союза справедливых. — 223. Мейснер (Meissner), Отто — гамбургский издатель; издал «Капитал» Марква. — 83, 237.

- Мендельсон (Mendelson), Мария (1850— 1909) — участища социалистического движения в Польше в 80—90-х годах; жена С. Мендельсона.— 327.
- Мендельсон (Mendelson), Станислав (1858— 1913) — польский публицист, один из основателей Польской социалистической партии (ППС). — 327, 343, 348.
- Мерині (Mehring), Франц (1846—1919) выдающийся представитель левого крыла германской социал-демократии, историк и публицист, биограф Маркса, один из основателей Коммунистической партин Герма-
- Мессы-Акомперт (Меза у Leompart), Хосе (1840—1904) — актеть и пепанского рабонего двинения, один из руководитесяй Испанской федерации I Интернационала и органиваторов Испанской социалистической рабочей партин; по профессии рабочий-печатини; сторониик Маркса и Элгальса — 84, 364.
- Микель (Miquel), Иогани (1828—1901) иемецкий политический деятель, в 40-х годах член Союза коммунистов; впоследствии иационал-либерал. — 286.
- Милль (Mill), Джон Стюарт (1806— 1873) — английский буржуазный вкономист и философ-позитивист, впигои классической школы политической вкономии. — 204.
- Минье (Mignet), Франсуа Огюст Мари (1796—1884) французский либеральио-буржуазный историк периода Реставрации. — 23.
- Молешотт (Moleschott), Якоб (1822— 1893) — физиолог, родом из Голландии, представитель вульгариого материализма. — 18, 100.
- Молль (Moll), Иосиф (1812—1849)—
 видимй деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии часовщик, один из руководителей Союза
 справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, участник рево-

- лющии 1848—1849 гг., убит во время баденско-пфальцского восстания. — 141, 142, 149, 154.
- Морган (Могgan), Льюнс Генри (1818— 1881) — выдающийся американский учеимі, втиограф, археолог и историк первобытного общества, стихийный материалист. — 309.
 - Моровов, Николай Александрович (1854— 1946) — активный деятель реполоционного дивжения в России, пародник; ученый в области кимин и астроимин, почетный член Амадемин Науг СССР, — 317—319. Моррис (Моггів), Ундым (1834—1896) антлийский поэт, худомини и общественный деятель, в 60-х годах участвовах в антлийском рабочем дивжении. — 328.
 - Мост (Most), Иогаин (1846—1906) немецкий социал-демократ; поэже анархист, в 1880 г. исключен из социал-демократической партин. — 41.
 - Моттелер (Mottleir), Юлиус («Красный почтмейстер») (1838—1907) немецкий социал-демократ; во время действия исключительного закона против социального ведал транкпортировкой нелегального социал-демократической литературы в Германии, 129, 327.
 - Мур (Мооге), Самоол (ок. 1830—1912)—
 англайский орист, чася I Интернационала, перевел на английский язык I том
 «Капитала» (месте с Эвелингом) и
 «Манифест Коммунистической партин»:
 друг Маркса и Энгельса.— 80, 175, 185,
 328, 372.
 - Мур (Мооге), Томас (1779—1852) виглийский поэт, романтик, по происхожденно ирландец; в ряде своих произведений отразил национально-освободительную борьбу ирландского народа. — 295.

Н

Наполеон, принц — см. Бонапарт, Наполеон Жозеф Шарль Поль.

- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) французский император (1804—1814 и 1815). — 293, 294.
- Наполеон III (Лун Бонапарт) (1808— 1873) — французский император (1852— 1870). — 6, 65, 87, 99, 101, 144, 153, 167, 198, 227—230, 293, 295.
- Наторл (Natorp), Пауль (1854—1924) немецкий реакционный философ и педагог, неокантнанец. — 345. Науг (Naut), Стефан Адольф — купец в
- Кёльне, администратор «Neue Rheinische Zeitung». 242.

 Некрасов, Николай Алексеевич (1821—
- Некрасов, Николай Алексеевич (1821— 1878) — великий русский поэт, революционный демократ. — 42.
- Неттхен см. Филипс, Антуанетта. Николай —он — см. Даниельсон, Николай
- Францевич. Нобилин: (Nobiling), Карл Эдуард (1848— 1878) — немецкий анархист, в 1878 г. покушался на визию Видогельма I. — 314.
- Носке (Noske), Густав (1868—1946) немецкий правый социал-демократ, предатель интересов рабочего класса, агент буржуаяни в рабочем движении. — 322.
- Нотьюнз (Nothjung), Петер (ок. 1823— 1866) — член кёльнского Рабочего сююза в Солоза комаучистою, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852); по профессии портной.— 154, 157.

0

- О'Донован Росса (O'Donovan Rossa), Иеремия (1831—1915) — один из вождей ирландских фениев, в 1865 г. приговорен английским судом к каторжной тюрьме; после аминстви 1870 г. вмигрировал в Америку. — 295.
- грировах в Америку. 27).

 О'Коннор (О'Соппог), Фергюс (1794—
 1855) один из андеров левого крыла
 чартистского движения, основатель и редактор газеты «Northern Star»: после

- 1848 г. отказался от революционной борьбы. — 153, 200.
- Отто (Оtto), Карл (род. ок. 1809) немецкий химик, член кёльнского Рабочего союза в Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльискому процессу коммунистов (1852). — 157.
- Оуэн (Owen), Роборт (1771—1858) великий английский социалист-утопист. 106, 173, 183, 200.
- Ошанина, Мария Николаевна, урождениая Оловенникова (1853—1898) — русская революционерка, член тайного общества «Народная воля». — 207.

П

- Пальмерстом (Palmerston), Генри Джон (1784—1865)— англайский государственный деятель, в пачале своей деятельности тори, с 1830 г. один из лидеров вигов, премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865)— 15.
- Поря-пому)...
 Поря-пому)...
 Поря-пому проведения (1853—1881)—
 русская революционерка, видная деятельинща тайного общества «Народияя воясказиема царским правительством. 319.
 Перре (Реггел), Аири деятель I Интериациональ в Швейцарии. 305.
- Петти (Рену), Уильям (1623—1687) выдающийся английский вкономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии.— 312.
- Пипер (Ріерег), Вильгельм (род. ок. 1826) немецкий филолог и журивлист, член Союза коммунистов, вмигрант в Лоидоне: в 1850—1853 гг. был близок к Марксу.— 228, 230.
- Платер (Plater), Владислав, граф (1806— 1889) — польский публицист, участник восстания 1830—1831 гг., после поражения восстания эмигрировал за границу. — 300.

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. в.) — древнегреческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 348.

Плехнию, Георгий Валентинович (1856—
1918)— видимій деятель русского и международного оциальстического дивження, въздающийся пропагандист марксизма; в 1683 г. основал за границейсперкую русскую марксистскую группу
«Освобождение груда»; впоследствии
меньшение. — 47, 319, 327, 335, 336,
338—348, 350.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809— 1865)— французский публицист, идеолог мелкой буржувани, один из родоначальников анархизма. — 2, 14, 16, 76, 93, 282, 283, 340.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799— 1837) — великий русский поэт. — 65, 337, 338, 351.

Пфеньцер (Pfänder), Карл. (ок. 1818— 1876) — деятель немецкого рабочего двяжения: часн Центрального комитета Союзакоммунистов и Генерального Соютаі Интернационала; по порфессии художинк; сторонник Маркса и Энгельса.— 110, 149, 158.

ρ

Ребле (Rabelaia), Франсуа (ок. 1494— 1553) — крупиейший французский писатель-туманист впоки Возромдения.— 116. Рёвер (Röser), Петер Герхард (1814— 1865) — деятель немецкого рабочего дана жения, член Сюгов коммунистов, один из обвиняемых по кальнскому процессу коммунистов (1852); поздисе приминул к дассадаминам: по плофессии вобочай-

Рейф (Reiff), Внаьгельм Ріозеф (род. ок. 1823) — член кёлыкского Рабочего союза и Союза коммунистов, одни из обявияемых по жёлыкскому процессу коммунистов (1852). — 157.

сигарочник. — 157.

Рикардо (Picardo), Давид (1772—1823) анганйский экономист, один из крупнейших представителей классической буржузаной политической экономин. — 31, 100.

Риль (Richl), Алонз (1844—1924) имещинй философ, именативане, 345, Риттин гарием (панстран), Мориц (1814—1890)— немецкий публицись, медлобуржуваный демократ; в 1844— Зейшер, делегат Бавелокто (1869) и Ганского (1872) конгрессов 1 Интернационал; впосъедстви до 1884 г.) член Социал-демократической рабочей партии Германии. — 161.

Родбертус (Rodbertus), Иоганн Карл. (1805—1875) — немецкий буржувазный кономист, идеолог обуржувазившегося прусского юнжерства, прошоведник реакционных идей «тохударственного социализма». — 31.

Ровенкрану (Rosenkranz), Кара (1805— 1879) — немецкий философ-тегельянец и историк антературы. — 288.

Рошер (Roscher), Вильгельм (1817— 1894) — немецкий буржуазиый вкономист, представитель так называемой исторической школы в политической экономия. — 311, 312.

Руге (Ruge), Ариольд (1802—1880) — немецкий публицист, маадогегельянец, буржузаный радикал; после 1866 г. национал-либерал. — 2, 14, 46, 135, 223, 252.

Русанов, Николай Сергеевич (литературный псевдонии — Сергеевский) — русский публицист, иародоволец; впоследствии всер. — 333—339.

Руссель (Roussel), Эдуар — член I Интернационала и французской Рабочей партии; по профессии рабочий-жестянцик. — 327. Руссо (Rousseau), Жан Жак (1712—

1778) — эыдающийся французский про-

светитель, демократ, идеолог мелкой буржуазии. — 126, 312.

Рюккерт (Rückert), Фридрях (1788— 1866)— немецкий повт-романтик и переводчик восточной поэзии. — 291, 300.

С

- Салтыков, Михаил Евграфович (литературиый псевдоним — Щедрии) (1826— 1889) — великий русский писатель-сатирик, реполюционный демократ. — 65.
- Сальвини (Salvini), Томмазо (1829— 1915) — внаменитый итальянский актертрагик. — 313.
- Сандерс (Sanders), Уильям (род. в 1871 г.) англяйский социалист, член Фабианского общества, секретарь Независимой рабочей партии, участиим международимы социалистических конгрессов. — 328
- Секст Эмпирик (II в.) древиегреческий философ-скептик. — 347.
- Сен-Симон (Saint-Simon), Аири (1760— 1825) — великий французский социалистутопист. — 313.
- Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra), Мигель (1547—1616) крупнейший испанский писатель-реалист. — 65, 92, 93, 97, 115, 258, 294, 304.
- Сергеевский см. Русанов, Николай Сергеевич.
- Серрайе (Serraillier), Огюст (род. в 1840 г.) французский рабочий, член Генерального Совета I Интернационала, представитель Генсовета в Париже во время Коммуны 1871 года. 305.
- Синельников, Николай Петрович (1805— 1894) — русский государственный деятель, генерал-губернатор Восточной Сибири (1871—1873). — 204.
- Скотт (Scott), Вальтер (1771—1832) выдающийся английский писатель, по происхождению шотландец, создатель жанра исторического романа. — 65, 258—260.

- Смит (Smith), Адам (1723—1790) английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической вкономии. — 28, 100, 337, 351.
- Софокл (ок. 497 ок. 406 до н. э.) выдающийся древиегреческий драматург, автор классических трагедий. — 296.
- Спартак (ум. в 71 г. до н. э.) римский гладиатор, вождь круписйшего восстания рабов в Древнем Римс в 73—71 гг. до н. э. — 274.
- Спленіар (Splingard), Рош член І Интерпаціонала, делегат Гавтского конгреска (1872) от одной на бельтийских сенцій, вкодил в комиссию по расследованию полрывной деятельности Альянса в І Интернаціонале, сторонник Бакунина. — 213. Степняк — см. Кравчинский, Сергей Митайлович.
- Струде (Struve), Густав (1805—1870) менецкий мелкобурянуазный демократ, один из руководителей баденского востаиня 1848 г. и баденско-пфалацского восстания 1849 г.; после поджения востаиня эмигрировал в Англию, затем в Америку, участинк гражданской войны в США; по порофессии журяманст. — 135.

т

- Таппер (Тиррег), Мартин (1810—1889) английский писатель, которого Маркс считал олицетворением пошлости, рассчитанной на дешевый услех. — 274.
- Таушер (Tauscher), Леонард (1840— 1914) — деятель иемецкого рабочего движения, в годы исключительного закона против социалистов участвовал в издании газеты «Sozialdemokrat».— 327.
- Тацит (Публий Кориелий Тацит) (ок. 55 ок. 120) известный римский историк. 97.
- $T_{e,qecko}$ (Tedesco), Виктор (1821—1897) бельгийский адвокат, революционный

демократ и социалист, участник рабочего движения, в 1847—1848 гг. был близок к Марксу и Энгельсу. — 172.

Техов (Techow), Густав Адольф (1813— 1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революции

1848—1849 годов. — 140.

Тиндаль (Тунсіа ІІ), Джон (1820—1893)—

английский физик, выдающийся популяриватор наччных знаний. — 159.

Тирсо де Молина (Tirso de Molina) (литературный псевдоины Габривля Тельеса) (1571—1648) — крупный испанский драматуог. — 304.

Тихомиров, Лев Александрович (1850— 1923) — русский мелкобуржуваный публицист, иародник, с конца 80-х годов ре-

негат, монархист. — 344.

Ткачев, Петр Никитич (1844—1886) — русский публицист, один из ндеологов народинчества. — 343.

Толен (Tolain), Акри Луи (1828— 1897)— фовицузский деятель рабочего движения, правый прудонист, член I Интериационала, в 1871 г. был исключен из Интериационала как речестат и врат Парижской Коммункі, поздисе сенатор.— 61. Толстой, Лен Николлениу (1828—1910)—

великий русский писатель. — 316.

Тори (Thorn), Уильям (род. в 1857 г.) —
деятель английского тред-юнионистского
движения, генеральный секретарь Союза

движения, генеральный секретарь Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих. — 328.

Туртенев, Иван Сергеевич (1818—1883) великий русский писатель. — 291, 312.

Тьер (Thiers), Адольф (1797—1877) французский буржуваный историк и государственный деятель, превмер-министр (1836, 1840), превидент республики (1871—1873), плач Паримской Коммуны. — 23, 311.

Тьерри (Thierry), Огюстен (1795—1856) французский либерально-буржуазный историк периода Реставрации. — 23,

У

Утии. Николай Исаакович (1845—1883) русский революционер, выпгрант в Швейцарин, один из организаторов Русской секция I Интериационала, всл борьбу против Бакучина и его приверженцев, есерсдине 70-х годов отощел от революционного движения. —305.

Œ

Фейербах (Feuerbach), Людвиг (1804— 1872) — немецкий крупнейший философматериалист домарксовского пернода. — 13, 17, 18, 315, 340, 345.

Феокрит (III в. до н. в.) — древнегреческий повт. — 351.

Филдинт (Fielding), Геври (1707— 1754) — английский писатель-реалист, видный представитель буржуваного Просвещения в Англии. — 65, 259.

Филипс (Philips), Антуанетта (Неттхен) — двоюродная сестра Маркса. — 236.

Филипс (Philips), Жак — двоюродный брат

Маркса. — 235. Филипс (Philips), Леон (ум. в 1866 г.) —

дядя Маркса. — 229, 235, 236, 253. Оихте (Fichte), Иогани Готлиб (1762— 1814) — немецкий философ, субъективный идеалист, представитель немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX века. — 288.

Фишер (Fischer), Рихард (1855—1926) немецкий социал-демократ, секретарь Правления Социал-демократической партии (1890—1893), руководитель партийиого книгоиздательства (1893—1903). — 327.

Флобер (Flaubert), Гюстав (1821—1880) выдающийся французский писатель-реалист. — 69.

Олокон (Flocon), Фердинаи (1800— 1866) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, один из редакторов газеты «Réforme», в 1848 г. член временного правительства. — 3, 200, 226, 266.

Фоіт (Vogt), Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист, буржуазный демократ, платный агент Наполеона III, разоблаченный Марксом.— 5, 6, 18, 167, 234, 251.

Фокс (Fawkes), Гай (1570—1606) — один из участников спорохового заговора» католиков в Англин (1605), целью которого был взрыв парламента во время пребывания там депутатов и короля.— 126. 228.

Франкель (Frankel), Лео (1844—1896) видивій деятель венгерского и международиког рабочето динження, междунаской Коммуны и Генерального Совета І Интернационала, один из основателей Социал-демократической партив Венгрии (1890): по профессии рабочий-мовалю; соратник Маркса. — 176. 2.12.

Фребель (Fröbel), Юлиус (1805—1893) немецкий публицист и нздатель прогрессивиой литературы; мелкобуржуваный радикал, участник революции 1848—1849 годов; впоследствии либерал. — 135, 223.

дов; впоследствия либерал. — 133, 223. Фрейбергер (Freyberger), Луиза — см. Каутская, Луиза.

Фрейбергер (Freyberger), Людвиг — врач из Вены, муж Луизы Каутской. — 327.

Орейлигрот (Freiligrath), Фердинаид (1810—1876) — немецияй повт, в вчамае своей деятельности романтик, ватем революционный повт, в 1848—1849 тт. один на редакторов «Neur Rheinsche Zeitungчлен Союза коммунистов; в 50-х годах отошел от революционной борьбы. — 154, 158, 224, 230, 244, 246.

Фридлендер (Friedländer), Гуго — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872). — 161.

Фридрих II (прозванный «Велнкнм») (1712—1786)— прусский король (1740—1786)— 115.

Фридрих-Вильтельм III (1770—1840) — поусский король (1797—1840). — 1.

Фридрих-Вильтельм IV (1795—1861) — прусский король (1840—1861). — 235.

Фрост (Frost), Джон (1784—1877) английский мелкобуржуваний радикал, в 1838 г. принцику к чартисткому движению; за организацию восстания горияков В Узаьсе в 1839 г. приговорен к поживненной ссмаке в Австралию; впоследствии аминстврован и в 1856 г. верпулся в Англию. — 106.

x

Хейля (Hales), Джон — английский рабочий, член Генерального Совета I Интермационально длян из правых мляеров трелючнонов, после Гавтского конгресса (1872) вел влеветническую кампанию против Маюкса. — 305.

Хофитеттен (Hofstetten), Иогани Баптист фон — лассальянец, вместе со Швейцером редактировал газету «Social-Demokrat». — 238.

П

Шицерон (Марк Туллий Цицерон) (106— 43 до н. в.) — выдающийся римский оратор и государственный деятель, философэклектик. — 347.

ч

Чампион (Champion), Генри Гайд (1857— 1928) — английский социал-реформисти, часн. Социал-демократической фесарации, в 1887 г. всключен из федерации за взбирательную сделку с консерваторами. — 328.

Черкевов, Варлаам Николаевич (1846— 1925) — русский революционер, анархист. — 341.

Чермышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — велякий русский революциюнный демократ, один из выдающихся предшественников русской социалдемократии. — 204—206.

- Чичерин, Борие Николаевич (1828— 1904) — русский либерально-буржуазный социолог и юрвет. — 316.
- Чупров, Александр Иванович (1842—1908) русский буржуазный экономвет, публициет в статистик. 309.

ш

- Шабелиц (Schabelitz), Якоб (1827— 1899) — немецкий издатель и кинготорговеп. — 231.
- Шамиссо (Chamisso), Адальберт фон (1781—1838) — немецкий поэт, близкий к романтикам, выступал против феодальной реакции. — 291, 301.
- Шаппер (Schapper), Карл (ок. 1812— 1870) — видный деятель немецуюго в международного рабочего движения, одви ва руководителей Союза справедливых, чаен Центрального комитета Союза коммунистев, участики революция 1848— 1849 годов; в 1850 г. одни на лакером сектантской группы «левких во время раскола Союза коммунистов; в 1856 г. вновь сбливалем с Марисом; член Генерального Совета I Интериационала. — 40, 142, 149, 151, 154, 175.
- Швейцер (Schweitzer), Иогани Балткет (1833—1875) один из вождей лассальянцев в Германии, после смерти Лассалья руководитель Весобщего германского рабочего союза; поддерживал проподвирую Бисмарком политику объединения Германии под верховенством прусского юникерства. — 77, 238.
- Шей (Scheu), Генрик (1845—1926) австрийский социал-демократ, делегат Гангского конгресса 1 Интернационала (1872); большую часть споей жизни прожил в выиграция в людоме и Цюрикс. делегат ряда конгрессов II Интернациональ—161.
- Шейдеман (Scheidemann), Филипп (1865— 1939) — один из лидеров правого оппор-

- тунистического крыла германской социалдемократии, социал-шовинист, предатель рабочего класса. — 322.
 - Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564— 1616) — великий английский повт и драматург. — 61, 64, 97, 115, 126, 258, 274, 291, 292, 294, 304, 308.
- Шёлер (Schöler), Лина друг семьи Маркса. — 257.
- Шеню (Chenu), Адольф участник тайных заговорщических организаций во Франции в пернод Июльской монархии, провокатор и агент тайной поляции. — 306.
- Шили (Schily), Виктор (1810—1875) немецкий демократ, по профессии адвокат, участинк баденско-пфальцского восстания (1849), часи I Интернационала. — 230.
- Шиллер (Schiller), Фридрих (1759— 1805) — великий немецкий повт и драматуог. — 301.
- Шопенгацэр (Schopenhauer), Артур (1788— 1860) — реакционный немецкий философндеалист. — 288, 345.
- Шорлеммер (Schorlemmer), Карл (1834— 1892) — крупный немецкий химик, профессор в Манчестере; коммунист; друг Маркса и Энгельса. — 80, 175, 185, 328, 331, 358, 366.
- Шрамм (Schramm), Конрад (1822—1858) немецкий революционер, член Союза коммунистов, но профессин журнальст: друг Маркса в Энгельса. — 107, 108, 110, 130, 228, 233, 242.
- Шрамм (Schramm), Рудольф (1813—
 1882) немецкий публицист, мелкобуржузаный демократ; в 1865—1866 гг.
 прусский консул в Милаве; сторонник
 Бисмарка. 214.
- Штейн (Stein), Лоренц (1815—1890) немедкий юрист, государствовед, тайный агент прусского правительства, — 20.
- Штибер (Stieber), Вильгельм (1818— 1882)— начальник прусской политвческой полиции, организатор кёльнского

процесса коммунистов (1852). — 166, 245, 246.

Штирнер (Stirner), Макс (литературный псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856)— немецкий философ, мадютесьянец, один из идеологов буррууазного мидивидуальная и диархизма. 340.

Штраус (Strauss), Давид Фридрих (1808— 1874) — немецкий философ и публициет, один на видных младогегсльянцев; после 1866 г. национал-либерал. — 340.

Шумьре-Делич (Schulze-Delitzech), Герман (1808—1883) — немецкий буржуваный вкономист и политический деятель, в 60-х годах один из лидеров буржуваной партин прогресситов, питалел отвъемь рабочих от революционной борьбы путем организации кооперативных обществ и ссудоберетательных исс. — 238.

Шумахер (Schumacher), Густав — немецкий рабочий, член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872). — 161.

Шири (Schurz), Карл (1829—1906)— немецкий мелкобурмузаный демократ, участник баденско-пфальцского восстания (1849); впоследствин эмигрировал в Америку, участник гражданской войны в США, министр внутренних дел (1877— 1881)— 284, 285, 296.

Ш

Щедрин — см. Салтыков, Михаил Евграфович.

Э

Эвелин (Aveling), Эдуард (1851— 1898) — англяйский социалист, писаталь; член Социал-демократической федерации, ватем Социалистической лиги; муж Элеоноры Маркс. — 16, 130—134, 169, 180, 185, 219, 324—326, 328—331, 373.

Эвербек (Ewerbeck), Август Герман (1816— 1860) — немецкий врач и литератор, руководитель парижених общин Союза справеданных, поэже член Союза коммуинстов, из которого вышел в 1850 году.— 224.

Эджөорс (Edgeworth), Френсис (1845— 1926) — английский буржуваный экономист и статистик, представитель вульгарной политической вкономия. — 311.

Эккарице (Eccarius), Иогани Георг (1818— 1889) — немецкий рабочий-портной, деятель международного рабочего двяження, член Союза коммунистов и Генгрального Совета I Интернационала, поэдиее применул к реформистекии лидерам англайских тред-оннонов. — 149, 153, 158, 235, 305.

Эли (Еly), Рихард Теодор (1854—1943) американский экономист, профессор политической экономии в университете штата Висконсии. — 216.

Элилиии, Микава Константивнович (1835— 1908) — участник революционного двяжения начала 60-х годов в России, затем вмигрант в Швейцарии; впоследствия оказался леготом двоской ограния. — 206. Энгельс (Engels), Фридрик (1796—1860) отец Ф. Энгельса. — 43. 45, 144, 175, 182, 184, 194, 195, 229. 234.

Энтельс (Engels), Элиза Франциска (1797— 1873) — мать Ф. Энгельса. — 182.

Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. в.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист, атенст. — 13, 347, 348, 359.

Эрхардт (Erhardt), Иоганн Людвиг (род. ок. 1820) — член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кельнскому процессу коммунистов (1852). — 157.

Эсхил (525—456 до н. в.) — выдающийся древнегреческий драматург, автор классических трагедий. — 64, 92, 274.

Ю

Ювенал (Децим Юний Ювенал) (середина 1 в. — после 127 г.) — знаменитый римский повт-сатирик. — 97, 351. Ом (Hume), Давид (1711—1776) английский философ, субъективный идеалист, агностик; буржуазный историк и экономист. — 18.

Юп: (Jung), Георг (1814—1886) — немецкий публицист, младогетельняец, один из ответственном издателей «Rheinische Zeitung», мелкобуржуазный демократ; после 1866 г. национал-либерал. — 225.

Юиз (Jung), Герман (1830—1901) швейцарский рабочий-часовщик, деятель международного рабочего движения, участиик революции 1848—1849 гг. в Гермаиии, член Генерального Совета I Интернационала. — 305.

Я

Якоби (Jacoby), Абраам (род. в 1832 г.) член Союза коммунистов, один из обвиинемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852); впоследствин эмигрировал в США, — 157, 202, 230.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет К. Маркса 1872 г. (фото)	IV - V
2. Портрет Ф. Энгельса конца 70-х годов (фото)	IV - V
3. Трир — родина К. Маркса	61
4. К. Маркс за работой (начало 80-х годов)	68 — 69
5. Бармен — родина Ф. Энгельса	79
6. К. Маркс и Ф. Энгельс за работой (50-е годы)	84 - 85
7. Народное собрание в 1848 г	88
8. К. Маркс читает лекцию в дондонском Просзетительном обществ немецких рабочих (начало 50-х годов)	100 — 101
9. Прогулка в Хэмпстед-Хис (50-е годы)	116 — 117
10. К. Маркс и Ф. Энгельс в Манчестере (60-е годы)	132 — 133
11. Разгон демонстрации в Париже	135
12. 1848 год	147
13. Беседа Ф. Энгельса с рабочими в таверне	148 — 149
14. К. Марке у Лесснера (70-е годы)	164 165
15. Кёльн. Распространение «Новой рейнской газеты»	165
16. Париж. Пленные повстанцы (июнь 1848 г.)	171
17. Больной Ф. Энгельс работает над рукописью «Капитала»	172 — 173
18. Выполнение последней воли Ф. Энгельса	180 — 181
19. Собрание рабочих-печатников	181
20. Лондон. Темза	192

21. Манчестер в 40-х годах	194
22. Лоидон. Центр города	
23. Ф. Энгельс в трущобах Манчестера (1842 г.):	
24. Париж. Набережная Сены	
25. Собрание рабочих в таверне	209
26. Выступление Ф. Энгельса на Гаагском конгрессе 1 Интернацио (1872 г.)	
27. Лондон. Металлургический завод	217
28. Прокламации в Париже	223
29. Арест К. Маркса в Брюсселе (1848 г.)	228 — 229
30. Беседа К. Маркса с рабочими в лондонской таверие (70-е годе	a) 244 — 245
31. Лондон. Улица на окраине	
32. К. Марке и Ф. Энгелье за работой (70-е годы)	260 — 261
33. Париж 50-х годов —	
34. К. Маркс (конец 70-х годов)	276 — 277
35. Брюссель	279
36. Кёльн в 1848 г	284
37. Вокзальная площадь в Лондоне	286
38. Генрих Гейне у Карла и Женни Маркс в Париже (1844 г.)	
39. Баррикады Коммуны	
40. Британский музей	
41. К. Маркс (60-е годы)	
42. Лондон. Порт	
43. Уголок Манчестера	
44. Лоидон. Гайд-парк	
45. Ф. Энгелье в своем рабочем кабинете (80-е годы)	
46. Ф. Энгельс на пути в Америку (1888 г.)	
47. Лондон. Гаванъ	
48. В гостях у Ф. Энгельса	
49. «И имя его и дело переживут века!»	
50. Ф. Энгельс с одним из молодых социалистов	3/2 — 373

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	V
Ф. Энівльс. Карл Маркс	1
В. И. Ленин. Карл Маркс	13
В. И. Ленин. Фридрих Энгельс	42
Из беседы И. В. Сталина с первой американской рабочей делегацией	51
1	
Поль Лафара. Воспоминания о Марксе	61
Поль Лафарь. Воспоминания об Энгельсе	79
Вилыельм Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе	88
Вильмельм Либкнехт. Воспоминания об Энгельсе	135
Фридрих Лесснер. До и после 1848 года	147
Фридрих Лесснер. Воспоминания рабочего о Карле Марксе	165
Фридрих Лесснер. Воспоминания рабочего о Фридрихе Энгельсе	171
Элвонора Маркс-Эвелинг. Фридрих Энгельс	181
<i>Джордж Джулиан Гарни</i> . Об Энгельсе	192
Георт Веерт, Из писъма к матери	194
Фридрих Адольф Зорге. Встреча с Марксом	196

СОДЕРЖАНИВ

Фридрих Адольф Зорге. О Марксе	199
Г. А. Лопатин. Из письма Н. П. Синельинкову	204
Г. А. Лопатин. Из письма М. Н. Ошаниной	207
Теодор Куно. Из воспоминаний	209
Август Бебель. Поездки в Лондон	217
II	
Женни Маркс. Беглый очерк беспокойной жизии	223
Женни Маркс Иосифу Вейдемейеру	240
Женни Маркс-Адольфу Клуссу	245
Женни Маркс—Ауизе Вейдемейер	248
Элеонора Маркс-Эвелинг. Карл Маркс	255
Элеонора Маркс-Эвелинг. Заметки к письму молодого Маркса	263
Эдгар Лонге. Некоторые стороны семейной жизни Карла Маркса	265
«Исповедь»	274
III	
П. Анненков. Из очерка «Замечательное десятилетие»	279
Карл Шурц. Маркс на кёльнском конгрессе демократов	284
Франциска Кузельман. Несколько штрихов к зарактеристике великого	
Маркса	286
Ансельмо Лоренцо. Из восноминаний о I Интернационале	302
М. Ковалевский. Встречи с Марксом	306
Н. Моролов. У Карла Маркса	317
Эрнест Белфорт Бакс. Встречи с Энгельсом	320
Эдуард Эвелинг. Энгельс у себя дома	324
Н. С. Русанов. Мое знакомство с Энгельссы	333
А. Воден. Беседы с Энгельсом	340
Ф. М. Кравчинская. Из воспоминаний	350

СОДЕРЖАНИЕ

423

ΙV

Письма Фридриха Энгельса о смерти Карла Маркса	355
Фридрих Энельс. Похороны Карла Маркса	361
Фридрих Энельс. К смерти Карла Маркса	367
У гроба Энгельса	371
Франц Мерина. Фридрих Энгельс	374
Основные даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса	378
Указатель имен	397
Перечень иллюстраций	419

Оформление художника Н. Н. Симагина

Подписано и печати с матриц 18 июня 1956 г. Формат 84×108³/₁₆. Фин. печ. л. 27³/₄+2⁴ вклейни. 3 печ. л. Услови. печ. л. 49,61. Уч.-ивд. л. 27,25 Тяраж 100 тыс. вин. (101—200 тыс.) Ваказ № 285. А04594. Цена 16 р.

ú

Государственное индательство политической литературы

Отпечатано с матриц 2-ой типографии "Печатимй двор" им. А. М. Горького. Полиграфкомбинат им. В. М. Молотома Москва, Ярославское шоссе, 59 Вклейки отпечатаны на фабрике офсетной печати Аснинград, Кронверкская, 9.

60

